

МИРОВОЙ БЕСТСЕЛЛЕР

К
Е
Й
Т

М
О
Р
Т
О
Н

Когда рассеется

ТВИМАН

Annotation

Имение Ривертон, Англия, 1924 год. Известный поэт покончил с собой во время вечеринки в честь летнего солнцестояния. Свидетелями были только две сестры-аристократки: обаятельная и жизнерадостная Эммелин, и красивая, умная, страстная Ханна. Одна — преклонявшаяся перед ним, другая — бывшая по слухам его любовницей. С тех пор сестры никогда не разговаривали друг с другом. Что же произошло на самом деле? Правду знала лишь горничная Грейс Ривз, всю жизнь пытавшаяся забыть события той ночи. Но семьдесят лет спустя, когда кинорежиссер из Голливуда решила снять фильм о произошедшем, старые воспоминания пробудились, и хранимые секреты начали открываться...

- [Кейт Мортон](#)
 - [ЧАСТЬ 1](#)
 - [Сценарий фильма](#)
 - [Письмо](#)
 - [ДУХИ ПРОШЛОГО](#)
 - [ГОСТИНАЯ](#)
 -
 - [ДЕТСКАЯ](#)
 - [В ОЖИДАНИИ КОНЦЕРТА](#)
 - [СПЛОШНЫЕ УСПЕХИ](#)
 -
 - [НА ГЛАВНОЙ УЛИЦЕ](#)
 - [НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ](#)
 -
 - [ДО ВСТРЕЧИ!](#)
 - [ЧАСТЬ 2](#)
 -
 - [ДВЕНАДЦАТОЕ ИЮЛЯ](#)
 - [«ПАДЕНИЕ ИКАРА»](#)
 - [Сценарий фильма](#)
 -
 - [ФОТОГРАФИЯ](#)
 - [БАНКИРЫ](#)

- [ОБЕД](#)
- [УДАЧНЫЙ БРАК](#)
- [ПОСЛЕ БАЛА](#)
- [ЧАСТЬ 3](#)
 -
 - [ЛОВЛЯ БАБОЧЕК](#)
 - [ВНИЗ ПО КРОЛИЧЬЕЙ НОРЕ](#)
 - [В БЕЗДНЕ](#)
 - [ВОСКРЕШЕНИЕ](#)
 - [ВЫБОР](#)
- [ЧАСТЬ 4](#)
 - [ИСТОРИЯ ХАННЫ](#)
 - [НАЧАЛО КОНЦА](#)
 - [У СЕБЯ В ГОСТЯХ](#)
 - [БЕЗВРЕМЯ](#)
 - [КОНЕЦ](#)
 - [ПОСЛЕДНЯЯ ЗАПИСЬ](#)
- [БЛАГОДАРНОСТИ](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)

- [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
-

Кейт Мортон

Когда рассеется туман

Дэвину,
который всегда
держит меня за руку на
американских горках

ЧАСТЬ 1

Сценарий фильма

Окончательный вариант, ноябрь 1998 года, стр. 1-4

КОГДА РАССЕЕТСЯ ТУМАН

Автор сценария и режиссер-постановщик — Урсула Райан © 1998

МУЗЫКА: Главная тема в стиле, популярном после первой мировой войны. В нежную, романтическую мелодию исподволь вплетаются зловещие нотки.

1. НАТУРА. ПРОСЕЛОЧНАЯ ДОРОГА. СГУЩАЮТСЯ СУМЕРКИ

Проселочная дорога среди бескрайних полей. Восемь часов вечера. Летнее солнце повисло на горизонте и скоро соскользнет за край земли. По узкой дороге черным блестящим жучком ползет автомобиль 20-х годов прошлого века. Старые кусты ежевики тянутся к нему свежими побегам.

Машину трясет на ухабистой дороге, мечутся лучи фар. Мы медленно приближаемся и вскоре движемся рядом. Гаснут последние отблески солнца, наступает ночь. Выходит полная луна, ленты бледного света ложатся на блестящий капот автомобиля.

Заглядываем в машину, рассматриваем неясные профили МУЖЧИНЫ и ЖЕНЩИНЫ в вечерних костюмах. МУЖЧИНА сидит за рулем. В лунных лучах вспыхивают блески на платье ЖЕНЩИНЫ. Люди курят, огоньки сигарет — словно отражение неровного света фар. МУЖЧИНА что-то говорит, ЖЕНЩИНА смеется, закидывая голову, боа из перьев сползает,

обнажая тонкую белую шею.

Через широкие чугунные ворота автомобиль въезжает в своего рода тоннель, образованный мрачными высокими деревьями. Двигается по глухому зеленому коридору. Мы глядим через лобовое стекло, пока наконец за плотной завесой листьев не замечаем дом.

Величественное английское здание на холме: двенадцать светящихся окон, три маленьких мансардных окошка в крыше, несколько печных труб. Прямо перед нами, на аккуратно подстриженном газоне, возвышается мраморный фонтан, подсвеченный сияющими фонарями: гигантские муравьи, орлы, огромные огнедышащие драконы; струи воды бьют на сотню футов вверх.

Отодвигаемся и наблюдаем, как автомобиль подъезжает к дому, тормозит. Молодой ЛАКЕЙ открывает дверцу и предлагает даме руку, помогая выйти.

СУБТИТРЫ: имение Ривертон, Англия. Лето, 1924 год.

2. ИНТЕРЬЕР. КУХНЯ. ВЕЧЕР

Дымная, полутемная кухня в имении Ривертон. Кругом царит возбуждение — полным ходом идет подготовка к приему гостей. Снизу вверх, словно из-под ног, мы наблюдаем, как мечутся туда-сюда запыхавшиеся слуги. Звучат приказы, хлопают, открываясь, бутылки с шампанским, старшие слуги бранят младших. Звенит звонок. Все так же скользя прямо над полом, мы приближаемся к лестнице вслед за юной ГОРНИЧНОЙ.

3. ИНТЕРЬЕР. ЛЕСТНИЦА. ВЕЧЕР

Следом за юной ГОРНИЧНОЙ поднимаемся вверх по задымленной лестнице, на подносе ритмично

позванивают фужеры с шампанским. С каждым шагом наш взгляд скользит все выше и выше, от стройных щиколоток к подолу черной юбки, оттуда — к завязкам фартука и дальше — к светлым кудрям на затылке, пока мы наконец не начинаем смотреть на окружающее ее глазами.

Звуки, доносящиеся с кухни, стихают, их сменяют музыка и смех гостей. На лестничной площадке перед нами открывается дверь.

4. ИНТЕРЬЕР. ВЕСТИБЮЛЬ. ВЕЧЕР

Мы попадаем в просторный мраморный вестибюль, в глаза ударяет сноп света. С высокого потолка свисает сияющая хрустальная люстра. У парадного входа стоит ДВОРЕЦКИЙ, он приветствует МУЖЧИНУ и ЖЕНЩИНУ, тех, что ехали в машине. Не останавливаемся, идем дальше — через весь вестибюль к широким застекленным дверям, ведущим на заднюю террасу.

5. НАТУРА. ЗАДНЯЯ ТЕРРАСА. ВЕЧЕР

Дверь распахивается. Смех и музыка оглушают: мы оказываемся в самом сердце вечеринки. Слепительная роскошь: перья, блески, шелк. Легкий летний ветерок качает над лужайкой разноцветные китайские фонарики. Играет ДЖАЗ-БАНД, женщины отплясывают чарльстон. Мы пробираемся сквозь толпу, нас окружают смеющиеся лица. Люди поворачиваются к нам, берут с подноса шампанское: девушка с ярко накрашенными губами, тучный мужчина с багровым от алкоголя и веселья лицом, сухопарая пожилая дама, обвешанная драгоценностями, — из минного мундштука тянется струйка дыма.

ГРОХОТ, все поднимают глаза. Ночное небо взрывают яркие вспышки фейерверков. Радостные крики, аплодисменты. Разноцветные блики расцветивают запрокинутые лица, музыканты играют

изо всех сил, женщины танцуют все быстрее и быстрее.

6. НАТУРА. ОЗЕРО. ВЕЧЕР

В четверти мили от дома, на погруженном во тьму берегу озера Ривертон стоит МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Смотрит на небо. Вдалеке шумит праздник. Подходим ближе, глядим, как алые отблески салюта играют на прекрасном лице. Человек одет элегантно, но небрежно. Каштановые волосы растрепаны, челка упала на лоб, вот-вот заслонит темные глаза, которые лихорадочно шарят по ночному небу. Он опускает взгляд и смотрит на кого-то позади нас, полускрытого в тени. В глазах слезы. Приоткрывает рот, словно хочет что-то сказать, однако лишь вздыхает.

ЩЕЛЧОК. Наш взгляд опускается ниже. В трясущейся руке МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА — пистолет. Он поднимает его, пистолет исчезает из кадра. Видна только рука, сперва она дрожит, потом твердеет. Выстрел. Пистолет падает в грязь. Женский визг. Музыка.

ВСЕ ПОГРУЖАЕТСЯ В ТЕМНОТУ.
ИЗ ТЕМНОТЫ ВЫПЛЫВАЕТ НАЗВАНИЕ:
«КОГДА РАССЕЕТСЯ ТУМАН»

Письмо

Урсула Район
«Фокус фильм продакшнс»
1264 Сьера-Бонита авеню, 32
Западный Голливуд, Калифорния
90046 США

Миссис Грейс Брэдли
Дом престарелых «Вереск»
Уиллоу-роуд, 64
Саффрон-Грин
Эссекс
27 января 1999 года

Дорогая миссис Брэдли, надеюсь, Вы не рассердитесь, что я вновь пишу Вам по поводу моего фильма под рабочим названием «Когда рассеется туман», хотя до сих пор не получила ответа на свое первое письмо.

В основу фильма легла история любви — история отношений поэта Р. С. Хантера с сестрами Хартфорд и его самоубийства в 1924 году. И хотя наша группа получила разрешение на съемки в имении Ривертон, многие сцены будут сниматься на студии, в павильоне.

Мы воссоздали внутренние интерьеры комнат по фотографиям и описаниям современников, но нам бы хотелось услышать мнение очевидца. Мне очень дорог этот фильм, не хотелось бы испортить его какими-либо неточностями, даже самыми незначительными. И я была бы сердечно Вам благодарна, если бы Вы согласились взглянуть на декорации.

Я наткнулась на Вашу фамилию (девичью, разумеется), когда просматривала список слуг в одном из блокнотов, хранящихся в музее Эссекса. Я бы и не сообразила, что Грейс Ривз и Вы — одно и то же лицо, не прочти я интервью с Вашим внуком Марком

Маккортом, опубликованное в журнале «Спектейтор», где он бегло коснулся истории своей семьи и упомянул, что Вы родом из деревни Саффон-Грин.

Прилагаю статьи из «Санди Таймс» — с рассказом о моих предыдущих фильмах, и лос-анджелесской «Филм Уикли», где говорится о «Тумане».

Вы заметите, что роли Хантера, Эммелин Хартфорд и Ханны Лакстон отданы блестящим актерам, в том числе Гвинет Пэлтроу, прошлогодней обладательнице премии «Золотой глобус» за игру в фильме «Влюбленный Шекспир».

Еще раз простите мне мою настойчивость — дело в том, что съемки начнутся уже в феврале, на студии Шеппертон, близ Лондона, и мне бы очень хотелось связаться с Вами до начала работы. Надеюсь, Вам захочется поучаствовать в создании нашего фильма. Вы можете ответить мне по адресу: миссис Ян Райан, 5/45 Ланкастер-корт, Фулхэм, Лондон SW6.

С уважением, Урсула Райан

ДУХИ ПРОШЛОГО

В ноябре я видела кошмар. Мне приснился Ривертон, двадцать четвертый год. Все двери открыты, ветер играет шелковыми занавесками. На холме под кленами — оркестр, в теплом воздухе разносится ленивое пиликанье скрипок. Звенит хрусталь, смеются гости, а небо голубое, прямо как до войны. Лакей, весь черно-белый, наливает шампанское в стоящие пирамидой фужеры, все восторженно хлопают, дивясь его мастерству.

Как это обычно бывает во сне, я словно вижу себя со стороны, пробирающейся между гостями. Двигаюсь медленно, гораздо медленней, чем в жизни, окружающие — вихрь блестящего шелка.

Ищу кого-то.

Картинка меняется, теперь я около летнего дома, только это не Летний домик в Ривертоне. Нет, не он. Того красивого нового здания, что построил Тедди, нет и в помине, вместо него — развалюха, обвитая плющом; плющ вскарабкался по стенам, заполз в окна, заплел балки.

Кто-то зовет меня. Я узнаю голос, он доносится из-за дома, с берега озера. Сползаю с обрыва, цепляясь за корни растений. У воды скорчилась неясная фигура.

Ханна. Бледная, в измазанном свадебном платье — декоративные розочки все в грязи. Выступает из тени на свет, глядит на меня. Ее голос леденит мне кровь:

— Поздно. — Ханна указывает на мои руки. — Слишком поздно.

Я опускаю глаза. В моих руках — юных руках, перепачканных густым речным илом — стылое, недвижимое тело убитого оленя.

Конечно, я знаю, откуда у меня такие сны. Это всё письмо от девушки-режиссера. В последние годы моя почта не отличается разнообразием: несколько поздравительных открыток — от старых друзей к праздникам, отчет-другой из банка, где хранятся сбережения, да приглашения на крестины от молодых родителей, которые вроде бы сами только что были детьми.

Письмо от Урсулы пришло в ноябре, во вторник утром; его принесла Сильвия, когда явилась убирать постель. Подняв ярко нарисованные брови, она помахала конвертом.

— Почта. Судя по штемпелю — из Штатов. Не иначе как от внука? — Левая бровь выгнулась вопросительным знаком, голос понизился до

шепота. — Он ведь все еще там?

Я кивнула.

— Страшное дело, слов других нет! И ведь такой молодой, симпатичный...

Сильвия причитала все время, пока я благодарила ее за письмо. Мне она нравится. Одна из немногих, кто, глядя на мое изрезанное морщинами лицо, видит ту двадцатилетнюю девушку, что живет внутри. И все-таки я не даю втягивать себя в разговоры о Марке.

Вместо этого я попросила Сильвию отдернуть шторы. Она недовольно поджала губы, но только на миг — тут же перешла на другую любимую тему: о погоде. Выпадет ли снег на Рождество, как он подействует на пациентов с артритом. Я отвечала, когда требовалось, но мысли мои были заняты конвертом, что лежал у меня на коленях — острый почерк, иностранные марки, потертые края, говорящие о долгом путешествии.

— А давайте я вслух прочитаю, — предложила Сильвия, хорошенько взбив мою подушку. — Побережем ваши глаза.

— Нет, спасибо. Лучше передай-ка мне очки.

Когда Сильвия ушла, пообещав зайти попозже и помочь мне одеться, я дрожащими руками достала из конверта письмо, гадая, не решил ли он вернуться, не одолел ли зверя по имени Отчаяние, загнавшего его за океан.

Но письмо оказалось вовсе не от Марка. От девушки, которая снимает фильм о событиях давнего прошлого. Она хочет, чтобы я оценила декорации, вспомнила мебель и вещи, на которые глядела много лет назад. Будто это не я притворялась всю жизнь, что все забыла.

И об этом письме забуду. Я аккуратно сложила листок и сунула в книгу, которую забросила уже давным-давно. Вздохнула. Не в первый раз мне напоминают о том, что случилось в Ривертоне с Робби и сестрами Хартфорд. Однажды я застала конец телепередачи, которую смотрела Руфь, — что-то о военных корреспондентах. Когда лицо Робби показали во весь экран, а внизу мелкими буквами появилось его имя, у меня мурашки по спине побежали. И ничего. Руфь даже не вздрогнула, диктор все так же читал текст, а я вытирала тарелки.

В другой раз, просматривая программу, я наткнулась на знакомое имя в передаче о семидесятилетии британского кино. Заметила время, гадая, решусь ли включить телевизор. Включила и разочаровалась. Эммелин почти и не показали — так, несколько и без того известных фото, на которых совсем не видно, какая она была красивая, да отрывок из немого кино, где она сама на себя не похожа — ввалившиеся щеки, движения дерганые, как у марионетки. Про другие фильмы — те, которые тогда

здорово нашумели, — так ничего и не сказали. Видимо, сейчас, во времена всеобщей раскрепощенности, о них и вспоминать-то неинтересно.

Но несмотря на приветы из прошлого, письмо Урсулы растревожило меня не на шутку. Первый раз за семьдесят лет кто-то связал мое имя с трагическими событиями, вспомнил, что в Ривертоне тем летом служила девушка по имени Грейс Ривз. Я вдруг почувствовала себя какой-то беззащитной. Уязвимой.

Нет. Ни в коем случае. Я твердо решила не отвечать.

И сдержала слово.

А вот воспоминаний сдержать не сумела. Загнанные когда-то глубоко-глубоко, в черные дыры моего подсознания, они начали вылезать, просачиваться сквозь невидимые щели. Образы старомодные, но живые и яркие, будто между ними и мной не лежит целая жизнь. Капля за каплей, а следом — настоящий потоп. Долгие беседы — слово в слово, целые сцены — будто снятые на пленку.

Я сама себе удивлялась. В последнее время память будто моль изгрызла, а вот прошлое вспоминается четко и ясно. Они приходят все чаще — призраки далеких дней, а я почему-то совсем не против. Никогда бы не подумала. Впрочем, призраки, от которых я бежала всю жизнь, теперь даже развлекают меня, вроде тех сериалов, о которых постоянно говорит Сильвия — она все старается поскорее закончить обход, чтобы включить телевизор в холле. Я почему-то забыла, что среди мрачных событий непременно найдутся и светлые.

И когда на прошлой неделе пришло второе письмо — все тот же резкий почерк и тонкая бумага — я уже знала, что скажу: да, посмотрю я на ваши декорации. Я и забыла, что такое любопытство. Когда тебе девяносто девять, любопытничать трудновато, и все-таки мне захотелось поглядеть на эту Урсулу Райан, которая так увлеклась старой историей, что жаждет вернуть к жизни ее героев.

Я написала ответ, Сильвия отнесла его на почту, и мы с Урсулой договорились о встрече.

ГОСТИНАЯ

Нервное возбуждение, переполнявшее меня всю неделю, к утру встречи стало просто невыносимым. Сильвия помогла мне надеть персиковое платье — рождественский подарок Руфи, и сменить шлепанцы на выходные туфли, которые обычно коротали свои дни в шкафу. Кожа туфель ссохлась, и Сильвия с трудом втиснула в них мои ноги, но ничего не поделаешь — правила хорошего тона. Мне уже поздно менять привычки, я не одобряю этой новой моды более молодых обитателей нашего дома — надевать на выход шлепанцы.

Волосы у меня всегда были светлыми, а сейчас выцвели окончательно и с каждым днем становятся все тоньше и тоньше. Однажды утром я проснусь и вовсе без волос, только жалкие остатки на подушке, да и те исчезнут прямо у меня на глазах. Наверное, я никогда не умру. Просто истаю до такой степени, что северный ветер подхватит меня и унесет прямо в небо.

Макияж чуть-чуть оживил лицо, я очень строго следила за тем, чтобы не переусердствовать. Не хотелось быть похожей на манекен. Сильвия всегда предлагает меня «подкрасить», но, зная ее любовь к фиолетовым теням и жирному блеску, я каждый раз протестую. Представляю, что бы она из меня сделала!

Я с трудом застегнула золотой медальон. Элегантная вещица девятнадцатого века странно смотрелась на фоне повседневной одежды. Поправила его, удивляясь собственной смелости и гадая, что скажет Руфь.

Я перевела взгляд на небольшую серебристую рамку, стоящую на туалетном столике у кровати. Свадебное фото. Я бы не держала его здесь — мой брак был таким недолгим — если бы не дочь. Мне кажется, ей приятно думать, что я грущу по ее отцу.

Сильвия помогла мне добраться до гостиной — мне до сих пор тяжело произносить это слово: «гостиная» — где меня ожидал завтрак. Туда же явится Руфь, которая безо всякого удовольствия согласилась отвезти меня на студию Шеппертон. Сильвия усадила меня за стол в углу — и пошла за соком, а я попыталась убить время, перечитывая письмо Урсулы.

Руфь появилась ровно в половине девятого. Она могла сколько угодно ворчать по поводу поездки, но это никак не повлияло на ее всегдашнюю пунктуальность. Я слыхала, что дети, рожденные в суровое время, всегда хранят на себе его отпечаток, и Руфь, дитя второй мировой, не исключение.

Сильвия всего пятнадцатью годами моложе, а совсем другая — носит слишком узкие юбки, громко хохочет и с одинаковой частотой меняет цвет волос и бойфрендов, усатые лица которых взирают на меня с многочисленных фотографий.

Руфь появилась в дверях — безупречно одетая, причесанная и прямая, как фонарный столб.

— Доброе утро, мама, — сказала она, коснувшись холодными губами моей щеки. — Уже позавтракала? — Она кинула взгляд на полупустой стакан сока. — Надеюсь, это не все, что ты съела? Мы, скорее всего, попадем в пробку и не сможем нигде остановиться. — Руфь взглянула на часы. — Тебе не нужно в туалет?

Я покачала головой, удивляясь, когда успела превратиться для нее в ребенка.

— Ты надела папин медальон? Я его сто лет не видела. — Дочь наклонилась и, одобрительно кивнув, поправила украшение. — У папы был неплохой вкус, правда?

Я согласилась, тронутая тем, как свято можно верить в невинную ложь, услышанную в детстве, и почувствовала прилив любви к нелюдистой, колючей дочери, заглушивший на время постоянное чувство родительской вины, что охватывает меня при взгляде на ее вечно встревоженное лицо.

Руфь подхватила меня под одну руку и вложила трость в другую. Многие предпочитают коляски, некоторые даже с мотором, но мне пока что хватает моей старой палки, я — человек привычки, не вижу смысла ее менять.

Руфь завела машину, и мы влились в медленно ползущий по дороге поток. Она хорошая девочка — моя Руфь — надежная и серьезная. Одетая официально — будто идет к адвокату или доктору. Я так и знала. Ей хочется произвести хорошее впечатление, показать этой режиссерше: каким бы ни было мое прошлое, Руфь Брэдли Маккорт — достойная представительница среднего класса — и уж будьте любезны.

Несколько минут мы ехали в тишине, потом Руфь начала щелкать кнопками радиоприемника. У нее руки пожилой женщины — суставы раздулись, кольца надеваются с трудом. Так странно видеть, как стареет твой ребенок. Я опустила взгляд на свои собственные руки. Такие неутомимые в прошлом, привыкшие к любой работе — грубой ли, тонкой — сейчас они лежали на коленях высохшие, безвольные, ненужные. Наконец Руфь остановилась на программе классической музыки. Ведущий поведал нам что-то на редкость бестолковое о своих выходных и поставил Шопена. Разумеется, простое совпадение, что именно сегодня я услышала

вальс си-минор. Руфь затормозила подле огромных белых зданий, квадратных, как ангары для самолетов. Выключила зажигание и несколько секунд сидела молча, глядя перед собой.

— Не понимаю, зачем ты согласилась, — сухо сказала она наконец. — Ты сама строила свою жизнь. Работала, путешествовала, растила ребенка... К чему вспоминать, что было в юности?

Я не ответила, да Руфь и не ждала ответа: Она коротко вздохнула, вылезла из машины и вытащила из багажника мою трость. Молча помогла мне выбраться.

Урсула уже ждала нас — тоненькая девочка с длинными светлыми волосами и густой челкой. Ее можно было бы назвать некрасивой, если бы не чудесные, будто со старинного портрета, темные глаза — огромные, глубокие, выразительные, словно только что написанные кистью.

Она заулыбалась, замахала, подбежала к нам и с жаром затрясла мою руку, выхватив ее у Руфи.

— Миссис Брэдли, как я рада, что вы смогли приехать!

— Грейс, — сказала я, не дожидаясь, пока Руфь укажет Урсуле, что меня следует называть «доктор». — Меня зовут Грейс.

— Грейс! — сияла Урсула. — Вы не представляете, как я разволновалась, получив ваше письмо.

Странно — она говорила без акцента, хотя адрес на конверте был американский. Повернувшись к Руфи, Урсула добавила:

— Спасибо, что привезли Грейс.

Я почувствовала, как Руфь напряглась.

— Вряд ли я посадила бы маму на автобус, в ее-то годы.

Урсула хохотнула, и я порадовалась тому, что в ее возрасте еще можно принимать сарказм за иронию.

— Ну, пойдете внутрь, а то здесь прохладно. Извините за спешку — мы начинаем снимать на будущей неделе и тут все вверх ногами. Я думала, вы встретитесь с нашим художником по декорациям, но ей пришлось ехать в Лондон за какими-то тканями, может быть, она еще успеет вернуться до вашего отъезда... Осторожно, сразу за дверью ступенька.

Урсула и Руфь провели меня в вестибюль, а оттуда — в узкий темный коридор с дверями на обе стороны. За теми, что были открыты, маячили смутные фигуры перед мерцающими экранами компьютеров — ничего похожего на то, что я видела когда-то на съемках фильма с Эммелин — давным-давно.

— Вот и пришли, — объявила Урсула у самой последней двери. — Входите, а я организую нам чай.

Она толкнула дверь и помогла мне перешагнуть через порог. Прямо в мое прошлое.

Я очутилась в гостиной Ривертон. Даже обои те самые. Бордовые, в пламенеющих тюльпанах, в модном в то время стиле «ар нуво», яркие, как в тот день, когда их привезли из Лондона. Честерфилдовский гарнитур у камина, накидки из индийского шелка на креслах — точь-в-точь те, что привез когда-то из-за моря дед Ханна и Эммелин, лорд Эшбери, тогда еще совсем молодой морской офицер. Все так же стояли на каминной полке уотерфордский канделябр и судовые часы. Кто-то очень постарался, добывая их, и все же они выдавали себя «неправильным» тиканьем. Даже сейчас, через восемьдесят лет, я помню звук тех, настоящих, часов. Они негромко и настойчиво отмеряли каждую секунду — мерно, холодно, беспощадно — будто уже тогда знали, что Время не пощадит никого из обитателей дома..

Руфь довела меня до честерфилдовских кресел и оставила там посидеть, пока не разыщет туалет: «так, на всякий случай». За моей спиной люди суетились и бегали, таскали огромные лампы на тонких паучьих ножках, кто-то хохотал, а я почти не обращала внимания. Вспоминала день, когда я в последний раз вошла в эту гостиную — в настоящую, а не в здешние декорации, — день, когда я твердо решила навсегда покинуть Ривертон.

Я тогда говорила с Тедди. Он отнюдь не обрадовался, но к тому времени успел потерять изрядную часть своей самоуверенности — последние события просто выбили его из колеи. Он походил на капитана тонущего корабля, который все понимает, но ничего не может сделать. Просил меня остаться, если не ради него, так в память о Ханне. И почти уговорил. Почти.

— Мама! — Руфь потрясла меня за плечо. — Мам! С тобой Урсула говорит.

— Простите. Я не слышала.

— Мама немножко глуховата, — объяснила Руфь. — Неудивительно — в ее-то годы. Я пыталась отвести ее на проверку слуха, но она такая упрямая!

Упрямая — согласна. Но не глухая, и не люблю, когда об этом говорят; зрение у меня уже не то, я потеряла почти все зубы, быстро устаю, питаюсь почти одними таблетками, а вот слышу не хуже, чем раньше. Просто с возрастом выучилась слышать только то, что сама хочу.

— Я всего лишь сказала миссис Брэдли, то есть Грейс, что странно,

наверное, вернуться обратно. Ну, или почти обратно. Воспоминания нахлынули?

— Да, — тихо ответила я. — Нахлынули.

— Я только рада, — улыбнулась Урсула. — Значит, мы все сделали правильно.

— Конечно.

— А ничего не бросается в глаза? Может, что-то упущено? Я снова оглядела декорации. Гостиную воссоздали очень тщательно, вплоть до ряда гербов на стене у двери, центральный из которых — шотландский чертополох — повторялся на моем медальоне.

И все-таки кое-что действительно пропало. При всей своей похожести, декорации были мертвы. «Это всего лишь прошлое, — будто говорили они. — Занятное, но давным-давно ушедшее». Как в музее.

И, как в музее, все кругом казалось безжизненным.

Понятно, что по-другому и быть не могло. Это для меня начало двадцатого века — время молодости: тревог и приключений, радости и горя. А для здешних художников — древняя история. Эпоха, которая требует тщательного воссоздания и разбора, массы старомодных деталей — как в средневековом замке.

Я чувствовала, что Урсула смотрит на меня, пытаюсь угадать мои мысли.

— Лучше и быть не может, — успокоила я ее. — Все на своих местах.

И тут она сказала такое, от чего я чуть не подскочила.

— Кроме хозяев.

— Да, — согласилась я. — Кроме хозяев.

На мгновение они встали передо мной, как живые: Эммелин раскинулась поперек дивана, вся — сплошные ноги и ресницы, Ханна нахмурилась, читая книгу, Тедди мерит шагами бессарабский ковер...

— Похоже, Эммелин любила поразвлечься, — сказала Урсула.

— О да.

— Про нее разузнать было легче легкого — ее имя красовалось чуть ли не в каждой колонке светских сплетен того времени. Да еще в письмах и дневниках половины тогдашних холостяков!

— От отсутствия популярности не страдала, — кивнула я.

Урсула поглядела на меня из-под челки.

— А вот понять, какой была Ханна, оказалось гораздо сложнее.

Я неловко откашлялась.

— Правда?

— Сплошная загадка. Не то, чтобы о ней не писали в газетах —

писали. И поклонники имелись. Только, похоже, никто из них не знал ее по-настоящему. Да — любили, да — уважали. Но не знали.

Ханна встала передо мной, как живая. Умная, несчастная, удивительная. И заботливая, слишком заботливая.

— У нее был непростой характер.

— Да, — кивнула Урсула. — Я так и поняла.

— Одна из сестер вышла замуж за американца, верно? — спросила Руфь.

Я с удивлением взглянула на дочь. Иногда мне казалось, что не знать ничего о Хартфордах — дело всей ее жизни.

Она перехватила мой взгляд.

— Я тут почитала кое-что.

Руфь в своем репертуаре — какой бы неприятной ни была встреча, к ней все равно надо как следует подготовиться.

— Вышла замуж сразу после войны, — повторила она. — Которая из них?

— Ханна.

Ну надо же. Неужели я произнесла это имя вслух?

— А вторая сестра? — продолжала выпытывать Руфь. — Эммелин? Она нашла себе мужа?

— Нет, — ответила я. — Хотя была помолвлена.

— И не раз, — добавила, улыбаясь, Урсула. — Никак не могла выбрать мужчину своей жизни.

Да нет, выбрала. Еще как выбрала.

— Думаю, мы так никогда и не узнаем точно, что случилось в тот вечер.

— Скорее всего.

Жесткие туфли неприятно врезались в ноги. К вечеру ступни отекут, Сильвия станет ахать и предлагать ножные ванны.

Руфь выпрямилась на стуле.

— Но вы-то, мисс Райан, вы-то знаете, что случилось? Вы же снимаете по этой истории фильм.

— В общем и целом — да, — согласилась Урсула. — Моя прабабушка была в ту ночь в Ривертоне — сестры Хартфорд приходились ей родней по мужу, и эта история стала чем-то вроде семейной легенды. Прабабушка рассказывала ее бабушке, бабушка — маме, а мама — мне, много-много раз. Мне не надоедало, я всегда знала, что когда-нибудь сниму по ней фильм. — Она улыбнулась, пожала плечами. — Однако, как и в каждой истории, в этой есть белые пятна. Я провела настоящее расследование,

читала газетные статьи и полицейские рапорты, но там все как-то не до конца, будто под цензурой. Мне так показалось. К несчастью, обе свидетельницы самоубийства тоже давно умерли.

— Не слишком-то веселая история для кино, — заметила Руфь.

— Нет, нет, это именно то, что надо, — запротестовала Урсула. — Восходящая звезда британской литературы убивает себя на берегу мрачного ночного озера в разгар празднества. Единственными свидетелями становятся две очаровательные сестры, которые с тех пор не разговаривают друг с другом. Одна — его невеста, вторая, по слухам — любовница. Ужасно романтично!

Тяжелый комок в животе чуть-чуть разошелся. Выходит, она знает только официальную версию. И правда, почему это мне взбрело в голову, что будет иначе? А главное — что за странная преданность заставляет меня хранить молчание? Как будто после стольких лет все еще важно, что скажут люди!

Впрочем, я знаю, откуда она — эта преданность. Впиталась с материнским молоком. Так сказал мистер Гамильтон, провожая меня в день моего увольнения — я стояла на верхней ступеньке крыльца подле входа для слуг, сжимая сумку с немногочисленными пожитками (с кухни доносились рыдания миссис Таунсенд). Еще он сказал, что я была рождена для этого дома, так же, как когда-то моя мать, а еще раньше — ее родители, и что я поступаю глупо, бросая такое прекрасное место и такую почтенную семью. Сокрушался, что в Англии обесцениваются понятия верности и преданности, и клялся, что не позволит этой заразе проникнуть в Ривертон. Не для того же мы выиграли войну, чтобы все потерять.

Бедный мистер Гамильтон: он был совершенно уверен, что, бросая службу, я обрекаю себя на нищету и моральную гибель. Много позже я поняла, как ему было страшно, какими жуткими и непонятными казались перемены, бушевавшие в то время в обществе. Как хотелось ему ухватиться за надежные старые устои.

И все-таки он был прав. Конечно, не во всем: и деньги, и мораль — все осталось при мне, кроме той части души, что была навек привязана к Дому. А часть Дома навсегда поселилась во мне. Долгие годы запах воска для мебели «Стаббинс и К^о», хруст гравия под колесами машин, похожая мелодия дверного звонка возвращали меня обратно. Будто мне снова четырнадцать, и, уставшая от переделанной за день работы, я сижу, попивая какао, на кухне, у огня, мистер Гамильтон читает нам те отрывки из «Таймс», которые, по его мнению, годятся для наших чувствительных ушей, Альфред подшучивает над Нэнси, та хмурится, а миссис Таунсенд

мирно похрапывает над вязанием, свалившимся на ее необъятные колени.

— А вот и чай, — сказала Урсула. — Спасибо, Тони.

Рядом со мной появился молодой человек с подносом и составил на стол разномастные чашки и банку из-под джема, игравшую роль сахарницы. Руфь передала одну из чашек мне.

— Мама, что с тобой? — Она достала платок и начала вытирать мне лицо. — Тебе нехорошо?

Только тогда я почувствовала, какие мокрые у меня щеки.

Видимо, все дело в аромате чая. И в этих честерфилдовских креслах. Навалились давние воспоминания и забытые тайны. Прошрое и настоящее с грохотом сшиблись посреди комнаты.

— Грейс, чем вам помочь? — Это уже Урсула. — Может быть, прикрутить отопление?

— Я отвезу ее домой. — А это снова Руфь. — Так и знала, что добром это не кончится.

Да, пора домой. Я хочу домой. Я почувствовала, как меня поднимают, вкладывают в руку трость. Кругом звенели голоса.

— Извините, — сказала я всем сразу. — Я просто устала. Очень устала. Много лет назад.

Ноги болели — мстили мне за туфли. Кто-то заботливый — наверное, Урсула — поддерживал меня, вел за руку. Мокрые щеки холодил ветер.

И снова машина Руфи — мимо полетели дома, деревья, дорожные знаки.

— Успокойся мама, все будет хорошо, — твердила дочь. — Это я виновата. Не нужно было тебя туда возить.

Я положила ладонь на ее напряженную руку.

— Я как чувствовала, — продолжала Руфь, — и зачем только согласилась?

Я прикрыла глаза. Вслушалась в гудение двигателя, скрип дворников по стеклу, шум машин.

— Ничего, скоро ты отдохнешь, — бормотала Руфь. — Мы едем домой и больше туда не вернемся.

Я улыбнулась, чувствуя, как меня уносит на волнах памяти.

Поздно. Я уже дома. Я вернулась.

**«Ежедневный
вестник Брэйнтри»
17 января 1925 года**

ТЕЛО ОПОЗНАНО: ГИБЕЛЬ ЗВЕЗДЫ

Тело, обнаруженное вчера утром на Брэйнтри-роуд, принадлежит актрисе и местной знаменитости — уважаемой Эммелин Хартфорд, двадцати одного года. Как стало известно, мисс Хартфорд ехала из Лондона в Колчестер, и машина врезалась в дерево.

Мисс Хартфорд должна была прибыть в «Кодлихауз», имение ее давней подруги, миссис Фрэнсис Викерс, в субботу утром. Когда же этого не случилось, миссис Викерс забеспокоилась и оповестила полицию.

Коронер проведет необходимое расследование, чтобы выяснить причину гибели, пока же полиция не видит в случившемся злого умысла. Если верить свидетелям, причиной аварии стала гололедица и слишком высокая скорость движения.

У мисс Хартфорд осталась старшая сестра, уважаемая миссис Ханна Лакстон, жена видного члена партии консерваторов, представителя Саффрон-Грин, мистера Теодора Лакстона. И мистер и миссис Лакстон отказались общаться с прессой, семейные поверенные, «Гиффорд и Джонс» сделали от имени своих клиентов заявление, в котором это нежелание объясняется глубоким горем, постигшем семью.

И это не первая трагедия за последнее время. Прошлым летом в своем имении Ривертон мисс Эммелин Хартфорд и миссис Ханна Лакстон стали, к несчастью, свидетельницами самоубийства известного поэта, лорда Роберта С. Хантера. Незадолго до этого лорд Хантер был удостоен литературной награды «Таймс» в области поэзии.

ДЕТСКАЯ

Сегодня не холодно, в воздухе уже пахнет весной, я сижу в парке, на скамейке под вязом, играя в прятки с неярким зимним солнцем. Щеки замерзли и сморщились, как забытые в холодильнике персики, но что поделать — Сильвия решила, что мне срочно нужен свежий воздух.

Сижу и вижу, как впервые попала в Ривертон; так ясно, будто исчезли прошедшие годы, на дворе снова июнь тысяча девятьсот четырнадцатого, и мне снова четырнадцать: наивная, нескладная, перепуганная, я иду по лестнице следом за Нэнси, вверх, вверх, по тщательно натертым деревянным ступеням. Ее юбка шелестит в такт шагам, будто смеется надо мной, неуклюжей. Я тороплюсь изо всех сил, чтобы не отстать, ручка чемодана больно впивается в пальцы, и все равно теряю Нэнси из виду всякий раз, как она поворачивает на следующий пролет, оставляя мне лишь шелест платья...

Когда мы поднялись на самый последний этаж, Нэнси двинулась вдоль по темному коридору с низким потолком и, наконец, отчетливо щелкнув каблуками, остановилась у маленькой дверцы. Повернулась и нахмурилась, наблюдая, как я, спотыкаясь, догоняю ее. Пронзительные черные глазки недовольно сузились.

— Ну и ну! — с отчетливым ирландским акцентом провозгласила она. — Не думала я, что ты такая копуша! Твоя мама ничего об этом не говорила.

— Нет-нет, я не копуша, просто чемодан тяжелый.

— А грохоту-то подняла! Как же ты работать будешь, если не в силах собственный чемодан по лестнице поднять? Смотри, если мистер Гамильтон услышит, что ты таскаешь щетку для ковров, будто мешок с мукой, тебе не поздоровится.

Она отворила дверь. Комната оказалась маленькой и скромной, в ней почему-то пахло картошкой. И все-таки половина ее — половина железной кровати, комод и стул — отныне принадлежала мне.

— Вот твое место, — сказала Нэнси, кивая на дальний край кровати. — Другая сторона — моя, так что тут, будь добра, ничего не трогай. — Нэнси пробежалась пальцами по своему комоду, мимоходом огладив распытие, Библию и щетку для волос. — И не вздумай шарить по ящикам — все равно замечу. Давай распаковывайся, переодевайся и спускайся вниз работать. Времени зря не трать и не вздумай нигде бродить

— ступай прямиком на кухню. Сегодня приезжают внуки хозяина, так что обед в двенадцать, мы и так уже опаздываем с уборкой. Мне с тобой возиться некогда. Будем надеяться — ты не лентяйка.

— Нет, — сказала я, все еще оскорбленная ее недавним предположением, что я могу шарить по ящикам.

— Что ж, поглядим, — недоверчиво сказал Нэнси, покачивая головой. — Не знаю, не знаю... Я просила найти мне в помощь еще одну девушку, а мне кого привели? Ни опыта, ни рекомендаций, да к тому же копуша.

— Я не...

— Все! — недовольно дернув головой, оборвала меня Нэнси, развернулась на каблуках, и я осталась одна в тесной темной комнате на последнем этаже. Только юбка зашелестела по коридору.

Я затаила дыхание, прислушалась.

Наконец, когда все звуки смолкли, я подошла к двери, беззвучно прикрыла ее и повернулась, чтобы осмотреть свое новое жилище.

Разглядывать было особо нечего. Я провела рукой по спинке кровати, пригнув голову, чтобы не стукнуться о наклонный потолок. На матрасе лежало аккуратно сложенное серое одеяло, один угол был отогнут опытной рукой. Единственное украшение комнаты — небольшая картинка на стене — изображала сцену охоты: залитый кровью олень со стрелой в боку. Я поспешно отвела глаза и осторожно опустилась на кровать, стараясь не мять аккуратно натянутое белье. Пружины скрипнули, я подскочила, покраснев от испуга и неожиданности.

Узкое окошко пропускало в комнату немного тусклого света. Я забралась коленями на стул и выглянула наружу.

Окно выходило назад, задом. Отсюда, свысока, я увидела уставленную шпалерами для цветов розовую аллею, что вела к южному фонтану. Я знала, что сразу за ним лежит озеро, на другом берегу которого стоит наша деревня и мой дом — дом, в котором я провела четырнадцать лет своей жизни. Я представила, как мама сидит сейчас у кухонного окна — там света больше — склонившись над штопкой.

Как она там одна? В последнее время мама сильно сдала. Я слышала, как по ночам она стонала от боли в спине. А по утрам просыпалась с такими распухшими пальцами, что мне приходилось растирать ее руки под теплой водой, чтобы она смогла хотя бы ухватить клубок ниток. Миссис Роджерс из нашей деревни согласилась забегать к ней каждый день, и старьевщик обещал заглядывать дважды в неделю, но ведь этого так мало. Без меня мама, скорее всего, не сможет штопать. Чем ей заработать на

жизнь? Конечно, у меня теперь будет небольшая зарплата, но уж лучше бы я осталась дома...

Это мама настояла на том, чтобы мне идти работать. Не принимала никаких возражений, лишь качала головой и повторяла, что лучше знает. Она прослышала, что в Ривертоне ищут девушку в услужение, и знала, что я им подойду. Откуда знала — непонятно. Сплошные секреты — полностью в мамином духе.

— Это недалеко, — объясняла она. — В выходные будешь прибегать — помогать мне.

Наверное, я выглядела очень потерянно, потому что мама протянула руку и погладила меня по щеке. Не похоже на нее, я и не ожидала. Даже вздрогнула от прикосновения исколотых иглой пальцев.

— Ничего, моя девочка. Ты ведь знала, что когда-нибудь придется искать себе работу. А тут такая хорошая возможность, сама увидишь. Мало где возьмут служанку твоих лет. Лорд Эшбери и леди Вайолет — неплохие люди, а мистер Гамильтон, хоть и кажется строгим, — очень честный и порядочный человек. Работай усердно, выполняй, что прикажут, и все у тебя будет хорошо. — Мама сжала мою щеку дрожащими пальцами. — И знаешь что, Грейси? Помни свое место. Слишком много девушек нажили себе неприятности, забыв, кто они такие.

Я пообещала, что так и сделаю, и в следующую субботу, одетая в свое лучшее платье, уже шагала к дому на холме. Меня ожидал разговор с леди Вайолет.

Народу в доме немного, сообщила мне хозяйка, только лорд Эшбери, который большую часть времени проводит на деловых встречах и в клубе, да она сама. Оба их сына — майор Джонатан и мистер Фредерик — уже выросли, женились и живут отдельно, но часто навещают родителей, и если я буду хорошо работать и останусь в доме, я обязательно их увижу. Управляющий такой небольшой семье не нужен, все дела ведет мистер Гамильтон, а за кухню отвечает миссис Таунсенд, повариха. Если они останутся мной довольны, я получу место.

Тут леди Вайолет замолчала и посмотрела на меня, как на пойманную мышь в стеклянной банке. Я тут же ощутила, что подол платья слишком кривой от многочисленных попыток отпустить его пониже, что на чулках, там, где они трутся о края ботинок, — заплатки, что у меня слишком длинная шея и слишком большие уши.

Леди Вайолет моргнула и улыбнулась, глаза ее остались ледяными.

— Что ж, выглядишь ты аккуратно, а мистер Гамильтон говорил, что ты умеешь шить.

Я кивнула. Она встала и подошла к письменному столу, оперлась рукой о спинку стула.

— Как поживает твоя мать? — не поворачивая головы, спросила леди Вайолет. — Ты знаешь, что она тоже служила у нас?

Я отвечала, что да, знаю, и мама, спасибо, хорошо. Я даже не забывала прибавлять «мэм».

Наверное, я сказала все правильно, потому что после этого она предложила мне пятнадцать фунтов в год, велела начинать прямо с завтрашнего дня и позвала Нэнси, чтобы та проводила меня к выходу.

Я отодвинулась от окна, вытерла запотевшее стекло и слезла со стула.

Мой чемодан лежал там, где я его кинула — с другой стороны кровати, и я подтащила его к комоду, который теперь стал моим. Стараясь не глядеть на умирающего оленя, я сложила в верхний ящик одежду: две юбки, две блузки и пару черных рейтуз, которые связала под руководством мамы, чтобы не мерзнуть зимой. Потом, оглянувшись на дверь, я с заколотившимся сердцем распаковала свое главное сокровище.

Целых три тома. Потрепанные зеленые обложки с золотыми буквами. Я засунула их в нижний ящик и обернула шалью: тщательно, чтобы нигде ничего не торчало. Мистер Гамильтон выразился предельно ясно: Библия — пожалуйста, а все остальные книги не приветствуются и должны быть предъявлены ему для рассмотрения и возможной конфискации. Я вовсе не собиралась бунтовать — напротив, в те времена я четко знала, что хорошо, что плохо, — но жизнь без Холмса и Ватсона казалась просто невозможной.

Чемодан я задвинула под кровать.

На крючке у двери висела форма — черная юбка, белый фартук, кружевная наколка — я оделась, чувствуя себя ребенком, который залез к маме в шкаф. Юбка была грубой, складка слишком широкого для меня воротника блузки царапала шею. Когда я расправила фартук, из него выскочила маленькая белая моль и полетела искать себе новое пристанище. Я с завистью проводила ее глазами.

Белая кружевная наколка должна была торчать прямо надо лбом, я заглянула в зеркало над комодом — проверить, что надела ее ровно, и зачесать волосы за уши, как учила мама. Девочка в зеркале поймала мой взгляд, и я подумала — что за серьезное у нее лицо! Редкий и странный момент — когда застаешь врасплох себя самого, такого как есть, без всякого притворства.

Сильвия приносит мне небольшую чашку горячего чая и кусок

лимонного пирога. Садится совсем рядом на железную скамью и, оглянувшись на дом, вытаскивает пачку сигарет (вот интересно — как только ей хочется курить, мне срочно требуется свежий воздух!). Предлагает мне. Я, как обычно, отказываюсь, Сильвия, как обычно, кивает:

— Оно и правильно, в вашем возрасте. Я за вас с удовольствием покурю.

Сильвия хорошо выглядит — сделала что-то с волосами. Я сообщаю ей об этом, она кивает, выдыхает струйку дыма и, потряхивая головой, демонстрирует роскошный хвост.

— Нарастила волосы, — объясняет она. — Всегда хотела иметь такую прическу и, наконец, сказала себе: «Жизнь так коротка, спешу быть красивой!». Правда, как настоящие?

Я медлю с ответом, и Сильвия принимает это за согласие.

— Потому что они и есть настоящие. Все знаменитости так делают. Вот потрягайте.

— И правда, — подтверждаю я, поглаживая жесткий хвост. — Настоящие волосы.

— Сейчас чего только не делают. — Сильвия взмахивает сигаретой с ярко-красным кружком помады. — За деньги, понятно. Хорошо, что я отложила кое-что на черный день.

Она прямо светится, и я наконец-то догадываюсь о причине таких изменений. Ну разумеется — из кармана блузки извлекается фотография.

— Энтони, — сияя, поясняет Сильвия.

Я с готовностью надеваю очки, гляжу на мужчину средних лет с седеющими усами и объявляю:

— Очень приятный.

— Еще какой, — счастливо вздыхает Сильвия. — Мы встречались всего несколько раз, за чаем, но у меня хорошее предчувствие. Настоящий джентльмен, заметно, да? Не то что те, прежние. Открывает передо мной дверь, дарит цветы, в кафе отодвигает стул, чтобы я села. Такой старомодный!

Последнее слово говорится для меня — все знают, что старушки любят старомодных.

— И кем он работает? — интересуюсь я.

— Учителем в местной школе. История и английский. Он такой умный! И благородный — помогает местному историческому обществу. Его хобби — всякие там графы и графини. Он столько знает об этом вашем семействе, что жило там, в большом доме на холме.

Она снова оглядывается и испуганно таращит глаза.

— Черт, сестра Рэтчет. Я сейчас должна разносить чай. Небось, Берти Синклер опять настучал. А ему, между прочим, вовсе не мешает время от времени отказываться от печенья.

Сильвия тушит сигарету и заворачивает окурок в салфетку.

— Ладно, работа не ждет. Ничего не нужно, пока я здесь, а? Вы почти не притронулись к чаю.

Я уверяю Сильвию, что все в порядке, и она убегает по зеленой лужайке, хвост подпрыгивает в такт движениям бедер.

Приятно, когда за тобой ухаживают, приносят чай. Приятно думать, что я заработала эту маленькую роскошь. Бог знает, сколько раз я сама подавала чай другим людям. Иногда я ради смеха представляю себе, что было бы, если б Сильвия попала в Ривертон. Да какое там — молчаливое подчинение не для нее. Она слишком самоуверенна и не стала бы слушать замечаний вроде «знай свое место» и «не заносись». Нет, Нэнси Сильвия бы точно не понравилась, я была гораздо покладистой.

Хотя что сравнивать — люди с тех пор сильно изменились. Прошедшее столетие порядком нас потрепало. Даже самые молодые и благополучные носят свой цинизм как орден, глаза их пусты, а головы полны мыслей, которым там не место.

Кстати, именно поэтому я так никому и не открыла, что случилось с сестрами Хартфорд и Робби Хантером. А были минуты, когда мне очень хотелось облегчить душу и все рассказать. Руфи. А еще лучше — Марку. Но прежде чем произнести первое слово, я понимала, что они слишком молоды. Вытаращат глаза и спросят: «А почему она просто не...» или «А они что, не могли...», а мне придется бормотать надоевшее: «Времена были другие...»

Конечно, прогресс коснулся нас уже тогда. Первая мировая война изменила все — и наверху и под лестницей. Мы просто не знали, что и подумать, когда после войны появилась прислуга, которая увольнялась так же легко, как и поступала на работу, и толковала о профсоюзах, минимальных зарплатах и обязательных выходных. До этого мир был прост и понятен, различия между людьми ясны и незыблемы.

В первое же рабочее утро меня вызвали в буфетную, к мистеру Гамильтону, который склонился над свежей газетой. При моем появлении он выпрямился и поправил круглые очки на длинном, похожем на щипцы для свечей, носу с широкими ноздрями. И столь серьезным было мое «введение в должность», что миссис Таунсенд оставила ненадолго обеденные хлопоты и явилась, чтобы присутствовать при этом событии. Мистер Гамильтон придиричиво осмотрел мою форму и, признав ее

удовлетворительной, прочел мне лекцию о различиях между нами и Ими.

— Никогда не забывай, — поучал он, — в какой необыкновенный дом тебе посчастливилось попасть. Это не только редкая удача, но и огромная ответственность. Что бы ты ни сделала, это тут же отразится на Семье, и потому служи им верой и правдой, храни их тайны и не обмани оказанного тебе доверия. Помни: хозяин всегда прав. Заботься о нем и его близких. Служи им безмолвно, преданно, благодарно. Работа хороша лишь тогда, когда она незаметна, вышколенную прислугу не видно и не слышно.

Мистер Гамильтон поднял голову и загляделся вдаль. Его румяные щеки покраснели еще больше.

— Ты поняла меня, Грейс? Не вздумай забыть, какая честь тебе оказана.

Можно только предположить, что сказала бы на это Сильвия. Наверняка не прониклась бы, в отличие от меня: меня-то переполняли благоговение и смутное чувство, что я поднялась на ступень выше по жизненной лестнице.

Я усаживаюсь поудобней и тут замечаю забытое Сильвией фото: тот самый новый ухажер, который завлекает ее знанием истории и интересом к аристократам. Видала я таких. Собирают газетные вырезки и фотографии, рисуют фамильные древа семейств, к которым не имеют никакого отношения.

Я не презираю их, вовсе нет. Мне и самой интересно, как это время стирает живую жизнь, оставляя лишь бледный отпечаток. Плоть и душа исчезают, остаются имена и даты.

Я снова закрываю глаза. Солнце переместилось, и щеки наконец согрелись.

Обитатели Ривертонна давно умерли. Время состарило меня, но не их — по-прежнему юных, навеки прекрасных.

Нет, хватит. Я стала слезливой и сентиментальной. Никакие они не юные и не прекрасные. Мертвые, вот и все. Давно похоронены. Обрывки воспоминаний тех, кто когда-то с ними встречался.

* * *

Когда я впервые увидела Ханну, Эммелин и их брата Дэвида, они обсуждали, как выглядят прокаженные. К этому времени дети пробыли в Ривертоне уже около недели — ежегодный летний визит — но до тех пор я

лишь изредка ловила взрывы смеха и топота, от которых устало покряхтывал старый дом.

Нэнси считала, что я еще слишком неопытна, чтобы прислуживать хозяевам — даже таким молодым — и находила мне работу там, где я не могла с ними столкнуться. Остальные слуги готовили дом к приезду взрослых гостей, а мне поручили заняться детской.

Правда, внуки у хозяина уже большие, добавила Нэнси, и детская вряд ли понадобится, но такова традиция, и потому самую большую комнату на втором этаже положено проветривать, убирать и ежедневно менять там цветы.

Я постараюсь описать ее, хотя и знаю, что никакой рассказ не передаст того странного очарования, которое охватывало меня при входе в эту комнату. Огромная, квадратная, мрачная и какая-то, несмотря на все уборки, заброшенная. Необыкновенная, загадочная, как старая сказка, спящая тысячелетним колдовским сном. Воздух тут висел холодной завесой, а в кукольном домике у камина стоял накрытый к обеду стол, за который никогда не сядут гости.

Обои, когда-то голубые в белую полоску, посерели от сырости, а кое-где и отслоились. По одной стене висели выцветшие иллюстрации к сказкам Андерсена: стойкий оловянный солдатик на каминной полке, девочка в красных башмачках, русалочка, оплакивающая свою судьбу. Пахло плесенью и пылью, комната казалась давно покинутой обителью каких-то призрачных детей.

У закопченного камина стояло кожаное кресло, сводчатые окна выходили во двор: если влезть на потемневший деревянный диванчик у окна и высунуться подальше, увидишь двух бронзовых львов на изъеденных временем и непогодой постаментах, они внимательно глядят на раскинувшееся в соседней долине кладбище.

У окна коротал свои дни потрепанный конь-качалка: статный, серый в яблоках жеребец с добрыми черными глазами, которые — я была уверена — светятся благодарностью, когда я вытираю с него пыль. Рядом с ним, бок о бок, сидел Реверли. Огромный черный пес, любимец маленького лорда Эшбери, погиб, угодив лапой в лисий капкан. Чучельник, как мог, постарался замаскировать рану, но полностью скрыть повреждения так и не удалось. Во время уборки я обычно накидывала на Реверли тряпку, и тогда можно было почти поверить, что он не сидит тут, в комнате, глядя на меня тусклыми стеклянными глазами и скрывая дыру под заплатой.

И все-таки, несмотря на Реверли, запах сырости и облезающие обои, детская стала моей любимой комнатой. День за днем, как и предсказывала

Нэнси, я находила ее пустой — дети бегали по всему имению и сюда не заглядывали. Я старалась побыстрее покончить с остальными делами и побыть тут подольше, в полном одиночестве. Вдали от непрерывных указаний Нэнси, мрачноватых замечаний мистера Гамильтона, оживленной суматохи остальных слуг, напоминающей мне о том, как мало я еще умею. Я перестала замирать от страха, научилась ценить одиночество. Представляла, что это моя комната.

А еще тут были книги, много книг я никогда не видела столько в одно время в одном месте: приключения, исторические романы, сказки — они стояли рядами на огромных стеллажах по обе стороны камина. Как-то я вытянула одну, корешок которой мне особенно понравился. Провела ладонью по покоробившейся обложке, открыла и прочла четко напечатанное имя «Тимоти Хартфорд». Перевернула страницу, вдохнула годами копившуюся пыль и... провалилась в другую жизнь.

Читать я научилась в деревенской школе, и наша учительница, мисс Руби, приятно удивленная столь нечастым для ее учеников рвением к учебе, стала снабжать меня книгами из ее собственной библиотеки: «Джейн Эйр», «Франкенштейн», «Замок Отранто». Когда я возвращала книги, мы обсуждали полюбившиеся места. Мисс Руби даже говорила, что я и сама могла бы стать учительницей. Однако мама, услышав об этом, рассердилась. Очень мило со стороны мисс Руби вбивать мне в голову разные идеи, сказала она, только идеи на стол не поставишь. И вскоре после этого отправила меня в Ривертон — к Нэнси, мистеру Гамильтону и детской...

Которая ненадолго стала моей детской, а книги — моими книгами.

Но однажды имение накрыл туман, заморосил дождь. Я шла по коридору, предвкушая, что просмотрю сейчас детскую энциклопедию с картинками, которую обнаружила за день до этого, и вдруг остановилась, как вкопанная. Из-за двери доносились голоса.

Это просто ветер, уговаривала я себя, он принес голоса откуда-то издали. Отворила дверь, заглянула внутрь и вздрогнула. В детской были люди. Юные люди, которым эта загадочная комната подходила как нельзя лучше.

И в тот же миг, без всякого предупреждения, детская перестала быть моей. Я стояла в нерешительности, не зная, стоит ли мне заняться уборкой или лучше прийти попозже. Снова заглянула, робея от взрывов смеха. Звонких, уверенных голосов. Блестящих волос и разноцветных лент.

Дело решили цветы. Они стояли в вазе на каминной полке и совершенно завяли. Лепестки за ночь опали и лежали на полу, как укор

нерадивой прислуге. Если Нэнси увидит — мне несдобровать, она ясно выразилась: если я буду плохо выполнять свои обязанности, мама тут же об этом узнает.

Помня инструкции мистера Гамильтона, я покрепче прижала к груди метелку и щетку и на цыпочках пробралась к камину, стараясь остаться незамеченной. Не стоило волноваться. Дети даже не обернулись — привыкли делить свое жилище с целой армией невидимок. Они и впрямь не видели меня, тогда как я лишь притворялась, будто не вижу их.

Две девочки и мальчик: младшей около десяти, старшему не больше семнадцати. Все типичной для Эшбери внешности — золотые волосы и синие, словно узоры веджвудского фарфора,^[1] глаза — наследство матери лорда Эшбери, датчанки, которая, по словам Нэнси, вышла замуж по любви и лишилась за это приданого (хотя посмеялась-то она последней, добавляла Нэнси, когда умер брат ее мужа и она сделалась леди Эшбери).

Старшая девочка стояла посреди комнаты с пачкой бумаги в руке и в красках расписывала, как должны выглядеть прокаженные. Младшая сидела на полу, скрестив ноги, и, вытаращив глаза, слушала сестру; рука ее обвивала шею Реверли. Я удивилась и слегка испугалась, увидев, что пса вытащили из угла и приняли в компанию. Мальчик стоял коленями на диване и сквозь туман вглядывался в долину.

— А потом, Эммелин, ты оборачиваешься к зрителям, а лицо у тебя все в проказе! — радостно закончила высокая девочка.

— А что такое проказа?

— Кожная болезнь, — ответила старшая. — Пятна, слизь и все такое.

— Ханна, а давай у нее сгниет кончик носа? — предложил мальчик, оборачиваясь и подмигивая Эммелин.

— Здорово, — серьезно кивнула Ханна. — Давай.

— Нет! — взвыла Эммелин.

— Эммелин, ну что ты как младенец. Он же сгниет не по правде, — объяснила Ханна. — Сделаем тебе какую-нибудь маску попротивней. Я поищу в библиотеке книги по медицине. Там должны быть картинки.

— А почему именно у меня будет эта проказа? — спросила Эммелин.

— Спроси Господа Бога, — пожалала плечами Ханна. — Это он придумал.

— Нет, почему я должна играть Мариам? Я хочу кого-нибудь другого.

— А других ролей нет. Дэвид будет Аароном, потому что он самый высокий, а я — Богом.

— А почему не я — Бог?

— Потому что ты хотела главную роль. Или нет?

— Хотела, — сказала Эммелин. — Хочу.

— Тогда в чем дело? Бог даже не появляется на сцене. Я буду говорить из-за занавеса.

— А если я буду Моисеем? — спросила Эммелин. — А Мариам пусть сыграет Реверли.

— Никаких Моисеев, — отрезала Ханна. — Нам нужна настоящая Мариам. Она гораздо важнее Моисея. Он появляется всего один раз, за него будет Реверли, а слова скажу я из-за занавеса. Или Моисея вообще уберем.

— А может, разыграем другую сцену? — с надеждой предложила Эммелин. — Про Марию и младенца Иисуса?

Ханна недовольно фыркнула.

Репетируют, поняла я. Альфред, лакей, говорил мне, что в одни из ближайших выходных состоится семейный концерт. По традиции в этот день кто-то поет, кто-то читает стихи, а дети ставят сценку из бабушкиной любимой книги.

— Мы выбрали эту, потому что она очень важная, — объяснила Ханна.

— Не мы, а ты выбрала, потому что она важная, — возразила Эммелин.

— Именно, — согласилась Ханна. — Она про отца, у которого двойные правила: для сыновей — одни, а для дочерей — другие.

— Что на редкость благоразумно, — добавил Дэвид.

Ханна не обратила на него внимания.

— Мариам и Аарон виновны в одном и том же грехе: осуждали женитьбу брата...

— И что они говорили? — заинтересовалась Эммелин.

— Неважно, они просто...

— Ругались?

— Нет, дело не в этом. Важно то, что Бог решил наказать Мариам проказой, а с Аароном просто поговорил. Как ты считаешь, Эммелин, разве это честно?

— А Моисей женился на африканке? — спросила Эммелин.

Ханна сердито тряхнула головой. Я уже успела заметить, что это ее привычный жест. Длиннорукая, длинноногая, она вся горела какой-то нервной энергией и очень легко срывалась. Эммелин, напротив, походила на ожившую куклу. И хотя черты их были похожи — носы с легкой горбинкой, ярко-голубые глаза, одинаковый рисунок рта — на лице каждой из сестер они смотрелись совершенно по-разному. В то время как Ханна

напоминала сказочную фею — порывистую, загадочную, нездешнюю — красота Эммелин казалась более земной. И уже в то время ее манера складывать губы и слишком широко распахивать глаза напоминала мне фотографии красоток, которыми торговали в наших краях лоточники.

— Ну, женился или нет? — допытывалась Эммелин.

— Да, Эмми, — засмеялся Дэвид. — Моисей женился на ефиоплянке. А Ханна злится потому, что мы не разделяем ее взглядов на женскую независимость. Она у нас суфражистка.

— Ханна! Ну что он дразнится? Скажи ему, что ты не такая!

— Почему же? Конечно я суфражистка. И ты тоже.

— А Па не знает? — шепотом спросила Эммелин. — А то он страшно рассердится.

— Ерунда, — фыркнула Ханна. — Наш Па — просто котеночек.

— Никакой он не котеночек, а настоящий лев, — дрожащими губами возразила Эммелин. — Пожалуйста, не зли его, Ханна.

— Не бойся, Эммелин, — сказал Дэвид. — Сейчас все женщины — суфражистки, это модно.

— А Фэнни никогда ничего такого не говорила, — недоверчиво произнесла Эммелин.

— Все девушки, которые хоть что-нибудь из себя представляют, в этом году на первый выезд в свет наденут не платье, а костюм, — продолжал Дэвид.

Эммелин вытаращила глаза.

Я слушала, притаившись за стеллажами и гадая, о чем это они. Я никогда раньше не слыхала слова «суфражистка», но догадывалась, что это, должно быть, такая болезнь, вроде той, что подхватила миссис Наммермит из нашей деревни, когда на пасхальном празднике она начала скидывать с себя одежду и мужу пришлось отвезти ее в Лондон, в больницу.

— Ты просто вредный, — сказала Дэвиду Ханна. — И так несправедливо, что Па не отдает нас с Эммелин в школу, а тут еще и ты стараешься выставить нас дурочками при любой возможности.

— Да с вами и стараться не надо, — парировал сидевший на ящике с игрушками Дэвид и откинул упавшую на глаза прядь. У меня перехватило дыхание, такой он был красивый, золотоволосый, похожий на сестер. — В любом случае, вы ничего не теряете. Нечего там делать, в этой школе.

— Да? — иронически подняла брови Ханна. — Обычно ты, наоборот, с удовольствием расписываешь мне все, чего я лишена. С чего это ты изменил свой взгляд?

Тут глаза ее широко раскрылись — две пронзительно-голубые луны,

голос дрогнул.

— Только не говори, что натворил что-то ужасное и тебя выгнали!

— Разумеется, нет, — быстро ответил Дэвид. — Просто мне кажется, что учеба — не главное в жизни. Мой друг, Хантер, говорит, что настоящая жизнь — сама по себе лучшее образование...

— Хантер?

— Он поступил в Итон только в этом году. Его отец — какой-то ученый. Недавно открыл что-то очень важное, и ему пожаловали титул маркиза. Он чуть-чуть чокнутый, и сын такой же, во всяком случае так говорят наши ребята, хотя по мне — Робби просто отличный парень.

— Ну хорошо, — сказала Ханна. — Пусть твой чокнутый Роберт Хантер презирает учебу сколько ему угодно, но я — как я стану знаменитым драматургом, если Па отказывается дать мне образование? — Она горько вздохнула. — Ну почему я не мальчик?

— А мне бы не понравилось в школе, — заявила Эммелин. — И я уж точно не хочу быть мальчиком. Никаких платьев, эти ужасные шляпы и разговоры только о спорте и политике.

— А мне интересно говорить о политике, — сказала Ханна. В пылу спора ее аккуратная прическа растрепалась, локоны выбивались со всех сторон. — Первым делом я бы заставила Герберта Асквита^[2] дать женщинам право голоса. Даже молодым.

— Ты бы стала первым министром-драматургом Великобритании, — усмехнулся Дэвид.

— Да, — не стала спорить Ханна.

— Ты же хотела стать археологом, — напомнила Эммелин. — Как Гертруда Белл.

— Я могла бы быть и археологом и политиком. На дворе двадцатый век. — Ханна нахмурилась. — Если бы только Па согласился дать мне достойное образование.

— Ты же знаешь, что Па думает о женском образовании, — сказал Дэвид.

— Прямая дорожка к тому, чтобы стать суфражисткой, — заученно отчеканила Эммелин. — Тем более, он говорит, что мисс Принс учит нас всему, что нужно знать.

— Это только Па так считает. Надеется, что она сделает из нас тоскливых женушек для тоскливых мужей — чуть-чуть пианино, чуть-чуть французского и умение вежливо поддаваться, играя в бридж. Конечно, так с нами гораздо меньше хлопот!

— Па говорит: никому не понравится женщина, которая слишком

много думает, — сообщила Эммелин.

Дэвид закатил глаза.

— Как та канадка, что везла его домой с золотых приисков и всю дорогу болтала о политике. Она сослужила нам плохую службу.

— А я и не желаю нравиться, — упрямо выпятив подбородок, сказала Ханна. — И не стану думать о себе хуже, если кто-то там меня не любит.

— Тогда могу тебя обрадовать, — сообщил Дэвид. — Я совершенно точно знаю, что тебя не любят почти все наши друзья.

Ханна попыталась было снова нахмуриться, но не смогла сдержать непрошеной улыбки.

— Значит так: я не собираюсь сегодня делать ее дурацкое задание. Надоело читать наизусть «Леди Шалотт»^[3] и слушать, как мисс Принс сморкается в платок.

— Она оплакивает утерянную любовь, — вздохнула Эммелин.

Ханна вытаращила глаза.

— Это правда! — обиделась Эммелин. — Я слышала, как бабушка рассказывала леди Клем. Раньше, до того, как она стала работать у нас, мисс Принс была помолвлена.

— Думаю, жених вовремя пришел в себя, — заметила Ханна.

— Он женился на ее сестре, — объяснила Эммелин.

Ханна осеклась, правда, ненадолго.

— Надо было подать на него в суд за нарушение обязательств.

— Леди Клем тоже так сказала — и даже хуже — а бабушка ответила, что мисс Принс не желала ему неприятностей.

— Ну и дура, — подытожила Ханна. — Тогда так ей и надо.

— Но ведь это так романтично, — хмыкнул Дэвид. — Несчастливая безответно влюблена, а тебе жалко почитать ей грустные стихи. До чего же ты такая жестокая, Ханна!

— Не жестокая, а реалистичная, — подняла подбородок Ханна. — А влюбленные вечно ничего не соображают и творят всякие глупости.

Дэвид улыбнулся — многозначительная улыбка старшего брата, который уверен, что совсем скоро сестра заговорит по-другому.

— Нет, серьезно, — упрямо продолжала Ханна. — Ты же знаешь, как я отношусь ко всей этой романтике. А мисс Принс стоило бы унять слезы и заинтересоваться чем-нибудь, да и нас заинтересовать. Строительством пирамид, к примеру, или исчезновением Атлантиды, походами викингов...

Эммелин зевнула, а Дэвид поднял руки, показывая, что сдается.

— Ну ладно, — хмуро сказала Ханна, глядя на листы в руке. — Мы только зря теряем время. Начнем с того места, где Мариам поражает

проказа.

— Мы это уже сто раз репетировали, — запротестовала Эммелин. — Давайте поиграем во что-нибудь!

— А во что?

— Не знаю, — растерянно пожала плечами Эммелин, переводя взгляд с Дэвида на Ханну. — Может, в Игру?

* * *

Нет, не «в Игру», а «в игру». Тогда еще она была для меня просто игрой. Эммелин могла иметь в виду шарики или прятки. Только некоторое время спустя их игра стала Игрой с большой буквы, дорогой к приключениям, фантазиям и тайнам. А тем хмурым, сырым утром, когда дождь уныло барабанил в окна детской, я почти не обратила внимания на слова Эммелин.

Скрючившись за спинкой кресла и сметая разлетевшиеся по полу сухие лепестки, я пыталась представить себе, каково это — иметь братьев и сестер. Мне всегда хотелось кого-нибудь. Я даже раз спросила у мамы: не могла бы она завести мне сестренку, чтоб было с кем сплетничать и шептаться, фантазировать и мечтать. Мне жилось так одиноко, что я с удовольствием представляла себе даже наши ссоры. Мама как-то грустно рассмеялась и сказала, что ни к чему повторять одну ошибку дважды.

Как это — гадала я — ощущать себя чьей-то, глядеть на мир, зная, что ты — часть племени, чувствуя за спиной союзников? Погрузившись в свои мысли, я рассеяно водила щеткой по спинке кресла, как вдруг она за что-то зацепилась, на пол свалилось одеяло, и я услышала хриплый вскрик:

— Что случилось? Ханна! Дэвид!

Старушка, древняя, как само время, дремала в кресле, завернувшись в плед так, что до сих пор ее не было ни видно, ни слышно. Должно быть, няня Браун, сообразила я. О ней говорили тихо и благоговейно, как наверху, так и под лестницей, она вырастила самого лорда Эшбери и считалась такой же принадлежностью семьи, как и дом.

С щеткой в руке я застыла за спинкой кресла под взглядами трех пар голубых глаз.

— Что стряслось, Ханна? — снова спросила старушка.

— Ничего, няня Браун, — обретя дар речи, ответила Ханна. — Мы репетировали. Будем потише.

— Смотрите, чтобы Реверли не слишком распрыгался здесь, взаперти, — велела няня.

— Нет-нет, он ведет себя замечательно, — сказала Ханна, очень отзывчивая, несмотря на вспыльчивость. Она шагнула к няне и снова укрыла одеялом ее высохшее тело. — Отдыхай, милая, у нас все хорошо.

— Ну если только совсем чуть-чуть, — сонно согласилась няня. Ее глаза закрылись, и через минуту она уже мирно похрапывала.

Я затаила дыхание, ожидая, когда кто-нибудь из детей заговорит. Они всё смотрели на меня широко раскрытыми глазами. Я уже представила, как меня волокут к Нэнси или даже к самому мистеру Гамильтону, а те требуют объяснить, как это я осмелилась вытереть пыль с няни, и недовольное лицо мамы, когда меня вернут домой, даже не дав рекомендаций...

Но никто не ругал меня, не бранил, даже не хмурился. Случилось то, чего я совершенно не ожидала. Будто по команде они расхохотались: свободно, безудержно, рушась друг на друга и сплетаясь в клубок.

Я молча стояла, ожидая сама не знаю чего, смех напугал меня гораздо больше, чем молчание. Губы предательски задрожали.

Наконец, старшая девочка вытерла глаза и смогла выговорить:

— Я — Ханна. Мы с тобой раньше не встречались?

Я торопливо сделала книксен и выдохнула:

— Нет, миледи. Меня зовут Грейс.

— Никакая она не миледи, — рассмеялась Эммелин. — Она просто мисс.

Я снова присела, стараясь не поднимать глаз.

— Меня зовут Грейс, мисс.

— А выглядишь как-то знакомо, — сказала Ханна. — Ты точно не работала здесь на Пасху?

— Нет, мисс. Я новенькая. Меня взяли месяц назад.

— Ты слишком маленькая для горничной, — заметила Эммелин.

— Мне четырнадцать, мисс.

— Опа! — воскликнула Ханна. — Мне тоже! Эммелин — десять, а Дэвид у нас старичок — ему шестнадцать.

— А ты всегда протираешь тех, кто уснет в кресле, Грейс? — спросил в свою очередь Дэвид. Эммелин снова захохотала.

— Нет, нет, сэр. Только сегодня, сэр.

— Жалко. А то можно было бы никогда не мыться.

От смущения у меня вспыхнули щеки. Никогда раньше я не встречала настоящего джентльмена, да еще почти моего ровесника. От его последних слов сердце у меня в груди заколотилось как птица в клетке. Странно. Даже

и сейчас, когда я вспоминаю Дэвида, я чувствую что-то вроде того, давнего волнения. Выходит, я еще не совсем умерла.

— Не обращай внимания, — посоветовала Ханна. — Дэвид считает себя жутким остряком.

— Да, мисс.

Ханна смотрела на меня с интересом, словно собираясь спросить что-то еще. Но прежде чем она открыла рот, мы услышали звук шагов — сперва по лестнице, а потом и по коридору. Ближе, ближе... Цок, цок, цок...

Эммелин подскочила к двери и поглядела в замочную скважину.

— Это мисс Принс, — обернувшись к Ханне, шепнула она. — Идет сюда.

— Скорей! — прошипела Ханна. — А то погибнем страшной смертью в неравной борьбе с Теннисоном.

Застучали ботинки, — взметнулись юбки и, прежде чем я успела хоть что-нибудь сообразить, все трое испарились. Дверь распахнулась, в комнату ворвался холодный, сырой воздух. В дверном проеме выросла прямая, как палка, фигура.

Мисс Принс оглядела комнату и заметила меня.

— Ты! — сказала она. — Ты не видела детей? Они опаздывают на урок. Я уже десять минут жду их в библиотеке.

Я не привыкла обманывать и до сих пор не знаю, что со мной случилось, и все же в тот момент, глядя прямо на учительницу, я, не моргнув глазом, соврала:

— Нет, мисс Принс. Не видела.

— Точно?

— Да, мисс.

Она пристально изучила меня через очки.

— Но я ведь ясно слышала тут голоса.

— Только мой, мисс. Я пела.

— Пела?

— Да, мисс.

В детской воцарилось молчание, которому, казалось, не будет конца. Потом мисс Принс похлопала указкой по раскрытой ладони и шагнула внутрь. Двинулась по периметру комнаты — цок, цок, цок...

Когда она подошла к кукольному домику, я заметила, что из-за него высовывается ленточка Эммелин.

— Я... я вспомнила, мисс. Я видела их из окна. Они были в старом лодочном сарае, на берегу.

— На берегу, — повторила мисс Принс. Она подошла к окну и

попыталась взглянуть в туман, бросавший на ее лицо белый, призрачный отсвет. — «Осина тонкая дрожит, и ветер волны сторожит...»

Тогда я еще не читала Теннисона и решила, что мисс Принс просто описывает озеро.

— Да, мисс, — согласилась я.

Постояв еще мгновение, она обернулась.

— Я пошлю за ними садовника. Как там его...

— Дадли, мисс.

— Значит, пошлю Дадли. Не будем забывать, что точность — вежливость королей.

— Да, мисс, — приседая, подтвердила я.

Учительница процокала мимо меня и, выйдя, плотно притворила дверь.

Дети возникли передо мной будто по мановению волшебной палочки — из-за занавески, кукольного домика, старой тряпки.

Ханна улыбнулась мне, но я не ответила. Попыталась понять, что я только что сделала. Зачем я это сделала.

Растерянная, подавленная, смущенная, я торопливо присела и выбежала из детской в коридор. Щеки мои горели, я спешила вновь оказаться на привычной кухне, подальше от этих странных взрослых детей и тех непонятных чувств, которые они во мне вызывали.

В ОЖИДАНИИ КОНЦЕРТА

Сбегая вниз по ступеням в дымную кухню, я услышала, как Нэнси выкликает мое имя. Я чуть-чуть постояла на нижней площадке, поджидая, пока глаза привыкнут к полутьме, и торопливо вошла. На огромной плите посвистывал медный чайник, от варившегося рядом окорока поднимался солоноватый пар. Посудомойка Кэти, бездумно глядя в запотевшее окно, скребла в раковине кастрюли. Миссис Таунсенд не было — скорей всего, прилегла отдохнуть, пока не пришло время готовить чай. Нэнси сидела в столовой для слуг в окружении ваз, канделябров, кубков и огромных блюд.

— Наконец-то, — нахмурилась она так, что глаза превратились в черные щелочки. — Я уж думала, придется тебя разыскивать. — Нэнси указала на соседний стул. — Не стой, как истукан. Бери тряпку да помогай.

Я уселась рядом с ней и выбрала широкий круглый молочник, с прошлого года не видевший дневного света. Оттирая с него пятна, я пыталась представить, что творится сейчас в детской. Как там смеются, играют, поддразнивают друг друга. Мне будто приоткрылась чудная книга с волшебными картинками, но не успела я зачитаться, пришлось со вздохом отложить ее в сторону. Понимаешь? Уже тогда я почти что влюбилась в младших Хартфордов.

— Ты что! — воскликнула Нэнси, отбирая у меня тряпку. — Это же столовое серебро его светлости! Повезло тебе, что мистер Гамильтон не видит, как ты его царапаешь.

Она приподняла повыше вазу, которую чистила сама, и начала тереть ее размеренными круговыми движениями.

— Вот так. Видишь? Аккуратно. В одну сторону.

Я кивнула и вновь принялась за свой молочник. В голове роились вопросы о Хартфордах, вопросы, на которые — я была уверена — Нэнси знает ответ. И все-таки я не решалась их задать. С нее бы стало бы перевести меня работать подальше от детской, если б она почуяла, что я получаю от своих обязанностей недолжное удовольствие.

Но как влюбленному даже самые простые вещи кажутся исполненными великого смысла, так и мне хотелось узнать о Хартфордах хоть что-нибудь. Я вспомнила о запрятанных в комоды книгах, о Шерлоке Холмсе, который заставлял людей давать самые неожиданные ответы при помощи искусных вопросов. Глубоко вздохнув, я позвала:

— Нэнси...

— М-м-м?

— А как выглядит сын лорда Эшбери?

Черные глаза потеплели.

— Майор Джонатан? Он очень красивый...

— Нет, майора Джонатана я видела.

Не заметить майора Джонатана, живя в Ривертоне, было трудновато. Портрет старшего сына лорда Эшбери, наследника, закончившего сперва Итон, а затем и военную академию Сандхерст, висел рядом с портретом отца (в ряду целой галереи отцов предыдущих поколений) на верхней площадке парадной лестницы, сурово глядя в вестибюль: голова гордо поднята, медали сверкают, голубые глаза холодны как лед. Гордость Ривертонна — как наверху, так и под лестницей. Герой англо-бурской войны. Будущий лорд Эшбери.

Нет, я имела в виду Фредерика, того, кого в детской, со страхом ли, с восхищением, называли «Па». Младшего сына лорда Эшбери, имя которого заставляло гостей леди Вайолет улыбаться и покачивать головой, а его светлость бормотать что-то неразборчивое в стакан с хересом.

Нэнси открыла рот и тут же захлопнула его, как рыба, выброшенная штормом на берег.

— Не хочешь вранья — не задавай вопросов, — в конце концов ответила она, поднимая вазу повыше к свету и придирчиво ее оглядывая.

Я дочистила молочник и взяла блюдо. Вот такая она — Нэнси. Переменчивая. То откровенная до невозможности, то скрытная ни с того ни с сего.

Не успели часы на стене протикать пять минут, как она сама нарушила молчание:

— Небось, кого-нибудь из лакеев подслушала?

Я только покачала головой, боясь сказать что-нибудь не то и тем самым снова прервать разговор.

— Альфреда, готова спорить. Никогда язык на привязи не держит!

Нэнси принялась за очередную вазу. Подозрительно оглядела меня.

— Тебе что, мать никогда о семье не рассказывала?

Я снова покачала головой, и Нэнси испытующе приподняла бровь, словно не веря, что люди могут говорить о чем-то еще, кроме жизни в Ривертоне.

А мама и в самом деле больше молчала. Когда я была маленькой, я приставала к ней с просьбами рассказать хоть что-нибудь. По деревне ходили многочисленные истории про дом на холме, и мне очень хотелось похвастаться перед другими детьми, что я тоже кое-что знаю. Но мама

лишь качала головой и напоминала мне, что от любопытства кошка сдохла.

Наконец, Нэнси смилостивилась.

— Мистер Фредерик... Ну что тебе сказать о мистере Фредерике... — она вздохнула, натирая вазу. — Он неплохой человек. Совсем не похож на брата, конечно, вовсе не герой, но по-своему очень даже хороший. Честно говоря, здесь, под лестницей, все его очень любят. Он был очень славным парнишкой — фантазером, выдумщиком. И к слугам всегда очень добр.

— А правда, что он добывал золото?

Какая необыкновенная профессия! Детям Хартфордов повезло с отцом. Мне хвалиться было нечем — мой собственный родитель испарился еще до моего появления на свет и время от времени возникал лишь в горячем шепоте между мамой и ее сестрой.

— Было дело, — ответила Нэнси. — Чем он только ни занимался — я всего и не упомяну. Никак не осядет на одном месте наш мистер Фредерик. Никак не уgomонится под стать остальной семье. Сначала выращивал чай на Цейлоне, потом добывал золото в Канаде. Потом решил газеты печатать. А теперь, спаси Господи, эти автомобили.

— Он торгует автомобилями?

— Не торгует, а делает. Ну не сам, конечно, а рабочих нанял. Купил завод около Брэйнтри.

— Он там живет? Вместе с семьей? — спросила я, аккуратно поворачивая разговор к интересующей меня теме — детям.

Нэнси на приманку не клюнула, погруженная в собственные мысли.

— Хоть бы тут ему повезло. Бог знает, как его сиятельство был бы рад вернуть хоть часть вложений.

Я заморгала, ничего не поняв, но спросить не успела — Нэнси продолжала:

— Да ты и сама его очень скоро увидишь. Он приезжает в следующий четверг вместе с майором Джонатаном и леди Джемаймой. — На лице Нэнси мелькнула редкая улыбка — знак скорее одобрения, чем удовольствия. — На августовский день отдыха^[4] каждый год вся семья собирается. Никому и в голову не приходит пропустить традиционный обед. Так в наших краях давно принято.

— И концерт, — добавила я, стараясь не глядеть на Нэнси.

— Значит, — вздернула она брови, — кто-то уже наболтал тебе про концерт, да?

Я сделала вид, что не замечаю ее раздражения.

— Альфред. Он просто сказал, что слуг тоже приглашают посмотреть.

— Лакеи! — презрительно качнула головой Нэнси. — Никогда не

слушай лакея, милочка, если хочешь узнать что-нибудь толком. Слугам разрешают посмотреть концерт, все по доброте нашего хозяина. Он знает, как много значит для нас его семья, как мы рады поглядеть на молодых.

Она пристально оглядела свою вазу, и я затаила дыхание, надеясь, что разговор на этом не закончится. Через минуту, показавшуюся мне вечностью, Нэнси заговорила снова:

— Уже четвертый год представления устраивают. С тех пор, как мисс Ханне стукнуло десять и она вбила себе в голову, что станет директором театра. — Нэнси кивнула. — Характерец еще тот у нашей мисс Ханны. Они с отцом как две капли воды.

— Как это? — спросила я.

Нэнси помолчала, обдумывая ответ.

— Неугомонные они, вот что, — произнесла она наконец. — Оба вечно носятся с какими-то идеями, одна другой непонятнее. — Нэнси говорила не спеша, размеренно, будто подчеркивая, что так вести себя позволительно тем, кто наверху, а вот таким, как я, этого никто никогда не разрешит.

Мама говорила со мной точно также. Я глубокомысленно кивнула.

— Большую часть времени они отлично ладят, но если поссорятся, тут уж держись. Никто не может вывести мистера Фредерика из себя так, как мисс Ханна. Еще совсем малышкой была, а уже знала, как отца разозлить. До того норовистая! Однажды обиделась на него, уж не помню за что, и решила напугать.

— И что?

— Сейчас, как же это было-то... мастер Дэвид тогда учился ездить верхом.^[5] Мисс Ханна рассердилась, что ее не взяли, подхватила мисс Эммелин да и дала деру от няни Браун. Убежали они аж на край имения, туда, где в тот день яблоки собирали. — Нэнси покачала головой. — Ну и мисс Ханна уговорила мисс Эммелин спрятаться в амбаре — она, когда захочет, любого уговорит, а мисс Эммелин и рада была яблок поесть. А мисс Ханна понеслась домой изо всех сил, бежит, будто за ней гонятся, и мистера Фредерика зовет. Я накрывала к обеду в столовой и слышу, как мисс Ханна отцу говорит, что к ним в саду подошли двое каких-то черномазых незнакомцев. Повосхищались, какая мисс Эммелин красивая, и позвали ее с собой — путешествовать в дальние страны. Она не уверена, сказала мисс Ханна, но ей кажется, это какие-то работорговцы.

— И чем же дело кончилось? — воскликнула я, потрясенная дерзостью Ханны.

Важничая от того, что знает столько секретов, Нэнси ответила:

— Мистер Фредерик всегда побаивался рассказов о работоторговцах, он сперва побелел, потом покраснел и, не успели мы оглянуться, схватил мисс Ханну за руку и помчался в сторону сада. Берти Тимминс — он там яблоки собирал — видит: несется мистер Фредерик со всех ног и на бегу приказывает выкрикивает: мол, надо поднимать народ, искать мисс Эммелин, ее двое темнокожих незнакомцев похитили. Стали искать — и там и тут, все кругом перевернули, но никто не видел двух мужчин с золотоволосой девочкой.

— А когда же ее нашли?

— А ее и не нашли. Мисс Эммелин сама вылезла. Через час или около того надоело ей прятаться в яблоках, она и вышла из амбара посмотреть, что за шум кругом, и узнать, почему мисс Ханна за ней не идет.

— Мистер Фредерик здорово рассердился?

— А то как же! — подтвердила Нэнси. — Только ненадолго — не умеет он на мисс Ханну долго сердиться. Они же два сапога пара, ей надо очень постараться, чтобы он всерьез на нее обиделся. — Она положила тряпку на стол, покрутила головой, потеряла шею. — Многие говорят, что мистер Фредерик получает по заслугам.

— Почему? Что он натворил?

Нэнси глянула в сторону кухни, чтобы удостовериться, что нас не слышит Кэти. Под лестницей большого дома на холме, как и в других имениях того времени, царила строгая, отточенная столетиями иерархия. Хотя я и была горничной для самых простых поручений — мишенью для выговоров и нагоняев, положение судомойки все равно было гораздо ниже. Хотелось бы сказать, что меня возмущало это бессмысленное неравенство, что я хотя бы не приветствовала, если уж не осуждала его. Но на самом деле в то время я скорее радовалась крохотным преимуществам, позволявшим мне слушать сплетни Нэнси — надо мной и так стояло Бог знает сколько народу.

— Давал он родителям жару, когда сам был помладше, наш мистер Фредерик, — тихо, почти не разжимая губ, объяснила Нэнси. — Такой сорванец был, что лорд Эшбери послал его учиться не в Итон, а в Рэдли, чтобы он репутацию брату не испортил. И в Санджерст потом не пустил, хотя тот и собирался на флот.

Я жадно слушала, а Нэнси продолжала:

— И понятно — ведь майор Джонатан так здорово отличился на службе. А доброе имя слишком легко запятнать. Нет, рисковать не стоило. — Нэнси кончила массировать шею и взяла со стола потускневшую солонку. — Ну, все хорошо, что хорошо кончается. У мистера Фредерика теперь и автомобили, и детей трое. Сама на представлении увидишь.

— А дети майора Джонатана будут играть в спектакле?

Внезапно Нэнси помрачнела и буркнула:

— Ты хоть думаешь, когда говоришь?

Я поняла, что ляпнула что-то не то. Грозный взгляд Нэнси заставил меня опустить глаза, и в натертом до зеркального блеска блюде я увидела свои покрасневшие щеки.

— У майора нет детей, — прошипела Нэнси. — Больше нет.

Она вырвала у меня тряпку, царапнув мою руку длинными тонкими пальцами.

— Хватит болтать. Совсем голову мне заморочила.

К новой жизни привыкать всегда непросто, а тут еще все кругом словно сговорились считать, что я с рождения должна знать про Ривертон все до мельчайших подробностей — и про дом, и про семью. Я догадывалась: дело в том, что мама работала тут до моего рождения. Мистер Гамильтон, миссис Таунсенд и Нэнси с чего-то решили, что она полностью просветила меня и насчет Ривертон, и насчет Хартфордов, и вечно ставили меня в неловкое положение, если оказывалось, что я о чем-нибудь и не слыхивала. Особенно Нэнси — если у нее не было настроения что-то разъяснить, она презрительно фыркала: я наверняка знаю, как ее сиятельство любит, когда окна приоткрыты на два дюйма в любую погоду, так что я то ли страшно рассеянная, то ли жутко бестолковая.

Точно так же Нэнси решила, что я в курсе, какая беда стряслась с детьми майора Джонатана, и ничто не смогло бы ее переубедить. Поэтому следующие две недели я старалась избегать ее настолько, насколько вообще можно избегать того, с кем живешь и работаешь. По вечерам, когда Нэнси укладывалась в кровать, я лежала очень тихо, притворяясь спящей. К моему облегчению, она задувала свечу, и картина с умирающим оленем исчезала во мраке. Днем, когда мы сталкивались в кухне, Нэнси как можно выше задирала нос, я же, напротив, смиренно опускала глаза.

К счастью, у нас было полно работы — мы готовились к приезду взрослых гостей лорда Эшбери. Отперли и проветрили гостевые комнаты в восточном крыле, сменили посеревшие простыни, протерли мебель. На чердаках обнаружили невообразимых размеров сундуки с постельным бельем, которое надо было достать, перештопать и выстирать в огромных медных котлах. Зарядили дожди, во дворе за домом сушить было нельзя, и мы развешивали белье в зимней сушильне — высоко на чердаке, возле спален служанок, где по стене шла теплая труба от кухонной печи.

Именно там я вновь услышала про Игру. Обрадованная дождями, мисс Принс вознамерилась всерьез взяться за Теннисона, и младшие Хартфорды

исследовали дом в поисках надежных укрытий, забираясь, с каждым разом все глубже и глубже. Сушильня, спрятанная между трубой и бойлерным котлом, находилась дальше всего от библиотеки, выполнявшей роль классной комнаты. Тут они и обосновались.

Впрочем, я ни разу не видела их играющими. Таково было правило номер один: Игра — это секрет. Зато я подслушивала и подглядывала, а пару раз даже заглянула тайком в шкатулку. И вот что узнала.

Дети играли в Игру уже много лет. Нет, играли — не то слово. Жили. Они жили Игрой уже много лет. Потому что это была не просто забава, а затейливая выдумка, иной мир, в который им нравилось ускользать.

Для этого не требовалось ни мечей, ни костюмов, ни шлемов с перьями. Никаких атрибутов обычной игры. Потому что секрет. Главное — шкатулка. Черная лакированная шкатулка, привезенная из Китая кем-то из предков, один из трофеев тех времен — времен великих открытий и беззастенчивых грабежей. Величиной с обычную шляпную коробку, не слишком большая, не слишком маленькая, на крышке инкрустация из полудрагоценных камней: мостик через реку, над водой — плакучие ивы, на одном из берегов — небольшой замок. На мосту стоят три человека, над ними кружит одинокая птица.

Дети ревностно охраняли шкатулку, набитую всем, что требовалось для Игры. Ведь, несмотря на постоянную беготню, прятки и сражения, главное удовольствие Игры заключалось в другом. Правило номер два: все приключения, находки и открытия требовалось тщательно сохранить. Дрожа от азарта, дети врывались на чердак и зарисовывали, записывали каждую деталь очередного путешествия: на свет появлялись карты, диаграммы, шифры, наброски, пьесы и книги.

Книги из сшитых нитками, крошечных листков, исписанных такими мелкими буквами, что приходилось подносить их очень близко к глазам. На обложках красовались названия: «Спасение от Коцея Бессмертного», «Сражение с демоном Баламом и его медведем», «Путешествие в страну работоторговцев». Некоторые были написаны шифром, который я не смогла разобрать, хотя догадывалась, что, будь у меня время, я нашла бы ключ где-нибудь среди страниц этой же книги.

В самой Игре ничего сложного не было. Ее придумали Ханна и Дэвид, и они же, как старшие, отвели себе роль главных игроков и придумщиков. Они решали, куда отправиться в путешествие, они изобрели Совет девяти — странную организацию, состоящую из видных деятелей викторианской эпохи вперемежку с древними фараонами Египта. Советников всегда было

девять, и когда очередная игра требовала какого-нибудь нового интересного героя, кто-нибудь из старых персонажей погибал или смещался с должности (смерть всегда наступала при исполнении служебных обязанностей, о чем тут же сообщалось в крохотной газете, хранившейся между страницами книги).

Кроме того, каждый из играющих изображал какого-нибудь героя. Ханна стала Нефертити, а Дэвид — Чарльзом Дарвином. Эммелин, которой было всего четыре, когда придумывались правила, выбрала себе королеву Викторию. Скучный и малоподходящий для приключений персонаж, на который старшие согласились только из снисхождения к возрасту сестры. В Игре Викторию чаще всего похищали злодеи, которых требовалось срочно догнать и обезвредить. Потом Дэвид и Ханна описывали события, а Эммелин позволялось украшать диаграммы и раскрашивать карты: синим — океаны, бордовым — пропасти, зеленым и желтым — равнины.

Иногда Дэвид пропадал — то садился за пианино, то — если дождь ненадолго стихал — убегал играть в шарики с мальчишками. В такие дни Ханна приближала к себе Эммелин. Разжившись у миссис Таунсенд кусковым сахаром, парочка забиралась в платяной шкаф и придумывала для подлого изменника странные клички на неведомых языках. Однако, как бы ни было скучно, девочкам и в голову не приходило поиграть в Игру без брата.

Правило номер три: в Игру играют трое. Ни больше ни меньше. Три. Число, любимое как искусством, так и наукой: основные цвета, точки, необходимые для установления местонахождения предмета в пространстве, ноты музыкального аккорда, законы термодинамики. Три вершины треугольника, простейшей геометрической фигуры. Непреложный факт — две прямые не замыкают пространства. Вершины, напротив, могут двигаться, менять положение, отдаляться друг от друга на невообразимое расстояние и все равно будут образовывать треугольник. Устойчивый, замкнутый, прочный.

Правила я знала, потому что прочитала их. Написанные детским почерком на желтоватой бумаге, они были приклеены на обратную сторону крышки. И навеки остались в моей памяти. Под ними шли подписи:

3 апреля 1908 года

Дэвид Хартфорд

Ханна Хартфорд

и, в самом низу, две крупные, кривые буквы:

Э. Х.

Правила Игры — штука серьезная, требует к себе почтения, и

взрослым ее не понять. Разве что слугам, которые знают о почтении все.

Вот так. Ничего особенного — просто детская игра. Даже не единственная, были и другие. В какой-то момент дети забыли ее, забросили, переросли. Или им так показалось. Когда я впервые увидела Хартфордов, Игра уже доживала свой век. Совсем близко, прямо за углом маячила взрослая жизнь, подстерегали настоящие приключения и погони.

Просто детская игра, и все же... Интересно, если бы не она, могло бы все кончиться совсем по-другому?

Впрочем, не станем забегать слишком далеко вперед — в темные и мрачные времена. Вернемся к празднику: Ривертон, год тысяча девятьсот четырнадцатый, ежегодный сбор гостей. Последний перед тем, как наша жизнь изменилась навсегда.

* * *

Долгожданный день наконец наступил, и мне разрешили посмотреть на приезд гостей с галереи второго этажа — конечно, при условии, что я вовремя сделаю всю работу. На улице стемнело, я притаилась за перилами, выглядывая между двух столбиков и вслушиваясь в хруст гравия под колесами машин.

Первыми прибыли леди Клементина де Уэлтон, старинная приятельница семьи, дама с манерами и высокомерием королевы, и ее подопечная — мисс Фрэнсис Доукинс (больше известная как Фэнни): тощая болтливая девица, чьи родители погибли на «Титанике»; в свои семнадцать Фэнни, по слухам, находилась в отчаянных поисках мужа. Нэнси шепнула мне, что леди Вайолет спит и видит, как бы выдать Фэнни за овдовевшего мистера Фредерика, притом последний об этих планах понятия не имеет.

Мистер Гамильтон проводил дам в гостиную к лорду и леди Эшбери и торжественно объявил об их прибытии. Я следила, как они входят — леди Вайолет впереди, Фэнни за ней — словно пузатый бокал для бренди и узкий фужер с шампанским на подносе у лакея.

Мистер Гамильтон вернулся к парадному входу, где уже появились майор с женой, и сдержанно-привычным жестом одернул обшлага. На добром лице жены — небольшой, пухленькой, русоволосой женщины — застыла печать глубокого горя. Конечно, так уверенно я говорю об этом сейчас, через много лет, однако даже тогда я поняла, что она пережила

какое-то несчастье. Хоть Нэнси и не раскрыла мне, что случилось с детьми майора, мое юное воображение, вскормленное готическими романами, разыгралось вовсю. Кроме того, я еще плохо разбиралась в нюансах отношений между полами и решила, что только трагедией можно объяснить, почему такой красивый высокий мужчина женат на такой неинтересной женщине. Давным-давно, решила я, она наверняка была хорошенькой, но потом на них свалилось какое-то страшное горе и унесло ее молодость и красоту.

Майор Джонатан, держась еще строже, чем на портрете, привычно осведомился о здоровье мистера Гамильтона, окинул вестибюль собственническим взглядом и повел Джемайму в гостиную. Когда они входили в двери, я вдруг заметила, что рука майора легла жене на талию — даже чуть ниже — жест, которого трудно было ожидать от столь сурового человека и который я до сих пор не забыла.

У меня уже затекли ноги, когда я наконец услышала, как на дорожке перед домом затормозила машина мистера Фредерика. Мистер Гамильтон с укоризной взглянул на настенные часы и открыл входную дверь.

Мистер Фредерик оказался ниже, чем я его себе представляла, и, уж точно ниже брата. Лица было не разглядеть, одни очки сверкнули. Даже когда он снял шляпу, головы все равно не поднял, только пригладил рукой светлые волосы. Лишь когда мистер Гамильтон объявил о его прибытии, взгляд мистера Фредерика скользнул по дому детства — мраморным стенам, портретам — пока не наткнулся на балкон, где, скрючившись, сидела я. И за секунду до того, как гость исчез в шумной гостиной, лицо его побледнело, будто он увидел привидение.

* * *

Неделя пронеслась незаметно. При таком количестве народу в доме я с ног сбивалась, убирая комнаты, накрывая на стол, подавая чай. Но мне даже нравилось — мама всегда учила не бояться тяжелой работы. Кроме того, я не могла дожидаться праздника. Остальные слуги предвкушали обед, а я думала только о концерте. С тех пор, как съехались взрослые гости, я почти не видела детей. Туман рассеялся так же внезапно, как лег, и над нами раскинулось такое ясное, чистое небо, что грех было сидеть дома. Каждый день, подходя к детской, я, затаив дыхание, с надеждой прислушивалась, но хорошая погода установилась надолго, и тем летом там

никто больше так и не появился. Шум, хохот и Игра переселились в сад.

И волшебство с ними. Тишина стала пустотой, исчезла та маленькая тайна, которой я когда-то наслаждалась. Теперь я работала быстро — протирала полки, не обращая внимания на корешки книг, не глядела в глаза игрушечному коню, а думала лишь о том, что сейчас делают хозяева детской. А закончив уборку, спешила дальше — дел было много. Иногда, выкатывая столик для завтрака или убирая ночной горшок из гостевой спальни на втором этаже, я слышала вдали взрывы смеха, подскакивала к окну и смотрела, как дети, фехтуя на бегу длинными палками, несутся к озеру и пропадают из виду.

Под лестницей развернулась бурная деятельность. Мистер Гамильтон постоянно повторял, что время приема гостей — экзамен для прислуги, а уж тем более для дворецкого. Ни одно распоряжение не должно застать нас врасплох, надо работать как единый, отлично смазанный механизм, мгновенно реагируя на любое изменение, исполняя каждое пожелание хозяев. Это была неделя маленьких побед, кульминацией которой станет праздничное угощение.

Рвение мистера Гамильтона оказалось заразительным — даже Нэнси испытала что-то вроде подъема и мрачновато предложила мне перемирие, приказав помогать ей в гостиной. Уборка парадных комнат пока еще не входит в мои обязанности — не преминула заметить она — но под должным руководством и ради приема гостей... Так и случилось, что к моей основной работе добавилась эта сомнительная привилегия, и каждое утро я сопровождала Нэнси в гостиную, где взрослые члены семьи прихлебывали чай и вели скучные разговоры о воскресных пикниках, европейской политике и каком-то бедняге из Австрии, убитом где-то далеко-далеко, в неведомой мне стране.

* * *

Праздничный день (воскресенье, второе августа тысяча девятьсот четырнадцатого года — я запомнила дату не столько из-за концерта, сколько из-за того, что случилось следом) совпал с моим выходным, первым с начала службы в Ривертоне. Покончив с утренней работой, я переделалась в домашнюю одежду, странно жесткую и непривычную. Расчесала волосы — выцветшие и завившиеся от того, что я все время заплетала косы, собрала их в низкий пучок на затылке. Интересно, я

изменилась? Что скажет мама? Мы не виделись всего пять недель, а мне кажется — я стала совсем другой.

Я спустилась с лестницы и тут же налетела на миссис Таунсенд, которая сунула мне в руку какой-то сверток.

— На-ка, возьми. Маме, к чаю, — негромко сказала она. — Кусок моей лимонной коврижки и пара ломтиков бисквита.

Я даже испугалась — что это с ней? Обычно миссис Таунсенд гордилась экономным ведением хозяйства не меньше, чем своим пышным суфле.

Кинув опасливый взгляд в сторону лестницы, я шепотом спросила:

— А вдруг хозяйка...

— Не твоя забота. Хватит и ей, и леди Клементине, голодными не останутся. — Она отряхнула фартук и гордо расправила плечи, так, что и без того необъятная грудь стала еще шире. — Пусть мама знает — мы тут за тобой приглядываем. — Миссис Таунсенд покачала головой. — Хорошая она была девочка, мама твоя. Что ж делать, с каждой может случиться...

Она повернулась и исчезла в кухне так же внезапно, как и появилась, оставив меня в полутемном вестибюле размышлять над ее последними словами.

Я крутила их в голове то так то этак всю дорогу до дома. Другие слуги тоже хвалили маму, чем вечно меня озадачивали. Иногда я даже казалась себе какой-то черствой. Правда, они совсем не вспоминали о чувстве юмора, без которого я маму просто не представляла. И о ее молчаливости и частой смене настроений.

Мама уже ждала, сидя на крылечке. При виде меня она поднялась.

— Я уж думала, ты меня забыла.

— Прости, с работой завозилась.

— Надеюсь, на церковь тебе хватило времени?

— Да, мам. Мы все ходим на службу в церковь Ривертон.

— Знаю, моя девочка. Я ходила туда задолго до того, как ты родилась. Что это? — спросила она, кивая на мои руки.

Я отдала ей сверток.

— От миссис Таунсенд. Она справлялась о тебе.

Мама заглянула внутрь и прикусила губу.

— Боюсь, не избежать мне сегодня изжоги.

Снова завернула пироги и сухо сказала:

— Что ж, очень мило с ее стороны.

Потом подвинулась и распахнула передо мной дверь.

— Заходи. Поможешь мне вскипятить чай и расскажешь свои новости.

Я почти не помню, о чем мы разговаривали, собеседница в тот день из меня вышла плохая. Мысли бродили не здесь, в маленькой унылой маминой кухне, а в зале дома на холме, где не так давно мы с Нэнси расставляли стулья и завешивали сцену золотистым занавесом.

Помогая маме по дому, я не забывала поглядывать на настенные часы. Их неумолимые стрелки отсчитывали минуту за минутой, приближаясь к пяти — часу концерта.

Когда мы прощались, я уже опаздывала. В ворота Ривертон я вбежала на закате и поспешила к дому по узкой извилистой дорожке. По обе стороны росли величественные деревья — наследство предков лорда Эшбери; пышные кроны смыкались на невероятной высоте, длинные ветви сплетались так, что вся тропинка превращалась в полутемный, шелестящий тоннель. В этом тоннеле, словно по волшебству, из головы вылетали посторонние мысли, и когда за последним поворотом на холме вырос дом, он каждый раз поражал заново. Как же талантлив был архитектор, сумевший увидеть в аллейке хрупких саженцев величие будущих деревьев, предугадать невероятное впечатление, которое они будут производить когда-нибудь, когда сам он уже покинет эту землю!

Когда я вышла на свет, солнце только-только скользнуло за крышу дома, затопив его розовато-оранжевыми лучами. И хотя я сгорала от нетерпения, я все-таки затормозила на секунду — поглядеть, как темный дом плывет в разноцветном сиянии. Я срезала путь — мимо фонтана «Амур и Психея», через аллею красных махровых роз леди Вайолет к черному ходу. Вестибюль был пуст, и я нарушила одно из главнейших правил мистера Гамильтона — побежала по каменному полу: в кухню, мимо стола миссис Таунсенд, заставленного пирогами и тортами, вверх по лестнице.

Дом стоял странно тихий, все уже собрались на концерт. Подбежав к позолоченной двери в зал, я остановилась, пригладила волосы, одернула юбку, скользнула внутрь, в полутемное помещение, и села у стены, вместе с другими слугами.

СПЛОШНЫЕ УСПЕХИ

Я и не думала, что в зале будет так темно. Я ведь никогда раньше не бывала на концертах, только однажды, когда мама взяла меня в Брайтон к своей сестре Ди, видела сценку с Панчем и Джуди. А сейчас окна были задернуты темными шторами, и зал освещался только принесенными с чердака прожекторами. Они горели желтым, подсвечивая сцену снизу вверх, окутывая выступавших странным мерцанием.

Сейчас была очередь Фэнни: она хлопала глазами и выводила трели, допевая последние такты модной песенки. Недотянув верхнее си, она заменила его скрипучим ля и была вознаграждена снисходительными аплодисментами публики. Фэнни жеманно заулыбалась и присела в реверансе, но кокетство не достигло цели: внимание зала было приковано к занавесу, который вспухал изнутри, обрисовывая нетерпеливые локти и колени следующих артистов.

Фэнни спустилась с правой стороны сцены, а слева уже выходили одетые в тоги Эммелин и Дэвид. Они держали в руках три длинных шеста и простыню, которая тут же превратилась во вполне приличный, хоть и кривобокий, шатер. Актеры заползли в него на коленях, зрители зашикали, призывая друг друга к молчанию.

— Леди и джентльмены! — объявил голос из-за занавеса. — Сцена из Книги Чисел.

Одобрительный шепот.

— Вообразите, что вы перенеслись в древние времена, — продолжал голос. — Семья расположилась на ночлег на склоне горы. Брат с сестрой втайне обсуждают женитьбу другого брата.

Одинокие хлопки из зала.

— Брат мой, что же сделал Моисей? — звенящим голосом заговорила Эммелин.

— Нашел себе жену, — немного ломаясь, ответил Дэвид.

— Но она не из нас, — глядя прямо в зал, объявила Эммелин.

— Ты права, сестра, — согласился Дэвид. — Она — ефиоплянка.

Эммелин потрясла головой, изображая недовольство и озабоченность.

— Он взял жену не из нашего рода. Что же с ним будет?

Внезапно из-за занавеса донесся ясный звучный голос, усиленный не иначе как с помощью свернутой из картона трубки.

— Аарон! Мариам!

Эммелин старательно изобразила ужас.

— Это я — ваш Господь, отец ваш небесный! Подойдите к скинии собрания!

Эммелин и Дэвид послушно выбрались из шатра и вышли на середину сцены. Мерцающие лампы бросали тень на простыню.

Мои глаза уже привыкли к темноте, и по знакомым очертаниям я угадала некоторых зрителей. В первом ряду, среди привилегированных гостей, я различила мешковатый подбородок леди Клементины и украшенную перьями шляпу леди Вайолет. На пару рядов дальше смотрели спектакль майор с женой. Еще ближе ко мне сидел — нога на ногу — мистер Фредерик и, вытянув шею, внимательно следил за тем, что происходит на сцене. Я всмотрелась в его профиль. Что-то не так. В мерцающих лучах рампы его скулы проступили, как у мертвеца, а глаза отсвечивали стеклянным блеском. Глаза. Мистер Фредерик был без очков. Первый раз на моей памяти.

Бог начал произносить приговор, и я снова перевела взгляд на сцену.

— Мариам и Аарон! Как же вы не убоялись упрекать раба моего, Моисея?

— Пощади нас, Господи! — взмолилась Эммелин. — Мы лишь...

— Довольно! Да падет на вас мой гнев!

Раскат грома (удар в барабан). Зрители подпрыгнули. Из-за занавеса выплыло облако дыма, который начал расползаться по сцене.

Леди Вайолет вскрикнула, и Дэвид своим обычным голосом шепнул:

— Успокойся, бабушка, так надо, это часть спектакля.

По залу пронесся нервный смех.

— Да падет на вас мой гнев! — свирепым голосом повторила Ханна, и смех прекратился. — Дщерь! — Эммелин повернулась к облаку дыма. — Ты! Поражена! Проказой!

Эммелин схватилась за лицо руками.

— Нет! — вскрикнула она и, приняв драматическую позу, снова повернулась к зрителям.

Зал ахнул. В конце концов решено было не возиться с маской, а ограничиться смесью клубничного варенья с кремом, дающей невероятно уродливый эффект.

— Вот бесенята! — оскорбленно прошептала миссис Таунсенд. — А мне ведь сказали, что берут варенье, чтоб намазать лепешки!

— Сын мой! — выдержав положенную паузу, провозгласила Ханна. — Хоть ты и совершил тот же самый грех, тебя я помилую.

— Спасибо, отец мой, — ответил Дэвид.

— Поклянись, что больше никогда не будешь злословить о жене своего брата.

— Клянусь, Господи.

— Ступай с миром.

— Но Господи! — с трудом сдерживая смех, взмолился Дэвид, простирая руки к Эммелин. — Прошу тебя: исцели мою сестру!

Аудитория замерла, ожидая, что же ответит Бог.

— Нет, — последовал ответ. — Ей придется прожить вдали от вас семь дней. Только тогда к ней вернется ее прежнее обличье.

Эммелин рухнула на колени, Дэвид положил руку ей на плечо, и тут на сцене появилась Ханна. Зал дружно охнул. На Ханне красовались безупречный мужской костюм и шляпа; в руке — трость, из кармана свисала цепочка часов, а на носу сидели очки мистера Фредерика. Она прошла по сцене, жонглируя тростью, как истинный денди, и заговорила голосом, до боли напоминающим голос отца:

— Моя дочь должна понять, что на свете правят два закона: один — для девочек, другой — для мальчиков.

Ханна перевела дух и поправила шляпу.

— А все остальное — прямая дорожка к тому, чтобы стать суффражисткой.

Зрители молчали, разинув рты.

Слуги тоже были потрясены. Я заметила, как побелел мистер Гамильтон. Но даже растерявшийся, он честно служил подпоркой для миссис Таунсенд, которая, так и не оправившись до конца от надругательства над вареньем, от нового потрясения вообще завалилась набок.

Я отыскала глазами мистера Фредерика. Он по-прежнему сидел на своем месте, прямой, как палка. Потом у него начали подергиваться плечи, и я испугалась, что с ним сейчас случится один из тех приступов ярости, о которых рассказывала Нэнси. Дети на сцене застыли, как куклы в кукольном домике, они молча смотрели на зрителей, а зрители — на них.

Ханна являла собой образец хладнокровия и совершеннейшей невинности. На секунду мы встретились глазами, и мне показалось: по лицу ее промелькнула улыбка. Я не смогла удержаться и, робея, улыбнулась было в ответ, но зоркая Нэнси тут же ущипнула меня за руку.

Сияющая Ханна взяла за руки Дэвида и Эммелин, все трое подошли к краю сцены и поклонились. Сладкая капля сорвалась с носа Эммелин и с шипением приземлилась на ближайший прожектор.

— Именно так и бывает, — раздался пронзительный голос леди

Клементины. — Я знала человека, у которого друг заразился проказой в Индии. Его нос свалился прямо в таз для умывания, когда тот брился.

И тут мистер Фредерик не выдержал. Его глаза встретились с глазами Ханны, и он расхохотался. Я никогда не слышала такого смеха — открытого, заразительного. Один за другим к нему присоединились остальные зрители. Все, кроме леди Вайолет.

Я и сама смеялась, пока Нэнси не прошипела мне на ухо:

— Ну, хватит, мисс. Пойдем, поможешь мне накрыть к ужину.

Пришлось пропустить конец представления. Впрочем, я уже увидела все, что хотела. Когда мы покинули зал и пошли по коридору, слышались затихающие аплодисменты, концерт двинулся своим чередом. А меня все переполняло какое-то странное воодушевление.

* * *

К тому времени, как мы взбили в гостиной диванные подушки и расставили подносы с кофе и яствами миссис Таунсенд, представление наконец-то закончилось, и гости спустились к ужину, пара за парой, согласно положению в обществе. Первыми шли леди Вайолет с майором Джонатаном, затем лорд Эшбери с леди Клементиной, за ними мистер Фредерик с Джемаймой и Фэнни. Хартфорды-младшие, по-видимому, остались наверху.

Все расселись, и Нэнси подвинула поднос, так, чтобы леди Вайолет было удобно разливать кофе. Пока гости оживленно беседовали, хозяйка нагнулась к креслу мистера Фредерика и, не переставая мило улыбаться, шепнула:

— Ты совершенно испортил детей.

Мистер Фредерик сжал губы. По всему было видно: этот укор он слышал не впервые.

Внимательно глядя на кофейник, леди Вайолет продолжала:

— Возможно, сейчас их выходки кажутся тебе забавными. Но настанет день, когда ты пожалеешь, что потакал им. Дети растут совершенно безнадзорными. Особенно Ханна. Девчонке нужно поменьше думать и побольше слушать старших.

Увидев, что ее слова достигли цели, леди Вайолет выпрямилась, надела на лицо маску радушного дружелюбия и передала чашку кофе леди Клементине.

Разговор зашел, как часто случалось в те дни, о положении в Европе и о том, окажется ли Британия втянутой в войну.

— Война будет. Ее не может не быть, — принимая предложенную ей чашку кофе и поудобнее устраиваясь в любимом кресле леди Вайолет, заявила леди Клементина. — И нам всем придется нелегко. Мужчинам, женщинам, детям. Немцы — настоящие варвары. Разграбят страну, перебьют всех младенцев и возьмут в рабство добропорядочных английских женщин, чтобы мы рожали им маленьких гуннов. Вот попомните мои слова, я редко ошибаюсь. Еще лето не кончится, как мы уже будем воевать.

— Стоит ли так преувеличивать, Клементина? — сказала леди Вайолет. — Война — если она вообще начнется — не будет такой ужасной. Сейчас не те времена.

— Именно, — поддержал ее лорд Эшбери. — Это будет совсем новая война, война двадцатого столетия. Тем более, ни один варвар никогда не поднимет дубины на англосакса.

— Может быть, и не стоит этого говорить, — прощепетала Фэнни, подпрыгивая на краешке кресла так, что тряслись все ее кудряшки, — но я надеюсь, что война все-таки будет. — Она тут же обернулась к леди Клементине. — Нет, тетушка, я не о смерти и мародерстве, это все, разумеется, ужасно. Но как же мне нравятся мужчины в форме! — Фэнни кокетливо стрельнула глазами в сторону майора. — Вчера я получила письмо от своей подруги Марджери... Вы помните Марджери, тетя Клем?

Леди Клементина опустила тяжелые веки:

— К несчастью, да. Бестолковая девица с провинциальными манерами. — Она наклонилась к леди Вайолет: — Выросла в Белфасте, так что сами понимаете... Одно слово — ирландская католичка.

Я невольно глянула на Нэнси — та заметно напряглась, но, поймав мой взгляд, одарила меня сердитой гримасой.

— Ну так вот, — продолжала Фэнни, — семья Марджери отдыхала на море, и когда она встречала маму на станции, почти все вагоны были заняты резервистами, которые ехали к месту назначения. Так волнующе!

— Фэнни, дорогая, — попивая кофе, произнесла леди Вайолет. — Мне кажется, это дурной вкус — желать войны, просто потакая своим чувствам. Не правда ли, Джонатан?

Стоявший у незажженного камина майор горделиво выпрямился.

— Хотя я не могу разделить побуждений Фэнни, я, тем не менее, разделяю ее порыв. Я также надеюсь, что мы вступим в войну. Развели черт знает что у себя там, на континенте — простите мне столь сильное

выражение, мама, леди Клем, — но по-другому это не назовешь. Им просто необходимо вмешательство старой доброй Британии, которая все уладит. Даст варварам хорошего пинка.

В гостиной поднялся одобрителный гул, а Джемайма сжала руку мужа, преданно глядя на него пуговичными глазками.

Старый лорд Эшбери воинственно пыхнул трубкой.

— Вот это правильно, — объявил он, откидываясь на спинку кресла. — Это по-нашему. Только война делает из мальчишек настоящих мужчин.

Мистер Фредерик заерзал на стуле, принял от леди Вайолет свой кофе и начал набивать трубку.

— А вы, Фредерик? — застенчиво спросила Фэнни. — Чем вы займетесь, если начнется война? Вы же не перестанете делать автомобили, правда? Ужасно, если из-за глупой войны исчезнут такие хорошенькие блестящие автомобили. Я бы не хотела снова пересаживаться в экипаж.

Мистер Фредерик, смущенный кокетством Фэнни, полез в карман за табаком.

— Не волнуйтесь. За машинами — будущее.

Он наконец набил трубку и пробормотал себе под нос:

— Война нужна, чтобы дамам было о чем поговорить...

Тут дверь гостиной распахнулась, и в комнату все еще горя возбуждением, влетели Ханна, Эммелин и Дэвид. Девочки уже успели переодеться в одинаковые платья с матросскими воротниками.

— Замечательно сыграли! — похвалил лорд Эшбери. — Я, правда, ни слова не слышал, но сыграли замечательно.

— Да, очень мило, — согласилась с ним леди Вайолет. — Только на следующий год позвольте бабушке помочь вам с выбором главы.

— А ты, Па? — допытывалась Ханна. — Тебе понравилось?

— Мы обсудим некоторые моменты позже, хорошо? — ответил мистер Фредерик, старательно избегая взгляда матери.

— Дэвид! — дребезжащий голосок Фэнни перекрыл голоса остальных. — А мы тут говорим о войне. Ты пойдешь на фронт, если Британия вступит в войну? Из тебя бы вышел лихой офицер.

Дэвид взял чашку кофе из рук леди Вайолет и сел.

— Я об этом как-то не думал, — наморщив нос, ответил он. — Наверное, пойду. Говорят, в наше время это единственный шанс для мужчины совершить подвиг.

Он кинул смеющийся взгляд на Ханну и, не в силах удержаться, добавил:

— Прости, сестренка, но девочек в армию не берут.

Фэнни залилась таким пронзительным смехом, что веки леди Клементины затрепетали.

— Не глупи, Дэвид. Ханна никогда не пошла бы на войну. Это просто смешно.

— Пошла бы, — яростно возразила Ханна.

— Но, дорогая, — потрясение молвила леди Вайолет. — Тебе даже нечего туда надеть!

— Она бы надела брюки и сапоги для верховой езды, — съехидничала Фэнни.

— Или костюм, — предложила Эммелин. — Как сегодня. Только без шляпы.

Мистер Фредерик поймал осуждающий взгляд матери и торопливо откашлялся.

— Хоть будущее одеяние Ханны и вызывает столь глубокий интерес, смею напомнить, что этот вопрос не для обсуждения. Ни она, ни Дэвид воевать не собираются. Девочек на фронт не берут, а Дэвид еще учится в школе. Он найдет другой способ послужить Англии и королю. — Он повернулся к Дэvidу: — Когда ты закончишь сперва Итон, а потом Сандхерст, тогда дело другое.

— Если я закончу Итон и если я пойду в Сандхерст, — поправил сквозь зубы Дэвид.

Наступила тишина, кто-то откашлялся, стало слышно, как мистер Фредерик постукивает ложечкой по чашке. В конце концов он прервал затянувшуюся паузу:

— Дэвид шутит. Правда, сын? — Тишина стала натянутой. — Да?

Дэвид с напряжением моргнул, и я заметила, как чуть заметно дрожит его подбородок.

— Да, — сказал он наконец. — Конечно я шучу. Просто хотел разрядить атмосферу, знаете — все эти разговоры о войне... Наверное, не получилось. Простите. Бабушка... Дедушка...

Он кивнул им по очереди, а я увидела, как Ханна сжала ладонь брата.

— Согласна с тобой, Дэвид, — улыбнулась леди Вайолет. — Давайте не станем говорить о войне, которая, быть может, никогда и не наступит. Попробуйте лучше замечательные бисквиты миссис Таунсенд. — Она кивнула Нэнси, и та еще раз обнесла гостей.

Некоторое время все молча жевали бисквиты, пытаюсь найти для беседы тему столь же занимательную, как грядущая война. Судовые часы на камине отсчитывали минуту за минутой. Наконец, леди Клементина

сказала:

— Сражения сражениями, но настоящие убийцы во время войны — болезни. С поля боя вечно приходит всякая зараза. Сами увидите, — уверенно кивнула она. — Как только война начнется, так и эпидемии за ней.

— Если начнется, — поправил Дэвид.

— А как мы узнаем про войну? — с круглыми глазами спросила Эммелин. — К нам что, приедет кто-то из правительства и предупредит?

Лорд Эшбери проглотил бисквит целиком.

— Один из членов нашего клуба говорит, что объявление ожидается со дня на день.

— Я чувствую себя, словно дитя в сочельник, — сказала Фэнни, нервно сплетая пальцы. — Когда не можешь дождаться утра, чтобы развернуть подарки.

— Я бы не относился к событиям столь восторженно, — отозвался майор. — Если Британия вступит в военные действия, они растянутся на несколько месяцев. До Рождества, как минимум.

— Тем более, — кивнула леди Клементина. — Я завтра же отошлю лорду Гиффорду письмо с программой моих похорон. И вам, кстати, рекомендую сделать то же самое. Пока не поздно.

Никогда раньше я не слышала, чтобы кто-то говорил о своих похоронах, а уж тем более — их планировал. Мама бы сказала, что такие разговоры — к несчастью, и заставила бы бросить щепотку соли через плечо. Я с изумлением уставилась на леди Клементину. Нэнси рассказывала мне о ее угрюмом нраве — под лестницей часто вспоминали, как она склонилась над кроваткой новорожденной Эммелин и уверенно изрекла, что такое прелестное дитя ненадолго задержится в нашем мире. И все равно — слова о похоронах меня поразили.

Хартфорды, напротив, явно привыкли к подобным высказываниям — никто даже и не моргнул.

Ханна распахнула глаза в притворной обиде:

— Вы что же, думаете, что мы похороним вас без должных почестей, леди Клементина? — Она очаровательно улыбнулась и взяла пожилую даму за руку. — Я лично прослежу за тем, чтобы прощание с вами состоялось по всем правилам.

— Ну уж нет, — фыркнула леди Клементина. — Если сам не займешься приготовлениями, неизвестно, кто займется ими потом. — Она выразительно поглядела на Фэнни и раздула и без того большие ноздри. — Нет, нет. Я такие вещи планирую за много лет.

— В самом деле? — с искренней заинтересованностью спросила леди Вайолет.

— Разумеется, — ответила леди Клементина. — Похороны — один из самых важных моментов в жизни, и мои станут настоящим событием.

— С удовольствием погляжу, — сказала Ханна.

— Да уж пожалуйста, — сказала леди Клементина. — В наше время нельзя упустить ни одну мелочь. Люди теперь ничего не прощают, к чему мне критические статьи?

— Стоит ли придавать статьям такое значение? — заметила Ханна, тут же заработав сердитый взгляд от отца.

— Может быть, и нет, — ответила леди Клементина, — но... — Она наставила униженный драгоценностями палец сперва на Ханну, потом на Эммелин и затем на Фэнни. — Не считая объявления о свадьбе, некролог — единственный шанс для женщины попасть в газеты. — Она подняла глаза к потолку. — И дай бог, чтобы пресса была к ней благосклонна, ибо второго шанса у нее уже не будет.

* * *

Концерт прошел с успехом, и теперь, для того чтобы назвать ежегодный съезд гостей удавшимся, не хватало только обеда. Он должен был стать кульминацией нашего недельного труда, последним триумфом перед тем, как гости разъедутся и на Ривертон вновь опустится тишина. Приглашенные ожидали даже из Лондона (миссис Таунсенд сама слышала, что к нам собирается лорд Понсоби, один из кузенов короля), и мы с Нэнси под строгим надзором мистера Гамильтона потратили почти весь день, накрывая стол на двадцать человек.

Нэнси вслух называла каждый прибор перед тем, как поставить или положить его на место: столовая ложка, вилка и нож для рыбы, два ножа, две вилки и четыре хрустальных бокала разной величины. Мистер Гамильтон с рулеткой и чистым полотенцем обходил стол следом за нами, следя за тем, чтобы приборы находились на нужном расстоянии друг от друга, и его собственное отражение сурово взирало на него с каждой ложки. В центре стола, покрытого белой льняной скатертью, мы поставили хрустальную вазу с глянцевыми фруктами и украсили ее плющом и красными розами. Мне самой страшно понравилась эта композиция, она отлично подходила к парадному сервизу ее светлости — свадебному

подарку, вручную расписанному в Венгрии узором из виноградных лоз, яблок и темно-красных пионов, и, по словам Нэнси, с ободками из настоящего золота.

Карточки с именами, написанные аккуратным почерком леди Вайолет, мы разложили согласно тщательно составленной ею схеме. Нельзя пренебрегать размещением гостей за столом, учила Нэнси. Более того, успех или провал обеда часто зависит именно от того, кто где сидит. Славу превосходной — а не просто хорошей — хозяйки принесло леди Вайолет как раз ее умение, во-первых, пригласить нужных людей, а во-вторых, ловко рассадить веселых и остроумных гостей среди скучных, но полезных.

К сожалению, я ничего не могу рассказать о торжественном обеде тысяча девятьсот четырнадцатого года, так как, хоть мне и позволили накрыть на стол, до того, чтобы прислуживать гостям, я еще не доросла. Даже Нэнси, к ее досаде, к столу не допустили, так как стало известно, что лорд Понсоби не выносит служанок. Лишь распоряжение мистера Гамильтона остаться наверху и спрятаться в укромном уголке, чтобы принимать и спускать вниз на кухонном лифте тарелки, которые они с Альфредом будут выносить из столовой, немного ее утешило. Хоть будет потом что рассказать остальным на кухне, решила Нэнси. Она услышит, о чем говорят гости, хоть и не увидит: кто и кому.

Мне мистер Гамильтон приказал встать внизу у лифта. Сказал, что это будет мой боевой пост. Я подчинилась, стараясь не обращать внимания на поддразнивания Альфреда, который смеялся, что с таким часовым, как я, пост сейчас наступит у гостей — вместо обеда. Он вечно над всеми подтрунивал, шутки были беззлобные, и другие слуги охотно смеялись вместе с ним, только я никак не могла привыкнуть — ежилась всякий раз, когда оказывалась в центре внимания.

Я с восхищением глядела, как под потолком исчезает блюдо за блюдом, одно прекрасней другого — суп «под черепаху», рыба, «сладкое мясо»,^[6] перепела, спаржа, картофель, абрикосовый пирог, бланманже — чтобы смениться грязными тарелками и пустыми подносами.

Пока важные гости вели беседы в столовой, миссис Таунсенд управляла пыхтящей и свистящей кухней, будто новым блестящим автомобилем, вроде тех, что уже начали появляться в деревне. С невероятным для ее огромного тела проворством она металась между столами, притворно поругивая хрустящую корочку пирожков; от жара плиты по красным щекам стекали капли пота. Единственным человеком, которого не заразил ее энтузиазм, была бедная Кэти — всю первую

половину дня она, с перекошенной физиономией, чистила невероятное количество картошки, всю вторую — скребла бесчисленное множество кастрюль.

Наконец, когда вверх отправились кофейники, молочники и полные рафинада сахарницы на серебряных подносах, миссис Таунсенд развязала фартук — сигнал к отдыху для всех нас. Повесила фартук на крючок у плиты, подобрала выбившиеся из пучка седые волосы и, утирая мокрый лоб, позвала:

— Кэти! — Она покачала головой. — Кэти! Что за девчонка! Вечно крутится под ногами, а когда нужна — нет ее!

Миссис Таунсенд доковыляла до обеденного стола и, привычно вздохнув, опустилась на свое место. В дверях появилась Кэти с мокрой губкой в руках.

— Да, миссис Таунсенд?

— Ох, Кэти! — заворчала та. — О чем ты только думаешь?

— Ни о чем, миссис Таунсенд.

— Вот именно. Гляди — весь пол залила. — Миссис Таунсенд снова покачала головой и вздохнула. — Иди, поищи тряпку и вытри за собой, а то, если мистер Гамильтон увидит, тебе несдобровать.

— Сейчас, миссис Таунсенд.

— А когда вытрешь, свари-ка нам горячего какао.

Кэти пошлепала назад, чуть не столкнувшись по пути с Альфредом, который ссыпался с лестницы — азартный, с горящими глазами.

— Кэти! Глядеть нужно! Я ведь чуть тебя не сшиб! — Он влетел в кухню, сияя своей открытой, почти детской улыбкой. — Добрый вечер, леди!

— Ну, Альфред? — снимая очки, осведомилась миссис Таунсенд.

— Ну, миссис Таунсенд? — отозвался Альфред, глядя на нее круглыми карими глазами.

— Ну? — повторила она, хлопнув в ладоши от нетерпения. — Не томи!

Я уселась на свое место, сняла туфли и вытянула ноги. Альфреду было двадцать — высокий, с красивыми руками и мягким голосом, он служил у лорда и леди Эшбери с тех пор, как пошел работать. Мне казалось, что миссис Таунсенд питает к нему некоторую слабость, хотя сама она ничего такого не говорила, а я не решалась спрашивать.

— Не томить? — переспросил Альфред. — Не понимаю я вас, миссис Таунсенд.

— Не понимает он, смотри ты! — тряхнула она головой. — Как все

прошло? Говорили что-нибудь интересное?

— Знаете, миссис Таунсенд, — замялся Альфред, — я не могу ничего сказать, пока не спустится мистер Гамильтон. Это будет нечестно.

— Слушай, все, о чем я спрашиваю — понравилась ли хозяевам и гостям еда. Мистеру Гамильтону до этого мало дела, так?

— Не знаю, не знаю, миссис Таунсенд, — подмигнув мне, упорствовал Альфред. Я покраснела. — Хотя я заметил, что лорд Понсоби положил вторую порцию картофеля.

Миссис Таунсенд усмехнулась и кивнула сама себе.

— Это миссис Дэвис, кухарка лорда и леди Бэссингстоук, рассказала мне, что лорд Понсоби очень любит картофель в сливочном соусе.

— Любит? Хорошо, что он остальным хоть по чуть-чуть оставил!

Миссис Таунсенд вскрикнула, но глаза ее засияли.

— Альфред! Как тебе не стыдно так говорить! Если бы мистер Гамильтон слышал...

— Если бы мистер Гамильтон слышал что? — В дверях появилась Нэнси и села на свое место, снимая с головы наколку.

— Я просто рассказывал миссис Таунсенд, как леди и джентльмены хорошо кушали, — объяснил Альфред.

Нэнси закатила глаза.

— В жизни не видела таких пустых тарелок. Вон и Грейс подтвердит. — Я кивнула. — Может быть, не стоит опережать мистера Гамильтона, но я все-таки скажу: миссис Таунсенд, вы превзошли саму себя.

Миссис Таунсенд оправила блузку на необъятной груди.

— Ну разумеется, — самодовольно сказала она. — Мы все неплохо поработали.

Звон фарфора заставил всех повернуть головы к двери. Семенящими шажками вошла Кэти, крепко сжимавшая поднос. При каждом шажке какао переливалось через края чашек.

— Кэти, — сказала Нэнси, когда поднос очутился наконец на столе. — Ну что за грязь ты развела! Полюбуйтесь, миссис Таунсенд.

Миссис Таунсенд возвела глаза к небу.

— Мне все чаще кажется, что я зря трачу время на эту девчонку.

— Ну, миссис Таунсенд, — заныла Кэти. — Я же правда старалась! Я же не думала...

— Не думала о чем, Кэти? — осведомился вошедший в кухню мистер Гамильтон. — Что ты опять натворила?

— Ничего. Просто хотела подать какао.

— Да уж подала так подала, бестолковая, — сказала миссис Таунсенд. — Возвращайся в кухню и мой тарелки, а то вода остынет. Если уже не остыла.

Она покачала головой вслед судомойке и повернулась к мистеру Гамильтону:

— Ну что, мистер Гамильтон, все уехали?

— Да, миссис Таунсенд. Я только что проводил последних гостей — лорда и леди Дэнис.

— А семья?

— Леди уже легли. Его светлость, майор и мистер Фредерик допивают херес в гостиной и вскоре тоже разойдутся.

Мистер Гамильтон положил руки на спинку стула и замолчал, глядя куда-то вдаль — верный знак, что сейчас прозвучит важная речь. Мы застыли на своих местах. Он откашлялся.

— Мы все можем гордиться собой. Обед удался, хозяева нами довольны. — Мистер Гамильтон гордо улыбнулся. — Более того — хозяин позволил нам откупорить бутылку шампанского, чтобы отпраздновать успех. В знак благодарности, как он сказал.

Под наши аплодисменты мистер Гамильтон извлек бутылку из буфета, а Нэнси тем временем достала фужеры. Я сидела тихо, как мышка, глядя, как мистер Гамильтон разливает шампанское, и пересчитывала фужеры, гадая, достанется ли один и мне. Я к таким церемониям не привыкла, нам с мамой как-то нечего было праздновать.

Когда на столе остался всего один пустой фужер, мистер Гамильтон сдвинул очки на кончик длинного носа и внимательно посмотрел на меня.

— Да, — сказал он наконец. — Думаю, сегодня даже юная Грейс может позволить себе капельку шампанского. Не каждый вечер хозяева удостоивают нас такой милости.

Я благодарно взяла фужер, а мистер Гамильтон поднял свой повыше.

— За здоровье тех, кто живет и работает в этом доме, — провозгласил он. — Желаю вам долгих и счастливых лет жизни!

Мы чокнулись, и я откинулась на спинку стула, попивая незнакомый напиток и чувствуя, как лопаются во рту пузырьки. И потом, до самой старости, стоило мне поднести к губам бокал шампанского, как я вспоминала тот вечер в Ривертоне. Нас переполняли восторг и благодарность к лорду Эшбери. Альфред улыбался мне, подняв свой фужер, и я робко улыбалась в ответ, слушая, как остальные обсуждают подробности обеда: у леди Дэнис потрясающие бриллианты, у лорда Харкорта современные взгляды на брак, а лорд Понсоби обожает

картофель.

И тут раздался пронзительный звон. Все замолчали, всполошено переглядываясь друг с другом, пока мистер Гамильтон не вскочил со стула со словами:

— Что же я! Это же телефон! И выбежал из кухни.

Лорд Эшбери одним из первых в Англии освоил новый вид связи, и весь дом невероятно этим гордился.

Новый аппарат стоял в холле, возле выхода из буфетной, так, чтобы мистер Гамильтон мог без промедления ответить на звонок и переключить его наверх. К сожалению, такое случалось нечасто, так как мало кто из знакомых лорда и леди Эшбери мог похвастаться собственным телефоном. Тем не менее, аппарат вызывал почти что религиозное поклонение, и все зашедшие по делам под тем или иным предлогом наведывались в холл: своими глазами посмотреть на священный предмет и проникнуться невероятным уважением к прислуге Ривертона.

Потому неудивительно, что нас так взбудоражил неожиданный звонок. К тому же, час был поздний, и удивление быстро сменилось тревогой. Мы замерли, наострив уши и затаив дыхание.

— Ал-ло-о-о? — нараспев произнес мистер Гамильтон. — Ал-ло-о-о?

В кухню пришлепала Кэти.

— Там что-то странное звенело. А-а-а, вы все шампанское пьете?

На нее зашикали. Кэти села за стол и принялась грызть ногти.

Из холла доносился голос мистера Гамильтона.

— Да, это дом лорда Эшбери... Майор Хартфорд? Да, майор Хартфорд здесь, у родителей... Да, сэр, сию же минуту. Как вас представить?.. Одну секунду, капитан Браун, соединяю.

— Майору звонят, — громко прошептала миссис Таунсенд, и мы приготовились слушать дальше. Со своего места я видела профиль мистера Гамильтона — приоткрытый рот, закаменевшая шея.

— Простите, сэр, — сказал он в трубку. — Мне очень неприятно прерывать вашу беседу, сэр, но майора просят к телефону. Капитан Браун из Лондона, сэр.

Мистер Гамильтон замолчал, но трубку не повесил. Он всегда ждал, когда заговорит второй собеседник, чтобы удостовериться, что звонок не сорвался.

Я вдруг заметила, как сжались его пальцы. Неужели я действительно это помню? Или уже потом придумала, что он напрягся и часто задышал?

Мистер Гамильтон бесшумно положил трубку и одернул куртку. Медленно вернулся на свое место во главе стола и остался стоять, крепко

сжимая спинку стула. Оглядел всех по очереди. И тяжело произнес:

— Сбылись наши худшие страхи. В одиннадцать часов вечера Британия вступила в войну. Да хранит нас всех Господь.

* * *

Я плачу. Даже через столько лет я плачу о них. Странно. Это случилось так давно, те люди не были моими близкими, и все-таки теплые слезы текут и текут из глаз, скатываются по дорожкам морщин, высыхают на холодном ветру.

Приходит Сильвия, приносит салфетку и вытирает мне щеки. Для нее мои слезы — просто старческая немощь. Один из безобидных признаков преклонного возраста.

Она не знает, почему я плачу. Когда я перечитываю любимые книги, какая-то часть моей души требует иного конца. Так и тут — без всякой надежды я надеюсь, что война не наступит. Что в этот раз она обойдет нас стороной.

Смешно, не правда ли? Старушечьи бредни. Ведь вы не хуже меня знаете, что смерть не остановить и война уже на пороге.

**Журнал «Мистери
мейкер»**

Зима 1998 года

КРАТКИЕ НОВОСТИ

СМЕРТЬ ЖЕНЫ ПИСАТЕЛЯ: СЕРИЯ КНИГ ПРО ИНСПЕКТОРА АДАМСА ПРИОСТАНОВЛЕНА

Лондон: поклонников, с нетерпением ожидающих выхода шестой книги из серии «Инспектор Адамс», ждет разочарование. Автор, Марк Маккорт, приостановил работу над романом «Котел смерти» в связи с тем, что в октябре его жена, Ребекка Маккорт, скорострительно скончалась от аневризмы.

Маккорт отказывается встречаться с журналистами, однако из достоверных источников нам стало известно, что после смерти жены писатель переживает творческий кризис. Британский издатель Маккорта «Рэймс энд Стокуэлл» дать комментарии также отказался.

Одно из американских издательств, «Формэн Льюис», недавно купило первый из пяти романов Маккорта за сумму, которая в открытой печати не разглашается, но число, по слухам, получилось семизначное. «Говорящее преступление» выйдет осенью 1997 года. Предварительный заказ — в Интернет-магазине «Амазон».

Ребекка Маккорт тоже была писательницей. Ее дебютный роман «Чистилище» — выдуманная история о незаконченной десятой симфонии Малера — был номинирован на литературную премию «Орандж прайз» в 1996 году.

Ребекка с Марком расстались незадолго до ее смерти.

НА ГЛАВНОЙ УЛИЦЕ

Надвигается дождь. Ноет поясница — самый тонкий метеорологический прибор. Всю ночь я пролежала без сна, тело маялось, как само Время: каждая косточка стонала и жаловалась, будто вспоминая о былой легкости. Я крутилась и ворочалась, безуспешно призывая сон, который все маячил где-то рядом — и не отгонишь, и не ухватишь. Досада сменилась усталостью, усталость — тоской, а тоска — страхом. Страхом, что ночь никогда не кончится, и я попала в западню, в мрачный, длинный бесконечный тоннель.

Но довольно перечислять болячки, а то я надоем даже самой себе. В конце концов я, видимо, заснула, потому что утром проснулась, а одного без другого не бывает. Я все еще лежала в постели, в перекрученной ночной сорочке, помятая от бессонницы, когда в комнату влетела девушка в рубашке с закатанными рукавами и с тонкой косой, такой длинной, что она задевала ее джинсы, и отдернула шторы, впустив солнечный свет. Сильвии нет, значит, сегодня воскресенье.

Девушка — судя по значку, ее звали Элен — отвела меня в душ, крепко схватив за руку, чтобы я не упала. Ее вишневые ногти глубоко вдавились в мою дряблую кожу. Элен перекинула косу через плечо и начала намыливать меня, смывая кошмары ночи и мурлыча незнакомую мне мелодию. Когда с мытьем было покончено, она усадила меня на пластмассовое сиденье и оставила отмокать под теплым душем. Двумя руками я ухватилась за поручень и, тоже напевая, наклонилась вперед, так чтобы вода стекала по спине.

С помощью Элен я вытерлась, оделась и к половине восьмого уже сидела в столовой. Там я постаралась впихнуть в себя резиновый тост и чашку кофе в ожидании, когда появится Руфь и отведет меня в церковь.

Я не слишком-то религиозна. Более того — бывали моменты, когда вера и вовсе покидала меня, и я восставала против небесного отца, который посылает своим детям такие кошмарные испытания. Правда, потом я примирилась и с ними. Время — великий лекарь. К тому же, Руфь любит ходить в церковь, и мне не сложно сделать ей приятное.

Сейчас Великий пост, время подумать о душе и покаянии перед Пасхой. Кафедра в церкви покрыта красным. Проповедь получилась очень душевной, ее тема — вина и прощение — замечательно подходила к тому, чем я собираюсь заняться. Священник читал из Иоанна, призывая паству не

поддаваться всеобщей истерии в связи с наступающим миллениумом, а искать мира в душе. «Я есмь путь и истина и жизнь, — читал он, — никто не приходит к Отцу, как только через Меня». А потом призвал нас в канун миллениума брать пример со святых апостолов. За исключением, разумеется, Иуды — нет большого подвига в том, чтобы повторить путь предателя, который продал Христа за тридцать сребреников, а потом повесился.

По традиции, после службы мы прогулялись до Хай-стрит, чтобы выпить чаю «У Мэгги». Мы всегда пьем чай «У Мэгги», хотя сама Мэгги — с одним чемоданчиком и мужем лучшей подружки — уехала из нашего города много лет назад. Сегодня утром, когда я под руку с Руфью спускалась по Черч-стрит, я заметила, что на кустах ежевики, что растут по обе стороны дороги, набухли почки. Который раз повернулось колесо времени, который раз к нам идет весна.

Мы немного отдохнули на лавочке под столетним вязом, чей необъятный ствол высится на перекрестке Черч-стрит и Саффрон-Хай-стрит. Зимнее солнце играло в переплетении голых ветвей и согревало мне спину. На излете зимы случаются такие странные дни — и холодно, и жарко одновременно.

От вяза хорошо просматривается вся главная улица, которая тянется до рыночной площади, где переходит в Рэйлуэй-стрит. Я оперлась на трость и глядела, как люди идут туда-сюда, заходят в магазины, останавливаются поболтать со знакомыми; каждый — ось своей собственной сферы вращения. Я нечасто выхожу в центр города и забываю, что за стенами «Вереска» жизнь идет своим чередом.

* * *

Когда я была девочкой, по этим улицам ездили лошади, коляски и экипажи. После войны к ним добавились автомобили: «Остин» и «Гин Лиззи», с шоферами в лупоглазых очках и с пронзительными гудками. Дороги тогда были пыльные, все в выбоинах и конском навозе. Пожилые леди толкали перед собой детские коляски на колесах со спицами, а мальчишки с бездумными взглядами продавали из коробок газеты.

На углу, там, где сейчас заправка, торговала солью Вера Пипп — жилистая тетка в матерчатой кепке и с небольшой глиняной трубкой в зубах. Спрятавшись за мамину юбку, я в испуге таращилась на огромный

крюк, которым она отламывала глыбы соли. Миссис Пипп бросала их на ручную тележку, а потом пилой и ножом распиливала на мелкие кусочки. Этот крюк и глиняная трубка часто снились мне в кошмарах.

На другой стороне улицы стоял ломбард с тремя медными шарами у входа, как было принято в то время по всей Британии. Мы с мамой заходили туда каждый понедельник, чтобы за несколько шиллингов заложить наши воскресные платья. В пятницу, когда из ателье приходили деньги за штопку, мама посылала меня выкупить одежду, чтобы было в чем пойти в церковь.

Больше всего я любила ходить к бакалейщику. Теперь там фотоателье. Последнюю бакалейную лавку закрыли то ли десять, то ли двадцать лет назад, когда построили супермаркет на Бридж-роуд. А во времена моего детства в ней распорядились длинный тощий дядька с густыми бровями и смешным акцентом и его маленькая пухлая жена; оба старались выполнить любые, пусть и самые заковыристые желания покупателя. Даже во время войны мистер Георгиас ухитрялся найти лишнюю пачку чая — за соответствующие деньги, понятно. Девчонкой я считала бакалейную лавку настоящей страной чудес. Я заглядывала внутрь через окно, упиваясь видом ярких коробок с «птичьим молоком», мармеладом и имбирным печеньем «Хантли и Палмер», расставленных аккуратными пирамидами. Сокровища, которым не было места у нас дома. На гладких просторных прилавках лежали желтые бруски масла и сыра, стояли коробки со свежими — а иногда еще и теплыми — яйцами и сушеной фасолью, которую взвешивали на медных весах. Иногда — о счастливые дни! — мама приносила из дома горшок, и мистер Георгиас доверху наполнял его темной патокой.

Руфь похлопала меня по руке, помогла подняться, и мы отправились дальше по улице — к выцветшему красно-белому навесу кафе «У Мэгги». Меню в поцарапанной черной обложке предложило нам обычный набор современных закусок: капучино, куриные сэндвичи, пиццу с томатом — но мы, как обычно, заказали две чашки чая и ячменную лепешку на двоих и уселись за столик у окна.

Наш заказ подала незнакомая и, судя по неловкости, с которой она держала поднос с чаем и лепешкой, неопытная официантка.

Руфь неодобрительно взглянула на дрожащие руки девушки, а при виде лужиц на подносе подняла брови. Но от упреков удержалась, лишь поджала губы и расстелила между чашками бумажную салфетку

Мы попивали чай, как у нас водится, молча, пока Руфь не подвинула мне свою тарелку со словами:

— Доешь и мою половинку. Ты очень похудела.

Я хотела ответить ей фразой миссис Симпсон^[7] — женщина не может быть слишком богатой и слишком стройной — да передумала. Руфь никогда не дружила с чувством юмора, а в последнее время оно покинуло ее окончательно.

Конечно, я похудела. У меня совсем нет аппетита. Нет, я не потеряла чувство голода, скорее, чувство вкуса. А когда у человека отмирает последний вкусовой сосочек, ему становится незачем есть. Смешно. Когда-то в юности я мечтала об идеальной фигуре — тонкие руки, маленькая грудь, интересная бледность — вот и домечталась. Только идет она мне гораздо меньше, чем когда-то Коко Шанель.

Руфь стряхнула с губ несуществующие крошки, откашлялась, сложила салфетку пополам, потом вчетверо и прижала ножиком.

— Мне надо купить кое-что в аптеке, — сказала она. — Подождешь меня?

— В аптеке? — встревожилась я. — А что случилось? Дочери уже за шестьдесят, у нее взрослый сын, а сердце у меня все равно екает.

— Ничего, — ответила она. — Ничего страшного. — И объяснила шепотом: — Просто снотворное.

Я кивнула; мы обе знали, почему Руфь не может спать. Беда сидела между нами, связанная уговором не обсуждать ее. Или его.

Руфь торопливо нарушила молчание:

— Посиди, я быстро. Здесь не холодно, отопление работает. — Она взяла сумочку, пальто и смерила меня подозрительным взглядом. — Ты ведь никуда не уйдешь, правда?

Я покачала головой, и Руфь заторопилась к двери. Она почему-то все время боится, что я куда-нибудь испарюсь в ее отсутствие. Интересно, куда, по ее мнению, мне так хочется сбежать?

В окно я увидела, как она смешалась с прохожими. Все теперь другое — размеры, формы. И цвета, даже здесь, в Саффроне. Интересно, что сказала бы на это миссис Таунсенд?

Торопливая мама проволокла за собой краснощекого малыша, закутанного, как шарик. Ребенок — девочка или мальчик, не разберешь, — серьезно уставился на меня большими круглыми глазами, еще не знакомый с правилами хорошего тона. В памяти будто молния сверкнула.

Это же я, только давным-давно — мама тащила меня за собой, переходя через улицу. Точно-точно! Мы шли мимо этого самого здания, только тогда тут было не кафе, а мясная лавка. В витрине на белых мраморных плитах рядами лежали куски мяса, с потолка, над посыпанным

опилками полом, и снаружи — над тротуаром — свисали говяжьи туши, гуси, фазаны и кролики. Мистер Хоббинс, мясник, помахал мне рукой, и мне тут же захотелось, чтобы мама купила хороший кусок мяса и сварила дома суп.

Я тащилась мимо витрины, представляя себе, как этот суп — с мясом, с луком, с картошкой — кипит у нас на плите, наполняя крошечную кухню вкусным-превкусным запахом. Мне даже показалось, что на улице запахло бульоном.

Но мама не остановилась. Даже не подумала. Ее каблуки все так же стучали по тротуару, и внезапно мне захотелось напугать ее, наказать за то, что мы такие бедные, притвориться, будто я потерялась.

Я стояла на месте, уверенная, что мама вот-вот меня хватится и побежит обратно. Может быть — ну, вдруг? — она так обрадуется, когда я найдусь, что передумает и все-таки купит мяса...

И вдруг меня развернуло и потащило вдоль по улице обратно, туда, откуда мы пришли. Я тут же поняла, что случилось — какая-то женщина зацепила авоськой пуговицу моего пальто и поволокла меня за собой. Отчетливо помню, как я потянулась к ее широкому заду — просто похлопать, чтобы она отпустила меня, — но, застеснявшись, отдернула руку, не переставая торопливо перебирать ногами, чтобы не отстать. Так мы перешли через дорогу, и тут я заплакала. Я потерялась и с каждым шагом оказывалась все дальше и дальше от мамы. Я никогда больше ее не увижу. Теперь я во власти этой совершенно незнакомой леди.

И тут на другой стороне улицы я заметила среди прохожих маму! Какое счастье! Я хотела закричать, но от слез у меня перехватило дыхание. Я замахала руками, подвывая, всхлипывая.

Мама повернулась и увидела меня. Застыла на мгновение, прижав к груди худую руку, и через секунду уже была на моей стороне улицы. К тому времени и женщина почувствовала наконец, что тащит за собой незваного пассажира, и остановилась в испуге. Повернулась, увидела высокую незнакомку с изможденным лицом и ее измазанное слезами отродье, и с ужасом прижала сумку к груди.

— Пошли вон! Пошли вон, а не то я позову констебля!

Кругом, почуяв скандал, начали собираться люди.

Мама извинялась перед женщиной, а та глядела на нее, как на крысу в чулане. Мама пыталась объяснить, что произошло, а та отодвигалась все дальше и дальше, так что мне оставалось только переступать следом за ней, отчего она раскричалась еще сильнее. В конце концов к нам и впрямь подошел констебль и потребовал объяснить, что за шум.

— Она пыталась стащить мою сумку! — заявила леди, указывая на меня пальцем.

— Это правда? — спросил у меня констебль.

Я только замотала головой, не в силах выдать ни слова, в полной уверенности, что меня сейчас арестуют.

Мама объяснила им все про мою пуговицу, и констебль кивнул, а дама недоверчиво нахмурилась. Все опустили глаза и осмотрели авоську, которая действительно все еще цеплялась за мое пальто, и констебль велел маме меня освободить.

Она отцепила пуговицу, поблагодарила констебля, еще раз извинилась перед женщиной и перевела глаза на меня. Я стояла ни жива ни мертва, ожидая: расхохочется мама или заплачет. Оказалось, что и то и другое, правда, не сразу. Она сгребла меня за воротник коричневого пальто и увела подальше от толпы, остановившись, только когда мы свернули на Рэйлуэй-стрит. Как только со станции тронулся поезд на Лондон, мама повернулась ко мне:

— Противная девчонка! Я уж думала, ты потерялась! Ты меня в могилу сведешь, честное слово! Этого тебе хочется? Без мамы остаться?

Она одернула на мне пальто, покачала головой и крепко, до боли, взяла меня за руку.

— Пожалеешь, прости господи, что не отдала тебя в приют.

Это была обычная мамина присказка, когда я плохо себя вела, и угроза, без сомнения, не была пустой. Мамина жизнь сложилась бы куда удачнее, если я осталась бы в приюте. Беременность для женщины означала верную потерю места, и с тех пор, как я появилась на свет, мама только и делала, что выкручивалась и сводила концы с концами.

Я столько раз слышала историю о моем спасении из приюта, что мне казалось: я знала ее еще до рождения. Настоящее семейное предание: как мама закутала меня потеплей, спрятала к себе под пальто, чтобы я не замерзла, и села на поезд, идущий в Лондон. Как она шла по Грэнвилл-стрит и Гилфорд-стрит к Рассел-сквер, а люди только качали головами, догадываясь, что за сверток она прижимает к груди. Как тут же узнала здание приюта, потому что вокруг бродили такие же молодые женщины, укачивая плачущих малышей. И тут голос, ясный, как день (Бог — говорила мама; дурость — возражала тетя), велел ей поворачивать, потому что ее долг — самой вырастить свою малютку. По словам мамы выходило, что я должна вечно благодарить судьбу за этот миг.

В то утро, утро пуговицы и авоськи, упоминание о приюте заставило меня надолго замолчать. Не потому, что я радовалась счастливому повороту

судьбы, позволившему мне избежать казенного дома, как наверняка думала мама. Нет, я в который раз погрузилась в свою любимую фантазию. Приют Корама на Гилфорд-стрит славился издавна — говорят, что у самого Диккенса было постоянное место в приютской часовне, откуда он с удовольствием слушал, как сиротки распевают гимны. Я обожала представлять, как пою в хоре вместе с другими детьми, одетая в приличный костюм, которые, по слухам, им выдают. У меня было бы полно братьев и сестер, с которыми я бы играла, а не одна только усталая и сердитая мама, с вечным разочарованием на лице. Одной из причин разочарования, как это ни грустно, была я.

Я вынырнула из прошлого, ощутив, что кто-то стоит у меня за плечом. Повернулась и увидела девушку. Через несколько секунд я осознала, что это та самая официантка, что приносила нам чай. Она глядела на меня с ожиданием.

Я заморгала, приходя в себя.

— Разве моя дочь не расплатилась?

— Да-да, — с мягким ирландским акцентом уверила меня девушка, не двигаясь с места. — Расплатилась, мэм. Еще когда заказывала.

— Тогда что вам угодно?

— Дело в том, мэм... — Она сглотнула. — Там Сью с кухни говорит, что вы бабушка... Ну, она говорит, что Марк Маккорт — ваш внук. А я его страшная фанатка, мне жутко нравится инспектор Адамс. Я все книги читала.

Марк. Как всегда, при звуке его имени в груди привычно толкнулась тоска. Я улыбнулась официантке:

— Рада слышать. Внук бы тоже обрадовался.

— Я так расстроилась, когда прочитала о его жене.

Я кивнула.

Она замялась, и я приготовилась к вопросам, которые задавали все: а будет Марк и дальше писать про инспектора Адамса, выйдет ли еще что-нибудь? И удивилась, когда деликатность или стеснительность пересилили любопытство.

— Приятно было познакомиться, — сказала девушка. — Пойду, а то там Сью уже, наверное, злится. — Она шагнула было прочь, но вдруг снова повернулась ко мне: — Расскажите ему, ладно? Как я скучаю по его книгам, и не только я — все поклонники.

Я пообещала, хотя понятия не имела, удастся ли мне сдержать слово. Как и многие его ровесники, Марк путешествует по миру. Но в отличие от остальных, он ищет не приключений, а забытья. Внук скрылся в облаке

своего горя, и я не знаю, где он теперь. Последний раз он дал о себе знать месяц назад. Фото статуи Свободы на открытке, калифорнийская марка, прошлогодняя дата и подпись: «С днем рождения. М.»

И дело не только в горе. Вина — вот что гонит его по свету. Он винит себя в смерти Ребекки. Думает, что если бы он ее не оставил, все могло бы обернуться иначе. Я боюсь за него. Я ведь знаю, что это такое — непреходящая вина того, кто остался жить.

Я посмотрела в окно и увидела на той стороне улицы Руфь, она остановилась поговорить со священником и его женой и даже еще не дошла до аптеки. Я подвинулась на край стула, повесила на плечо сумку и покрепче сжала трость. Мне как раз надо улизнуть от дочери.

* * *

Магазинчик мистера Батлера стоит на главной улице. Всего лишь узкий полосатый навес, зажатый между булочной и магазином свечей и благовоний. Но за дверью красного дерева с сияющим медным молотком — целые россыпи сокровищ. Мужские шляпы и галстуки, школьные рюкзаки и кожаные чемоданы, кастрюли и хоккейные клюшки — всему нашлось место в длинном узком помещении. В одном из углов, где пахнет свежим хлебом из булочной, стоит всякая техника.

Мистер Батлер — коротышка лет сорока пяти с исчезающими шевелюрой и талией. Я знала и его отца, и деда, хотя никогда об этом не упоминаю. Я давно поняла, что молодых смущают разговоры о прошлом. Мистер Батлер улыбнулся мне поверх очков и сказал, что я хорошо выгляжу. Будь я моложе, лет хотя бы восьмидесяти, я бы, может, и поверила. А нынешние комплименты — всего лишь скрытое удивление тем, что я вообще еще жива. И все равно я его поблагодарила — он ведь искренне хотел сделать мне приятное — и спросила, есть ли у него магнитофоны.

— Слушать музыку? — уточнил мистер Батлер.

— Нет, говорить, — ответила я. — Записывать речь.

Он заколебался, явно размышляя, что же это я собираюсь надиктовывать, а потом вытащил из-под стекла маленький черный предмет.

— Вот это вам подойдет. Называется плеер — очень модная штука, все дети с ним ходят.

— Да, — обрадованно закивала я. — Что-то в этом роде я и хотела.

Моя неопытность была видна невооруженным глазом, и мистер Батлер пустился в объяснения.

— Это очень просто. Вот тут нажимаете, вот сюда говорите.

Он наклонился так близко, что я почувствовала, как от его костюма пахнет камфарой, и продемонстрировал мне небольшой металлический выступ на боку плеера.

— А вот здесь микрофон.

— Спасибо. Я выпишу чек.

Когда я вернулась, Руфи все еще не было. Чтобы избежать новых расспросов официантки, я поплотнее завернулась в пальто и уселась на автобусной остановке.

По ветру летели уже полузабытые мной конфетные фантики, сухие листья, буро-зеленые птичьи перья. Плясали вдоль по улице, укладывались на обочинах, чтобы со следующим порывом ветра снова подняться в воздух. Одно перо вдруг подлетело выше всех, подхваченное мощным потоком воздуха, поднялось над крышами и исчезло из виду.

Я думала о Марке, который вот так же носится по земному шару, гонимый неведомой силой. В последнее время все напоминает мне о нем. Прошлой ночью, когда сон ускользал от меня неуловимой мошкой, Марк то и дело вмешивался в мои воспоминания. Вложенный, как высушенный цветок, между образами Ханны, Эммелин и Ривертон — мой внук. Вне места и времени. То малыш с нежной кожей и круглыми глазами, то мужчина, измученный любовью и потерей.

Я очень хочу снова увидеть Марка. Дотронуться до него. До любимого, знакомого лица, соединившего в себе черты множества предков, о которых он мало что знает.

Когда-нибудь он вернется, нет сомнений, родной дом — магнит, который притягивает даже самых блудных сыновей. Но когда — завтра или через долгие годы, кто его знает. А я уже не могу ждать. Покров Времени — когда-то полный тайн — стал совсем тонким. Исчезли иллюзии. Я будто сижу в холодном зале ожидания, перебирая древние образы и вслушиваясь в растаявшие вдали голоса.

Вот потому-то я и решила записать для него кассету. Даже несколько. Я открою ему тайну, давнюю тайну, которую так долго хранила. Никто не знает ее, кроме меня.

Сначала я хотела написать Марку. Но когда я вооружилась стопкой желтоватой бумаги и шариковой ручкой, мои пальцы подвели меня. Усердные, но бесполезные помощники, они сумели нацарапать лишь какие-

то паучьи каракули.

Идею с магнитофоном подсказала Сильвия. Она обнаружила мои записки во время одного из приступов неожиданной уборки — верного средства сбежать от какого-нибудь другого, нелюбимого пациента.

— Рисовали, да? — спросила она, повыше поднимая листок и поворачивая его то так то эдак. — Симпатично. Абстракция? И что она обозначает?

— Письмо, — ответила я.

Тогда-то она и рассказала мне о методе Берти Синклера — записывать и прослушивать письма на кассетном магнитофоне.

— С тех пор он стал гораздо покладистей. Меньше придирается. Как только начинает жаловаться на свой прострел, я тут же включаю магнитофон, ставлю ему любимую кассету и — раз-два-три — он щебечет, как птичка!

Я сидела на автобусной остановке, вертела в руках зонтик и дрожала от предвкушения. Начну, как только попаду домой.

Руфь помахала мне с другой стороны улицы, кисло улыбнулась и пошла по пешеходному переходу, засовывая в сумку аптечный пакет.

— Мама! — немедленно заворчала она, как только подошла поближе. — Ну что ты сидишь тут на холоде? — Дочь украдкой огляделась по сторонам. — Люди подумают, что я тебя здесь бросила.

Она подхватила меня под руку и повела назад по улице, к машине — мои туфли на плоской подошве бесшумно скользили рядом с ее стучащими каблуками.

* * *

На обратном пути я следила, как за окном бегут — ряд за рядом — одинаковые серые дома. В одном из них, зажато между двумя точно такими же, я когда-то родилась. Я глянула на Руфь, но она или не заметила или притворилась, будто не замечает. Да и что замечать — мы ездим этой дорогой каждое воскресенье.

Когда мы выползли из деревни в поля, я затаила дыхание — как обычно.

Вот сейчас... за Бридж-роуд... за поворотом... вот он. Вход в Ривертон. Кованые ажурные ворота на высоких столбах — проход в шелестящий тоннель старых деревьев. В прошлом году ворота были

серебристыми, а в этом их выкрасили белым. Под узорчатыми буквами, из которых складывалось название «Ривертон», появилась вывеска: «Открыто для посещений с марта по октябрь с 10–00 утра до 4–00 вечера. Стоимость билета: взрослый — 4 фунта, детский — 2 фунта».

Мне еще надо было научиться работать с магнитофоном. К счастью, Сильвия горела желанием помочь. Она поднесла микрофон к моему рту, и по ее сигналу я произнесла первое, что пришло в голову:

— Алло... алло... Говорит Грейс Брэдли... Проверка.

Сильвия отодвинула плеер и улыбнулась:

— Вы прямо профессионал.

Она нажала кнопку, послышалось жужжание.

— Я перематываю кассету назад, чтобы послушать, что получилось.

Раздался щелчок — кассета перемоталась. Сильвия снова нажала на кнопку, и мы прослушали запись.

Старческий голос: слабый, безжизненный, еле слышный. Выцветшая, потертая ленточка. От меня, от того голоса, что я слышу в своих воспоминаниях, в ней осталось лишь несколько серебряных нитей.

— Прекрасно, — заключила Сильвия. — Пользуйтесь. Если что непонятно — зовите.

Она повернулась, чтобы идти, а я вдруг почувствовала себя неудобно.

— Сильвия...

Она повернулась. Силуэт в дверной раме.

— Что, милая?

— Что мне ему сказать?

— Да откуда же я знаю? — рассмеялась Сильвия. — Представьте, что он сидит вот тут, рядом. И расскажите ему все, что у вас на уме.

Так я и сделала. Я представила, будто ты растянулся на кровати у меня в ногах, как любил валяться мальчишкой, и заговорила. Рассказала тебе вкратце о фильме и Урсуле. О маме — как она по тебе скучает. Как хочет тебя увидеть.

И о своих воспоминаниях. Не о всех, конечно, — у меня есть цель и я не хочу утомлять тебя историями из прошлого. Я просто поделилась с тобой странным чувством, что они стали для меня реальней, чем настоящее. Что я частенько ускользаю куда-то и страшно расстраиваюсь, когда снова оказываюсь здесь, в тысяча девятьсот девяносто девятом, что ткань Времени развернулась, и я стала чувствовать себя своей в прошлом и чужой в том странном изменчивом мире, который мы зовем настоящим.

Как странно сидеть в одиночестве и говорить с маленькой черной

коробочкой. Сначала я шептала, боясь, как бы не услышали соседи. Как бы мой голос, хранитель секретов, не полетел бы по коридору к столовой, как паровой сигнал к причалу чужого порта. Но когда медсестра принесла мои таблетки и с удивлением поглядела на меня, я успокоилась.

Она уже ушла. Таблетки я положила на подоконник. Позже я приму их, но пока мне нужна ясная голова. И пусть спина болит, как сама старость.

Я снова одна, люблюсь закатом. Мне нравится наблюдать, как солнце бесшумно спускается за дальние рощи. Сегодня я моргнула и пропустила его последний привет. Когда я подняла веки, сияющий полукруг уже спрятался, осталось лишь чистое небо: серебристо-белые полосы на голубом. Сама пустошь словно дрожит от внезапного холода; вдалеке по затянутой туманом долине ползет поезд, тормоза протяжно воют, когда он поворачивает к деревне. Это пятичасовой поезд, полный людей, которые едут с работы — из Челмсфорда, Brentвуда и даже самого Лондона.

Внутренним взором я вижу станцию. Не такую, как сейчас, конечно, а такую, какой она была. Над платформой висят большие станционные часы, их строгий циферблат и неутомимые стрелки напоминают, что ни Время, ни поезд никого не ждут. Сейчас их, наверное, сменило бездушное мигающее табло. Я не знаю. Я сто лет не была на станции.

Я помню ее такой, как в то утро, когда мы махали Альфреду, уходящему на войну. Ветер трепал красно-синие бумажные треугольнички, влюбленные обнимались, дети скакали, дули в свистки и размахивали флажками. И везде молодые люди — такие молодые! — в новой форме, в сияющих ботинках, веселые и беззаботные. И блестящий паровоз пополз, извиваясь, по рельсам, спеша доставить своих беспечных пассажиров в ад, полный грязи и смерти.

Но хватит об этом. Я забежала слишком далеко вперед.

По всей Европе гаснут огни.

И на нашем веку мы их уже не увидим.

Лорд Грей,

министр иностранных дел,

3 августа 1914 года

НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ

Шел к концу четырнадцатый год, на горизонте маячил пятнадцатый, и становилось понятно, что к Рождеству война не закончится. Выстрел, раздавшийся в чужой стране, всколыхнул всю Европу и разбудил спящего гиганта давних распрей. Майора Хартфорда призвали на военную службу вместе с другими героями уже присыпанных пылью войн, а лорд Эшбери переехал в свою лондонскую квартиру и присоединился к отряду местной обороны в Блумсбери. Мистер Фредерик, не подлежащий призыву после перенесенной в 1910 году пневмонии, сменил автомобили на аэропланы и получил от правительства специальный знак, удостоверяющий, что он вносит серьезный вклад в военную промышленность. «Слабое утешение, — сказала Нэнси, которая, как всегда, была в курсе, — потому что мистер Фредерик всегда мечтал стать военным».

История говорит нам, что к 1915 году проявился истинный характер войны. Но история — дама капризная, не советую доверять ей вслепую. В то время как во Франции молодые парни сражались в настоящем аду, в Ривертоне жизнь текла почти так же, как раньше. Нет, мы знали, конечно, что ситуация на Западном фронте зашла в тупик — мистер Гамильтон ежедневно зачитывал нам тяжелые подробности из газет, да и в быту появились проблемы, заставлявшие людей покачивать головами и судачить о войне, но все это казалось несерьезным по сравнению с огромными возможностями, которые война давала тем, кому наскучила обыденная жизнь, тем, кто приветствовал новое время, позволяющее понять, чего ты стоишь.

Леди Вайолет создавала и возглавляла бесчисленные комитеты, которые чем только ни занимались: от размещения на постой беженцев попрличней до чаепитий для приехавших в отпуск офицеров. По всей Британии девушки и девочки (а бывало даже и мальчики) защищали страну от врага со спицами в руках — вязали горы шарфов и носков для солдат. Фэнни вязать не умела, но жаждала впечатлить мистера Фредерика своей самоотверженностью и занялась организацией отправки вязаных вещей на фронт — их паковали в коробки и отсылали во Францию. Даже леди Клементина прониклась несвойственным ей духом патриотизма и взяла на постой одну из рекомендованных леди Вайолет бельгиек — пожилую леди с плохим английским, но хорошими манерами — у которой она без конца выпытывала самые ужасные подробности войны.

Незадолго до Рождества леди Вайолет пригласила леди Джемайму, Фэнни и Хартфордов-младших в Ривертон на ежегодный праздник. Фэнни с удовольствием осталась бы в Лондоне, где было не в пример веселее, но не осмелилась отклонить предложение женщины, за сына которой собиралась замуж (невзирая на то, что сам сын находился в другом месте и на дух не переносил Фэнни). Пришлось ей коротать неделю за неделей в сельской глуши Эссекса. Она томилась так, как умеют томиться только молоденькие девушки, и развлекалась тем, что бродила из комнаты в комнату и репетировала грациозные позы на случай, если мистер Фредерик вдруг все-таки приедет.

Рядом с ней Джемайма казалась еще более пухлой и неуклюжей, чем в прошлом году. Зато она была замужем и могла похвастаться не просто мужем, но мужем-героем. Каждый раз, когда мистер Гамильтон вносил серебряный поднос с новым письмом майора, Джемайма разыгрывала очередной акт спектакля «Жена военного». С благосклонным кивком она брала письмо, чуть прикрывала глаза, вздыхала, как само страдание, разрезала конверт и вынимала драгоценное содержимое. Затем письмо скорбным тоном зачитывалось всем, кого угораздило оказаться на тот момент в комнате.

Однажды, когда Нэнси покупала рыбу у торговца, чай в гостиную пришлось нести мне, и я наткнулась как раз на такую сцену. Только я подала чайник сидевшей в кресле леди Вайолет, как появился мистер Гамильтон, отягощенный драгоценным грузом.

Джемайма схватила письмо с подноса и победно взглянула на Фэнни.

— Спасибо, Гамильтон, — поблагодарила она и взяла нож для писем с хрустальной ручкой.

Вытащила помятые дорогой листки, осторожно расправила их и бегло проглядела перед тем, как зачитать вслух.

— «Дорогая Майми!», — Джемайма остановилась, пряча улыбку меж пухлых щек. — Это он меня так дома называет. «Пишу на бегу, старушка. Только что вернулся с обеда и меньше чем через час опять ухожу, поэтому просто черкну пару слов, чтобы ты знала, что со мной все в порядке, и передала привет всем домашним».

Джемайма водила глазами по строчкам, озвучивая основные моменты:

— У них дожди... посылку получил... спасибо миссис Таунсенд за пудинг... О, леди Вайолет, это для вас: «Поцелуй родителей и передай им мои поздравления. Страшно жаль, что я снова не попаду в Ривертон на Рождество, но вы же знаете, что долг превыше всего, особенно сейчас, когда мы просто обязаны одолеть варваров. Не сомневайтесь — душой я

буду с вами».

— А он написал, где он? — спросила леди Вайолет, беря с моего подноса кусочек пирога. — Где проведет праздник? Так хочется верить, что ему удастся справиться его по-человечески.

Джемайма, с полным пирога ртом, снова забежала глазами по строчкам. Я предложила пирог Фэнни, но она взмахом руки отослала меня прочь, даже не посмотрев на угощение, взгляд ее был прикован к письму.

Как я поняла, записка майора всех разочаровала: общие слова о еде да погоде, хотя по вспыхнувшим щекам Джемаймы можно было предположить, что наиболее пикантные подробности она прочла про себя.

— А, вот, — сказала она, тыча пухлым пальцем в последний абзац. — Он спрашивает, доставил ли мистер Уортингтон часы.

— Уортингтон? — переспросила Фэнни. — Это что, продавец из «Харродз»?

— Да нет, что ты! — рассмеялась Джемайма. — Какое же ты еще дитя, Фэнни!

Фэнни натянуто улыбнулась.

— Это шифр, — объяснила Джемайма. — Мы выдумали его во время англо-бурской войны. Маленький трюк, чтобы обойти цензуру. Часы мистера Уортингтона означают, что Джеймса перебрасывают на юг.

— Как интересно, — пробормотала надутая Фэнни. Она глотнула чаю, поджала губы и, сладко улыбнувшись, добавила:

— Как, наверное, нелегко быть замужем за военным. Никогда не знаешь, что за новости принесет почта.

— Да нет, — спокойно ответила Джемайма. — Я за него не волнуюсь. За него никто не волнуется — ведь он герой. Награжден крестом ордена Виктории, если ты не в курсе.

* * *

Для Ханны и Эммелин время тянулось бесконечно. Они приехали в Ривертон уже две недели назад, погода стояла ужасная, приходилось сидеть дома, уроков тоже не было, и девочки уже не знали, чем заняться. Переиграли во все игры — веревочку, шарики, золотоискателей (когда один игрок скребет другого по руке, пока не покажется кровь), помогали миссис Таунсенд на кухне, пока животы не заболели от сырого теста, и уговорили няню отпереть чердак, чтоб искать там пыльные сокровища. Им так

хотелось поиграть в Игру! Я видела, как Ханна шарила в шкатулке и перечитывала старые книжки, когда думала, что ее никто не видит. Но для Игры нужен был Дэвид, а он еще не приехал на каникулы.

Однажды, в конце ноября, когда я стирала к Рождеству лучшие скатерти, в прачечную влетела Эммелин. Постояла, огляделась и кинулась прямо к громадному бельевому шкафу. Рванула на себя дверь, и на пол упал круг света — от свечи.

— Ага! — торжествующе сказала она. — Я так и знала, что ты здесь!

Эммелин вытянула руки, демонстрируя двух белых сахарных мышек, чуть подтаявших по краям.

— От миссис Таунсенд.

Из шкафа показалась длинная рука, схватила одну из мышек и вернулась обратно.

Эммелин лизнула свое лакомство.

— Мне скучно. Ты что делаешь?

— Читаю, — ответили из шкафа.

— Что читаешь?

Молчание.

Эммелин заглянула в шкаф и сморщила носик.

— «Войну миров»? Опять?

Нет ответа.

Эммелин задумчиво пососала мышонка, внимательно оглядела его со всех сторон, сняла с липкого уха приставшую нитку.

— Мы могли бы полететь на Марс. Когда Дэвид приедет.

Тишина.

— Там будут марсиане — добрые и злые, и всякие опасности.

Как любой младший ребенок, Эммелин с младенчества научилась угадывать настроение сестры и брата; ей не надо было заглядывать в шкаф, чтобы понять, что она попала в точку.

— Мы рассмотрим это на совете, — прозвучал ответ. Эммелин радостно взвизгнула, захлопала липкими ладонями и задрала ногу, чтобы тоже залезть в шкаф.

— А мы скажем Дэвиду, что это я придумала? — спросила она.

— Осторожно — свечка.

— Я буду красить карты красным вместо зеленого. Правда, на Марсе деревья красные?

— Правда. И вода, и земля, и каналы, и кратеры.

— Кратеры?

— Большие, глубокие темные дыры, где марсиане держат своих детей.

Из шкафа снова показалась рука и прикрыла дверцу.
— Как колодцы? — спросила Эммелин.
— Еще глубже. И темней.
— А зачем они держат в них детей?
— Чтобы никто не видел страшных экспериментов, которые на них ставят.
— Каких еще экспериментов? — задыхнулась от волнения Эммелин.
— Узнаешь, — пообещала Ханна. — Если Дэвид вообще когда-нибудь придет.

* * *

А жизнь под лестницей, как обычно, отражала жизнь тех, кто наверху. Как-то вечером, когда хозяева и гости разошлись по спальням, слуги собрались на кухне, у очага. Мистер Гамильтон и миссис Таунсенд уселись читать, а мы с Нэнси и Кэти подтащили к очагу стулья и сели со спицами в руках — вязать шарфы. В окно бился холодный зимний ветер, от его порывов дрожали стоящие на полках банки со специями.

Мистер Гамильтон тряхнул головой и отложил «Таймс». Снял очки, протер глаза.

— Снова плохие новости? — Миссис Таунсенд подняла глаза от рождественского меню, щеки ее горели от жара.

— Хуже некуда. — Он вернул очки на место. — Большие потери под Ипром.

Он встал и подошел к стене, где недавно повесил карту Европы. На ней красовались разных цветов булавки, обозначающие армии и участки фронта (из старых запасов Дэвида). Вынул с территории Франции одну из голубых булавок и заменил ее желтой, пробормотав себе под нос:

— Не нравится мне все это.

— А мне — вот это, — вздохнула миссис Таунсенд, постучав карандашом по меню. — Как прикажете готовить рождественский ужин без масла, чая, даже без индейки?

— У нас нет индейки? — ахнула Кэти.

— Ни крылышка.

— А что же мы будем подавать?

— Не наводи панику раньше времени, — покачала головой миссис Таунсенд. — Придумаю что-нибудь, как всегда.

— Да, миссис Таунсенд, — уверенно согласилась Кэти. — Уж вы-то придумаете.

Миссис Таунсенд подозрительно поглядела на нее — уж не было ли в последних словах иронии — и снова взялась за меню.

Я пыталась сосредоточиться на работе, но когда у меня в очередной раз спустилась петля, я отложила шарф и встала. Одна мысль не давала мне покоя весь вечер. Сегодня днем я видела в деревне кое-что непонятное.

Я одернула фартук и обратилась к мистеру Гамильтону, который, понятное дело, знал все на свете.

— Мистер Гамильтон, — начала я.

— Да, Грейс? — взглянул он на меня поверх очков, сжимая в длинных тонких пальцах синий карандаш.

Я опасливо оглянулась на остальных, но они, вроде, были заняты беседой.

— В чем дело, девочка? Язык проглотила?

Я кашлянула.

— Нет, мистер Гамильтон. Я просто... хотела кое-что спросить. Я сегодня была в деревне...

— И что же? Говори, не бойся.

Я снова оглянулась.

— Мистер Гамильтон, а где Альфред?

— Наверху, разливает херес. Да в чем дело? При чем тут Альфред?

— Ну, просто я заметила его сегодня в деревне...

— Да, он был там по моему поручению.

— Я знаю, мистер Гамильтон. Я видела его у Макуитера. И видела, как он вышел. — Я чуть не сжала губы — почему-то вдруг расхотелось договаривать. — Он получил белое перо,^[8] мистер Гамильтон.

— Белое перо?! — мистер Гамильтон вытаращил глаза и чуть не уронил карандаш.

Я кивнула, вспомнив, как обычно быстрый и живой Альфред оцепенело стоял, разглядывая позорный подарок, а прохожие понимающе шептались вокруг. Как он опустил глаза и пошел прочь, ссутулившись и склонив голову.

— Белое перо! — к моей досаде мистер Гамильтон повторил это так громко, что все прислушались.

— Что случилось, мистер Гамильтон? — спросила миссис Таунсенд.

Мистер Гамильтон провел рукой по щеке и помотал головой, не в силах поверить моим словам.

— Альфред получил белое перо.

— Нет! — вскрикнула миссис Таунсенд, схватившись пухлой рукой за сердце. — Не может быть! Кто угодно — только не наш Альфред!

— А откуда вы знаете? — полюбопытствовала Нэнси.

— Грейс видела. Сегодня утром, в деревне.

Я кивнула, чувствуя дрожь при мысли о том, что раскрыла ящик Пандоры с чужими секретами. А теперь и не закроешь.

— Этого не может быть, — заявил мистер Гамильтон, одергивая куртку. Он вернулся к своему стулу и заправил дужки очков за уши. — Альфред — не предатель. Он и так участвует в войне, неся службу здесь, в доме. Ценный работник в почтенной семье.

— Но ведь это не то же самое, что сражаться на фронте, мистер Гамильтон, — возразила Кэти.

— Именно что то же самое! — взорвался мистер Гамильтон. — В этой войне у каждого своя роль, Кэти. Даже у тебя. Наш долг — хранить страну, чтобы солдаты, вернувшись с победой, увидели, что ничего не изменилось, их ждет прежняя жизнь.

— Значит, даже когда я чищу кастрюли, я помогаю фронту? — недоверчиво спросила Кэти.

— Как ты чистишь — так нет, — отрезала миссис Таунсенд.

— Да, Кэти, — ответил мистер Гамильтон. — Хорошая работа и вязание — вот ваш вклад в победу. Наш вклад, — поправился он, взглянув на меня и Нэнси.

— А по-моему, этого недостаточно, — не поднимая головы, буркнула Нэнси.

— Что-что?

Нэнси бросила спицы и сложила на коленях худые руки.

— Ну, — осторожно начала она, — возьмем, к примеру, Альфреда. Молодой здоровый парень. Разве он не принесет больше пользы там, во Франции, вместе с другими солдатами? А разливать херес может любой.

— Любой? — мистер Гамильтон даже побледнел. — Уж кто-кто, а ты, Нэнси, должна понимать, что служба в таком доме не каждому по плечу.

Нэнси покраснела.

— Конечно, мистер Гамильтон. Я не то имела в виду. — Она нервно постукивала костяшками пальцев друг о друга. — Я просто... просто сама в последнее время чувствую себя какой-то... бесполезной.

Только лишь мистер Гамильтон собрался осудить подобные чувства, как на лестнице послышались шаги и в кухню вбежал Альфред. Мистер Гамильтон поджал губы, и мы погрузились в конспиративное молчание.

— Альфред, — наконец подала голос миссис Таунсенд. — К чему

лететь сверху вниз, сломя голову? — Она пошарила глазами и нашла меня. — Ты напугал бедную Грейс до полусмерти. Несчастливая девочка чуть со стула не свалилась.

Я робко улыбнулась Альфреду, потому что вовсе не испугалась. Просто удивилась, как и остальные. И еще — я чувствовала себя виноватой. Не надо было спрашивать у мистера Гамильтона про перо. Мне нравился Альфред — он был добрый и вечно пытался растормошить меня, когда я замыкалась в своей скорлупе. Нечестно было обсуждать его вот так, за спиной.

— Извини, Грейс, — сказал Альфред. — Просто там мастер Дэвид приехал.

— Да, — подтвердил мистер Гамильтон, взглянув на часы. — Как мы и ожидали. Доукинс должен был встретить его на станции с десятичасового поезда. Миссис Таунсенд держит ужин горячим, неси его наверх.

Альфред кивнул, переводя дыхание.

— Только знаете что, мистер Гамильтон? Мастер Дэвид — он вернулся из Итона не один. С ним товарищ — думаю, сын лорда Хантера.

* * *

Я затаила дыхание. Ты говорил мне когда-то, что в любой истории есть точка невозвращения. Все главные герои вышли на сцену, и действие уже не остановить. Автор теряет контроль над сюжетом, и тот разворачивается сам по себе.

С появлением Робби Хантера мы перешли Рубикон. А я — я перейду его? Еще не поздно повернуть назад. Снова аккуратно переложить всех героев папиросной бумагой и уложить обратно — в шкатулку моей памяти.

Я улыбаюсь, чувствуя, что прервать этот рассказ — то же, что пытаться остановить бег времени. Я далеко не романтик и не считаю, что события сами требуют о них рассказать. Зато я достаточно честна, чтобы признать, что хочу поделиться с тобой старой тайной.

Итак — Робби Хантер.

* * *

Зимой каждый из десяти тысяч томов, журналов и манускриптов

библиотеки Ривертонна доставали, вытирали и ставили на место. Ежегодный ритуал, который в тысяча восемьсот сорок шестом году ввела мать нынешнего лорда Эшбери. Она ненавидела пыль, объяснила Нэнси, и на то имелись свои причины. Однажды темной осенней ночью маленький брат лорда, всеобщий любимец, которому не исполнилось еще и трех, заснул, чтобы никогда уже не проснуться.

И хотя доктора не подтвердили ее догадку, мать была уверена, что младший сын задохнулся от пыли, которая копилась в доме с незапамятных времен. В особенности в библиотеке — именно там в роковой день мальчики прятались среди старых карт с нанесенными на них маршрутами путешествий далеких предков.

С леди Гитой Эшбери шутки были плохи. Задвинув подальше горе, она призвала на помощь силу и уверенность, которые помогли ей когда-то отказаться от родины, семьи и наследства ради любви. Она объявила войну: собрала войска и приказала им уничтожить коварного врага. Дом мыли и чистили целую неделю, прежде чем хозяйка решила, что теперь в нем нет ни намека на пыль. И лишь тогда она оплакала своего малыша.

С тех пор каждый год, как только с деревьев слетали последние листья, уборку повторяли. Даже когда умерла ее основоположница, ничего не изменилось. Исступленная ненависть к пыли передалась новым поколениям Хартфордов вместе с жизнелюбием и голубыми глазами.

Зимой тысяча девятьсот пятнадцатого года соблюсти ритуал выпало мне (возможно, это была маленькая месть мистера Гамильтона за ту сумятицу, что я внесла в тишину ривертонской кухни своим рассказом об Альфреде). После завтрака он вызвал меня в буфетную, аккуратно прикрыл дверь и объяснил, какой чести я удостоена.

— На эту неделю ты освобождаешься от своих обычных обязанностей, Грейс, — сказал он, улыбаясь мне из-за стола. — Каждое утро ты будешь приходить прямо в библиотеку. Начинай с верхних полок и двигайся к нижним.

Затем он приказал мне вооружиться тряпкой, перчатками и решимостью с честью выполнить нудную и тяжелую работу.

— Помни, Грейс, — вещал мистер Гамильтон, упираясь в стол растопыренными пальцами. — Лорд Эшбери очень не любит пыли. На тебе лежит огромная ответственность, и ты должна быть благодарна...

Стук в дверь.

— Войдите, — нахмурившись, крикнул мистер Гамильтон.

Дверь отворилась, влетела Нэнси, размахивая руками, как насекомое — лапками.

— Мистер Гамильтон! Идите скорее наверх, мы там без вас не разберемся.

Мистер Гамильтон встал, снял с крючка у двери куртку и поспешил вверх по лестнице. Мы с Нэнси — за ним.

У главного входа стоял садовник Дадли и мял в руках шляпу. У его ног лежала гигантская свежесрубленная, липкая от смолы ель.

— Мистер Дадли, — сказал мистер Гамильтон. — Что здесь происходит?

— Вот елку принес.

— Вижу. Но что вы делаете здесь — Он обвел рукой парадный вестибюль и опустил глаза, рассматривая ель. — И главное — что здесь делает это дерево? Оно слишком большое.

— Зато какое красивое, — восторженно сказал Дадли, с любовью взирая на елку. — Я за ней много лет следил, ждал, пока войдет в полную силу. И вот, к этому Рождеству она наконец доросла. — Он торжественно поглядел на мистера Гамильтона. — Ну, разве что переросла капельку

Мистер Гамильтон повернулся к Нэнси:

— Что тут происходит?

Нэнси уперла руки в бока и поджала губы.

— Елка не влезает, мистер Гамильтон. Дадли попробовал поставить ее в гостиной, где всегда, но она на целый фут выше, чем нужно.

— Вы что, не измеряли дерево? — обратился мистер Гамильтон к садовнику.

— Измерял, сэр, — уверил его Дадли. — Только я не слишком силен в арифметике.

— Значит, возьмите пилу и укоротите елку на фут, только и всего.

Мистер Дадли горестно покачал головой.

— Я б так и сделал, сэр, только откуда отпиливать-то? Ствол уже и так — короче некуда, а верхушку разве можно трогать? Куда ж тогда ангелочка-то сажать? — Он простодушно хлопал глазами.

Мы застыли, обдумывая проблему; в мраморном вестибюле громко тикали часы. Скоро хозяева выйдут на завтрак. В конце концов мистер Гамильтон торжественно объявил:

— Думаю, другого выхода нет: мы и впрямь не имеем права обрезать верхушку, лишив ангела его законного места и нарушив тем самым традицию. Поэтому ель будет установлена в библиотеке.

— В библиотеке? — изумилась Нэнси.

— Да. Под стеклянным куполом. — Он метнул на Дадли испепеляющий взгляд. — Там она поместится во весь рост и во всей красе.

* * *

Утром первого декабря, когда я забралась на галерею библиотеки — в самый дальний угол к самой дальней полке, мысленно готовясь к тяжелой и пыльной работе, — в центре комнаты уже возвышалась огромная елка, восторженно воздевшая к небу верхние ветви. Я очутилась вровень с ее верхушкой; густой и тяжелый хвойный аромат плыл по библиотеке, перебивая застарелый запах книжной пыли.

Галерея тянулась по всему периметру комнаты, высоко над полом, и сперва я здорово пала духом. Потому решила дать себе небольшую отсрочку — попривыкнуть, тем более что отсюда открывался необычный вид на библиотеку. Не зря говорят, что даже знакомое место невероятно преображается, если посмотреть на него сверху. Я подошла к перилам и оглядела комнату под елкой.

Библиотека, обычно такая просторная и внушительная, теперь показалась мне похожей на театральную сцену. Привычные предметы — рояль «Стейнвей», письменный стол, глобус лорда Эшбери — вдруг странно уменьшились, словно превратились в декорации, которым не хватает только появления актеров.

Застывшими в ожидании выглядели кушетка и кресла, рояль и восточный ковер с разбросанными по нему квадратами света. Декорации стоят — время явиться артистам. Что за пьесу они могли бы разыграть, гадала я? Комедию, трагедию, какую-то современную пьесу?

Я бы с удовольствием простояла так целый день, но в голове звучал настойчивый голос — голос мистера Гамильтона. Он предупреждал, что лорд Эшбери любит устраивать внезапные проверки. Поэтому я отогнала посторонние мысли и вытащила с полки первую книгу. Обтерла ее — корешок, обложку — поставила на место и вынула следующую.

Через два дня я управилась с восемью из десяти полок и собиралась приняться за девятую. К моему удовольствию, начав с верхних полок, я уже дошла до нижних и теперь могла работать сидя. Я перетерла уже четыре тысячи книг, руки привыкли к однообразным движениям и действовали, к счастью, автоматически, потому что голова отключилась еще с первого дня. Книги снились мне в кошмарах — ночь за ночью, обложка за обложкой.

Я как раз взяла с девятой полки девятую книгу, и тут зимнюю тишину нарушил резкий, неожиданный звук рояля. Я невольно обернулась и поглядела вниз.

Там, трогая пальцами клавиши из слоновой кости, стоял совершенно

незнакомый юноша. Я, правда, тут же поняла, кто это. Тот самый итонский друг мастера Дэвида. Сын лорда Хантера.

Симпатичный. Хотя кто не симпатичен в юности? Нет, тут было нечто большее. Некоторые приносят с собой шум и суету, а этот молодой человек был красив какой-то тихой, молчаливой красотой. Высокий и тонкий, но не долговязый, русые волосы — длиннее, чем положено по тогдашней моде, — падали на щеки и воротник. Темные грустные глаза под черными бровями говорили об одиночестве и каком-то глубоком горе, которое так и не прошло до конца.

Я наблюдала, как гость изучает библиотеку — пристально, не спеша, не двигаясь с места. Наконец, его взгляд остановился на картине. Синий и черный цвета смешивались, образуя фигуру женщины, повернувшейся к художнику спиной. Картина скромно висела на дальней стене в окружении пузатых бело-синих китайских ваз.

Юноша подошел поближе, остановился. Мне было так интересно наблюдать, как он внимательно рассматривает картину, полностью отрешившись от всего остального, что любопытство победило чувство долга. Книги на девятой полке продолжали пылиться, а я все подсматривала за гостем.

Он откинулся чуть назад, затем подался вперед, замороженный картиной. Я заметила, как странно, неподвижно висели вдоль тела его длинные руки.

Он все стоял, наклонив голову, впитывая в себя увиденное, когда за его спиной хлопнула дверь, и в библиотеку, с китайской шкатулкой в руках, ворвалась Ханна.

— Дэвид! Мы придумали, куда отправимся в этот раз...

И замолчала, когда Робби обернулся и поглядел на нее. Он чуть улыбнулся, и эта улыбка так преобразила его лицо, что я даже подумала, не приснились ли мне грусть и меланхолия. Лишившись серьезности, оно стало открытым, мальчишеским и очень симпатичным.

— Простите, — пробормотала порозовевшая растрепанная Ханна. — Я приняла вас за брата.

Она поставила шкатулку на край кушетки и торопливо одернула белое платье.

— Прощаю, — улыбнулся Робби еще веселей, чем в первый раз, и снова повернулся к картине.

Ханна уставилась ему в спину, не зная, куда деваться от неловкости. Она, как и я, ждала, что он наконец подойдет, подаст ей руку, назовет свое имя — как это принято, когда знакомишься.

— Так много сказано — и такими скудными средствами, — сказал он наконец.

Ханна посмотрела на картину, но ее загораживала спина Робби. Не зная, что ответить, она только смущенно вздохнула.

— Невероятно, — продолжал он. — Вы так не считаете?

Его невоспитанность явно сбила Ханну с толку. Ей ничего не оставалось, как подойти и встать рядом.

— Дедушка не очень любит эту картину, — пытаюсь выглядеть беззаботной, сказала она. — Считает ее дешевой и вульгарной. Поэтому и засунул ее сюда.

— А вы сами как считаете?

Ханна будто впервые посмотрела на полотно.

— Может быть, она и дешевая. Но уж точно не вульгарная.

— Откровенность не может быть вульгарной, — кивнул Робби.

Ханна украдкой взглянула на его профиль, будто собираясь спросить, кто он, как попал сюда, почему любит дедушкиными картинами у них в библиотеке. Она действительно открыла рот, но не смогла найти нужных слов.

— А зачем ваш дедушка повесил ее тут, если считает вульгарной? — спросил Робби.

— Потому что это подарок, — ответила Ханна, радуясь, что наконец-то знает ответ. — От одного важного испанского графа — он приезжал к нам охотиться. Это ведь испанский художник.

— Да, Пикассо. Я и раньше видел его работы.

Ханна удивленно подняла брови. Робби улыбнулся:

— В книге, мне мама показывала. Она из Испании, у нее там оставались родные.

— Испания... — мечтательно повторила Ханна. — А вы ездили туда? Видели Куэнку? Севилью? Бывали в замке Алькасар, в Сеговии?

— Нет. Но мама так много рассказывала мне о родных местах, что мне казалось: я их знаю. Я часто обещал ей, что когда-нибудь мы вернемся туда вместе. Лучше зимой — ускользнем, как птицы, от английских холодов.

— Но не этой зимой?

Робби ошеломленно взглянул на Ханну:

— Я думал, вы знаете. Моя мама умерла.

У меня перехватило горло, и тут распахнулась дверь и вошел Дэвид. Я заморгала от досады, желая, чтобы он исчез, пришел чуть попозже, чтобы успела завершиться маленькая драма, которая только-только начала разворачиваться на моих глазах. Но зритель не имеет права вмешиваться в

спектакль, и все уже было решено. Первый акт закончился, пришло время второго.

— Вижу, вы уже познакомились, — лениво улыбаясь, сказал Дэвид. Он вырос с тех пор, как я видела его последний раз. Или нет? Может быть, дело в том, что он по-другому двигался, держался и потому казался незнакомым — старше, взрослее.

Ханна кивнула и неловко отодвинулась. Глянула на Робби, но не успела сказать ни слова, как дверь снова хлопнула и в комнату ворвалась Эммелин.

— Дэвид! Ну наконец-то. Мы чуть не умерли со скуки. Так хотели поиграть в Игру! Мы с Ханной уже решили, ну почти решили, куда... — Тут она увидела Робби. — Ой! Здравствуйте. Вы кто?

— Робби Хантер, — ответил Дэвид. — С Ханной вы уже знакомы, а это моя младшая сестра, Эммелин. Робби учится со мной в Итоне.

— Вы пробудете у нас выходные? — спросила Эммелин, краем глаза взглянув на Ханну.

— Да нет, подольше, если не надоем, — ответил Робби.

— У Робби нет никаких планов на рождественские каникулы, — объяснил Дэвид. — Так что он вполне может провести их с нами.

— Все каникулы? — переспросила Ханна. Дэвид кивнул.

— Нам же самим будет веселей в компании. А то мы тут с тоски засохнем.

Даже издали я ощутила раздражение Ханны. Она положила руки на китайскую шкатулку. Правило номер три — только трое могут играть в Игру: придумывать сюжеты, планировать путешествия, — испарялось на глазах. Ханна глядела на брата с нескрываемым осуждением, которое он предпочел не заметить.

— Посмотрите-ка на эту елку, — с преувеличенной бодростью предложил он. — Давайте начнем наряжать ее прямо сейчас, если хотим успеть к Рождеству.

Девочки остались стоять, где стояли.

— Ну, Эмми, — сказал Дэвид и переставил коробку с игрушками со стола на пол, старательно избегая взгляда Ханны, — покажи Робби, что надо делать.

Эммелин поглядела на сестру. Ее раздирали противоречия. С одной стороны, она разделяла негодование Ханны и очень хотела поиграть в Игру, с другой — младший ребенок в семье, она выросла с ощущением, что всегда будет для старших третьей лишней. А сейчас Дэвид выбрал ее. Позвал помогать. Возможность стать второй, а не третьей, оказалась

неодолимой. Расположение Дэвида, его дружба — сокровища, от которых не отказываются.

Эммелин украдкой взглянула на Ханну и улыбнулась Дэвиду. Взяла из его рук сверток и начала разворачивать стеклянные сосульки, демонстрируя каждую Робби.

Ханна поняла, что проиграла. Пока Эммелин радостно взвизгивала над забытыми за год украшениями, Ханна расправила плечи — побеждена, но не сломлена — и, забрав китайскую шкатулку, вышла из библиотеки. Дэвид с притворным смирением следил за ней. Когда она вернулась, уже с пустыми руками, Эммелин подняла голову.

— Ты представляешь, — сказала она, — Робби никогда в жизни не видел фарфорового ангела!

Ханна, прямая как палка, проследовала мимо нее и села на ковер. Дэвид подошел к роялю, занес над клавишами руки. Потом плавно опустил их, осторожными касаниями пробуждая инструмент к жизни. И только когда и рояль, и все слушатели настроились на нужную ноту, заиграл. Одно из самых прекрасных, на мой взгляд, произведений. Вальс си-минор Шопена.

Это может показаться невероятным, но в тот день, в библиотеке, я впервые слушала музыку. Живую музыку, я имею в виду. Я смутно припоминаю, как мама пела мне, когда я была совсем маленькой, потом спина ее согнулась, а песни куда-то исчезли. Да мистер Кеннеди, что жил через дорогу, доставал, бывало, волюнку и играл жалостливые ирландские мелодии, когда напивался в кабачке в пятницу вечером. Но тут я услышала что-то совсем другое.

Я прижалась щекой к перилам и закрыла глаза, отдаваясь волшебным парящим звукам. Не могу сказать, хорошо ли играл Дэвид — с чем мне было сравнивать? Мне его игра казалась и кажется безупречной.

Когда последняя нота все еще звенела в солнечном воздухе, Эммелин сказала:

— Дай теперь мне поиграть. Это какая-то не рождественская музыка.

Я открыла глаза, а Эммелин начала старательно исполнять рождественский гимн «О, придите, верные».

Играла она хорошо, и музыка была приятная, но волшебство куда-то исчезло.

— А вы играете? — спросил Робби у Ханны, которая, скрестив ноги, молча сидела на полу.

Дэвид хохотнул:

— У Ханны много талантов, но к музыке они не имеют ни малейшего

отношения. — Он хитро улыбнулся. — Хотя... после того, как я узнал о тайных уроках, которые ты берешь в деревне, кто знает...

Ханна посмотрела на Эммелин, которая виновато пожала плечами:

— Оно как-то само вырвалось.

— Я предпочитаю слова, — холодно сказала Ханна. Она развернула сверток с крошечными солдатиками и покачала их на ладони. — Они меня лучше слушаются.

— Робби тоже пишет, — сказал Дэвид. — И здорово пишет, между прочим. Он поэт. Несколько его стихов напечатали в этом году в школьной газете. — Он поднял повыше стеклянный шар, по ковру разлетелись радужные блики. — Как там то, которое мне больше всех нравится? Про разрушенный замок?

Скрипнула дверь, заглушив ответ Робби, появился Альфред с подносом, полным пряничных человечков, засахаренных фруктов и набитых орехами картонных рогов изобилия.

— Простите, мисс, — сказал он, ставя поднос на стол для напитков. — Это от миссис Таунсенд, на елку.

— Как замечательно! — воскликнула Эммелин, бросая играть и подскакивая к столу, чтобы схватить человечка.

Как только она отвернулась, Альфред украдкой посмотрел на галерею и поймал мой любопытный взгляд. Когда Хартфорды занялись елкой, он незаметно прошел вдоль стены и поднялся ко мне.

— Как продвигается работа? — прошептал он, высовывая голову из люка.

— Хорошо, — шепнула я в ответ. Собственный голос показался мне каким-то странным — так давно я его не слышала. Потом виновато поглядела на книгу, зажатую в руке, и на пустое место на полке — всего девять книг протерто.

Альфред проследил за моим взглядом и поднял брови.

— Похоже, я вовремя. Помогу тебе.

— А если мистер Гамильтон...

— Он не хватится меня еще полчаса или около того, — Альфред улыбнулся и показал на дальний конец полки. — Я начну отсюда, и мы встретимся посередине.

Я кивнула, чувствуя смущение и благодарность.

Альфред вынул из кармана куртки тряпку, уселся на пол в другом конце галереи и снял с полки книгу. Я следила, как он сосредоточенно вертит ее, обтирая со всех сторон, ставит на полку и берет следующую. Он сидел, скрестив ноги, поглощенный работой, и напоминал мне ребенка,

который чудесным образом превратился во взрослого: русая шевелюра, обычно аккуратно причесанная, растрепалась, и челка качалась в такт движениям рук.

Альфред поднял голову и встретился со мной глазами. Я отвернулась — от его взгляда по всему телу побежали мурашки. Щеки вспыхнули. Неужели он понял, что я его разглядывала? Интересно, он на меня еще смотрит? Я не решалась проверить, чтобы он не подумал чего-нибудь такого. Или не смотрит? Кожу покалывало от воображаемого взгляда.

Так было уже несколько дней. Между нами встало что-то, чему я не могла найти названия. Легкость в отношениях, которую я начала было испытывать, исчезла, сменилась неловкостью, непониманием. Я гадала, не в истории ли с пером все дело. Вдруг он видел, как я гладела на него в деревне? Или еще хуже — выяснил, что это я проболталась обо всем мистеру Гамильтону и остальным.

Я начала еще усердней тереть очередную книгу, нарочито глядя в другую сторону — вниз, сквозь перила. Возможно, если я не буду обращать на Альфреда внимания, неловкость пройдет так же быстро, как и время.

Вернувшись к наблюдению за Хартфордами, я почувствовала себя растерянным зрителем, который умудрился заснуть во время представления, а проснувшись, обнаружил, что декорации сменились и действие ушло далеко вперед. Я попыталась сосредоточиться на голосах, легко пронзавших прозрачный свет зимнего солнца, странных и незнакомых после перерыва.

Начался третий акт, Эмелин демонстрировала Робби сладости миссис Таунсенд, а старшие брат с сестрой обсуждали войну.

Ханна оторопело глядела на Дэвида из-за серебряной звезды, которую она пыталась приладить на елку.

— И когда ты уходишь?

— В начале будущего года, — с горящими от возбуждения щеками ответил Дэвид.

— Но когда же ты... Давно ты?..

Он пожал плечами.

— Я думал об этом долгие годы. Ты же знаешь, как я люблю приключения.

Ханна глядела на брата. Появление Робби Хантера и невозможность заняться Игрой выбили ее из колеи, но это новое предательство не шло ни в какое сравнение с предыдущим.

— А Па знает? — ледяным голосом осведомилась она.

— Пока нет.

— Он тебя не отпустит, — уверенно и с видимым облегчением сказала Ханна.

— Не сможет, — уверил ее Дэвид. — Он ни о чем не узнает, пока я в целости и сохранности не окажусь на французской земле.

— А если узнает?

— Не узнает. Потому что никто ему не скажет, — выразительно глядя на сестру, ответил Дэвид. — В любом случае, пусть спорит, сколько угодно — меня он все равно не остановит. Я ему не позволю. Не хочу упустить свой шанс только потому, что он упустил свой. Я сам себе хозяин, и Па пора бы это понять. Только потому что он ведет жалкую жизнь...

— Дэвид! — резко сказала Ханна.

— Но это же правда. Даже если ты этого не замечаешь. Он всю жизнь просидел под каблуком у бабушки — женился на женщине, которая терпеть его не могла, провалил все дела, за которые брался...

— Дэвид!!!

Я почти физически ощутила негодование Ханны. Она глянула на Эммелин, чтобы удостовериться, что та ничего не слышит.

— Как тебе не стыдно! Никакого уважения! Дэвид перехватил ее взгляд и понизил голос.

— Я не позволю ему портить мою жизнь только потому, что он испортил свою. Он просто жалок.

— Вы о чем говорите? — вклинилась в разговор Эммелин. Она нахмурилась, сжав в кулаке засахаренный орех. — Вы что, ругаетесь?

— Конечно, нет, — ответил Дэвид, выдавив улыбку в ответ на сердитый взгляд Ханны. — Я просто рассказывал Ханне, что собираюсь во Францию. На войну.

— Как интересно! — воскликнула Эммелин. — А Робби тоже собирается?

Робби кивнул.

— Можно было сразу догадаться, — фыркнула Ханна.

Дэвид не обратил на нее внимания.

— Кто-то же должен присмотреть за этим парнем, — улыбнулся он, глядя на Робби. — И вообще — не ему одному все интересное.

Я прочла в его взгляде что-то такое... Восхищение? Обожание?

Ханна заметила то же самое. Сжала губы. Теперь она знала, кто виноват в предательстве брата.

— Робби идет на войну, чтобы слинять от своего старика, — сказал Дэвид.

— А почему? — возбужденно спросила Эммелин. — Что он наделал?

— Это долгая и грустная история, — пожал плечами Робби.

— Ну хоть намекните! — просила Эммелин. — Пожалуйста! — Она широко раскрыла глаза. — Знаю! Он грозитя лишить вас наследства!

Робби сухо, безрадостно рассмеялся.

— Да нет. — Он покатал в пальцах стеклянную сосульку. — Как раз наоборот.

— Он грозитя оставить вам наследство? — нахмурилась Эммелин.

— Он хочет, чтобы мы изображали счастливое семейство.

— А вы не желаете быть счастливым? — холодно поинтересовалась Ханна.

— Я не желаю быть семейством, — ответил Робби. — Мне и одному неплохо.

Эммелин еще шире раскрыла глаза.

— А я бы ни за что не согласилась жить одна — без Ханны, без Дэвида. И без Па, конечно.

— Тебе этого не понять, — сказал Робби. — Твои родные не делали тебе зла.

— А ваши? — спросила Ханна.

Наступила тишина. Все, включая меня, уставились на Робби.

Я затаила дыхание. Я ведь уже слышала историю нашего гостя. В ночь его неожиданного приезда в Ривертон, пока мистер Гамильтон и миссис Таунсенд хлопотали насчет ужина и спальни, Нэнси наклонилась к моему уху и поделилась всем, что знала сама.

Робби — сын недавно титулованного лорда Гастинга Хантера, который прославился изобретением нового вида стекла — его можно было обжигать в печи. Лорд купил большое имение под Кембриджем, выделил одну из комнат для своих экспериментов и зажил жизнью сельского помещика, вместе с женой. А этот мальчик, по словам Нэнси, появился на свет в результате интрижки Хантера с горничной. Молодой испанкой, ни слова не знавшей по-английски. Девушка быстро надоела лорду, но он согласился содержать ее и ребенка и даже оплатить обучение мальчика в обмен на молчание. Молчание ее и довело: говорят, она наложила на себя руки.

Как не стыдно, повторяла, покачивая головой, Нэнси, так обращаться с горничной, оставлять ребенка без отца? Неудивительно, что им все сочувствуют. И все-таки, многозначительно глядя на меня, говорила она, ее светлость вовсе не в восторге от такого гостя. Не нашего он поля ягода.

Понять ее было несложно: есть титулы и титулы — одни передаются от поколения к поколению, другие сверкают, что твой новый автомобиль. Робби, сын (неважно, законный или нет) новоявленного лорда Хантера, был

недостаточно хорош для Хартфордов, а значит, и для нас.

— Ну расскажите! — просила Эммелин. — Чем вас обидел ваш папа?

— Что еще за допрос? — улыбаясь, перебил ее Дэвид и повернулся к Робби: — Извини, Хантер. Эта парочка на редкость любопытна. Им общения не хватает.

Эммелин с улыбкой кинула в него ворохом бумаги. Бумага не долетела и свалилась в кучу других оберток, разбросанных под елкой.

— Ничего страшного, — напряженно ответил Робби и отбросил с лица прядь волос. — С тех пор, как умерла мама, отец пытается меня приручить.

— А вы? — спросила Эммелин.

— А я не хочу, чтобы меня приручали. Особенно он.

— А зачем он это делает? — не отставала Эммелин.

Робби грустно улыбнулся:

— Отец долго пытался забыть о моем существовании, а теперь вдруг сообразил, что ему нужен наследник. Жена, видимо, не смогла подарить ему сына.

Эммелин переводила непонимающий взгляд с сестры на брата.

— Вот Робби и собрался на войну, — подытожил Дэвид. — Чтобы отвязаться.

— Сочувствую, — нехотя выдавила Ханна.

— И я, — поддержала Эммелин, ее детское личико выражало искреннюю жалость. — Вы, наверное, очень тоскуете по маме. Я, например, страшно тоскую по своей, хотя совсем ее не помню.

Наступила тишина. Потом Робби, не поднимая головы, сказал:

— Мне кажется, будто я был в нее влюблен. Странно, да?

— Да нет, — отозвалась Ханна.

Эммелин вздохнула:

— А теперь вы идете на войну, чтобы оказаться подальше от жестокого отца. Прямо как в книжке.

— В мелодраме, — сказала Ханна.

— Нет, в романе, — горячо возразила Эммелин. Она развернула очередной сверток, и на колени ей высыпалась куча самодельных свечей, наполнивших воздух ароматом корицы.

— Бабушка говорит, что долг каждого мужчины — идти на войну. Те, кто остается дома, дезертиры и негодяи.

По моему телу снова побежали мурашки. Я посмотрела на Альфреда и тут же отвела глаза, встретившись с его взглядом. Его лицо пылало, в глазах светилось оскорбленное самолюбие. Совсем как тогда, в деревне. Он резко встал, уронил тряпку, а когда я попыталась вернуть ее, покачал

головой и, не глядя мне в глаза, пробормотал что-то насчет мистера Гамильтона, который, поди, его уже ищет. Я беспомощно глядела, как он спустился по лестнице и выскользнул из библиотеки, незамеченный младшими Хартфордами. Ну почему я такая несдержанная?!

Отвернувшись от елки, Эммелин посмотрела на Ханну:

— Бабушка разочаровалась в Па. Считает, что ему на все наплевать.

— Ей не в чем разочаровываться, — отрезала Ханна. — А Па вовсе не наплевать. Если бы он мог, он в ту же секунду оказался бы на фронте.

В комнате повисла тяжелая тишина, я услышала, как часто я дышу, переживая за Ханну.

— Не кидайся на меня, — надулась Эммелин. — Это не я говорю, а бабушка.

— Старая ведьма! — рявкнула Ханна. — Да Па делает для фронта все, что может!

— Ханна была бы рада пойти с нами в армию, — сказал Дэвид Робби. — Они с отцом никак не могут понять, что война не место для девиц и пожилых мужчин с больными легкими.

— Не говори ерунды, Дэвид, — потребовала Ханна.

— Какой именно? — уточнил тот. — Что война не для женщин и стариков или что ты рвешься на фронт?

— Ты знаешь, что от меня было бы не меньше пользы, чем от тебя. Ты сам говорил, что я хорошо разбираюсь в стратегии...

— Это не игра, Ханна, — резко сказал Дэвид. — Это война. С настоящим оружием, настоящими пулями и настоящим врагом. Это уже не выдумка и не твоя прихоть.

Я затаила дыхание — Ханна выглядела так, будто получила пощечину.

— Нельзя всю жизнь прожить в придуманном мире, — продолжал ее брат. — Ты не сможешь провести остаток своих лет, сочиняя приключения, описывая несуществующие подвиги, изображая вымышленных героев...

— Дэвид! — крикнула Эммелин; она переводила взгляд с него на Робби, ее нижняя губа дрожала. — А как же правило первое: Игра — это секрет?

Дэвид обернулся к ней, его лицо смягчилось.

— И правда. Я забыл. Прости, Эмми.

— Ведь секрет же, — прошептала она. — Мы же договорились.

— Конечно, секрет, — подтвердил Дэвид и взъерошил волосы Эммелин. — Ну хватит, не переживай. — Он наклонился и снова заглянул в коробку с игрушками. — О! — воскликнул он. — Смотрите, кого я нашел! Это же Мэйбл.

Он поднял стеклянного нюрнбергского ангела с благочестивым восковым личиком, с крыльями из стеклянных нитей и в гофрированном золотом облачении.

— Она тебе всегда больше всех нравилась. Давай я посажу ее на верхушку.

— А можно мне? — вытирая глаза, попросила Эммелин, не желавшая, несмотря на обиду, упускать такую возможность.

Дэвид с заметной скованностью посмотрел на Ханну.

— Что скажешь? Есть возражения?

Ханна холодно, с неприязнью глядела на него.

— Ну пожалуйста! — просила Эммелин. Она вскочила на ноги — вихрь юбок и оберточной бумаги. — Вы всегда сажаете Мэйбл, мне еще ни разу не разрешили. Я уже доросла!

Дэвид притворно задумался.

— Сколько тебе лет?

— Одиннадцать.

— Одиннадцать... Почти двенадцать.

Эммелин с готовностью закивала.

— Ладно, — решил наконец Дэвид и кивнул Робби: — Поможешь?

Вдвоем они подтащили к елке лестницу и установили ножки на полу, сплошь засыпанном оберточной бумагой.

— Ого! — захихикала Эммелин, забираясь по ступенькам с ангелом в руке. — Я лезу, прямо как Джек по бобовому стеблю.

На предпоследней ступеньке она остановилась и вытянула руку с ангелом к верхушке елки, которая заманчиво покачивалась все еще довольно далеко от нее.

— Вот вредная, — пропыхтела Эммелин и посмотрела вниз, на три заданных к ней лица. — Почти достала. Еще немножко.

— Осторожней, — предупредил Дэвид. — Тебе там есть за что уцепиться?

Эммелин протянула свободную руку и схватилась за неустойчивую еловую лапу, потом взялась за соседнюю второй рукой. Медленно-медленно подняла левую ногу и поставила ее на верхнюю ступеньку.

Когда она подняла правую ногу, я затаила дыхание. Эммелин торжествующе улыбнулась и только собралась посадить Мэйбл на ее законное место, как наши глаза встретились. Ее торчащая над верхушкой елки мордочка вытянулась от удивления, потом от испуга. Эммелин поскользнулась и загрохотала вниз.

Я открыла рот, чтобы крикнуть, предупредить — увы, поздно. Как

тряпичная кукла, Эммелин рухнула на пол и осталась лежать там грудой белых юбок среди разбросанных оберток.

Комната будто увеличилась. Мы оцепенели в молчании. И вдруг все взорвалось шумом, криком, паникой.

Дэвид схватил сестру в объятия.

— Эмми! Что с тобой? Эмми! — Он посмотрел на пол, где валялся разбитый ангел — стеклянные крылья все в крови. — О господи! Она себе руку раскроила!

Ханна упала рядом с ними на колени.

— Вот тут, запястье.

Она оглянулась, ища, кого бы позвать на помощь, и заметила Робби:

— Найдите кого-нибудь!

Я скатилась вниз по лестнице, сердце колотилось как бешеное.

— Я сбегаяю, мисс! — крикнула я, выскакивая за дверь.

Я понеслась по коридору, каждый вздох упреком вырывался из груди, перед глазами маячило недвижимое тело Эммелин. Это я, я виновата! Меньше всего она ожидала увидеть мое лицо над верхушкой ели. Если бы я не подглядывала, если б не напугала ее...

Выскочив на лестничную площадку, я со всей силы врезалась в Нэнси.

— Эй, потише! — нахмурилась та.

— Нэнси, — еле выдохнула я. — На помощь... Она вся в крови...

— Ни слова ни поняла, что ты там бормочешь. Кто в крови?

— Мисс Эммелин. Она упала... в библиотеке... с лестницы... мастер Дэвид и Роберт Хантер...

— Так я и думала! — Нэнси крутнулась на каблуках и побежала в кухню. — А все этот мальчишка! Вот сразу он мне не понравился! Приехал без приглашения — кто ж так делает?

Я пыталась объяснить, что Робби вовсе ни при чем, но Нэнси не слушала. Она сбегала вниз по лестнице, ворвалась в кухню и выхватила из шкафа аптечку.

— Всегда знала, что такие гости не к добру.

— Нэнси, он не виноват...

— Как это не виноват? Еще и дня не прогостил, а вон уже что стряслось.

Пришлось замолчать, тем более что я еще не отдышалась и не могла сказать ничего внятного в защиту Робби.

Нэнси отыскивала бинты и лекарство и побежала наверх, я скакала по ступеням следом за ее уверенной худой спиной. Каблуки черных туфель осуждающе простучали по полу. Нэнси все уладит, она всегда знает, что

делать.

Но мы опоздали.

На кушетке, с мужественной улыбкой на бледном лице, полулежала Эммелин. Брат и сестра сидели по бокам, и Дэвид поглаживал ее здоровую руку. Раненое запястье, крепко перевязанное полосой белой ткани — куском платья, сообразила я, — Эммелин пристроила на коленях. Робби Хантер стоял рядом.

— Со мной все в порядке, — сказала Эммелин, глядя на нас. — Меня спас мистер Хантер. — Она подняла на Робби покрасневшие глаза. — Я так ему благодарна!

— Мы все благодарны, — сказала Ханна, не сводя взгляда с Эммелин.

Дэвид кивнул.

— Очень впечатляюще, Хантер. Где ты этому научился?

— Мой дядя — врач, — ответил Робби. — Я даже хотел последовать его примеру, но передумал — не люблю вида крови.

Дэвид оглядел окровавленные тряпки на полу.

— А так и не скажешь.

Он повернулся к Эммелин и погладил ее по голове.

— Хорошо, что ты не похожа на своих плаксивых кузин, Эмми, — рана-то нешуточная.

Если Эммелин и слышала брата, виду она не подала. Она смотрела на Робби Хантера, как мистер Дадли на свою елку. Позабытый рождественский ангел валялся у ее ног с философским спокойствием на лице — разбитые стеклянные крылья, одеяние, измазанное кровью.

«Таймс»

25 февраля 1916

года

АЭРОПЛАНЫ ПРОТИВ ДИРИЖАБЛЕЙ. ПРЕДЛОЖЕНИЕ МИСТЕРА ХАРТФОРДА.

*(от нашего специального корреспондента из
Ипсвича, 24. 02).*

Мистер Фредерик Хартфорд, который выступит завтра на заседании парламента по вопросу противовоздушной обороны Британии, согласился

поговорить со мной уже сегодня и осветить проблему в целом. Мы встретились в Ипсвиче, где мистер Хартфорд открыл огромный новый завод, при участии инвесторов, в частности известного бизнесмена, мистера Саймиона Лакстона.

Мистер Хартфорд, брат майора Джонатана Хартфода и сын лорда Герберта Хартфорда из рода Эшбери, уверен, что атаки дирижаблей можно будет отражать с помощью более быстрых и лучше оснащенных аэропланов нового образца, который был предложен авиаконструктором Луи Блерио.

Новые аэропланы взлетают с большей скоростью за счет небольшого веса. Их предполагается оснащать пулеметом или бомбами, которые пилот будет сбрасывать сверху, а также прожекторами. Вес оборудования будет значительно меньше веса пассажира.

Мистер Хартфорд заявил, что не видит смысла в строительстве дирижаблей, так как они слишком неуклюжи и уязвимы, поэтому могут действовать лишь ночью.

Деловое партнерство мистера Хартфорда и мистера Лакстона символизирует слияние старой и новой Британии. В то время как род Эшбери прослеживается до времен короля Генриха VII, мистер Лакстон — внук йоркширского шахтера, который в свое время стал фабрикантом и сильно преуспел. Его жена — миссис Лакстон — американка, наследница владельца фармацевтической компании "Стивенсон фармасьютикал".

ДО ВСТРЕЧИ!

В ту ночь, на чердаке, мы с Нэнси крепко прижались друг к другу в надежде хоть как-то защититься от пронизывающего холода. Зимнее солнце зашло рано, обозленный ветер яростно тряс крышу и свистел сквозь щели в стене.

— До конца года обещали снег, — прошептала Нэнси. — И, похоже, так оно и будет.

— Ветер плачет, прямо как ребенок, — сказала я.

— Нет, — возразила Нэнси. — Похоже на что угодно, только не на детский плач.

Вот тогда-то она и рассказала мне, что случилось с детьми майора и Джемаймы. Двумя мальчуганами, чья кровь отказывалась сворачиваться; они ушли в могилу один за другим и лежат теперь в холодной земле ривертонского кладбища.

Первый, Тимми, упал с лошади, когда майор взял его покататься по имению.

Он умирал четверо суток, рассказывала Нэнси, только тогда затих его плач и маленькая душа наконец упокоилась. Лежал белый, как простыня, вся кровь прилила к ушибленному плечу, стремясь покинуть тело. Я вспомнила, как наткнулась в библиотеке на красивую книгу с дарственной надписью: Тимоти Хартфорду.

— И его-то плач невозможно было слушать, — продолжала Нэнси, шевельнув ногами так, что под одеяло ворвались клубы холодного воздуха, — а уж ее-то...

— Чей? — отозвалась я.

— Матери. Джемаймы. Начала рыдать, когда тело вынесли, и не утихала неделю. Если б ты только слышала! Поседеть можно от такого горя. Не пила, не ела, вся выцвела — почти такая же бледная была, как сын, упокой, господи, его душу.

Я задрожала, пытаюсь представить себе, как эта пухлая неинтересная женщина могла так бурно горевать.

— Но ты же сказала «дети»? А что случилось с другими?

— С другим, — поправила Нэнси. — С Адамом. Этот прожил дольше, чем Тимми, и мы уж понадеялись, что он перерос семейное проклятье. Однако и ему не повезло, бедняжке. После смерти брата Адама чуть ли в вату не кутали. Мать ему бегать вообще не позволяла, только сидеть да

читать в библиотеке. Не хотела повторять ошибку. — Нэнси вздохнула и подтянула колени к животу, чтобы согреться. — Только разве ж мать оградит мальчишку от беды, когда у него одни шалости на уме?

— И что же он натворил? От чего он умер, Нэнси?

— Всего-навсего споткнулся на лестнице. В доме майора, в Бэкингемшире. Я сама там не была, но Клара, горничная, своими глазами видела — она как раз пыль вытирала в вестибюле. Бежал, говорит, поскользнулся и полетел. Только и всего. Не так уж сильно и ударился-то, потому что тут же вскочил, отряхнулся и дальше побежал. А вечером, Клара говорит, коленку у него разнесло, что твой воздушный шар — точно, как плечо у Тимми, — и поздно ночью он начал плакать.

— Тоже несколько дней? — спросила я. — Как брат?

— Нет, с Адамом по-другому вышло. Клара рассказывала, что бедный мальчонка полночи криком исходил, просил мать сделать что-нибудь, чтоб не было так больно. Никто в доме, понятное дело, и глаз не сомкнул, даже конюх, мистер Баркер, а он ведь глухой, как пень. Все лежали в постелях и слушали детский плач. Сам майор всю ночь простоял под дверью, суровый, как всегда — ни слезинки не проронил.

А незадолго до рассвета, по словам Клары, плач смолк, как оборвали, и наступила мертвая тишина. Утром, когда она принесла им поднос с завтраком, Джемайма лежала поперек кровати с сыном в руках — личико у него было ясным, как у ангела, словно бы он спал.

— А она, она плакала, как тогда?

— В этот раз нет. Клара рассказывала, что Джемайма была почти такой же спокойной, как Адам. Наверное, радовалась, что кончились его мучения. Ночь прошла, и она проводила сына в лучший мир, где нет ни горя, ни печали.

Я пыталась представить себе ту ночь. Внезапно оборвавшийся детский плач. Облегчение матери.

— Нэнси... — медленно проговорила я, — а ты не думаешь, что...

— Я думаю — это только к добру, что малыш ушел быстрее, чем брат, вот что я думаю.

Наступила тишина, сперва мне даже показалось, что Нэнси заснула, но дыхание ее оставалось частым, и я решила, что она просто притворяется. Я подтянула одеяло к подбородку и закрыла глаза, стараясь не думать о плачущем ребенке и отчаявшейся матери.

Меня уже начал охватывать сон, когда Нэнси прошептала:

— А теперь она снова в положении, заметила? В августе родит. Нам всем надо молиться за нее, слышишь? — благочестиво добавила она. —

Особенно сейчас, Он перед Рождеством лучше слышит. Молись, чтобы Джеммайма в этот раз принесла здорового ребенка. — Нэнси перекадилась на другой бок, стянув с меня одеяло. — Такого, чтобы не сошел в могилу от первой же царапины.

* * *

Наступило и прошло Рождество, лорд Эшбери признал библиотеку вычищенной, и на следующее утро я, презрев холод, отправилась по поручению миссис Таунсенд в деревню. Леди Эшбери решила устроить новогодний праздник с целью собрать средства на комитет помощи бельгийским беженцам. Нэнси подслушала, что она носит с идеей заняться еще французами и португальцами.

Миссис Таунсенд решила, что для удачного обеда необходимы греческие сласти мистера Георгиаса. Не то, чтобы их продавали кому ни попадя, снисходительно добавила она, нет, только не в нынешние трудные времена. Мне надо будет подойти к прилавку и сказать, что я пришла за заказом от миссис Таунсенд из Ривертонна.

Несмотря на ледяной холод, я обрадовалась возможности прогуляться. После нескончаемых праздников — сперва Рождество, теперь вот Новый Год — приятно было провести утро в одиночестве, вдали от бесконечного брюзжания Нэнси. После нескольких месяцев относительного спокойствия она вдруг снова решила взяться за меня всерьез: следила, критиковала, ворчала. Мне почему-то казалось, что меня готовят к каким-то переменам, только пока непонятно — каким.

Кроме того, у меня была своя тайная причина посетить деревню. Недавно вышел четвертый роман Конан Дойла о Шерлоке Холмсе, и я договорилась с торговцем, что приду за ним. Я копила деньги целых полгода, книга станет первой в моей жизни настоящей покупкой. «Долина страха» — одно название чего стоит!

Торговец с женой и шестью детьми жил в сером каменном доме, стиснутом со всех сторон другими, точно такими же. Улица представляла собой ряд унылых зданий, приткнувшихся за железнодорожной станцией. В воздухе висел запах горящего угля, булыжники на мостовой почернели, а фонари покрылись слоем сажи. Я робко постучала в облезлую дверь. Подождала. Ребенок лет трех, в грязных ботинках и поношенном свитере, сидел рядом со мной на ступеньке, колотя палкой по водосточной трубе.

Голые исцарапанные коленки посинели от холода.

Я постучала погромче. Наконец дверь отворилась, за ней стояла худая, как палка, беременная женщина. Фартук туго натянулся на огромном животе, на руках она держала младенца с красными, воспаленными глазами. Не говоря ни слова, женщина молча смотрела куда-то сквозь меня, пока я пыталась обрести дар речи.

— Здравствуйте, — сказала я наконец тоном, позаимствованным у Нэнси. — Меня зовут Грейс Ривз. Я к мистеру Джонсу.

Женщина молчала.

— Я покупательница. — Голос предательски дрогнул от неуверенности. — У вас ведь можно купить книжку?

В глазах женщины проснулся едва заметный интерес. Она поудобней перехватила ребенка и мотнула головой вглубь дома.

— Муж там, на заднем дворе.

Хозяйка посторонилась, и я протиснулась мимо нее, благо в этом крошечном доме невозможно было заблудиться. Сразу за дверью начиналась пропахшая кислым молоком кухня. Два оборванных малыша катали камешки по исцарапанному сосновому столу.

Старший ловко сбил камешек брата и поднял на меня круглые глаза — две луны на худеньком личике.

— Вы к папе?

Я кивнула.

— А он на улице, смазывает повозку.

Наверное, у меня был растерянный вид, потому что его короткий пальчик указал на маленькую дверцу около печи.

Я снова кивнула, пытаюсь улыбаться.

— Скоро я тоже начну с ним работать, — объявил мальчик, возвращаясь к своему камешку и прицеливаясь вновь. — Когда мне будет восемь.

— Везет тебе... — с завистью протянул младший.

— Ну, кто-то же должен присматривать за домом, пока папы не будет, — пожал плечами старший. — А ты еще слишком маленький.

Я подошла к дверце и толкнула ее. Под увешанной пожелтевшим бельем веревкой склонился, осматривая колеса своей тележки, торговец.

— Развалюха чертова, — бурчал он.

Я кашлянула, он оглянулся и ударился головой о ручку повозки.

— Хлам!

Он сощурился на меня, попыхивая трубкой. Попытка еще раз изобразить Нэнси провалилась, и я постаралась выговорить хоть как-

нибудь:

— Меня зовут Грейс. Я за книгой.

Тишина.

— Сэр Артур Конан До...

Торговец облокотился о тележку.

— Я вас узнал.

Он тяжело вздохнул, я почувствовала горячий, сладковатый запах табака. Вытер масляные руки о штаны и, рассматривая меня, сказал:

— Вот, чиню тележку, чтобы сын мог с ней управляться.

— Когда вы уходите? — спросила я.

Он поднял взгляд над бельевой веревкой, отягощенной желтоватыми, словно саваны привидений, простынями, к голубому небу.

— Через месяц. В морскую пехоту. С детства хотел увидеть океан.

Он так потерянно смотрел на меня, что я поспешно отвела глаза. В кухонном окне маячили, уставившись на нас, мальчики и женщина с ребенком. Через закопченное стекло они казались мутными отражениями в грязном пруду. Торговец поглядел туда же.

— В армии можно неплохо заработать, — сказал он. — Если повезет. — Он кинул тряпку и шагнул к дому. — Пойдемте, я отдам вам книгу.

Мы вернулись в крохотную комнату, потом он проводил меня наружу. Я старалась не глядеть по сторонам, чтобы не видеть маленьких истощенных лиц. Спускаясь с крыльца, я услышала голос старшего мальчика:

— А что купила эта леди, пап? Она мыло купила, да? От нее мылом пахло. Она ведь настоящая леди, да, пап?

Я пошла так быстро, как могла, стараясь не перейти на бег. Мне хотелось оказаться как можно дальше от этого убогого жилища и несчастных детей, которые приняли меня, простую горничную, за настоящую леди.

Наконец я с облегчением повернула за угол и очутилась на Рэйлуэй-стрит, оставив позади тяжелый дух угля и бедности. Нет, я привыкла к трудностям — бывало, мы с мамой еле-еле сводили концы с концами — но тут вдруг поняла, что жизнь в Ривертоне изменила меня.

Сама того не заметив, я привыкла к его удобству, теплу, зажиточности и стала ожидать того же от других домов. Переходя улицу следом за повозкой молочника и чувствуя, как щеки пощипывает холод, я твердо решила, что никогда не потеряю заработанных благ. Не лишусь своего места, как это сделала мама.

Перед поворотом на Хай-стрит я нырнула под навес, образующий полутемную нишу перед блестящей черной дверью с медной табличкой. Дыхание вырывалось изо рта белым морозным паром, я вытащила из-под пальто свою драгоценную ношу и стянула перчатки.

В доме торговца я едва глянула на книгу, только чтобы убедиться, что он ничего не перепутал. Теперь я наконец-то изучила обложку, провела пальцами по кожаному переплету, пробежала глазами по затейливым буквам, выдавленным на корешке: «Долина страха». Я прошептала название вслух, поднесла книгу к носу и вдохнула запах типографской краски. Запах предвкушения.

Потом снова упрятала свое запретное сокровище под пальто и прижала к груди. Моя первая новая книга. Моя первая новая вещь. Теперь бы только пронести ее в комнату, не возбуждив подозрений мистера Гамильтона и Нэнси. Я снова натянула перчатки, поглядела на блестящую ото льда улицу, и только шагнула наружу, как налетела на молодую леди, которая как раз нырнула под навес.

— Ой! — сказала девушка. — Я нечаянно. Прошу прощения!

Я взглянула на нее и покраснела. Передо мной стояла Ханна.

— Постой... — удивилась она. — Я же тебя знаю. Ты работаешь у дедушки.

— Да, мисс. Меня зовут Грейс, мисс.

— Грейс.

Мое имя мягко слетело с ее губ.

Я кивнула.

— Да, мисс.

Сердце под пальто виновато колотилось о книгу. Ханна ослабила ярко-голубой шарф, в темноте забелела ее нежная шея.

— Это ведь ты однажды спасла нас от казни сентиментальными стихами.

— Да, мисс.

Она глянула на улицу, где ледяной ветер играл струями дождя со снегом, и невольно поежилась.

— Ну и утречко.

— Да, мисс.

— Я бы носу из дома не высунула в такую погоду, — продолжала Ханна, глядя на меня, — если бы не назначенный давным-давно урок музыки.

— Я бы тоже, мисс, — отвечала я, — если бы не поручение миссис Таунсенд. Сладости. Для новогоднего обеда.

Ханна поглядела на мои пустые руки, потом на дверь за спиной.

— Неподходящее место для покупки сладостей.

Я посмотрела туда же. Табличка гласила: «Мисс Дав. Курсы секретарей». Надо было срочно что-то сочинить — что угодно, лишь бы оправдать свое пребывание у этой двери. Что угодно, кроме правды. Я не могу рассказать про книгу. Мистер Гамильтон строго-настрого запрещает постороннее чтение. Что же придумать? Если Ханна расскажет леди Вайолет, что я без разрешения хожу на курсы, я рискую потерять работу.

Прежде чем я успела хоть что-нибудь изобрести, Ханна кашлянула и завертела в руках сверток в коричневой бумаге.

— Что ж... — сказала она, слова повисли между нами в воздухе.

Я сжалась, готовясь принять обвинения.

Ханна переступила с ноги на ногу, вздернула подбородок, посмотрела мне прямо в глаза и, помолчав секунду, решительно заявила:

— Что ж, Грейс. Похоже, у нас обеих есть секреты.

Ее слова ошеломили меня, я даже не нашлась, что ответить. Перепуганная встречей, я никак не могла сообразить, что Ханна находится в том же положении. Я сглотнула, прижимая к себе недозволенный объемный груз.

— Мисс...

Ханна кивнула и порывисто схватила меня за руку, смутив еще больше.

— Поздравляю тебя, Грейс.

— Поздравляете, мисс?

— Да, — жарко сказала она. — Я знаю, что ты прячешь под пальто.

— Мисс...

— Знаю, потому что у меня в руках то же самое. — Пытаясь подавить восторженную улыбку, она взмахнула свертком. — Это вовсе не ноты, Грейс.

— Да что вы, мисс!

— И я пришла не на урок музыки. — Она широко раскрыла глаза. — Брать уроки для собственного удовольствия. И это в такое время! Можешь себе представить?

Совершенно сбита с толку, я помотала головой. Ханна заговорщически наклонилась ко мне.

— Что тебе больше нравится? Машинопись или стенография?

— Не знаю, мисс.

Она кивнула.

— Ты права, тут глупо говорить о предпочтениях. И то и другое очень

важно. — Она помолчала, улыбаясь. — И все-таки у меня душа лежит к стенографии. Есть в ней что-то волнующее. Как будто...

— Как будто тайный шифр? — подсказала я, вспомнив китайскую шкатулку.

— Да, — засияла Ханна. — Именно. Тайный шифр. Загадка.

— Да, мисс.

Ханна выпрямилась и кивнула на дверь.

— Мне надо идти. Мисс Дав уже ждет, не стоит опаздывать. Сама знаешь, как она злится, если придешь не вовремя.

Я сделала реверанс и ступила из-под навеса на улицу.

— Грейс!

Я обернулась, моргая от уличного света.

— Да, мисс?

Ханна поднесла к губам палец.

— У нас теперь общий секрет.

Я кивнула, и мы обменялись понимающими взглядами. Потом полностью успокоенная Ханна улыбнулась и исчезла за черной дверью секретарских курсов мисс Дав.

* * *

Тридцать первого декабря, в последние минуты уходящего года, все слуги собрались в кухне вокруг стола — встретить Новый год. Лорд Эшбери позволил нам открыть бутылку шампанского и две бутылки пива, а миссис Таунсенд извлекла из истощенного войной буфета что-то вроде угощения. Все зашикали друг на друга, когда стрелки подошли к двенадцати, и радостно закричали, когда забили часы. Под руководством мистера Гамильтона мы дружно исполнили гимн «Доброе старое время», а потом разговор, понятное дело, зашел о планах на год. Не успела Кэти торжественно пообещать нам не таскать пироги из кладовки, как всех огорошил Альфред.

— Меня взяли в армию, — объявил он. — Я уйду на фронт.

Я затаила дыхание, остальные тоже примолкли, ожидая реакции мистера Гамильтона.

— Что ж, — с натянутой улыбкой ответил наконец тот, — это похвальное стремление, Альфред, и я поговорю о твоих планах с хозяином, но, должен сказать, не верю, что он согласится тебя отпустить.

Альфред переглотнул.

— Спасибо, мистер Гамильтон. Вам не стоит стараться. — Он глубоко вздохнул, пытаясь успокоиться. — Я уже говорил с хозяином. Когда он приезжал из Лондона. Он сказал, что я совершенно прав, и пожелал мне удачи.

Мистер Гамильтон пытался переварить услышанное. В его глазах ясно читалось все, что он думал о предательстве Альфреда.

— Ну конечно... совершенно прав.

— Я уйду в марте, — осторожно продолжал Альфред. — Сперва еду в лагерь для новобранцев.

— А потом — наконец обретаю голос, спросила миссис Таунсенд.

— Потом... — Альфред не смог сдержать торжествующей ухмылки. — Потом, скорее всего, во Францию.

— В таком случае, — пытаюсь взять себя в руки, процедил мистер Гамильтон, — я предлагаю тост. — Он встал и высоко поднял бокал, мы сделали то же самое. — За Альфреда. Чтобы он вернулся к нам таким же здоровым и веселым, как сейчас.

— Точно-точно, — поддержала миссис Таунсенд, не в силах скрыть распиравшей ее гордости. — И чем скорее, тем лучше.

— Нет уж, миссис Ти, — усмехнулся Альфред. — Я хочу испытать себя в бою и стать настоящим мужчиной.

— Ты уж береги себя, мой мальчик, — сказала миссис Таунсенд, ее повлажневшие глаза заблестели.

Пока все заново наполняли бокалы, Альфред повернулся ко мне:

— Иду защищать страну, Грейс. Выполняю свой долг.

Я кивнула, не зная, как объяснить ему, что никогда не считала его трусом.

— Напишешь мне, Грейси? Обещай!

— Конечно, — снова кивнула я.

Альфред улыбнулся, и я почувствовала, как теплеют мои щеки.

— Раз уж мы празднуем, — Нэнси постучала по своему бокалу, требуя тишины, — так уж и я объявлю свои новости.

— Неужели замуж выходишь? — проблеяла Кэти.

— Нет, конечно, — окрысилась Нэнси.

— Тогда что? — спросила миссис Таунсенд. — Только не говори, что ты тоже нас бросаешь! Я этого не переживу.

— Не то, чтобы совсем бросаю, — сказала Нэнси. — Просто устроилась работать кондуктором на нашей железнодорожной станции. Мне все хотелось хоть что-то делать для победы, и вдруг я увидела

объявление в газете, той, что вы читали на прошлой неделе, мистер Гамильтон. — Она повернулась к нему. — Я уже поговорила с хозяйкой, и она отпустила меня при условии, что моя здешняя работа не пострадает. Сказала: когда слуги стремятся выполнить свой долг, это лишь делает дому честь.

— Разумеется, — вздохнул мистер Гамильтон. — Если только они при этом успевают выполнять свой долг внутри дома. — Он снял очки и растерянно потер кончик длинного носа. Снова надел их и сурово уставился на меня: — За кого я волнуюсь, так это за тебя, детка. С уходом Альфреда и занятостью Нэнси, на твои юные плечи ложится слишком большая ответственность. Я не смогу найти никого в помощь. Такое уж время. Тебе придется взять на себя большую часть работы наверху, пока жизнь не вернется в нормальное русло. Понимаешь?

— Да, мистер Гамильтон, — медленно кивнула я.

Наконец-то мне стало ясно, зачем Нэнси так гоняла меня последнее время. Чтобы я могла занять ее место, и ей легче было бы отпроситься на вторую работу. Мистер Гамильтон покачал головой и потер виски.

— Тебе придется прислуживать за столом, в гостиной, и во время чая. Помогать барышням, мисс Ханне и мисс Эммелин, одеваться, пока они здесь...

Он продолжал перечислять мои возросшие обязанности, но я уже не слушала. Я буду прислуживать сестрам Хартфорд! С тех пор, как я внезапно столкнулась с Ханной в деревне, интерес к девочкам, особенно к старшей, вспыхнул с новой силой. Мое воображение, вскормленное дешевыми книжками с душераздирающими сюжетами, сделало ее настоящей героиней: красивой, умной, смелой.

Тогда я еще не понимала главного, того, о чем догадалась много позже. Две девочки одного возраста, живущие в одном доме, в одной стране... Наблюдая за Ханной, я примеряла на себя блестящие возможности, которых была лишена сама.

Нэнси приступала к работе в следующую пятницу, и у нее оставалось совсем мало времени, чтобы обучить меня новым обязанностям. Каждую ночь меня будил пинок ногой или толчок локтем под ребра; за которым следовали инструкции — слишком важные, чтобы отложить их до рассвета.

В ночь с четверга на пятницу я почти не спала от перевозбуждения. К пяти утра, когда я опустила босые ноги на холодный пол, зажгла свечу, натянула чулки и платье и завязала фартук, в животе у меня крутило от волнения.

Я быстро покончила со своей обычной работой и вернулась на кухню — ждать. Села за стол, не в силах даже вязать от волнения, и слушала, как часы отсчитывают минуту за минутой.

К половине десятого я уже извелась от ожидания. Наконец, мистер Гамильтон сверил наручные часы с настенными и велел мне собирать завтрак на поднос и идти помогать барышням одеваться.

Спальни девочек находились наверху, рядом с детской. Я постучала коротко и тихо — Нэнси объясняла мне, что это просто так, на всякий случай, — и толкнула дверь в спальню Ханны. Первый раз в жизни я вошла в шекспировскую комнату. Нэнси, не желая раньше времени уступить мне привилегии, до самого последнего дня сама носила Хартфордам поднос с завтраком.

Оклеенная выцветшими обоями и заставленная тяжелой мебелью, спальня казалась мрачной. Резные кровать, диванчик и стол красного дерева стояли на огромном ковре. Над кроватью висели три рисунка, давшие название комнате, — Нэнси говорила, что на них изображены героини пьес самого великого драматурга Англии. Пришлось поверить ей на слово: ни одна из нарисованных женщин не показалась мне похожей на героиню: первая стояла на коленях, держа в руке флакон с какой-то жидкостью; вторая сидела на стуле, а поодаль стояли двое мужчин: один чернокожий, второй — белый; третью нес поток, длинные, украшенные полевыми цветами волосы плыли за ней по воде.

Ханна уже встала, она сидела за туалетным столиком в ночной сорочке, скрестив на ярком ковре белые ноги и склонив голову над письмом. Я еще никогда не видела ее такой тихой. Нэнси оставила занавески открытыми, и из подъемного окна лился бледный свет, играя в льняных волосах Ханны. Она не заметила, как я вошла. Я кашлянула, Ханна подняла глаза.

— А, Грейс, — буднично сказала она. — Нэнси предупреждала, что ты будешь вместо нее, пока она на станции.

— Да, мисс.

— А тебе не тяжело? Работать и за Нэнси и за себя?

— Нет-нет, мисс. Совсем не тяжело.

Ханна подалась ко мне и, понизив голос, прошептала:

— Ты, наверное, страшно занята — помимо всего прочего еще и уроки у мисс Дав?

Сперва я растерялась. Кто такая мисс Дав и почему она должна давать мне уроки? И тут я вспомнила. Курсы секретарей в деревне.

— Я справляюсь, мисс, — пробормотала я, думая, как бы сменить

тему. — Могу я причесать вас, мисс?

— Да, — сказала Ханна, глубокомысленно кивая. — Да, конечно. Ты молодец, что не говоришь о занятиях. Мне тоже надо быть осторожнее. — Она попыталась скрыть улыбку, но не выдержала и рассмеялась. — Просто так здорово, когда есть с кем их обсудить.

Я тоже кивнула, чувствуя ужасную неловкость.

— Да, мисс.

С заговорщицкой улыбкой Ханна поднесла к губам палец и вернулась к письму. Я взглянула на адрес на конверте. От отца.

Я взяла с туалетного столика перламутровую щетку для волос и встала у нее за спиной. Поглядела в овальное зеркало и, удостоверившись, что внимание Ханны занято письмом, осмелилась ее рассмотреть. Дневной свет падал на лицо так, что отражение казалось каким-то бесплотным. Сквозь бледную кожу просвечивали вены, глаза под тонкими веками бегали туда-сюда, перескакивая со строчки на строчку.

Ханна пошевелилась, и я мгновенно опустила взгляд на ленты в ее косах. Развязала их, расплела длинные пряди и начала расчесывать волосы.

Ханна сложила письмо пополам и сунула его под хрустальную бонбоньерку. Посмотрела на себя в зеркало, сжала губы и отвернулась к окну.

— Мой брат собрался во Францию, — язвительно сообщила она. — На войну.

— В самом деле, мисс? — отозвалась я.

— Со своим другом, Робби Хантером. — Последнее имя она произнесла с отвращением. Провела пальцем по краю письма. — А бедный Па так ничего и не знает. И я не могу ему рассказать.

Я ритмично водила щеткой по ее волосам, считая про себя каждый взмах (Нэнси сказала: расчесывать сто раз, если хоть раз пропущу, она тут же заметит).

— Я бы тоже пошла, — сказала Ханна.

— На войну, мисс?

— Да, — кивнула она. — Наш мир меняется, Грейс, и мне хочется это увидеть.

Она посмотрела на мое отражение в зеркале сияющими голубыми глазами и произнесла, будто бы цитируя по памяти:

— Я хочу понять, как жизнь преобразует человека.

— Преобразует, мисс?

Что до меня, так я и представить не могла, как Ханна может желать еще чего-то, кроме того, что Бог и так даровал ей со всей щедростью.

— Ну, меняет, Грейс. Я не хочу до скончания века только читать, играть и выдумывать. Я хочу жить. Отбросить рутину и обыденность, испытать судьбу по-настоящему. Ты никогда ничего такого не чувствовала? Не хотела добиться большего, чем предлагает тебе жизнь?

Я молча глядела на Ханну, счастливая от того, что она доверила мне свою мечту, и сбита с толку тем, что доверие это надо чем-то оправдать, а я понятия не имею — чем. Она говорила очень непонятно, словно на каком-то тарабарском языке. Жизнь и так очень добра ко мне. В чем тут сомневаться? Мистер Гамильтон без конца твердит, как же мне посчастливилось, что я получила такое место, и если бы не он, мама бы до сих пор еле-еле перебивалась. Я не знала, что ответить, а между тем Ханна выжидающе смотрела на меня. Я открыла рот, язык, цокнув, отлепился от нёба и не произнес ни слова...

Ханна вздохнула, опустила плечи и разочарованно улыбнулась.

— Разумеется, нет. Извини, Грейс. Я зря морочу тебе голову.

Она отвела взгляд, и тут я услышала свой собственный голос:

— Иногда я думаю, что хотела бы быть сыщиком, мисс.

— Сыщиком? — Ханна снова поймала мой взгляд в зеркале. — Как инспектор Бакет из «Холодного дома» Диккенса?

— Я не слыхала о мистере Бакете, мисс. Я имела в виду Шерлока Холмса.

— Настоящим сыщиком?

Я кивнула.

— Искать улики и раскрывать преступления?

Я кивнула снова.

— Значит, — с непонятной радостью сказала Ханна, — я ошиблась. Ты меня понимаешь. — И с прежней смутной улыбкой она отвернулась к окну.

Я не могла сообразить, что случилось — почему мой внезапный ответ так понравился Ханне — да, честно говоря, и не старалась. А просто наслаждалась теплом неожиданно вспыхнувшего между нами взаимопонимания. Отложив щетку, я вытерла руки о фартук.

— Нэнси сказала, что сегодня вы наденете дорожный костюм.

Я вынула костюм из шкафа и принесла его к туалетному столику. Растянула юбку так, чтобы Ханна ступила внутрь.

И тут рядом со спинкой кровати хлопнула оклеенная обоями дверь, и появилась Эммелин. Стоя на коленях с юбкой в руках, я проводила ее глазами. В ее красоте было что-то недетское. В огромных голубых глазах, пухлых губах, даже в манере зевать и потягиваться таилась какая-то

ленивая зрелость.

— Как твоя рука? — спросила Ханна, хватаясь для равновесия за мое плечо и ступая в юбку.

Я наклонила голову, надеясь, что Эммелин не очень больно и она не вспомнит о моей роли в той истории. Но если младшая сестра и узнала меня, виду она не показала. Лишь пожала плечами, равнодушно потерла запястье и сообщила:

— Почти не болит. Я не снимаю повязку просто так, для интереса.

Ханна повернулась к стене, и я стянула с нее сорочку, чтобы тут же заменить ее тесным корсажем дорожного костюма.

— А ты знаешь, что у тебя останется шрам? — поддразнила она.

— Знаю, — ответила Эммелин, усаживаясь на край кровати. — Сперва я расстроилась, но Робби сказал — это будет боевая рана. Мой отличительный знак.

— Правда? — с ехидством откликнулась Ханна.

— Он говорит, у всех стоящих людей есть что-нибудь такое.

Я затянула корсаж и продела в петлю первую пуговицу.

— Робби сегодня едет с нами кататься, — сказала Эммелин, барабаня ногами по кровати. — Он спросил Дэвида, не покажем ли мы ему озеро.

— Уверена, вы прекрасно проведете время.

— А ты что, не едешь? Сегодня первый погожий день за всю неделю. Сама же повторяла, что надоело дома сидеть.

— Я передумала, — рассеянно ответила старшая сестра.

Эммелин подумала и кивнула:

— Значит, Дэвид прав.

Я почувствовала, как напряглась Ханна.

— Ты о чем?

— Он сказал Робби, что ты ужасно упрямая и если уж вбила себе в голову не встречаться с ним, то так и просидишь взаперти всю зиму.

Ханна сжала губы и некоторое время подбирала подходящие слова.

— Что ж... Можешь передать Дэвиду, что он неправ. Я вовсе не бегаю от Робби. Я просто занята. Серьезными делами. О которых никто из вас и знать не знает.

— Ага. Сидишь в детской и страдаешь над шкатулкой.

— Ах ты, маленькая шпионка! — возмутилась Ханна. — Неужели я не имею права побыть одна? — Она фыркнула. — Тем более что ты ничего не поняла. Я не страдала над шкатулкой. Ее там больше нет.

— Как это?

— Я ее спрятала.

— Где?

— Узнаешь, когда будем играть в следующий раз.

— Но мы же, наверное, не будем играть всю зиму. Нельзя ведь рассказать Робби про Игру.

— Значит, будущей зимой. Не бойся, не соскучишься. Вы с Дэвидом очень заняты с тех пор, как тут появился Роберт Хантер.

— За что ты его так не любишь? — поинтересовалась Эммелин.

Наступила странная тишина, невнятная пауза. Я вдруг почувствовала себя на виду: услышала, как дышу, как бьется мое сердце.

— Не знаю! — вырвалось вдруг у Ханны. — Но с тех пор, как он приехал, все изменилось. Все уплывает прямо из рук. Исчезает, прежде чем я успеваю сообразить, что это такое. — Она вытянула руку, чтобы я застегнула рукав. — Вот за что ты его любишь?

Эммелин пожала плечами.

— Он веселый и умный. Его любит Дэвид. А еще он спас мне жизнь.

— Ну, это, положим, преувеличение, — фыркнула Ханна. Я застегнула последнюю пуговицу. — Он просто оторвал кусок платья и обмотал его вокруг твоей руки. — Она повернулась к Эммелин.

Эммелин прижала руку ко рту и вытаращила глаза. И расхохоталась.

— Что с тобой? — удивилась Ханна. — Ты чего смеешься? — Она наклонилась, чтобы заглянуть в зеркало, и нахмурилась.

— Ты похожа на того мальчишку из деревни! Помнишь, в одежде, из которой он давно вырос?

— Нехорошо смеяться над бедняками, Эмми, — сказала Ханна, но и сама не смогла удержаться от смеха. Она поводила плечами взад-вперед, изучая свое отражение в зеркале. — Да и неправда. Бедный мальчик выглядел гораздо лучше меня. — Она повернулась, чтобы взглянуть на себя сбоку. — Похоже, с прошлой зимы я выросла.

— Везет тебе, — протянула Эммелин, разглядывая, как костюм Ханны натягивается на груди. — Выросла...

— Нет, в этом, конечно, идти нельзя, — заключила Ханна.

— Если бы папа интересовался нами так же, как своей фабрикой, он бы понял, что нам иногда требуется новая одежда.

— Он старается, как может.

— Представляю, что было бы, если б он еще и не старался! Если мы не подсуетимся, на первый выезд в свет отправимся в матросских платьях.

— Да хоть бы и так — мне все равно, — пожала плечами Ханна. — Глупая, старомодная затея — эти балы. — Она продолжала изучать затянутое в костюм отражение. — Однако теперь, думаю, действительно

стоит написать Па, что нам нужны новые платья.

— И не детские, как сейчас, — заявила Эммелин. — А настоящие. Как у Фэнни.

— Ну, мне сегодня все равно придется надевать, что есть. Это не пойдет. — Ханна поглядела на меня. — Интересно, что скажет Нэнси, когда увидит, что ее распоряжение не выполнено?

— Да уж не обрадуется, мисс, — расстегивая костюм, рискнула улыбнуться я в ответ.

Эммелин подняла глаза и удивленно заморгала.

— А кто это?

— Это Грейс, — ответила Ханна. — Забыла? Прошлым летом она спасла нас от мисс Принс.

— А Нэнси болеет?

— Нет, мисс. Она работает на станции, в деревне. Это все из-за войны. Ханна вскинула брови.

— Не завидую я рассеянными пассажирам, которые перепутают свои места.

— Я тоже, мисс.

— Грейс будет одевать нас, пока Нэнси на станции, — объяснила Ханна Эммелин. — Правда, здорово иметь в горничных ровесницу?

Я сделала реверанс и вышла. Сердце пело, в нем зародилось смутное желание, чтобы война никогда не кончалась.

* * *

Морозным мартовским утром мы проводили Альфреда на войну. Небо сияло голубизной, воздух кружил голову обещанием чего-то необыкновенного. По дороге из Ривертон на станцию я казалась себе страшно важной. Пока мистер Гамильтон и миссис Таунсенд приглядывали за домом, мне, Нэнси и Кэти позволили проводить Альфреда, при условии, конечно, что вся работа будет сделана в срок. Это наш священный долг, сказал мистер Гамильтон, — поднимать боевой дух молодых британцев, уходящих защищать свою страну.

Поднимать его, разумеется, нужно было в рамках приличия: нам строго-настрого наказали ни при каких обстоятельствах не вступать в беседы с другими солдатами, для которых столь невинные девушки, как мы, могли представлять легкую добычу.

Итак, я чувствовала себя страшно важной, шагая по Хай-стрит в своем лучшем платье, в сопровождении солдата королевских войск. И не только я. Я заметила, что Нэнси причесалась сегодня по-особому: ее обычный хвостик сменился модным узлом черных волос — почти как у ее светлости. Даже Кэти постаралась усмирить свои кудряшки.

А на станции было полным-полно солдат и провожающих. Влюбленные обнимались, матери одергивали на сыновьях новехонькую форму, а раздутые от гордости отцы любовались своими отпрысками. Центр приема новобранцев Саффрон-Грин в прошлом месяце завербовал невероятное количество народу, плакаты с указующим пальцем лорда Китченера все еще висели на каждом фонарном столбе. Из наших новобранцев, рассказывал Альфред, сформируют новый батальон: «Бойцы Саффрона», и они пойдут на фронт все вместе. Здорово, говорил он, жить и воевать рядом с ребятами, которых уже давно знаешь.

Рядом чернел и сверкал медью нетерпеливый паровоз, время от времени деловито выпуская струю пара. Альфред быстро дошел до середины платформы и остановился.

— Ну что, девочки, — сказал он, опуская вещевой мешок и оглядываясь. — Здесь не хуже, чем где-нибудь еще.

Мы закивали, упиваясь праздничной атмосферой. Где-то вдали, там, где собирались офицеры, играл оркестр. Нэнси помахала строгому кондуктору, тот ответил отрывистым кивком.

— Альфред, — смущенно позвала Кэти. — У меня для тебя сюрприз.

— Правда? Как мило с твоей стороны! — обрадовался Альфред, с готовностью подставляя щеку.

— Альфред! — покраснев, как помидор, воскликнула Кэти. — Я вовсе не имела в виду поцелуй!

Альфред подмигнула нам с Нэнси.

— Как жаль! А я-то надеялся, ты подаришь мне что-нибудь на память о доме, ведь скоро я окажусь далеко-далеко.

— Я и подарю. — Кэти протянула ему скомканное посудное полотенце.

— Полотенце? — удивился Альфред. — Ну, спасибо, Кэти, вот уж память так память!

— Это не полотенце, — начала объяснять Кэти. — То есть, полотенце, конечно. А подарок внутри. Погляди.

Альфред развернул сверток и обнаружил три куска знаменитого бисквита миссис Таунсенд.

— У нас нет ни масла, ни сливок по случаю войны, — продолжала

Кэти, — но он все равно вкусный.

— Только знаешь что, Кэти? — буркнула Нэнси. — Миссис Таунсенд очень рассердится, обнаружив, что ты опять лазила в кладовку.

Кэти повесила нос.

— Я ведь для Альфреда, чтоб он с собой...

— Ну ладно, — смягчилась Нэнси. — Думаю, сегодня простительно. Но только сегодня и только по случаю проводов! Альфред! Мы с Грейс тоже хотим кое-что тебе подарить. Грейс! Эй!

На дальнем конце платформы мелькнули знакомые лица: среди целого моря юных офицеров в новой, с иголочки, форме стоял Доукинс, шофер лорда Эшбери, а рядом с ним Эммелин.

— Грейс! — Нэнси дернула меня за руку. — Отдай, наконец, наш подарок.

— Ой, да. — Я полезла в сумку и вручила Альфреду маленький сверток в коричневой бумаге.

Он аккуратно развернул его и улыбнулся.

— Носки вязала я, а шарф — Нэнси.

— Здорово, — разглядывая вещи, ответил Альфред. Он зажал носки в руке и поглядел на меня. — Теперь, когда другие будут околевать от холода, я заматаюсь до ушей, и стану вспоминать вас троих. И все вокруг позавидуют, что меня провожали такие девочки — лучшие во всей Англии.

Он засунул подарки в вещмешок, аккуратно сложил обертку и отдал мне.

— Держи, Грейси. Миссис Ти и так выйдет на тропу войны, когда обнаружит недостачу пирога. Не стоит злить ее еще больше, лишая бумаги для запекания.

Я кивнула и спрятала бумагу в сумку. Альфред не сводил с меня взгляда.

— Так ты не забудешь написать мне, Грейси?

Я подняла голову и посмотрела ему прямо в глаза:

— Нет, Альфред, не забуду.

— Гляди мне, — улыбнулся он. — А то, когда вернусь, тебе не поздоровится. Я буду скучать. — Он поглядел на Нэнси и Кэти. — По всем.

— Альфред, — оживилась вдруг Кэти. — А все эти парни в новой форме — это и есть «Бойцы Саффона»?

Пока Альфред перечислял ребят, с которыми познакомился в центре, я снова нашла глазами Эммелин, которая как раз замахала рукой и бросилась к группе офицеров. Двое из них обернулись, и я узнала Дэвида и Роберта Хантера. А где же Ханна? Она ловко избегала Робби и брата всю зиму, но

не могла же она не проводить Дэвида на войну? Я вытянула шею.

— ... А это — Руфус, — говорил Альфред, указывая на тощего, зубастого солдата. — Он — сын старьевщика. Руфус помогал отцу работать, но потом решил, что в армии лучше кормят.

— Возможно, там кормят лучше, чем у старьевщика, — заметила Нэнси. — Но уж тебе в Ривертоне не на что было жаловаться.

— Нет, конечно, — согласился Альфред. — Кормежкой я был очень доволен. Миссис Ти, хозяйин с хозяйкой — они нас совсем не обижали. — Он усмехнулся. — Только устал я сидеть взаперти. Хочется еще пожить полной жизнью.

Над нами пролетел аэроплан — «Блерио XI-2», сказал Альфред, — и толпа радостно завопила. По платформе прокатилась общая волна радости. Кондуктор, отсюда похожий на маленькую черно-белую точку, дунул в свисток и объявил в рупор начало посадки.

— Вот, значит, — сказал Альфред, изо всех сил стараясь улыбаться. — Поедем.

В конце платформы появилась знакомая фигура. Ханна. Она внимательно оглядела станцию, увидела Дэвида, нерешительно махнула ему и начала пробираться сквозь плотную толпу. Остановилась. Молча постояла рядом с братом, потом вынула что-то из сумочки и отдала ему. Я-то знала, что. Видела сегодня утром у нее на столике. «Переход через Рубикон» — одна из миниатюрных книжек из Игры, самое любимое приключение, тщательно записанное, проиллюстрированное и переплетенное. Ханна положила ее в конверт и перевязала шнурком.

Дэвид посмотрел сперва на книжечку, потом на Ханну. Положил подарок в нагрудный карман, хлопнул по нему ладонью и взял сестру за обе руки. Казалось, ему хочется обнять и поцеловать ее, однако у них это было не принято. Поэтому Дэвид только качнулся вперед и шепнул что-то ей на ухо. Оба посмотрели на Эммелин, и Ханна согласно кивнула.

Дэвид повернулся и что-то сказал Роберту. Снова поглядел на Ханну, и та стала рыться в сумочке. Ищет подарок и для Робби, сообразила я. Дэвид попросил дать ему что-нибудь на счастье.

Тут меня отвлек голос Альфреда.

— Пока, Грейси, — щекоча губами мою шею, сказал он. — И огромное спасибо за носки.

Я поднесла пальцы к уху, еще теплому от его дыхания, а он уже закинул мешок за плечо и побежал к поезду. Поставил ногу на ступеньку, обернулся, оглядел нас через головы друзей, крикнул: «Пожелайте мне удачи!», и исчез, втиснутый в вагон другими солдатами, спешившими

занять места.

Я махнула рукой, прошептала: «Удачи!» спинам незнакомцев, и только тут поняла, как пусто станет в Ривертоне без Альфреда.

Дэвид и Робби садились в вагон первого класса, вместе с другими офицерами. Доукинс внес вещи Дэвида. Офицеров было меньше, чем солдат, вскоре они все появились у окон, в то время как Альфред в своем вагоне бился за стоячее место.

Паровоз свистнул и выпустил облако пара. Застучали колеса, набирая ход, состав тронулся.

Ханна, роясь на ходу в сумочке, побежала рядом. Поезд пошел все быстрее и быстрее, она вскинула голову, выдернула из волос белую атласную ленточку и сунула в протянутую руку Робби.

Мой взгляд выхватил из толпы одинокую, потерянную фигурку Эммелин. В поднятой руке она сжимала белый платок, но не размахивала им, как все окружающие. Эммелин неуверенно обвела толпу расширенными глазами. Приподнялась на цыпочки, высматривая Дэвида. И Робби.

И вдруг лицо ее просветлело, я поняла, что она заметила Ханну. Слишком поздно. Эммелин проталкивалась сквозь толпу, пытаясь докричаться до сестры сквозь шум паровоза, свистки и слова прощания, а Ханна все бежала вдоль перрона, длинные волосы расплелись и развевались за спиной. Вместе с поездом она исчезла в облаке пара.

ЧАСТЬ 2

«Культурное
наследие Англии»
1999 год

БУКЛЕТ «ИМЕНИЕ РИВЕРТОН, САФФРОН-ГРИН, ЭССЕКС»

Жилой дом эпохи королевы Елизаветы, спланированный известным архитектором Джоном Торпом и «облагороженный» в восемнадцатом столетии восьмым виконтом Эшбери, который расширил его и превратил в элегантное имение. В девятнадцатом веке, с появлением моды на загородный отдых, Ривертон снова реконструируется под руководством Томаса Кабитта: появляется третий этаж с комнатами для гостей и — согласно традиции викторианских времен, гласящей, что слуги должны быть невидимы, — целая сеть каморок на чердаке и вход для слуг с торца дома, ведущий прямым ходом в кухню.

Живописные руины великолепного дома окружены роскошными садами — творением знаменитого ландшафтного архитектора сэра Джозефа Пакстона. На территории садов расположены два фонтана. Один из них, «Амур и Психея», недавно отреставрирован. Сейчас фонтаны оборудованы электронасосом, изначально же они работали на паровом двигателе и, по воспоминаниям свидетелей, «шумели, как паровоз». Сто тридцать струй фонтана, спрятанных среди гигантских муравьев, орлов, огнедышащих драконов, подводных чудищ, купидонов и древних богов, бьют на сто футов в высоту.

Второй по величине фонтан под названием «Падение Икара» находится в конце так называемой Долгой аллеи. Сразу за ним расположено озеро с летним домиком, выстроенным в 1923 году на месте старого лодочного сарая по распоряжению тогдашнего владельца

имения, мистера Теодора Лакстона. В 1924 году озеро приобрело печальную известность: во время традиционного летнего праздника на его берегу застрелился поэт Роберт С. Хантер.

Многие из хозяев Ривертонна также внесли свой вклад в планировку сада. Жена лорда Герберта, датчанка, леди Гита Эшбери, окружила небольшой участок сада миниатюрной тисовой изгородью и создала там садик из подстриженных деревьев и кустарников, известный как сад Эгесков — в честь датского замка, принадлежавшего родным леди Эшбери, а леди Вайолет, жена одиннадцатого лорда Эшбери, разбила на лужайке за домом розовую аллею.

После опустошительного пожара в 1938 году Ривертон пришел в запустение. В 1974 году имение передали в ведение организации «Культурное наследие Англии», и с тех пор там идет реставрация. Северный и южный сады и фонтан «Амур и Психея» были восстановлены в рамках программы по сохранению старинных садов и парков. Фонтан «Падение Икара» и летний домик находятся на реставрации.

Церковь Ривертонна стоит в живописной долине неподалеку от дома. Летом там работает чайная, на территории имения есть также магазин сувениров. Расписание работы фонтанов вы можете узнать по телефону 01277 876857.

ДВЕНАДЦАТОЕ ИЮЛЯ

Меня покажут в кино. Ну, не меня, конечно, а молодую девушку, которая меня сыграет. Вот странно: как бы проста и безыскусна ни была твоя жизнь, достаточно прожить подольше, чтобы тебя сочли интересным человеком. Пару дней назад Урсула, режиссер со стройной фигуркой и пепельными волосами, позвонила мне и поинтересовалась, не хочу ли я встретиться с актрисой, которой выпала сомнительная честь сыграть горничную Грейс.

Они приедут сюда, в «Вереск». Не самое лучшее место для randevу, однако у меня нет ни сил, ни желания куда-то тащиться даже ради фильма. Вот и сижу в кресле, жду.

В дверь стучат. Гляжу на часы — половина десятого. Вовремя они. Чувствую, что затаила дыхание, и не пойму, почему.

Они уже в комнате. Моей комнате. Сильвия, Урсула и девочка, которая будет меня играть.

— Доброе утро, Грейс, — говорит Урсула, улыбаясь из-под светлой челки, и неожиданно целует меня в щеку.

У меня перехватывает горло.

Она садится на край кровати — против чего я совершенно не возражаю — и берет меня за руку.

— А это Кейра Паркер. — Урсула улыбается девушке. — Она будет играть вас.

Кейра выходит из тени на свет. Ей не больше семнадцати, и она красива какой-то слишком правильной красотой. Блондинка с круглым личиком, голубыми глазами и чересчур пухлыми губами, намазанными чересчур ярким блеском. Ей бы шоколад рекламировать.

Я вспоминаю о вежливости:

— Садитесь, пожалуйста.

Указываю на жесткий коричневый стул, который Сильвия еще раньше принесла из столовой.

Кейра изящно усаживается, закидывает джинсовые ноги одну на другую и косится влево, на мой туалетный столик. Джинсы потертые, из карманов хвостами торчат нитки. Сильвия давно просветила меня, что дыры теперь вовсе не признак бедности, а признак стиля. Кейра безмятежно улыбается, оглядывая мои вещи, потом тоже вспоминает о вежливости:

— Большое спасибо, что согласились увидеться со мной, Грейс.

Обращение по имени задевает меня. Даже не пойму, с чего бы. Если бы она назвала меня по фамилии или званию, я бы сама предложила отбросить формальности.

Замечаю, что Сильвия до сих пор маячит у открытой двери, протирая несуществующую пыль. Она обожает актеров и футболистов.

— Сильвия, солнышко, — прошу я, — не принесешь нам чаю?

Сильвия поднимает глаза, вся — безграничная преданность.

— Чаю?

— Да, с печеньем.

— Ну конечно, — она неохотно бросает тряпку.

Я киваю Урсуле.

— Спасибо, с удовольствием, — говорит она. — Зеленый.

— А вы, мисс Паркер? — спрашивает покрасневшая Сильвия, и по ее голосу я понимаю, что она, должно быть, узнала юную актрису.

Кейра зевает.

— Зеленый, с лимоном.

— Зеленый, — медленно повторяет Сильвия, словно заучивая ответ, чтобы передать его потомкам. — С лимоном, — заканчивает она, не трогаясь с места.

— Мне как всегда, — говорю я. — Спасибо, Сильвия.

— Хорошо. — Она часто моргает, будто очнувшись, и наконец-то уходит. Я остаюсь наедине с гостями.

И тут же жалею, что отослала Сильвию. Меня мгновенно охватывает иррациональное чувство, что ее присутствие отгоняло духов прошлого.

И все же она ушла, и мы сидим втроем и просто молчим. Я украдкой кидаю взгляды на Кейру, изучаю ее лицо, пытаюсь отыскать в правильных чертах юную себя. Внезапно тишину взрывает звенящая музыка.

— Простите, — роясь в сумке, просит Урсула, — надо было отключить сигнал. — Она вытаскивает маленький черный телефон, музыка становится громче и обрывается, когда Урсула нажимает кнопку.

— Простите еще раз, — смущенно улыбаясь, повторяет она, глядит на экран и хмурится. — Если позволите, я выйду на минутку.

Мы с Кейрой киваем, и Урсула выходит, прижимая к уху телефон.

Когда за ней закрывается дверь, я поворачиваюсь к своей юной посетительнице:

— Начнем, пожалуй.

Она слегка кивает и достает из сумки папку. Открывает, вынимает стопку скрепленных зажимом листков. Со своего места я вижу, что это

сценарий — отдельные слова большими буквами, а следом большие куски текста маленькими.

Кейра перелистывает несколько страниц и останавливается, сжимая губы.

— Интересно узнать, какие отношения были у вас с семьей Хартфорд. С девочками.

Киваю. Все, как я и думала.

— У меня небольшая роль, — продолжает Кейра. — И реплик немного, зато я часто мелькаю в кадре. Да вы сами знаете. Подаю напитки и так далее.

Снова киваю.

— Однако Урсула решила, что мне будет полезно пообщаться с вами, расспросить о девочках, узнать, что вы о них думали. Чтобы лучше понять характер своей героини. Мотивацию. — Последнее слово она произносит медленно, четко, чуть ли не по слогам, будто боится, что иначе я не пойму. Выпрямляет спину. — Пусть у меня неглавная роль, но сыграть ее я должна достойно. Мало ли кто может увидеть фильм.

— Конечно, конечно.

— Николь Кидман получила роль в «Днях грома» только потому, что Том Круз заметил ее в каком-то австралийском фильме.

Я понимаю, что перечисленные имена и названия должны что-то мне говорить, и опять киваю. А Кейра продолжает:

— Поэтому я и хочу, чтобы вы поделились со мной тем, что вы помните. О своей работе и о Хартфордах. — Она подается вперед, глаза — два осколка венецианского стекла. — В этом мое преимущество, в том, что вы еще... в смысле, до сих пор...

— Жива, — заканчиваю я. — Что ж, понятно. — Мне даже нравится ее прямота. — Что конкретно вам хотелось бы узнать?

Кейра улыбается — от облегчения, что я не прицепилась к ее бестактности. Снова просматривает лежащий на коленях сценарий.

— Сперва пройдемся по скучным вопросам.

У меня екает сердце. Что она хочет узнать?

— Вам нравилось работать горничной?

Я перевожу дух.

— Да. Какое-то время.

— Серьезно? — удивляется Кейра. — Не представляю, как можно получать удовольствие, весь день обслуживая других людей. Что же вам нравилось?

— Окружающие стали мне семьей. Я ценила их отношение.

— Окружающие? — ее взгляд становится цепким. — Вы имеете в виду Эммелин и Ханну?

— Нет, я говорила об остальных слугах.

— А-а-а, — разочарованно тянет Кейра. Она, без сомнения, не отказалась бы увеличить и углубить роль, переделать сценарий так, чтобы горничная Грейс оказалась тайной сестрой младших Хартфордов. Что ж, она молода, дитя совсем другого мира. И не понимает, что некоторые сюжеты переписать нельзя.

— Это все прекрасно, — говорит Кейра. — Но у меня нет эпизодов с актерами, играющими других слуг, так что мне это не поможет. — Она ведет ручкой по списку вопросов. — А что вам не нравилось в вашей работе?

Вставать каждый день с петухами, чердак, который в жару раскалялся, как печка, а в стужу — леденел, покрасневшие от стирки руки, ноющая от глажки спина, усталость в каждой косточке.

— Я очень уставала. Работала дни напролет. На себя времени почти не оставалось.

— Именно это я и сыграю, — кивает девушка. — Мне даже не нужно будет притворяться. После того, как я целый день протаскала эти проклятые подносы, у меня все руки в синяках.

— А меня больше всего донимали ноги, — делюсь я. — Впрочем, только поначалу. И еще один раз — когда мне исполнилось шестнадцать и я купила новые туфли.

Кейра записывает что-то на обороте сценария, кивает.

— Прекрасно. Это подойдет. — Дописывает и ставит лихой росчерк. — А теперь перейдем к интересному. Расскажите мне про Эммелин. Как вы к ней относились?

Я колеблюсь, не зная, с чего начать.

— У меня с ней несколько эпизодов, и я никак не решу, как их сыграть.

— А что за эпизоды? — с любопытством спрашиваю я.

— Например, когда Эммелин в первый раз встречается Роберта Хантера, у озера. Она падает, чуть не тонет, а мне приходится...

— У озера? — озадаченно переспрашиваю я. — Нет, они встретились в другом месте. В библиотеке, зимой. Они...

— В библиотеке? — морщит носик Кейра. — Неудивительно, что сценарист все переписал. Пыльная комната, полная старых книг... Нет, у озера — гораздо лучше, тем более, там он потом и застрелился. Где начало, там и конец. Это так романтично! Как у База Лурмана в «Ромео и Джульетте».

Приходится верить ей на слово.

— Значит так, я бегу в дом за помощью, а когда возвращаюсь, оказывается, что Хантер уже спас Эммелин. Актриса должна глядеть на актера так, будто не замечает нас, прибежавших на подмогу. — Кейра пристально смотрит на меня. — Вы не считаете, что я — Грейс — должна как-то прореагировать?

Я отвечаю не сразу, и Кейра пускается в объяснения.

— Нет, не в открытую, конечно. Просто сыграть настроение. Знаете... — она еле слышно фыркает, высоко задирает нос и обиженно вздыхает. Я даже не сразу понимаю, что Кейра разыгрывает передо мной сцену, пока ее лицо не становится прежним и она не спрашивает:

— Ну как?

— Как?.. — Я старательно подбираю слова. — Видите ли, это ваше дело, как вам играть вашу героиню. Вашу Грейс. Но если бы у озера была я и снова наступил тысяча девятьсот пятнадцатый, я не представляю, чтобы я... — машу рукой, не в силах подобрать слова.

Кейра глядит на меня так, будто я что-то упустила в ее рассказе.

— Разве вам не кажется, что это не слишком вежливо со стороны Эммелин: даже не поблагодарить Грейс за то, что она бегала за помощью? Я бы чувствовала себя глупо, если бы носилась туда-сюда только для того, чтобы потом стоять там, как истукан.

— Возможно, вы правы, — вздыхаю я, — но именно так обращались со слугами в те давние времена. Эммелин просто не пришло бы в голову вести себя по-другому. Понимаете?

Кейра озадачена.

— Да и я ничего другого не ожидала.

— Но ведь вы чувствовали хоть что-нибудь?

— Ну конечно! — Мне вдруг становится неприятно обсуждать давно ушедших людей. — Только никогда этого не показывала.

— Никогда? — Кейра не хочет и не ждет ответа, и я благодарна ей, потому что не желаю отвечать.

— Все эти хозяйско-горничные отношения — такая глупость! — надувшись, говорит она. — Сплошные приказы!

— Времена были другие, — просто отвечаю я.

— Вот и Урсула так говорит, — вздыхает Кейра. — Только мне ведь это не поможет! Актерская игра — это сплошные чувства. Как сыграть яркую роль, если основная задача — ни на что не реагировать? Я чувствую себя просто картонной фигуркой, со всеми этими «да, мисс», «нет, мисс», «как скажете, мисс».

— И впрямь нелегко, — киваю я.

— Сначала я пробовалась на роль Эммелин, — доверчиво сообщает Кейра. — Тоже, конечно, ничего особенного. Но хоть героиня интересная. В кино снималась, и погибла красиво — в автокатастрофе. А костюмы какие — вы бы видели!

Я не напоминаю ей, что видела эти костюмы раньше всех.

— В итоге выбрали более кассовую актрису. — Кейра закатывает глаза. — Хотя мои пробы им понравились. Вызывали меня два раза. Продюсер сказал, что я похожа на Эммелин больше, чем Гвинет Пэлтроу — Она так брезгливо произносит имя актрисы, что разом теряет всю свою красоту. — У нее только одно преимущество: номинация на «Оскар», тем более, всем известно, что британским актрисам приходится работать вдвое усердней, чтобы его получить. Особенно, если начинаешь в сериалах.

Я чувствую разочарование Кейры и не виню ее: мне и самой не раз гораздо больше хотелось быть Эммелин, чем горничной.

— Так или иначе, — с досадой продолжает девушка, — я играю Грейс, и надо выжать из этой роли все, что только можно. Кроме того, Урсула обещала поместить интервью со мной на диске с анонсом фильма, потому что я единственная, кто смог встретиться со своим прототипом.

— Рада, что оказалась полезной.

Она кивает, не замечая моей иронии.

— Еще вопросы?

— Сейчас посмотрю. — Она переворачивает страницу, из папки вылетает что-то, похожее на гигантскую серую моль, и падает лицом вниз. Когда Кейра поднимает листок, я вижу, что это фотография — группа черно-белых фигурок с серьезными лицами. Даже отсюда она кажется знакомой. Я вспоминаю ее мгновенно — как виденный когда-то фильм, сон или рисунок всплывают в памяти при первом же взгляде на них.

— Можно посмотреть? — Я протягиваю руку. Кейра кладет фото в мои скрюченные пальцы. Наши руки встречаются, и гостья быстро отдергивает свою, будто боится заразиться. Чем? Старостью, очевидно.

Передо мной копия старого фотоснимка. Поверхность гладкая, матовая, прохладная. Я поднимаю его поближе к свету и надеваю очки.

Вот они — мы. Вся прислуга Ривертон, лето тысяча девятьсот шестнадцатого.

Такой снимок по распоряжению леди Вайолет делался каждый год. Фотограф приглашался специально, из лодонской студии, его приезд обставлялся со всей торжественностью.

Готовая фотография — два ряда серьезных лиц глядящих в накрытый

черной тканью фотоаппарат, — потом стояла некоторое время на полке в гостиной, после чего помещалась в семейном альбоме Хартфордов, наряду с приглашениями, страницами меню и вырезками из газет.

Будь эта фотография сделана в другое лето, я бы не смогла так точно назвать год. Но этот снимок связан для меня с событиями, о которых невозможно забыть.

В центре сидит мистер Фредерик, у него по бокам — мать и Джемайма. На плечи Джемаймы накинута черная шаль, маскирующая огромный живот. По обеим сторонам от них, как две круглые скобки, сидят Ханна и Эммелин — одна выше, другая ниже — в одинаковых черных платьях. Новых платьях, только совсем не тех, о которых мечтала Эммелин.

В центре второго ряда, за спиной мистера Фредерика стоят мистер Гамильтон, миссис Таунсенд и Нэнси. Мы с Кэти стоим за девочками Хартфорд; мистер Доукинс, шофер, и мистер Дадли, садовник, — по краям. Ряды не смешиваются, только няня Браун дремлет в плетеном кресле сама по себе — ни впереди, ни сзади.

Я смотрю на свое серьезное лицо. Из-за прилизанных волос голова похожа на булавочную головку, только уши торчат. Я стою за Ханной, ее светлые, уложенные волнами волосы загораживают мое черное платье.

У всех мрачные лица — примета времени, и особенно того лета. Прислуга, как всегда в черном, но на этот раз к ней присоединилось и семейство. Траур, охвативший всю Англию и весь мир, не миновал и нас.

Фото сделано двадцатого июля шестнадцатого года, на следующий день после похорон лорда Эшбери и майора. В день рождения ребенка Джемаймы, который ответил на вопрос, так долго мучивший всех и каждого.

* * *

То лето выдалось невыносимо жарким, самым жарким на моей памяти. Ушли в прошлое серые зимние дни, незаметно выцветавшие в ночи, их место заняли длинные солнечные летние недели. Погода стояла ясная, ни облачка.

В то утро я проснулась раньше обычного. Солнечные лучи уже позолотили верхушки берез вокруг озера и вливались в чердачное окно. Широкая полоса света легла на кровать, слепила глаза. Я не отодвинулась. Иногда даже приятней проснуться с рассветом, вместо того чтобы начинать

рабочий день в холодной тишине спящего дома. Летнее солнце — лучший друг горничной.

Фотограф должен был приехать в половине десятого, и к тому времени, как мы собрались на лужайке, воздух над ней дрожал от жара. Семейство ласточек, что поселилось под крышей и явно считало Ривертон своим собственным домом, с любопытством наблюдало за нами, приглушенно чирикавая. Даже деревья вдоль дорожек стояли, не шелохнувшись. Их густые кроны будто берегли силы на случай, если подует ветерок и заставит их шуршать и качаться.

Вспотевший фотограф рассадил и расставил нас, как полагалось — хозяева в первом ряду, слуги — у них за спиной. Так мы и вышли на фото — напряженно смотрим в глазок фотоаппарата, все в черном, мыслями еще на кладбище.

* * *

Позже, в спасительной прохладе кухни, мистер Гамильтон велел Кэти налить нам лимонаду, пока остальные без сил свалились на стулья вокруг стола.

— Конец света, иначе не назвать, — всхлипнула миссис Таунсенд, промокая глаза платком. Она проплакала почти весь июль: с того дня, как пришла весть из Франции о гибели майора, до того, как на прошлой неделе лорда Эшбери разбил удар, а с тех пор — еще сильнее. Даже перестала глаза вытирать, из них постоянно текли слезы.

— Да, миссис Таунсенд, иначе не скажешь, — согласился сидевший напротив мистер Гамильтон.

— Как только я думаю о его светлости... — Ее голос сорвался, она замотала головой и закрыла лицо руками.

— Внезапный удар.

— Как же, удар! — подняла голову миссис Таунсенд. — Называйте, как хотите, только я вам так скажу: у нашего хозяина сердце разорвалось. Не смог он пережить сына.

— Боюсь, что вы правы, миссис Таунсенд, — поправляя форменный шарф, согласилась Нэнси. — Они с майором были очень близки.

— Майор... — глаза миссис Таунсенд вновь наполнились слезами, губы задрожали. — Бедный мальчик! Только подумать — погиб так далеко от дома! В этой ужасной Франции!

— На Сомме, — сказала я, пробуя слово на вкус — такое чужое и мрачное. Два дня назад пришло очередное письмо от Альфреда, отосланное из Франции неделю назад. Тонкие листки, мятые и грязные, пахнущие дальними странами. Тон письма был нарочито бодрым, но сквозило в нем что-то недосказанное, от чего я пришла в уныние. — Ведь там сейчас Альфред, да, мистер Гамильтон? На Сомме?

— Да, моя девочка, скорее всего. Я слышал в деревне, что «Бойцов Саффрона» отправили именно туда.

— Мистер Гамильтон! — вскрикнула вошедшая с подносом лимонада Кэти. — А что если Альфреда тоже...

— Кэти! — цыкнула Нэнси, увидев, как миссис Таунсенд прижала руки ко рту. — Закрой рот и займись лимонадом.

Мистер Гамильтон сжал губы.

— Не беспокойтесь за Альфреда, девочки. Он в хорошем настроении и в хороших руках. Командиры делают для солдат все возможное. Они не пошлют в битву Альфреда и его сослуживцев, если не будут уверены, что те в силах защитить короля и отечество.

— Это вовсе не значит, что его не могут застрелить, — упрямо сказала Кэти. — Майора же убили, хоть он и был героем.

— Кэти! — мистер Гамильтон покраснел, как вареная свекла, а миссис Таунсенд снова застонала. — Что за непочтительность!

Он понизил голос и продолжил дрожащим шепотом:

— И это после того, что пришлось пережить семье в последние дни. — Мистер Гамильтон покачал головой и поправил очки. — Видеть тебя не хочу. Ступай к раковине и... — Он повернулся к миссис Таунсенд в поисках помощи.

Миссис Таунсенд подняла от стола распухшее лицо и проговорила между всхлипами:

— И вымой все кастрюли и сковородки. Даже старые, те, что отложены для починки.

Мы замолчали, а Кэти поплелась к раковине. Глупая Кэти с разговорами о смерти. Альфред сумеет себя защитить. Он все время повторял это в письмах, наказывая мне не слишком-то привыкать к его обязанностям, потому что совсем скоро он вернется и снова примется за них. Просил «придержаться ему место». Хотя теперь непонятно, что вообще станет со всеми нашими местами...

— Мистер Гамильтон, — осторожно позвала я. — Мне бы не хотелось проявлять неуважение, но очень интересно знать, что теперь будет с нами? Кто станет хозяином Ривертон вместо лорда Эшбери?

— Мистер Фредерик, кто же еще! — ответила Нэнси. — У хозяина ведь не осталось других сыновей.

— Нет, — возразила миссис Таунсенд, поглядывая на мистера Гамильтона. — Владельцем Ривертонна станет сын майора. Тот, что родится. Он — наследник титула.

— Все зависит от того... — мрачно начал мистер Гамильтон.

— От чего? — поторопила его Нэнси. Мистер Гамильтон оглядел нас всех.

— От того, кто родится у Джемаймы — сын или дочь.

Миссис Таунсенд снова ударилась в слезы.

— Бедная-бедная! Мужа потеряла, да еще перед самыми родами! Как же это все несправедливо!

— Сейчас по всей Англии то же самое творится, — покачала головой Нэнси.

— Вовсе не то же самое, — не согласилась миссис Таунсенд. — Когда такое случается с близкими, это вовсе не то же самое.

Зазвенел один из трех звонков около лестницы, миссис Таунсенд подскочила, прижав руку к могучей груди.

— О Господи!

— Парадный вход. — Мистер Гамильтон встал и аккуратно задвинул стул под столешницу. — Это наверняка лорд Гиффорд. Пришел зачитать завещание. — Он сунул руки в карманы, одернул куртку и посмотрел на меня поверх очков: — Будь готова подавать чай, Грейс, леди Эшбери позвонит с минуты на минуту. А когда освободишься, возьми графин лимонада и отнеси в сад — мисс Ханне и мисс Эммелин.

Он исчез на лестнице. Миссис Таунсенд похлопала ладонью по левой стороне груди.

— Нервы не те стали, — пожаловалась она.

— А тут еще эта ужасная жара, — поддержала Нэнси и быстро поглядела на часы. — Смотрите-ка, сейчас всего-навсего половина одиннадцатого. Леди Вайолет будет перекусывать не раньше, чем через два часа. Почему бы вам не отдохнуть? Грейс прекрасно справится с чаем.

Я кивнула, довольная тем, что хоть что-нибудь отвлечет меня от мрачных мыслей. О горе, постигшем наш дом. О войне. Об Альфреде.

Миссис Таунсенд переводила глаза с Нэнси на меня и обратно.

А Нэнси мягко, но настойчиво убеждала ее:

— Ступайте, ступайте, миссис Таунсенд. Вот увидите — после отдыха вам станет гораздо лучше. А я присмотрю, чтобы все было в порядке, пока не уйду на станцию.

Зазвенел другой звонок — из гостиной, миссис Таунсенд снова подскочила. И с видимым облегчением сдалась:

— Ладно, уговорили. — Она поглядела на меня: — Но если тебе хоть что-нибудь понадобится, буди меня немедленно, слышишь?

* * *

Я взяла поднос и по полутемной лестнице поднялась в главный вестибюль. И тут же попала в море жары и света. По распоряжению леди Эшбери все шторы в доме были задернуты — траур. Однако верхнее стекло в парадной двери загородить было невозможно, и солнце свободно проникало в дом. Совсем как фотоаппарат: вестибюль — капля жизни и света в середине глухой черной коробки.

Я отворила дверь гостиной. Воздух в комнате был густой, застоявшийся, напоенный летней жарой и семейным горем. Стеклопакеты заперли, занавески — и плотные парчовые, и тонкие тюлевые — задернули, и они свисали тяжело и недвижно, будто в летаргическом сне. Я затопталась у двери. Что-то не пускало меня, что-то непонятное, не связанное с темнотой и жарой.

Когда глаза привыкли к полутьме, я начала различать, что творится в комнате. Лорд Гиффорд, пожилой и грузный, сидел в кресле покойного лорда Эшбери, разложив на могучих коленях кожаную папку, и читал вслух, явно наслаждаясь звучанием собственного голоса. Около него на столе горела элегантная медная лампа с цветочным рисунком, бросая вокруг себя четкий круг мягкого света.

Напротив, на кожаном диванчике, сидели леди Вайолет и Джемайма. Две вдовы. Леди Вайолет, и без того сдавшая в последнее время, с утра будто усохла: крохотная фигурка в черном креповом платье, лицо полускрыто темной кружевной накидкой. Джемайма тоже в черном, с бледным, пепельным лицом. Ее обыкновенно пухлые руки сейчас казались маленькими и хрупкими на непомерно раздутом животе. Леди Клементина удалилась в свою комнату, за нее осталась Фэнни, все еще лелеющая надежду выйти за мистера Фредерика. Она сидела с другой стороны от леди Вайолет с выражением приличествующей случаю скорби на лице.

Цветы, которые я срезала в саду только сегодня утром — розовые рододендроны, кремовые клематисы и ветка жасмина — теперь беспомощно свисали из вазы. Жасмин наполнял и без того спертый воздух

удушающим ароматом.

Мистер Фредерик в наглухо застегнутом сюртуке стоял у стола, положив руки на каминную полку. В полумраке его лицо с застывшими немигающими глазами казалось восковой маской. Лампа светила неярко, и один глаз оставался в тени. Второй — темный, неподвижный, уставился четко в цель. На меня.

Мистер Фредерик шевельнул пальцами — еле заметный жест, на который я едва бы обратила внимание, не стой он так неподвижно. Хочет, чтобы я поставила поднос около него. Я взглянула на леди Вайолет, сбитая с толку как нарушением традиций, так и странным вниманием хозяина. Она не заметила меня, и я повиновалась мистеру Фредерику, стараясь не встречаться с ним глазами. Он кивнул мне на чайник, веля разливать, и перевел взгляд на лорда Гиффорда.

Я никогда еще не разливала чай в гостиной — для хозяев! Хорошо хоть, в комнате полумрак. Поколебавшись немного, я взяла молочник, слушая, как лорд Гиффорд продолжает читать:

— «...Кроме уже упомянутых исключений, имение лорда Эшбери вместе с титулом переходит к его старшему сыну и наследнику, майору Джонатану Хартфорду».

Он сделал паузу. Джемайма всхлипнула — сдавленно и жалко.

У мистера Фредерика что-то екнуло в горле. Волнуется, решила я и украдкой поглядела на него, пока налила молоко в последнюю чашку. Он вздернул подбородок, пытаясь взять себя в руки. Глубоко и размеренно задышал. Побарабанил пальцами по каминной полке и сказал:

— Продолжайте, лорд Гиффорд.

Лорд Гиффорд поерзал в кожаном кресле, которое горестно вздохнуло, печалась об утерянном хозяине. Откашлялся и повысил голос:

— «...поскольку с момента получения известия о гибели майора Хартфорда никаких новых распоряжений сделано не было, имение, согласно закону о праве первородства, переходит к старшему сыну майора Хартфорда». — Лорд Гиффорд поглядел поверх очков на живот Джемаймы и продолжил: — «В случае, если у майора Хартфорда не останется сыновей, имение и титул переходят ко второму сыну лорда Эшбери, мистеру Фредерику Хартфорду».

Он поднял голову, электрический свет заиграл на стеклах очков.

— Похоже, нам всем придется немного подождать.

Лорд Гиффорд замолчал, и я воспользовалась паузой, чтобы передать чашки леди Вайолет и Джемайме. Джемайма взяла свою безучастно, не глядя на меня. Леди Вайолет вообще отмахнулась. Только Фэнни приняла

предложенный чай с видимым удовольствием.

— Чаю, лорд Гиффорд? — учтиво обратился к нему мистер Фредерик.

— Да, спасибо. С молоком и без сахара, — ответил тот, поправляя взмокший, прилипший к шее воротничок.

Я осторожно подняла чайник и, стараясь не обжечься паром, налила чай. Передала лорду Гиффорду чашку и молочник, которые он взял, не глядя на меня.

— Я слышал, у вас неплохо идут дела, Фредерик? — спросил он, вытягивая трубочкой пухлые губы и прихлебывая чай.

Уголкем глаза я заметила, что мистер Фредерик кивнул.

— Лучше не бывает. Мои рабочие легко переключились с автомобилей на аэропланы, и недавно мы даже подали заявку на тендер, объявленный военным министерством.

— Будем надеяться, его не выигрют американцы. Говорят, у них достаточно аэропланов, чтобы завалить всю Британию.

— Не спорю, Америка выпускает немало машин. Но я бы в их аэроплан не сел.

— Почему же?

— Массовое производство, — объяснил мистер Фредерик. — Люди работают слишком быстро, в ритме конвейерной ленты, у них нет времени проверить, все ли сделано правильно.

— Так министерство, вроде, не возражает.

— Министерство не видит дальше собственного носа. Но им придется признать очевидное. Как только они увидят наше качество, они перестанут покупать эти консервные банки. — Он преувеличенно громко захохотал.

Я невольно подняла голову, удивленная. Для человека, только что потерявшего отца и единственного брата, мистер Фредерик держался на удивление хорошо. Слишком хорошо, думала я, начиная, несмотря на восторженные описания Нэнси и преданность Ханны, склоняться к тому, что Дэвид был прав, говоря об отце, как о недалеком и злобном человеке.

— А как там юный Дэвид? Пишет? — спросил лорд Гиффорд.

Я как раз протянула мистеру Фредерику чашку. Он резко дернул рукой, перевернул ее, дымящийся чай пролился на бессарабский ковер.

— Ой! — вскрикнула я, холодея. — Простите, сэр!

Мистер Фредерик посмотрел на меня и, видимо, что-то прочел в моем взгляде. Открыл было рот, но передумал и промолчал.

И тут всех отвлек короткий вздох Джемаймы. Она выпрямилась, схватилась за бок и провела рукой по тугому животу.

— Что? — спросила из-под вуали леди Вайолет.

Та не ответила; казалось, она безмолвно разговаривала со своим младенцем. Держалась за живот и смотрела перед собой невидящими глазами.

— Джемайма! — голос леди Вайолет, и без того севший от потерь, от испуга прозвучал очень резко.

Джемайма склонила голову набок, будто прислушиваясь, и еле слышно прошептала:

— Он не шевелится. — Она часто задышала. — Все время двигался, а сейчас перестал.

— Тебе надо лечь, отдохнуть, — посоветовала леди Вайолет. — Это все жара. — Она огляделась, ища поддержки. — Жара и... — она покачала головой и сжала губы, не в силах договорить, — и все остальное.

Леди Вайолет собрала остатки сил, выпрямилась и настойчиво повторила:

— Тебе надо отдохнуть.

— Нет, — у Джемаймы задрожали губы. — Я хочу остаться. Ради Джонатана. И ради вас.

Леди Вайолет бережно сняла ладони невестки с живота, ласково сжала их.

— Я знаю.

Она погладила Джемайму по бесцветным волосам, и этот простой жест вдруг напомнил мне, что леди Вайолет и сама была матерью. Не обращившись в мою сторону, она велела:

— Грейс, помоги Джемайме подняться наверх и лечь. Оставь это. Гамильтон потом уберет.

— Да, миледи. — Я послушно присела и подошла к Джемайме. Помогла ей встать, обрадованная возможностью покинуть мрачную комнату.

Поднимаясь с Джемаймой по лестнице, я наконец сообразила, что, кроме жары и темноты, показалось мне необычным — замолчали судовые часы на камине, день за днем с неумолимой точностью отмерявшие время. Тонкие черные стрелки застыли навсегда, повинувшись распоряжению леди Эшбери: остановить все часы в доме на без десяти пять — времени смерти мужа.

«ПАДЕНИЕ ИКАРА»

Уложив Джемайму, я вернулась в кухню, где мистер Гамильтон инспектировал отчищенную Кэти посуду. Он оторвал взгляд от любимой сковороды миссис Таунсенд лишь для того, чтобы сообщить, что сестры Хартфорд пошли к лодочному сараю, и велел мне отнести им лимонад и закуски. К счастью, он еще не знал о пролитом чае. Я нашла в леднике кувшин лимонада, поставила его на поднос вместе с двумя высокими стаканами и тарелкой крошечных сандвичей и вышла через заднюю дверь.

Остановившись на верхней ступеньке, я заморгала, пытаюсь привыкнуть к яркому солнечному свету. Дождей не было уже месяц, и все краски вокруг будто выцвели. Солнце висело прямо над головой, под его беспощадными лучами сад окутался дрожащим маревом и стал похож на акварели в будуаре леди Вайолет. И хотя я была в наколке, макушка оказалась на солнце, и открытую полоску кожи вдоль пробора мгновенно защищало от жары.

Я пересекла Театральную лужайку; ее недавно скосили, и в воздухе плыл сладковатый запах подсыхающей травы. Неподалеку согнулся Дадли, подстригавший живую изгородь. Лезвия ножниц позеленели от сока, металл ярко блестел на солнце.

Дадли, видно, почувствовал, что я смотрю на него, повернулся и подмигнул.

— Жарковато сегодня, — сказал он, прикрыв глаза ладонью.

— Можно яйца на рельсах жарить, — ответила я любимой присказкой Нэнси, гадая про себя: а вдруг и вправду можно?

За лужайкой спускалась вниз длинная каменная лестница, ведущая в розовую аллею леди Эшбери. Подпорки гнулись под тяжестью белых, желтых и розовых бутонов, над желтыми серединками старательно гудели пчелы.

Я миновала беседку, отворила калитку и пошла по Долгой аллее: полоске серого камня, обросшей с двух сторон белыми и желтыми цветами. Где-то посередине пути росшие кругом высокие грабы сменились миниатюрными тисами, окаймляющими сад Эгесков. Я удивленно заморгала, когда возле меня зашевелились подстриженные в виде животных кусты, а потом засмеялась, сообразив, что это две утки — дикие, в зеленых перьях — прибрели сюда с озера и теперь стоят, разглядывая меня блестящими черными глазками.

За садом находилась еще одна калитка, позабытая сестра первой (ведь и у людей сестер забывают сплошь и рядом), почти скрытая из виду цепкими побегами жасмина. За ней стоял фонтан «Падение Икара», а за ним, на берегу озера, — лодочный домик.

Защелка на калитке заржавела, и чтобы открыть ее, мне пришлось поставить свою ношу на землю. Я нашла ровную площадку между кустиками земляники, опустила туда поднос и отодвинула защелку. Открыла калитку настежь, взяла лимонад и сквозь облако жасминового аромата двинулась к фонтану.

Хотя «Амур и Психея», огромный и внушительный, стоял на главной лужайке, перед парадным входом, в малом фонтане, скрытом в самом конце южного сада, было свое — волшебное и грустное — очарование.

Круглый каменный бассейн высотой в два фута и двадцати футов в диаметре был отделан мелкой плиткой, голубой, как сапфировое ожерелье леди Вайолет, то, что лорд Эшбери привез ей с Востока.

В центре высилась большая неровная глыба красновато-коричневого мрамора, величиной примерно с двух взрослых человек, широкая внизу и заостренная кверху, как скала. Посередине — желтоватый мрамор на красном — распростерся упавший Икар. Привязанные к рукам крылья, вырезанные очень тщательно, так что видно было каждое перышко, лежали за его спиной, покрывая скалу.

Из бассейна к неподвижной фигуре тянулись три русалки; длинные волосы обрамляли их ангельские лица, у одной была маленькая арфа, у другой — венок из ивовых листьев, а третья поднимала Икара из воды — белые руки на смуглом теле.

Пара лесных ласточек, равнодушных к красоте скульптуры, летала над ней, присаживаясь на вершину скалы только лишь для того, чтобы через секунду спорхнуть, коснуться поверхности бассейна и набрать в клюв воды. При виде птиц я ощутила непреодолимое желание опустить руки в прохладную воду. Оглянувшись на дом, я решила, что он слишком погружен в свое горе, чтобы заметить, как усталая горничная задержится на минутку в самом дальнем конце южного парка, чтобы хоть немного освежиться.

Я опустила поднос на край бассейна и встала коленом на плитки, горячие даже сквозь чулки. Наклонилась и коснулась согретой солнцем воды. Отдернула пальцы, закатала рукава и наклонилась снова, намереваясь опустить руки по локоть.

И тут до меня донесся смех — звон колокольчика в сонной тишине знойного дня.

Я замерла, прислушалась и осторожно вытянула шею, заглядывая за скульптуру.

Они сидели там. Ханна и Эммелин. Ни в каком ни в лодочном домике, а на противоположном бортике бассейна. Я оторопела от изумления, увидев, что они стянули черные траурные платья и остались в одних нижних рубашках, корсетах и кружевных панталончиках. Ботинки валялись на белой каменной дорожке, окаймлявшей бассейн. Длинные волосы девочек блестели на солнце. Я снова оглянулась на дом, удивляясь этакой дерзости. Гадая, не стала ли я невольной соучастницей преступления. Пытаясь понять, пугает это меня или, наоборот, радует.

Эммелин лежала на спине, согнув ноги и салютуя небу коленками — белыми, как ее рубашка. Одну руку она подложила под голову, другой — бледной, редко видевшей солнце — болтала в бассейне. Запястье выписывало в воде ленивую восьмерку. От пальцев одна за другой расходились крошечные волны.

Ханна сидела рядом, обхватив руками одну ногу и подогнув под себя другую. Положив подбородок на колено, она рассеянно шевелила в воде пальцами. Правая рука сжимала листок бумаги, такой тонкий, что он казался почти прозрачным на ярком солнце.

Я выдернула руки из воды, раскатала рукава и привела себя в порядок. С тоской поглядывая на сверкающую прохладу, взяла поднос.

Подойдя поближе, я услышала слова Эммелин:

— ...не понимаю я, почему он так упрямится.

Рядом с девочками лежала горка клубники. Эммелин кинула в рот одну ягодку, а хвостик выбросила в сад.

— Па всю жизнь такой, — пожалала плечами Ханна.

— Все равно, — настаивала Эммелин. — Это уже просто глупо. Раз Дэвид постоянно пишет нам из Франции, Па мог бы в конце концов прочитать его письма.

Ханна посмотрела на скульптуру, склонив голову так, что отсветы от волн побежали по лицу.

— Дэвид оставил Па в дураках. Сделал то, что ему запрещали, да еще тайком, за спиной.

— Так ведь целый год прошел!

— Па страшно обидчивый. И Дэвид это знал.

— Жаль. Такое письмо интересное. Прочти мне еще раз про столовую и пудинг.

— Не буду я больше ничего читать! Уже и так три раза прочла. Между прочим, это вообще не для твоих ушей. — Она протянула письмо, на лицо

Эммелин упала тень. — На, сама читай. Тут картинка с пояснениями.

Дунул теплый ветер, край листка загнулся, я заметила четкие линии рисунка.

Под моими ногами захрустели белые камешки, Эммелин обернулась и увидела рядом с Ханной меня.

— О-о-о, лимонад! — воскликнула она, выдергивая руку из воды и забыв о письме.

Ханна засунула письмо за пояс и тоже оглянулась.

— А, Грейс, — улыбнулась она.

— Мы тут прячемся от старика Гнид-форда, — сказала Эммелин, садясь спиной к фонтану. — Ой, как же я люблю солнце! У меня вся макушка горит.

— И щеки, — заметила Ханна.

Эммелин подняла лицо к небу и закрыла глаза.

— Ну и хорошо. Я вообще не против, если б круглый год было лето.

— Лорд Гиффорд ушел? — спросила у меня Ханна.

— Точно не знаю, мисс, — ответила я, ставя поднос на бортик. — Хотя думаю, да. Лорд Гиффорд сидел в гостиной, когда я разливала чай, и ее светлость не предупредила, что он остается к обеду.

— Надеюсь, что так и есть. И без того сплошные горести, а тут еще все утро мне пялятся в вырез платья.

В зарослях желто-розовой жимолости прятался кованый садовый столик, я подтащила его поближе, чтобы сервировать закуски. Покрепче установила фигурные ножки на камнях, перенесла поднос и начала разливать лимонад.

Ханна взяла клубничину за стебелек и задумчиво покрутила между пальцами.

— Ты, случайно, не слышала, о чем говорил лорд Гиффорд?

Я заколебалась. Понятное дело, когда подаешь чай, не положено слушать, что происходит в комнате.

— О дедушкином имени. О Ривертоне, — пояснила Ханна. Она встретила со мной глазами, и мне показалось, что ей так же неловко спрашивать, как мне — отвечать.

Я поставила кувшин.

— Я... я не уверена, мисс...

— Слышала! — воскликнула Эммелин. — Гляди — краснеет! Ну ведь слышала, да? — Она подалась ко мне с круглыми глазами. — Расскажи нам! О чем там говорили? Имение переходит к Па? Мы остаемся?

— Не знаю, мисс, — ответила я, сжимаясь, как обычно, при звуках

властного голоса Эммелин. — Никто не знает.

Эммелин схватила стакан лимонада.

— Кто-то должен знать, — упрямо сказала она. — Лорд Гиффорд, наверное. Иначе зачем он приехал сюда сегодня? Наверняка, чтобы прочитать дедушкино завещание.

— Я имею в виду мисс, что это зависит от одного события.

— Какого?

— От того, кто родится у тети Джемаймы, — ответила за меня Ханна, снова встретившись со мной глазами. — Так, Грейс?

— Да, мисс, — еле слышно подтвердила я. — Во всяком случае, мне показалось, что в гостиной говорили именно об этом.

— А причем тут тетя Джемайма? — не поняла Эммелин.

— Если у нее родится мальчик, — задумчиво объяснила Ханна, — он получит все по праву. Если нет — лордом Эшбери станет Па.

Эммелин, которая только что бросила в рот очередную ягоду, прижала ладони ко рту и захохотала:

— Только представь себе: Па — хозяин имения! Как смешно!

Розоватый поясok ее рубашки зацепился за край бассейна и начал рваться. По ткани побежала зигзагообразная стрелка, я мысленно заметила себе, что надо будет его починить.

— Думаешь, он захочет, чтобы мы жили здесь?

«Хорошо бы», — с надеждой подумала я. В этом году в Ривертоне было ужасно тихо. Только и дела, что натирать мебель в пустых комнатах и волноваться за тех, кто воюет вдали.

— Не знаю, — ответила Ханна. — Надеюсь, что нет. Мы уж и так застряли здесь на все лето. В деревне дни тянутся вдвое дольше, а дел, чтобы занять их, вдвое меньше.

— Спорим, захочет!

— Нет, — уверенно сказала Ханна. — Па никогда не бросит завод.

— Ну не знаю, — недоверчиво протянула Эммелин. — Если Па и любит что-то больше своего завода, так это Ривертон. Самое обожаемое место на Земле. — Она завела глаза к небу. — Хотя, что за радость сидеть в доме, где даже не с кем поговорить... — Она вдруг осеклась, и тут же вскрикнула: — Слушай, Ханна, знаешь, что я подумала? Если Па станет лордом, тогда мы станем «достопочтенными», понимаешь?

— Ну, станем, — ответила Ханна. — А что дальше?

Эммелин вскочила, вытаращив глаза.

— Да много чего! — Она поставила стакан на стол и вспрыгнула на бортик. — Достопочтенная Эммелин Хартфорд из Ривертонa. По-моему,

звучит! — Она повернулась, захлопала ресницами и сделала реверанс своему отражению. Протянула ему руку.

— Счастлива познакомиться с вами, любезный сэръ. Дistinguished Эммелин Хартфорд к вашим услугам, — и, рассмеявшись сама над собой, побежала вдоль по бортику, балансируя руками и репетируя новое приветствие сквозь взрывы хохота.

Ханна задумчиво следила за ней.

— А у тебя есть сестры, Грейс?

— Нет, мисс. Ни сестер, ни братьев.

— Правда? — изумилась она, будто не могла себе представить, как это — быть единственным ребенком.

— Да, мисс. Я да мама — вот и вся семья.

Ханна глядела на меня, щурясь от солнца.

— Твоя мама тоже тут работала.

Это было скорее утверждение, чем вопрос.

— Да, мисс. До моего рождения, мисс.

— Ты очень на нее похожа. Внешне, я имею в виду.

Я опешила. Ханна почуяла мое недоумение и поспешно объяснила:

— Я видела ее на фотографии. В альбоме, у бабушки. Один из ежегодных снимков конца прошлого века. Ты не думай, я не высматривала ее специально. Я хотела найти фото моей собственной матери, а наткнулась на твою. Вы невероятно похожи. То же милое лицо, добрые глаза.

Я никогда не видела фотографий матери — тем более в молодости — а описание Ханны так не подходило маме, которую я знала, что мне немедленно захотелось увидеть снимок своими глазами. Я знала, где леди Эшбери хранит семейный альбом — в левом ящичке письменного стола. С тех пор, как Нэнси пошла работать на станцию, мне часто приходилось убираться в гостиной в одиночку. Если я буду уверена, что туда в ближайшее время никто не войдет, я смогу быстренько заглянуть в альбом. Только сперва наберусь смелости...

— А почему она не вернулась в Ривертон? — спросила Ханна. — После того, как ты родилась?

— Это невозможно, мисс. С ребенком...

— Я уверена: у бабушки работали семьи. — Ханна улыбнулась. — Только представь: мы могли бы познакомиться еще в раннем детстве. — Она поглядела в воду и нахмурилась. — А может быть, ей здесь не нравилось, и она просто не пожелала возвращаться?

— Не знаю, мисс, — я внезапно расхотела обсуждать маму с Ханной. — Она об этом почти не рассказывает.

— А где теперь работает твоя мама?

— Дома, мисс. Она швея.

— То есть, сама себе хозяйка?

— Да, мисс, — согласилась я, хотя сама никогда не думала о маме в таких выражениях.

— Наверное, в этом есть свои преимущества, — кивнула Ханна.

Я посмотрела на нее, подозревая, что это шутка. Однако лицо у нее было серьезным и задумчивым.

— Не знаю, мисс, — неуверенно сказала я. — У меня сегодня выходной... Я могу спросить у мамы, если вы хотите...

У Ханны затуманились глаза, словно ее мысли улетели куда-то далеко-далеко. Она быстро взглянула на меня, стряхивая задумчивость.

— Да нет, это неважно. — Ханна провела пальцем по краю торчавшего из-за пояса письма. — Слышно что-нибудь от Альфреда?

— Да, мисс, — ответила я, радуясь, что мы сменили тему. Разговор об Альфреде казался мне более безопасным. Альфред был частью этого мира. — Он прислал письмо на прошлой неделе. В сентябре приедет в отпуск. То есть, мы надеемся, что приедет.

— Сентябрь уже скоро. Наверное, будет приятно его увидеть.

— Да, мисс. Конечно.

Ханна понимающе улыбнулась. Я покраснела.

— Я имею в виду, мисс, что мы — все слуги — будем ему рады.

— Ну, конечно, Грейс. Альфред — славный парень.

Щеки у меня горели. Ханна догадалась правильно.

Хотя Альфред продолжал писать всем вместе, его письма казались адресованными мне одной. И содержание их изменилось. Рассказы о битвах сменились мечтами о доме и будущем. Альфред писал, что думает обо мне, скучает... Я моргнула и опомнилась.

— А мастер Дэвид, мисс? Он приедет?

— Думает, что в декабре. — Ханна пробежала пальцами по медальону на шее, глянула на Эммелин и понизила голос. — Знаешь, я почти уверена, что больше он домой не вернется.

— Мисс...

— Теперь он оторвался от нас, посмотрел мир... У него сейчас совсем другая жизнь, понимаешь? Настоящая жизнь. Война кончится, он останется в Лондоне, выучится и станет великим пианистом. Заживет, как в наших играх, — с путешествиями, приключениями... — Ханна посмотрела в сторону дома, и ее улыбка увяла. Она вздохнула — глубоко и безнадежно — и уронила плечи. — Иногда...

Слово повисло между нами: тяжелое, тусклое, безнадежное. Я подождала продолжения, его не последовало. Сама я тоже не придумала, что сказать, поэтому сделала то, что умела делать лучше всего. Молча налила в стакан Ханны остатки лимонада.

Она поглядела на меня, на стакан. И протянула его мне.

— На, Грейс. Выпей сама.

— Да что вы, мисс! Спасибо, мисс. Мне и так не жарко.

— Чепуха! У тебя щеки почти такие же красные, как у Эмми. Пей.

Я украдкой поглядела на Эммелин, которая с другого края бассейна пускала в воду розовые и желтые цветочки.

— Грейс, — с шутливой строгостью сказала Ханна. — Сегодня очень жарко. Я тебе просто приказываю.

Я вздохнула и взяла стакан. Он так заманчиво охлаждал руку. Я поднесла лимонад к губам. Всего один глоточек...

Восторженный крик заставил Ханну обернуться. Я тоже подняла глаза, щурясь от солнца. Оно уже начало скатываться к востоку, воздух дрожал от зноя.

Эммелин сидела на выступе скалы около фигуры Икара. Светлые волосы распустились и завились, за ухом торчал белый цветок. Мокрый край рубашки прилип к ногам.

В лучах пронзительного света она казалась частью скульптуры. Ожившей русалкой. Эммелин помахала нам. Нет, не нам — Ханне.

— Иди сюда! Отсюда видно все до самого озера!

— Да я видела! — крикнула в ответ Ханна. — Это же я тебе показала, помнишь?

В небе над нами раздался гул. Аэроплан. Я не знала, какого типа, вот Альфред бы сказал.

Ханна проводила аэроплан глазами и не опускала головы, пока он не превратился в едва видимую точку, окруженную солнечным сиянием. Потом резко встала и шагнула к садовому стулу, на котором лежала одежда. Я поставила стакан и поспешила ей на помощь.

— Ты что делаешь? — спросила Эммелин.

— Одеваюсь.

— Зачем?

— Мне надо домой, — Ханна выпрямилась, я одернула на ней платье. — Доделать французский для мисс Принс.

— С чего это вдруг? — подозрительно осведомилась Эммелин. — Сейчас же каникулы.

— Я попросила дополнительное задание.

— Врешь.

— Нет.

— Тогда я пойду с тобой, — не двигаясь с места, пригрозила Эммелин.

— Прекрасно, — холодно согласилась Ханна. — А когда тебе станет скучно, лорд Гиффорд с удовольствием составит тебе компанию. — Она села на стул и начала зашнуровывать ботинки.

— Да ладно тебе, — надулась Эммелин. — Ну скажи, куда ты идешь? Знаешь ведь, я умею хранить секреты.

— Какая радость! А то все бы узнали, что я тайком учу французские глаголы!

Эммелин посидела немного, разглядывая сестру и барабаня ногами по каменному крылу. Склонила голову на плечо.

— Клянешься, что правда идешь учиться?

— Клянусь, — ответила Ханна. — Я иду домой, чтобы позаниматься переводами с французского. — Она украдкой взглянула на меня, и я поняла, что Ханна сказала полуправду. Она действительно собиралась домой заниматься, но не переводами, а стенографией. Я опустила глаза, неожиданно польщенная ее тайным доверием.

Эммелин покачала головой, прищурилась и попыталась ухватиться за последнюю соломинку.

— Ты знаешь, что вранье — это смертный грех?

— Да, о моя набожная сестрица, — расхохоталась Ханна.

— Ну и пожалуйста, — скрестив руки на груди, заявила Эммелин. — Секретничай, сколько влезет. Мне все равно.

— Вот и славно. Народ ликует. — Ханна улыбнулась мне, я ответила тем же. — Спасибо за лимонад, Грейс. — Она открыла калитку и исчезла на Долгой аллее.

— Я все равно тебя выслежу! — крикнула ей вслед Эммелин. — Вот увидишь!

Не дождавшись ответа, она гневно фыркнула. Повернувшись, я заметила, что белый цветок, что был у нее в волосах, летит на камень. Эммелин злобно взглянула на меня,

— Дай сюда лимонад! У меня в горле пересохло!

В тот выходной я забежала к маме совсем ненадолго и вряд ли

запомнила бы сам день, если бы не одно событие.

Обычно мы садились на кухне, у окна, где было больше света для шитья и где мы проводили много времени вместе, пока я не пошла работать в Ривертон. В тот день, однако, мама встретила меня у дверей и провела в крохотную гостиную сразу за кухней. Я заподозрила, что она ждет кого-то еще, потому что мы заходили в гостиную только во время визитов важных лиц, вроде доктора Артура или священника.

Я сразу заметила, что мама постаралась прибраться там как можно лучше. На прикроватном столике стояла ее любимая ваза, подарок бабушки, — белая, с тюльпанами — в ней гордо торчал букет подвявших маргариток. А подушка, которую она обычно подкладывала под спину во время шитья, теперь, хорошенько взбитая, лежала на диване и старательно делала вид, что всю жизнь служила только для украшения.

Комната блистала идеальной чистотой — после стольких лет работы горничной мама отлично знала, что такое уборка, — но была гораздо меньше и беднее, чем мне помнилось. Желтые стены, такие яркие когда-то, выцвели и словно бы покосились, так, что только старый вытертый диван да стулья удерживали их от падения. Картины с видами моря, вдохновлявшие мое детское воображение, потеряли очарование и казались старыми и безвкусными.

Мама принесла чай и села напротив. Я глядела, как она наливает его в чашки. Две. Значит, больше никого не будет. Уборка, цветы, подушка — все это для меня.

Я взяла предложенную чашку и заметила на краю маленькую щербинку. Мистер Гамильтон такого бы не потерпел. В Ривертоне не было места битой посуде, даже для слуг.

Мама обхватила чашку двумя руками, и я увидела, как искривились ее пальцы. С такими руками много не нашьешь. Я гадала, давно ли это с ней и как же она теперь зарабатывает на жизнь. Каждую неделю я отдавала ей часть жалованья, но этого явно было недостаточно. Попытавшись осторожно расспросить ее, я услышала:

— Не беспокойся. Мне вполне хватает.

— Почему ты ничего не говорила? Я могла бы отдавать тебе больше. Мне все равно не на что тратить.

На усталом лице мамы отразилось сомнение. Она явно колебалась, но потом решительно вздохнула:

— Нет, Грейс. Ты и так делаешь для меня все возможное. Незачем тебе расплачиваться за мои грехи. Не твоя это забота.

— А чья же еще?

— Ты, главное, не повторяй моих ошибок.

Я собралась с духом и осторожно спросила:

— Каких ошибок, мам?

Она сжала губы и отвернулась, я молча ждала, сердце колотилось, как бешеное. Неужели мама, наконец-то, откроет мне тот секрет, что стоял между нами, сколько я себя помнила...

— Всяких, — сказала она в конце концов, снова поворачиваясь ко мне. И тут же сменила тему. Стала расспрашивать о доме, о семействе — все как обычно.

А чего я, собственно, ожидала? Что мама вот так вот вдруг изменит своим привычкам? Потока тяжелых откровений, которые объяснят мамину желчность и раздражительность, так долго мешавшие нам стать ближе друг к другу?

Наверное, именно этого. Что ж, я была молода, и это единственное, что может меня извинить.

Однако я рассказываю быль, а не сказку, поэтому ты не удивишься, узнав, что ничего такого не произошло. Я лишь проглотила горький комок разочарования и рассказала ей про погибших, не в силах побороть чувство собственной исключительности от причастности к жизни хозяев. Сначала майор — мрачный мистер Гамильтон держит в руках телеграмму с черной каемкой, пальцы Джемаймы дрожат так, что она не может вскрыть ее, а потом — всего лишь через день, — лорд Эшбери.

Мама отставила чашку и медленно покачала головой — жест, подчеркнувший ее длинную, тонкую шею.

— Это я уже слышала. Только не знала, верить или нет. У нас в деревне любят посплетничать.

Я кивнула.

— Так отчего же умер лорд Эшбери?

— Мистер Гамильтон говорит, что это был удар. Да и жара виновата.

Мама размеренно кивала, втянув щеки.

— А что говорит миссис Таунсенд?

— Что это ни то, ни другое. Говорит, что он просто-напросто умер от горя. — Я невольно понизила голос, подражая благоговейному тону кухарки. — Что смерть майора разбила сердце его светлости. Пуля, попавшая в грудь сына, унесла с собой все мечты и надежды его отца.

Мама невесело улыбнулась, продолжая медленно покачивать головой и не отводя глаз от морского пейзажа на стене.

— Бедный, бедный Фредерик, — пробормотала она.

Я страшно удивилась и поначалу решила даже, что не расслышала.

Или мама ошиблась, назвав не то имя, потому что фраза ее не имела смысла. Бедный лорд Эшбери. Бедная леди Вайолет. И Джемайма бедная. Но Фредерик?

— За него не волнуйся, — сказала я. — Он может унаследовать дом.

— Не в деньгах счастье, моя девочка.

Я терпеть не могла, когда мама начинала говорить о счастье. Поговорка в ее устах приобретала какой-то издевательский оттенок. Кто угодно мог давать такие советы, только не мама, с ее тоскливыми глазами и пустым домом. Мне будто делали замечание за проступок, «которого я не совершала».

— Ты это лучше Фэнни скажи, — грубовато посоветовала я.

Мама нахмурилась, и я вспомнила, что это имя ей незнакомо.

— А! Я и забыла, что ты ее не знаешь! — почему-то обрадованно сказала я. — Это воспитанница леди Клементины. Она рвется замуж за мистера Фредерика.

Мама недоверчиво поглядела на меня:

— Замуж? За Фредерика?

— Фэнни уже который год его обхаживает, — кивнула я.

— Выходит, он ей предложения не делал?

— Нет. Но это лишь вопрос времени.

— Кто тебе сказал? Миссис Таунсенд?

— Нет, — покачала я головой. — Нэнси.

Мама заметно расслабилась и даже смогла улыбнуться.

— Сама не знает, что она говорит, твоя Нэнси. Фредерик никогда не женится. После смерти Пенелопы...

— Нэнси всегда все знает.

Мама скрестила руки на груди.

— А сейчас ошибается.

Ее уверенность раззадорила меня — будто я не в курсе, что происходит в Ривертоне!

— А миссис Таунсенд с ней согласна, — заспорила я. — Говорит, что леди Вайолет одобряет этот союз, и хотя на вид мистер Фредерик не очень-то слушает мать, на деле он никогда не мог пойти против нее.

— Да, — согласилась мама, улыбка ее увяла. — Да, не мог. — Она отвернулась и засмотрелась в открытое окно. На каменную стену соседнего дома. — Хотя мне всегда казалось, что он не женится вновь.

Теперь голос ее звучал неуверенно, и мне стало стыдно за свое желание поставить ее на место. Маме, наверное, нравилась эта Пенелопа, мать Ханны и Эммелин. Точно, нравилась. Иначе чем объяснить ее упрямое

желание, чтобы мистер Фредерик никогда не женился вновь? И уныние, когда я попыталась доказать, что свадьба неизбежна. Я накрыла ее руки своими.

— Ты права, мама. Может, я и зря болтаю, пока еще толком ничего не известно.

Мама не ответила. Я прижалась к ней.

— Тем более, что мистера Фредерика никак не обвинить в нежных чувствах к Фэнни. Он даже на свой кнут смотрит с большим удовольствием.

Я пыталась подлизаться к маме и обрадовалась, когда она повернулась и посмотрела на меня. И удивилась: в лучах полуденного солнца мамины щеки порозовели, глаза позеленели, и она стала почти хорошенькой. Я никогда раньше так о ней не думала. Аккуратная, да, подтянутая, но хорошенькая?

Я вспомнила слова Ханны, ее рассказ о фотографии и еще больше захотела увидеть снимок своими глазами. Понять, какой была та мама — симпатичная, добрая девочка — которую так тепло описывала Ханна и с такой любовью вспоминала миссис Таунсенд.

— Фредерик всегда любил ездить верхом, — сказала она, ставя чашку на подоконник. А потом поразила меня — взяла мою руку в свои и погладила твердые мозоли на ладони.

— Расскажи мне о своих новых обязанностях. Судя по мозолям, нелегко тебе приходится.

— Да нет, все не так уж плохо, — тронутая непривычной заботливостью ответила я. — Конечно, стирку и уборку я не очень люблю, а вот другие дела мне по душе.

— Какие же? — Мама наклонила голову.

— Нэнси так занята на станции, что я все чаще работаю наверху.

— И тебе нравится? — тихо спросила мама. — Наверху, в большом красивом доме?

Я кивнула.

— А что именно тебе нравится?

Ходить по прекрасным комнатам, украшенным хрупким фарфором, картинами и гобеленами. Слушать, как Ханна и Эммелин мечтают и шутят, поддразнивая друг друга. Я вспомнила внезапную мягкость мамы и внезапно поняла, как ей угодить.

— Там я чувствую себя счастливой, — объяснила я. — И надеюсь когда-нибудь стать не просто горничной, а настоящей камеристкой.

Мама нахмурилась.

— Что ж, камеристка — совсем не плохая работа для девушки, — каким-то странным голосом согласилась она. — Но счастье... Счастье у каждого свое. В чужом саду не сорвешь...

* * *

На обратном пути я никак не могла выкинуть мамины слова из головы. Ясное дело, она, как обычно, говорила о том, чтобы я помнила свое место. Что я могу найти счастье лишь среди углей кухонного очага, а уж никак не среди жемчугов хозяйкиного будуара. Но ведь Хартфорды — не какие-нибудь чужаки. Что случится, если я стану счастлива, работая на них, слушая их разговоры, заботясь об их прекрасных платьях?

И вдруг меня осенило — да она ревнует! Мама просто завидует мне, моей работе в Ривертоне. Наверное, она прислуживала Пенелопе, матери девочек; да, точно — потому она и расстроилась из-за моих разговоров о повторной женитьбе мистера Фредерика. А я теперь служу там, где она была счастлива, и напоминаю ей о жизни, которую ее вынудили оставить. Хотя почему вынудили? Ханна сказала, что у леди Вайолет когда-то работали семьи. И потом — если мама так ревнует меня к своему бывшему месту, почему она так настаивала, чтобы я его заняла?

Я злобно пнула ком грязи, отлетевший от копыта какой-то лошади. Все бесполезно. Мне никогда не распутать тех загадок и тайн, что наплела между нами мама. А если она не хочет ничего объяснять и читает мне туманные проповеди о «своем месте» и «несчастливой участи», что, по ее мнению, я должна ей отвечать?

Я глубоко вздохнула. Вот и не буду. Мама не оставила мне выбора, кроме как идти своей дорогой. Что ж, отлично. Если для этого требуется взобраться по служебной лестнице, этим и займемся.

Я вынырнула из обсаженной деревьями аллеи и на миг затормозила перед домом. Солнце садилось, Ривертон накрыла тень. Огромным черным жуком примостился он на холме, поникший под грузом жары и постигшей его беды. И все-таки меня накрыло теплое чувство уверенности. Первый раз в жизни я почувствовала себя независимой, где-то по дороге из деревни в Ривертон меня покинуло привычное ощущение, что если я не буду крепко держаться за что-нибудь, меня снесет.

Я вошла в дом с черного хода и двинулась по полутемному коридору. Шаги гулко отдавались от прохладного каменного пола. В кухне стояла

тишина. Там еще пахло тушеным мясом, но слуги уже разошлись. За моей спиной, в столовой, громко тикали часы. Я заглянула туда. Тоже пусто. На столе стояла одинокая чашка с блюдцем, а куда же делся тот, кто из нее пил? Я сняла и повесила на крючок у двери шляпу,правила платье. Вздохнула — звук шумно разнесся по пустой кухне. Я усмехнулась. Первый раз в жизни я была под лестницей совершенно одна.

Я посмотрела на часы. У меня оставалось еще полчаса свободного времени. Можно выпить чаю. Тот, которым угощала меня мама, оставил горький осадок.

На плите стоял чайник, еще теплый, под стеганым чехлом. И только я успела взять чашку, как в кухню ворвалась Нэнси. Увидев меня, она вытаращила глаза.

— Там Джемайма, — сообщила она. — Рожает.

— Как? Ведь ребенок должен появиться только в сентябре! — опешила я.

— Наверное, ему об этом сказать забыли, — буркнула Нэнси, кидая в меня небольшим полотенцем. — Отнеси это и миску теплой воды наверх. Я больше никого не нашла, а кто-то же должен позвать доктора.

— Так я же не в форме...

— Думаю, роженице и ребенку будет все равно, — отрезала Нэнси, исчезая в буфетной, где стоял телефон.

— И что я ей скажу? — спросила я у пустой комнаты, у полотенца, у себя самой. — Что я сделаю?

Из-за двери высунулась голова Нэнси.

— Откуда я знаю? Придумай что-нибудь. — Она неопределенно махнула рукой. — Скажи, что все будет хорошо. С Божьей помощью, так оно и будет.

Я повесила полотенце на плечо, налила в миску теплой воды и пошла наверх. У меня немного дрожали руки, часть воды пролилась на ковер в коридоре, оставив на нем темные пятна.

Перед дверью в комнату Джемаймы я заколебалась. Оттуда донесся сдавленный стон. Я глубоко вздохнула, постучала и вошла.

В спальне царил темнота, если не считать узкой полоски света, пробившейся между слегка разошедшимися занавесками. Вдоль нее танцевали пылинки. В центре комнаты стояла большая кровать с пологом на четырех столбиках. Джемайма лежала молча, но дышала с трудом.

Я тихо подошла к кровати и неуверенно остановилась рядом. Поставила миску на маленький журнальный столик.

Джемайма снова застонала, и я прикусила губу, не зная, чем помочь.

— Тише, тише, — сказала я ласково. Таким голосом мама баюкала меня, когда я болела скарлатиной. — Тише.

Она вздрогнула и несколько раз коротко всхлипнула, будто ей не хватало воздуха.

— Все будет хорошо, — продолжала я. Намочила полотенце, сложила его вчетверо и положила ей на лоб.

— Джонатан... — с невыразимой нежностью прошептала Джемайма. — Джонатан...

Ответить тут было нечего, и я промолчала.

Снова слышались стоны, вскрики. Джемайма вздрагивала, утыкаясь лицом в подушку. Пальцы ее беспокойно мяли простыню.

Понемногу она успокоилась. Дыхание выровнялось.

Я сняла полотенце с ее лба. Оно уже нагрелось, и я снова окунула его в миску. Выжала, сложила и потянулась, чтобы положить обратно.

Джемайма открыла глаза, заморгала, рассматривая меня в темноте.

— Ханна, — выдохнула она. Меня и поразила, и обрадовала ее ошибка. Я открыла было рот, чтобы разуверить Джемайму, и промолчала, так как она порывисто схватила меня за руку.

— Я так рада, что это ты. — Она сжала мои пальцы и прошептала: — Мне страшно. Я ничего не чувствую.

— Все в порядке, — ответила я. — Ребенок просто отдыхает.

Мои слова ее успокоили.

— Да, — согласилась она. — Так всегда бывает. Я просто не готова... слишком рано. — Джемайма отвернулась и заговорила так тихо, что мне пришлось нагнуться, чтобы расслышать. — Все хотят, чтобы это был мальчик, а я больше не могу. Не могу потерять еще одного.

— Все будет хорошо, — шепнула я, искренне надеясь, что так оно и будет.

— На моей семье лежит проклятье, — не поворачиваясь, продолжала она. — Мать предупреждала меня, а я не хотела слушать.

Бредит, решила я. Не выдержала горя и ударилась в суеверия.

— Никаких проклятий не бывает, — мягко возразила я. Джемайма издала нечто среднее между всхлипом и смехом.

— Бывает. Это та же самая болезнь, что унесла жизнь сына нашей дорогой королевы. Проклятая гемофилия. — Она помолчала, провела рукой по животу и повернулась ко мне лицом: — Но девочек... проклятье минует.

Отворилась дверь, и в комнату шагнула Нэнси. За ней вошел худой мужчина средних лет с серьезным и строгим лицом — доктор, поняла я, хотя это не был доктор Артур из деревни. Зажгли лампу, взбили подушки,

Джемайму уложили поудобнее. Я поняла, что больше не нужна, и выскользнула из спальни.

День перетек в вечер, вечер — в ночь. Я ждала, надеялась и волновалась. Время ползло невероятно медленно, хоть я и была загружена до предела. Подавала ужин, готовила постели, собирала стирку на завтра, а мыслями была там, с Джемаймой.

В конце концов, когда в кухонное окно падали с востока последние лучи заходящего солнца, с лестницы с грохотом сбежала Нэнси с полотенцем и миской в руках.

Мы только что поужинали и сидели вокруг стола.

— Ну?! — прижав к груди носовой платок, спросила миссис Таунсенд.

— Значит так. — Нэнси бросила миску и полотенце на скамейку и повернулась к нам, не в силах сдержать улыбки. — Ребенок родился в восемь двадцать шесть. Маленький, но здоровенький.

Я затаила дыхание.

— К сожалению, — закатив глаза, продолжала Нэнси, — это девочка.

* * *

В десять часов вечера я забрала из комнаты Джемаймы поднос с ужином. Она спала, маленькая Гита, уже спеленатая, лежала рядом. Перед тем, как выключить настольную лампу, я задержалась, рассматривая крошечную девочку: надутые губы, светлый пух на голове, плотно зажмуренные глаза. Не наследница, а просто ребенок, который будет жить, любить и расти. И когда-нибудь, наверное, обзаведется собственными детьми.

Взяв поднос, я на цыпочках покинула спальню. Лампа в руке неровно освещала мрачный коридор, так что на фамильных портретах, развешанных по стенам, плясала моя тень. В то время как самая младшая представительница рода Эшбери посапывала за закрытой дверью, ее многочисленные предки несли бессменную службу, глядя на темный дом, которым когда-то владели.

Я добралась до вестибюля и заметила, что из-под двери гостиной пробивается тонкая полоска света. За треволнениями вечера мистер Гамильтон забыл потушить лампу. Слава Богу, что я заметила. Несмотря на радость от рождения внучки, леди Вайолет пришла бы в ярость, узнав о столь вопиющем нарушении правил.

Я отворила дверь и остолбенела.

В кресле отца, закинув ногу на ногу и опустив голову так, что лицо скрывалось в тени, сидел мистер Фредерик. Новый лорд Эшбери.

В левой руке он держал листок, который я тут же узнала по виденному утром рисунку — письмо Дэвида. То самое письмо, которое читала вслух Ханна и которое так рассмешило Эммелин

Плечи мистера Фредерика дрожали, и сперва я подумала было, что он тоже смеется.

А потом услышала звук, который с тех пор так и не смогла забыть. Никогда не забуду. Стон. Глухой, мучительный, страшный. Полный безнадежной тоски.

Я застыла на пороге, не в силах двинуться — невольный свидетель безысходного горя. Потом попятилась. И бесшумно закрыла дверь.

* * *

Стук в дверь возвращает меня к реальности. На дворе тысяча девятьсот девяносто девятый, и я в своей комнате, в «Вереске», держу в руках фотографию, с которой смотрят забытые лица. Юная актриса сидит на жестком коричневом стуле и накручивает на палец кончики волос. Интересно, сколько я отсутствовала? Гляжу на часы. Десять с небольшим. Разве это возможно? Разве возможно, чтобы отворились подвалы памяти, вышли наружу события и люди далекого прошлого, а тут прошло совсем немного времени?

Дверь открывается, возвращается Урсула. За ней входит Сильвия, с серебряным подносом в руках. Надо же — обычно она берет пластмассовый.

— Простите, — говорит Урсула, усаживаясь на кровать. — Обычно я так не делаю. Вопрос был неотложный.

Сперва я не понимаю, о чем это она, потом замечаю у нее в руке мобильный.

Сильвия подает чай и обходит мое кресло, чтобы вручить дымящуюся чашку Кейре.

— Надеюсь, вы не стали меня дожидаться? — спрашивает Урсула.

— Мы уже почти закончили, — улыбается Кейра.

— Правда? — Урсула недоверчиво раскрывает глаза под густой челкой. — Не могу поверить, что я пропустила целое интервью. Мне так

хотелось послушать воспоминания Грейс.

Сильвия кладет руку мне на лоб:

— Вы плохо выглядите. Дать лекарство?

— Я прекрасно себя чувствую, — отвечаю я.

Сильвия недоверчиво приподнимает бровь.

— Просто замечательно, — повторяю я, стараясь, чтобы голос звучал как можно тверже.

Сильвия хмыкает. Качает головой, показывая, что умывает руки: пожалуйста, сделайте, что хотите! Не могу поклясться, но, по-моему, она уверена, что я попрошу таблетку, едва только гости выйдут на улицу. И, наверное, так оно и будет.

Кейра делает глоток зеленого чая и ставит чашку на столик.

— Здесь есть туалет?

Я чувствую, как Сильвия буравит меня глазами.

— Сильвия, проводи, пожалуйста, Кейру в коридор, — прошу я.

Та едва сдерживает радость.

— Конечно, — кивает она, стараясь говорить как можно приветливей. — Сюда, пожалуйста, мисс Паркер.

Когда они выходят, Урсула улыбается мне:

— Спасибо, что пообщались с Кейрой. Она дочь одного из продюсеров, поэтому приходится уделять ей особое внимание. — Урсула оглядывается на дверь, и, понизив голос, добавляет: — Неплохая девочка, хоть и немного... бесцеремонная.

— Мне так не показалось.

— Это все родители-кинобоссы, — смеется Урсула. — Их детки только и видят, что славу, восхищение, богатство. Кто осудит их за то, что они рвутся к той же цели?

— Действительно.

— И все же я собиралась побыть рядом. Сыграть роль дуэньи...

— Если вы не перестанете извиняться, я и впрямь заподозрю, что вы натворили что-то ужасное, — говорю я. — Вы — прямо как мой внук.

Урсула смущается, а я замечаю, что в ее темных глазах поселилось беспокойство, которого не было раньше.

— Вы уладили свои проблемы? — спрашиваю я. — По телефону?

— Да, — вздохнув, кивает она.

Несколько секунд мы согласно молчим, я жду продолжения. За долгую жизнь я выучила, что тишина — лучший друг доверия.

— У меня есть сын, — грустно улыбнувшись, говорит Урсула, — Финн. В прошлую субботу ему стукнуло три. — Она отводит глаза и

нервно крутит в руках чашку. — Мы с его отцом... никогда не были... — Она постукивает пальцем по ободку и снова глядит на меня. — Мы с Финном живем одни. А сейчас звонила мама. Она смотрит за ним, пока я снимаю кино. Он упал.

— Но с ним все в порядке?

— Да. Всего лишь растянул запястье. Уже был врач, наложил повязку. Обошлось. — Урсула снова пытается улыбнуться, но ее глаза наполняются слезами. — Простите... что это со мной... сама не пойму, чего я плачу.

— Вы просто испугались. А потом почувствовали облегчение.

— Да, — кивает Урсула, ставшая вдруг очень юной и хрупкой. — А еще — вину.

— Вину?

— Да, — подтверждает она, впрочем не уточняя. Достает из сумочки салфетку, вытирает глаза. — С вами так легко. Вы похожи на мою бабушку.

— Наверное, у вас чудесная бабушка.

— Да, — смеется Урсула. — О Господи, что это я? Грейс, простите, что вываливаю на вас мои проблемы.

— Опять извиняетесь? А ну-ка, хватит!

За дверью слышатся шаги. Урсула поднимает глаза, сморкается.

— Тогда позвольте хотя бы поблагодарить вас. За то, что согласились нас принять, поговорили с Кейрой. И выслушали меня.

— Я была рада вас видеть, — отвечаю я и с удивлением понимаю, что говорю правду. — Ко мне редко кто заходит в последнее время.

Дверь открывается, Урсула встает и целует меня в щеку.

— Я скоро еще загляну, — обещает она, ласково пожимая мне руку.

И я почему-то радуюсь.

Сценарий фильма

Окончательный вариант, ноябрь 1998 года, стр. 43–44.

КОГДА РАССЕЕТСЯ ТУМАН

Автор сценария и режиссер-постановщик — Урсула Райан © 1998

СУБТИТРЫ: Пасхендале,^[9] Бельгия. Октябрь 1917 года.

45. ИНТЕРЬЕР. ЗАБРОШЕННЫЙ ДЕРЕВЕНСКИЙ ДОМ. ВЕЧЕР

Наступает ночь, льет проливной дождь. Трое молодых солдат в грязной форме ищут убежища в заброшенном деревенском доме. Они пробродили весь день, отбившись от своих во время панического отступления. Они устали и деморализованы. Дом, в котором они спрятались, тот самый, в котором их разместили на постой месяц назад, по дороге на фронт. Семья фермера бежала от ужасов войны. Прямо на голом деревянном полу мерцает одинокая свеча, бросая длинные неровные тени на разоренную кухню. Кое-где валяются оставленные хозяевами предметы: у раковины лежит кастрюля, над плитой висит тонкая веревка, провисшая под тяжестью неснятого белья, в углу — деревянная игрушка.

Один из солдат — австралийский пехотинец по имени ФРЕД — скорчился у дыры в стене, где когда-то была дверь. Он крепко сжимает винтовку. Вдалеке слышится стрельба. Дождь лупит по размокшей земле, заливая все кругом. Откуда-то выскакивает крыса, принюхивается к огромному темному пятну на форме

солдата. Кровь — почерневшая и засохшая.

В кухне на полу, прислонившись к ножке стола, сидит офицер ДЭВИД ХАРТФОРД. Он держит в руках письмо — замурзанное, грязное — видно, что его перечитывали множество раз. У его ног спит облезлый пес, который таскался за ними весь день.

Из комнаты в кухню входит РОББИ ХАНТЕР. Он несет граммофон, одеяла и стопку пыльных пластинок. Кладет добычу на стол и начинает обшаривать кухонные шкафы. Находит что-то в буфете. Поворачивается, мы медленно приближаемся к нему. Он исхудал. В глазах — тоска. Под глазами — черные круги, волосы спутаны непогодой. В зубах сигарета.

ДЭВИД (не оборачиваясь):
— Нашел что-нибудь?

РОББИ:
— Хлеб черствый, как камень, но все-таки хлеб.

ДЭВИД:
— А еще что-нибудь? Попить?

РОББИ (помолчав):
— Музыку нашел

ДЭВИД поворачивается и видит граммофон. Трудно разобрать, что выражает его лицо: смесь грусти и интереса. Наш взгляд переходит с его лица на руки. Пальцы одной из них замотаны грязной повязкой.

ДЭВИД:
— Ну и чего ждешь?

РОББИ ставит на граммофон пластинку, раздаются хриплые звуки.

МУЗЫКА: Дебюсси, «Лунный свет».

РОББИ подходит к ДЭВИДУ с одеялами и хлебом в руках. Он ступает медленно, осторожно усаживается на пол: совсем недавно его засыпало в траншее, и это повредило ему больше, чем он пытается показать.

ДЭВИД закрывает глаза.

РОББИ достает из кармана складной нож и начинает с трудом делить на порции черствый хлеб. Отрезав кусок, он кладет его на пол около ДЭВИДА. Второй бросает ФРЕДУ. Тот жадно грызет свою часть.

РОББИ, не выпуская изо рта сигареты, предлагает хлеба собаке. Пес нюхает хлеб, смотрит на Робби, отворачивается. Робби снимает ботинки, скатывает с ног мокрые носки. Ноги у него в грязи и волдырях.

Перестрелка становится ожесточенней. ДЭВИД резко открывает глаза. Через дверной проем мы видим на горизонте сполохи битвы. Грохот стоит ужасающий. Страшные взрывы заглушают музыку Дебюсси.

Оглядываясь назад, мы всматриваемся в лица троих солдат, в их глазах отражается зарево битвы.

В конце концов орудия замолкают, вспышки гаснут. На лица падает тень. Пластинка кончается.

ФРЕД (вглядываясь в поле боя):
— Бедолаги.

ДЭВИД:
— Они сейчас ползают по нейтральной полосе. Те, кто выжил. Собирают трупы.

ФРЕД:
— Чувствуешь какую-то вину. Что не можешь

помочь. И радость.

РОББИ встает, подходит к двери.

РОББИ:

— Давай сменю, ты устал,

ФРЕД:

— Не больше, чем ты. По-моему, ты не спал с тех пор, как он (указывает на ДЭВИДА) вытащил тебя из траншеи. Я до сих пор не понимаю, как ты живым-то оттуда...

РОББИ (торопливо):

— Я не устал.

ФРЕД (пожимая плечами):

— Как хочешь.

ФРЕД оставляет пост и садится на пол рядом с ДЭВИДОМ, не выпуская из рук оружия. Укутывает ноги одним из одеял.

ДЭВИД достает из вещмешка колоду карт.

ДЭВИД:

— Как насчет перекинуться перед сном?

ФРЕД:

— Не откажусь. Нет вернее средства отвлечься и забить чем-нибудь мозги.

ДЭВИД, кивнув на свою замотанную руку, передает колоду ФРЕДУ.

ДЭВИД:

— Тогда сдай.

ФРЕД:

— А ему?

ДЭВИД:

— Робби не играет. Боится вытянуть пикового туза.

ФРЕД:

— А почему именно пикового?

ДЭВИД (просто):

— Погибнешь.

ФРЕД хохочет, напряжение последних дней выливается в настоящую истерику.

ФРЕД:

— Псих суеверный! Подумаешь — погибнет он! Да весь мир погиб. Бог — и тот помер. Остался только тот, внизу. Да нас трое.

РОББИ сидит у дверей, глядя наружу. Пес хромот к нему и ложится рядом.

РОББИ (бормочет себе под нос, перефразируя Уильяма Блейка):

— Мы все, сами не зная того, сторонники Дьявола.

[\[10\]](#)

ФРЕД (услышав его):

— Без тебя знаем. Достаточно одной ногой шагнуть на эту проклятую землю, чтобы понять, что здесь заправляет дьявол

ДЭВИД и ФРЕД играют в карты, РОББИ закуривает очередную сигарету и достает из кармана маленький блокнот и ручку. Пока он пишет, мы видим, как разворачиваются в его памяти картины недавнего боя.

Слышится голос РОББИ:

— Мир сошел с ума. Люди привыкли к кошмарам.

Они гибнут каждый день — мужчины, женщины, дети. Тела бросают на произвол судьбы или сжигают, так, что ничего не остается: ни волоска, ни косточки, ни пряжки от ремня... Цивилизация гибнет. Потому что после такого — как она может существовать?

Раздается храп. РОББИ опускает блокнот.

Пес кладет голову ему на ногу и тоже засыпает, подрагивая во сне.

Крупным планом — лицо РОББИ, озаренное свечой. Он смотрит на собаку. Медленно, осторожно поглаживает ее. Рука дрожит. РОББИ грустно улыбается.

Голос РОББИ за кадром:

— И все-таки, даже среди ужасов войны, невинные по-прежнему находят отраду во сне.

НАТУРА. ЗАБРОШЕННЫЙ ДЕРЕВЕНСКИЙ ДОМ. УТРО.

Наступает утро. Сквозь тучи пробивается слабый солнечный свет. Капли ночного дождя висят на листьях деревьев, земля размокла. Перекликаются ранние пташки. Трое военных стоят около дома, забросив вещмешки за спины.

ДЭВИД держит компас в здоровой руке. Поднимает глаза и указывает туда, где ночью шла перестрелка.

ДЭВИД:

— Вон там, на востоке, должен быть Пасхендале.

РОББИ мрачно кивает. Смотрит на горизонт.

РОББИ:

— Значит, идем на восток.

Они отправляются. Пес бредет за ними.

Подробный рапорт,
касающийся
обстоятельств
героической гибели
капитана Дэвида
Хартфорда

Октябрь, 1917 года

Дорогой лорд Эшбери, повинуюсь своему нелегкому долгу, докладываю Вам о смерти Вашего сына, Дэвида. Понимаю, что в данных обстоятельствах слова вряд ли помогут Вашему глубокому горю, однако как непосредственный командир Вашего сына и как человек, глубоко ценивший и уважавший его, я не могу не принести Вам свои глубокие соболезнования.

Также довожу до Вашего сведения, что Ваш сын пал смертью храбрых, и надеюсь, что Вы и Ваша семья будете гордиться тем, что Дэвид жил и умер, как настоящий джентльмен и солдат. В день гибели он командовал отрядом, проводившим рекогносцировку местности в целях обнаружения противника.

От одного из подчиненных Вашего сына я узнал, что 12 октября, между тремя и четырьмя часами ночи, когда отряд возвращался с задания, он попал под вражеский обстрел. Именно тогда и был убит капитан Дэвид Хартфорд. Небольшим утешением может служить то, что он умер мгновенно.

Утром мы похоронили Дэвида в северной части деревни Пасхендале, — название, которое навсегда войдет в историю британской армии. Вы будете рады узнать, что благодаря умелым действиям Вашего сына при выполнении последнего задания мы смогли добиться целей, поставленных перед нами командованием.

Если у Вас появятся какие-то вопросы, счастлив буду Вам ответить.

Остаюсь Ваш покорный слуга,

подполковник Ллойд Оден Томас.

ФОТОГРАФИЯ

За окном прекрасное мартовское утро. Розоватые левкои под моим окном наполняют комнату сладким, пьянящим запахом. Если я перегнусь через подоконник и выгляну наружу, в сад, я увижу их расцвеченные солнцем лепестки. Потом зацветет персик, а за ним жасмин. Каждую весну все повторяется снова и снова, и будет повторяться еще долгие годы. Когда меня уже не станет, и цветами zalюбуется кто-то другой. Свежими, чистыми, вечными.

Я вспоминаю маму. И фото из альбома леди Вайолет. Я ведь его все-таки посмотрела. Через несколько месяцев после того, как Ханна рассказала мне о нем летним утром, в саду у фонтана.

Стоял сентябрь шестнадцатого года. Мистер Фредерик вступил во владение отцовским домом, леди Вайолет (согласно правилам этикета, объяснила Нэнси) оставила Ривертон и переехала в свой лондонский дом, и сестер Хартфорд отправили с ней — помочь обосноваться.

Прислуги осталось совсем мало — Нэнси была постоянно занята на станции, Альфред, которого я ждала с таким нетерпением, до дома так и не доехал. Мы ничего не могли понять: он, несомненно, находился в Британии, писал, что не ранен, и все-таки отпуск ему почему-то пришлось провести в военном госпитале. Даже мистер Гамильтон не мог ничего объяснить. Долго сидел в буфетной над письмом Альфреда, потом вышел, потирая глаза под очками, и объявил, что Альфред, видимо, получил секретное военное задание, о котором не имеет права говорить. Объяснение показалось логичным — действительно, что делать в госпитале здоровому человеку?

Вопрос посчитали закрытым, Альфреда больше не обсуждали. И вот, ранней осенью тысяча девятьсот шестнадцатого года, когда листья с деревьев почти опали, а земля по утрам стала подмерзать, я оказалась в гостинице Ривертонна совершенно одна.

Я затопила камин, убралась и стала вытирать пыль. Провела тряпкой по поверхности письменного стола, начала протирать ручки ящиков, добиваясь того, чтобы медь заблестела. Обычная уборка, которая проводилась так же регулярно, как день сменяется ночью, и я не знаю, что случилось со мной в то утро. Почему, дойдя до ручки левого ящика, мои пальцы остановились, отказываясь продолжать работу. Будто раньше меня почуяли возможность, о которой я так давно мечтала.

Я посидела немного — огорошенная, неуверенная. Звуки вокруг словно стали громче: ветер за окном, шорох сухих листьев по стеклам. Настойчивое тиканье часов на камине, отмеряющих неумолимые секунды. Мое учащенное дыхание.

Дрожащими пальцами я потянула ящик на себя. Медленно, осторожно, подгоняя и останавливая себя одновременно. Вылезши наполовину, ящик накренился, содержимое съехало вперед

Я замерла. Прислушалась. Уверилась, что я по-прежнему одна. И заглянула внутрь.

Вот он, под набором ручек и парой перчаток, — фамильный альбом леди Вайолет.

Медлить опасно — ящик уже открыт, в ушах громыкает пульс. Я вытащила альбом из ящика и положила на пол.

Перелистала страницы, поглядывая на даты — фотографии, приглашения, меню, дневниковые записи... 1896, 1897, 1898...

Вот оно — семейное фото тысяча восемьсот девяносто девятого: знакомое и чужое одновременно. Два ряда слуг с постными лицами за рядом сидящих хозяев. Лорд и леди Эшбери, майор в форме, мистер Фредерик — совсем молодой и не такой замученный — Джемайма и незнакомая мне женщина, видимо, Пенелопа, покойная жена мистера Фредерика — обе с большими животами. Я быстро подсчитала, что в одном из животов прячется Ханна, а в другом — тот несчастный мальчик, который умер от потери крови. В конце ряда, около няни Браун (уже тогда старой-престарой) стоит ребенок: маленький, светловолосый мальчуган. Дэвид. Веселый, полный жизни, в счастливом неведении, что за судьба ждет его впереди.

Я перевела взгляд на лица слуг: мистер Гамильтон, миссис Таунсенд, Дадли...

У меня перехватило дыхание. Я впилась глазами в лицо молодой горничной. Ошибки быть не может. Не потому, что она напоминала маму — вовсе нет. Она напоминала меня. Волосы и глаза были темней, но черты лица, несомненно, те же. Длинная шея, подбородок с ямочкой, задумчиво сдвинутые брови.

И все-таки больше всего меня поразила отнюдь не наша схожесть. Мама улыбалась. Нет, вовсе не так, как вы могли бы вообразить, не зная ее. Не от радости и не из вежливости. Легкая, едва заметная улыбка, которую можно было бы принять за игру света на снимке. Но меня-то не обманешь. Мама улыбалась самой себе. Словно хранила секрет...

* * *

Прости, Марк, мне пришлось прерваться. Нежданный гость. Я сидела у окна, любуясь левкоями и рассказывая тебе о маме, когда в дверь постучали. Я думала, что это Сильвия хочет рассказать мне о новом бойфренде или пожаловаться на кого-нибудь из соседей, но это оказалась Урсула, режиссер. Я ведь уже говорила тебе о ней?

— Надеюсь, я вам не помешала, — сказала она.

— Нет, — ответила я.

— Я ненадолго. Просто оказалась неподалеку, глупо было бы не заглянуть.

— В Ривертоне?

Урсула кивнула:

— Снимали сцену в саду. Свет как раз подходящий. Я поинтересовалась, что там была за сцена, какую часть истории Хартфордов воссоздали на этот раз.

— Романтическая, одна из моих любимых. — Урсула покраснела и помотала головой так, что челка закачалась из стороны в сторону. — Глупо. Я сама писала текст, знала его, когда он был всего-навсего черными значками на белой бумаге — тысячу раз переписанными и переделанными, — и все-таки я переживала, когда слышала их сегодня.

— Вы романтик, — улыбнулась я.

— Выходит, что так, — Урсула наклонила голову. — Забавно: я никогда не видела живого Робби Хантера, я сочинила его по стихам и воспоминаниям друзей, и все-таки... — Она нахмурила брови. — Мне кажется, я влюбилась в своего собственного героя.

— А какой он — ваш Робби?

— Верный. Талантливый. Страстный, — Урсула в раздумье подперла рукой подбородок. — Он никогда не теряет надежды. Хрупкой, горькой, и все-таки надежды. Его называют поэтом, воспевшим разочарование, а я не согласна. Я всегда нахожу в его стихах веру в лучшее. Даже во время войны он умудрялся заметить что-то хорошее. — Глаза ее загорелись, она покачала головой. — Такой тонкий, ранимый юноша — и такая страшная война. Чудо, что они вообще потом смогли хоть как-то наладить жизнь. Снова полюбить.

— Когда-то меня полюбил именно такой юноша, — сказала я. — Он ушел на войну, и мы начали переписываться. Я полюбила его именно по его письмам. А он — меня.

— Он вернулся другим?

— О да. Оттуда невозможно было вернуться, не изменившись.

— А когда вы потеряли его? Мужа? — мягко спросила Урсула.

Я даже не сразу поняла, о чем это она.

— Нет-нет, — наконец сообразила я. — Муж тут ни при чем. Мы с Альфредом никогда не были женаты.

— Ой, простите. Я думала... — Она кивнула на свадебное фото на столике.

Я покачала головой.

— Это не Альфред. Это Джон — отец Руфи. Вот с ним-то как раз мы поженились. И зря.

Урсула удивленно подняла бровь.

— Джон прекрасно танцевал вальс, оказался превосходным любовником и никудышным мужем. Надо сказать, что и из меня жена получилась так себе. Я вовсе не собиралась замуж, и была совершенно не готова к браку.

Урсула встала, взяла фотографию. Провела пальцем по рамке.

— Симпатичный.

— Да. Видимо, потому я и обратила на него внимание.

— Он тоже был археологом?

— О Господи, нет. Джон был официантом.

— А... — Урсула поставила снимок на место. Повернулась ко мне: — Я просто думала, вы познакомились на работе. Или в университете.

Какое там! В тысяча девятьсот тридцать восьмом, когда мы с Джоном встретились, я вызвала бы врача любому, кто сказал бы, что однажды я окончу университет. Стану археологом. Я работала в ресторане «Лайонз Корнер Хаус», подавала бесчисленные порции картошки-фри бесчисленным посетителям. Миссис Хаверс, хозяйка, любила нанимать прислугу из богатых домов и хвасталась на каждом углу, что никто не вычистит ножи лучше бывшей горничной.

— Мы с Джоном встретились случайно. На танцах.

Я нехотя согласилась составить компанию девушке с работы. Тоже официантке. Пэтти Эверидж — имя, которое я вряд ли забуду. Странно. Она не была мне подругой. Мы просто работали вместе, и я старалась обходить ее стороной, хотя это легче было сказать, чем сделать. Она постоянно совала нос в чужие дела. Так вот, эта Пэтти вбила себе в голову, что мне надо больше общаться, ведь по утрам в понедельник я не сплетничала с другими официантками, обсуждая выходные. Она пристала ко мне, зазывая на танцы, и не отстала, пока я не согласилась пойти с ней в

«Маршаллс Клуб», вечером в пятницу.

— Девушка, с которой я договорилась встретиться, не пришла, — вздохнула я.

— А Джон пришел?

— Да.

Я вспомнила дымный клуб, табурет в углу, на который я взгромоздилась в ожидании Пэтти. Понятно, что на следующий день она рассыпалась в извинениях и объяснениях, но было уже поздно. Что сделано, то сделано.

— И вы влюбились?

— Я забеременела.

Урсула раскрыла рот.

— Через четыре месяца после того, как мы начали встречаться. Еще через месяц мы поженились. Так было принято. — Я поерзала, поудобней усаживаясь на подушках. — К счастью для нас началась война, и все решилось само собой.

— Он ушел на фронт?

— Мы оба ушли. Джон записался добровольцем, а я служила в полевом госпитале, во Франции.

— А как же Руфь? — удивилась Урсула.

— Ее эвакуировали. Руфь провела войну в доме пожилого англиканского священника и его жены.

— Несколько лет? Как же вы выдержали?

— Приезжала в отпуск и получала от нее письма: деревенские сплетни и рассказы о местных ребятишках.

Урсула взволнованно потрясла головой.

— Четыре года вдали от ребенка... Представить не могу!

Я не знала, что ей ответить. Как признаться, что материнство — не врожденный дар? Что Руфь сперва казалась мне чужой и странной? Что между нами так и не возникло той нерушимой связи, о которой пишут в книгах и рассказывают в легендах?

Наверное, я растратила свою способность любить. На Ханну, на всех остальных в Ривертоне. Нет, я хорошо обращалась с ранеными: утешала, подбадривала, облегчала их предсмертные муки. И при этом страшно боялась снова к кому-то привязаться. Предпочитала ни к чему не обязывающие отношения. И оказалась совершенно не готова к требовательной любви ребенка.

Урсула избавила меня от объяснений:

— Конечно, тогда была война. Приходилось идти на жертвы.

Я улыбнулась, стараясь выглядеть поестественней. Интересно, как бы Урсула отнеслась к тому, что я не только не переживала разлуку с Руфью, но даже чувствовала некоторое облегчение. Что после десятка лет скитаний по разным работам и случайным знакомым, после бесплодных попыток забыть, что случилось в Ривертоне, я наконец-то нашла себе настоящее дело.

— Археологом вы решили стать уже после войны?

— Да, — хрипло подтвердила я. — После.

— А почему именно археологом?

Ответ на вопрос так сложен, что я ответила просто:

— Это было наитие.

— Правда? — восхитилась Урсула. — Прямо во время войны?

— Когда кругом столько боли и смерти, как-то легче отделить главное от второстепенного.

— Понимаю.

— Я стала думать о мимолетности жизни. Когда-нибудь, размышляя я, люди забудут и эту войну. Смерти, бомбежки, сражения. Не сразу, конечно — понадобятся сотни, тысячи лет, но рано или поздно все уйдет в небытие. Займет свое место среди теней прошлого. Страдания и ужасы сменяются в умах людей другими, которым еще только суждено произойти.

— Трудно представить, — покачала головой Урсула.

— И все же так оно и будет, — заверила ее я. — Пунические войны и Карфаген, Пелопонесская война, греко-персидские войны — все свелось к нескольким главам в учебнике истории. — Я замолкла, чтобы перевести дыхание. Давно отвыкла от долгих разговоров и горячих дискуссий. Потом устало договорила: — Мне хотелось оживить прошлое. Вдохнуть в него душу.

Урсула улыбнулась, темные глаза засияли.

— А вот это мне понятно. Именно потому я снимаю исторический фильм. Вы раскапывали прошлое, а я разыгрываю его.

— И правда, — согласилась я. Мне-то и в голову не приходило нас сравнивать.

— Я просто восхищаюсь вами, Грейс. Вы столько сделали в жизни!

— Вопрос времени, — пожалала плечами я. — Дайте любому человеку долгую жизнь, и он успеет сделать очень много.

— Вы скромничаете, — засмеялась Урсула. — Уверена, вам пришлось нелегко. Женщине с ребенком, в пятидесятых, получить высшее образование... А муж вам помогал?

— К тому времени я жила одна.

— Как же вы учились?

— Большею частью заочно. Днем Руфь была в школе, а по вечерам с ней сидела очень хорошая женщина, наша соседка, миссис Финбар. — Я поколебалась. — Мне повезло, что с оплатой не было проблем.

— Стипендия?

— Что-то в этом роде. Я неожиданно получила кое-какие деньги.

— А муж? Погиб на войне? — сочувственно спросила Урсула.

— Нет. Он остался жив. А вот наш брак действительно умер.

Урсула еще раз взглянула на мою свадебную фотографию.

— Мы развелись, когда он вернулся в Лондон. Нравы к тому времени переменились. Люди повидали и пережили слишком много. Глупо было цепляться за партнера, который ничего для тебя не значил. Джон уехал в Америку, женился на медсестре американской армии, которую встретил во Франции. К несчастью, он скоро погиб: автомобильная авария.

— Сочувствую.

— Не стоит. Во всяком случае, мне. Это было так давно, я едва его помню. Какие-то обрывки воспоминаний, вроде снов. Кто тоскует по нему, так это Руфь. Так меня и не простила.

— Хотела бы, чтобы вы остались с Джоном?

Я кивнула. Обида Руфи за то, что ей пришлось расти без отца, здорово омрачила наши отношения.

— Боюсь, что Финн тоже однажды призовет меня к ответу, — вздохнула Урсула.

— А вы с его отцом...

— У нас все равно ничего бы не вышло, — сказала она так твердо, что я не решилась расспрашивать. — Нам с Финном лучше вдвоем.

— А где он сейчас? — спросила я. — Финн?

— С мамой. Последний раз, когда мы разговаривали, они шли в парк за мороженым. — Урсула поднесла к глазам руку, чтобы взглянуть на часы. — Я и не думала, что уже так поздно! Мне пора бежать — освободить маму.

— Уверена, ей не нужна свобода. Внуки — совсем другое дело. Гораздо проще, чем дети.

Интересно, у всех так? Наверное, да. Дети забирают кусок нашего сердца, и играют с ним, как хотят, а внуки — нет. С ними нет ни вины, ни ответственности, от которых так страдают матери. Одна только любовь.

Знаешь, Марк, когда ты родился, я чуть с ума не сошла. Невероятное, захватывающее чувство. Та часть меня, которая захлопнулась много лет назад, к отсутствию которой я давно привыкла, вдруг пробудилась к жизни.

Я обожала тебя. Узнавала тебя. Любила тебя так, что душа болела.

Потом ты подрос и стал моим маленьким другом. Не отходил от меня ни на шаг, обустроился в моем кабинете и подолгу сидел там, рассматривая карты и рисунки, которые я привезла из экспедиций. И вопросы — нескончаемые вопросы, на которые я никогда не уставала отвечать. Напротив, я даже горжусь, что с моей помощью ты стал умным и образованным человеком.

— Да где же они? — бормотала Урсула, обшаривая сумку в поисках ключей от машины.

А я вдруг поняла, что не хочу ее отпускать...

— А вы знаете, что мой внук Марк — писатель?

— Знаю, — улыбнулась она, оставив сумку в покое. — Я читала его детективы.

— Неужели? — обрадовалась я.

— Да, очень интересно.

— Вы умеете хранить секреты? — спросила я.

Урсула закивала и наклонилась поближе.

— А я ни одного не читала, — прошептала я. — Во всяком случае, до конца.

— Никому не скажу! — рассмеялась девушка.

— Я так горжусь Марком и я пыталась, правда, пыталась. Каждый раз настраивала себя, что уж этот-то дочитаю. Но, как бы мне ни нравилось начало, я все равно бросала на середине. Я обожаю хорошие детективы — Агату Кристи и так далее — но все эти кровавые описания, которые сейчас в моде... Нет, это не по мне.

— Так вы же служили медсестрой в госпитале!

— Война — это война, убийство — это убийство.

— Может, следующая книга...

— Может быть. Только вот не знаю, когда она появится.

— Марк перестал писать?

— Недавно он пережил серьезную потерю.

— Да, я читала, у него умерла жена. Бедная. Аневризма, да?

— Да. Так неожиданно...

— У меня папа так же умер, — вздохнула Урсула. — Мне было четырнадцать, я уехала в лагерь. И мне ничего не сказали, пока я не вернулась домой.

— Ужасно, — покачала я головой.

— Я поссорилась с ним перед отъездом. Сейчас даже не помню, из-за чего, ерунда какая-то. Хлопнула дверцей машины и даже не обернулась.

— Вы были подростком. Они все такие.
— Я вспоминаю его каждый день, — Урсула зажмурилась на секунду и снова открыла глаза. — А Марк? Как он перенес смерть жены?
— Плохо. Винит себя.
Урсула кивнула без тени удивления, будто знала о чувстве вины все.
— Я даже не представляю, где он сейчас.
— Как же это? — удивилась Урсула.
— Марк пропал. Мы с Руфью не знаем, где он. Уже почти год.
Урсула встревожилась.
— Но с ним... все в порядке? Он дает о себе знать? — Она встревоженно впилась в меня глазами. — Звонит? Пишет?
— Открытки, — ответила я. — Марк присылает открытки. Без обратного адреса. Боюсь, он не хочет, чтобы мы его нашли.
— Ну надо же, — Урсула глядела на меня с сочувствием. — Как жаль.
И тогда я рассказала ей о кассетах. О том, как я боялась тебя не дожидаться. И как придумала записать свои воспоминания.
— Замечательно придумали! — искренне восхитилась она. — А куда вы их пошлете?
— У меня есть один адрес в Калифорнии. Марк жил там у своего друга, год назад. Пошлю туда, а вот получит ли он...
— Непременно получит, — уверенно сказала Урсула. Конечно, это были просто слова, сказанные для поддержки, но мне хотелось слушать их снова и снова.
— Вы правда так думаете?
— Да, — с непоколебимой уверенностью молодости повторила она. — А еще я думаю, что Марк вернется. Ему просто нужно время и место, чтобы понять, что он не виноват. Что жене ничем нельзя было помочь.
Урсула встала и наклонилась над моей кроватью. Взяла плеер и положила мне на колени.
— Не бросайте свои записи, Грейс, — сказала она, целуя меня. — Марк обязательно вернется домой. Вот увидите.

* * *

Ну, хватит. Я отвлеклась. Рассказываю тебе о том, что ты и так знаешь. Непростительная слабость: неизвестно ведь, сколько у меня вообще осталось времени. Итак: на полях Фландрии бушуют сражения, могилы

майора Джонатана и лорда Эшбери еще не остыли, а впереди целых два года войны. Молодые парни со всех концов земли танцуют смертельный вальс. Сперва майор, потом Дэвид...

Нет, нет у меня ни сил, ни желания описывать их гибель. Достаточно того, что я о ней упомянула. Вместо этого мы вернемся в Ривертон, в январь тысяча девятьсот девятнадцатого. Война окончена, и Ханна с Эммелин, которые провели два года в Лондоне, в городском доме леди Вайолет, вернулись к отцу. Они изменились: очень повзрослели с тех пор, как мы последний раз о них говорили. Ханне восемнадцать, ей пора выходить в свет. Эммелин четырнадцать, и она топчется на пороге взрослой жизни, горя желанием в нее ворваться. Игры прошлых лет ушли со смертью Дэвида. Особенно Игра. Правило номер три: в Игру играют трое. Ни больше, ни меньше.

Вернувшись в Ривертон, Ханна первым делом достала с чердака китайскую шкатулку. Я тайком наблюдала за ней. Ханна спрятала шкатулку в холщовую сумку и отнесла к озеру.

Я спряталась у тропинки, у фонтана с Икаром и подсмотрела, как она донесла сумку до лодочного сарая. Постояла, огляделась — я нырнула поглубже в кусты, чтобы она меня не заметила.

Ханна подошла туда, где берег резко обрывался к воде. Встала спиной к обрыву и пошла, переставляя ноги так, что носок одной туфли касался каблука другой. Спустившись к озеру, отсчитала три шага и остановилась.

Повторив этот маневр еще два раза, Ханна опустилась на колени и открыла сумку. Достала небольшую лопатку (наверняка, стянула у Дадли) и начала копать.

Сперва это оказалось нелегко — берег был покрыт плотным слоем гальки, потом Ханна добралась до мягкой почвы, и дело пошло быстрее. Она не останавливалась, пока горка вынудой земли не выросла примерно на фут.

Ханна достала из сумки китайскую шкатулку и уложила ее в вырытую яму. Хотела уже засыпать землей и вдруг остановилась. Снова вытащила, открыла, взяла одну из миниатюрных книжек. Раскрыла медальон, что висел у нее на шее, и спрятала книгу туда, а потом вернула шкатулку в яму и начала закапывать.

Здесь мне и пришлось ее оставить — мистер Гамильтон мог меня хватиться, а он был не в том настроении, чтобы шутки шутить. На кухне кипела работа: мы готовились к первому послевоенному обеду. От некоторых из приглашенных, по словам мистера Гамильтона, зависела Судьба Семейства.

Так и вышло. Мы даже представить себе не могли, насколько она от них зависела.

БАНКИРЫ

Переводя взгляд с мистера Гамильтона на нас с Нэнси миссис Таунсенд со знанием дела процедила: «Банкиры». Она навалилась на сосновый стол и с помощью мраморной скалки пыталась победить комок упругого сладкого теста. Остановилась передохнуть, утерла лоб, оставив на лбу полосу муки. — Американцы эти, — пояснила она, не обращая ни к кому в отдельности.

— Нет, миссис Таунсенд, — возразил мистер Гамильтон. Он внимательно изучал серебряный набор для специй, отыскивая несуществующие пятна. — Миссис Лакстон действительно из нью-йоркских Стивенсонов. А вот мистер Лакстон такой же англичанин, как и мы с вами. «Таймс» пишет, что он откуда-то с севера.

— Значит, из этих новых выскочек, — фыркнула миссис Таунсенд. — Не смог не жениться на ее деньгах.

— Возможно, мистер Лакстон, действительно выбрал невесту из богатой семьи, — чопорно ответил мистер Гамильтон, — но он, несомненно, сумел увеличить ее состояние. Банковское дело — непростой бизнес, надо соображать, кому дать ссуду, а кому и отказать. Конечно, их нельзя назвать сливками общества, но таковы все бизнесмены.

Миссис Таунсенд хмыкнула.

— Будем надеяться, они дадут хозяину столько, сколько нужно, — сказала Нэнси. — Нам бы тут не помешала кругленькая сумма.

Мистер Гамильтон выпрямился и метнул в меня суровый взгляд, хотя я вообще молчала. Во время войны Нэнси много работала в деревне и очень изменилась. Нет, обязанности свои она выполняла по-прежнему тщательно, но когда мы отдыхали, сидя за столом, она гораздо свободней высказывала свое мнение и не боялась спорить. Меня пока еще не захватил этот дух свободы, и мистер Гамильтон, видно, решил, что лучше потерять одну заблудшую овцу, чем рисковать всем стадом, и присматривал за мной в оба глаза.

— Что это за разговоры? — не сводя с меня взгляда, спросил он. — Ты же отлично знаешь, Нэнси, что мы не вправе лезть в дела хозяев.

— Простите, мистер Гамильтон, — без тени раскаяния сказала Нэнси. — Только я ведь вижу: с тех пор, как мистер Фредерик поселился в Ривертоне, он закрывает комнаты быстрее, чем я моргнуть успеваю. А из западного крыла всю мебель продали. И бюро красного дерева, и кровать

леди Эшбери, ту, датскую. — Нэнси глянула на меня поверх тряпки для пыли. — А Дадли говорит, что лошадей тоже почти не осталось.

— Его светлость просто не хочет тратиться понапрасну, — возразил мистер Гамильтон. — Западные комнаты закрыли, потому что Альфред был на войне, а ты работала в деревне, и юная Грейс просто не справлялась с их уборкой в одиночку. А что касается конюшен — к чему его светлости лошади, когда он сам производит прекрасные новые автомобили?

В воздухе зазвенело любопытство. Мистер Гамильтон не спеша снял очки, подышал на стекла и с победным видом протер их начисто.

— Чтобы вы знали, — сказал он, водружая очки обратно, на свое законное место, — конюшни перестроят в новейшего типа гаражи. Самые большие в графстве.

Нэнси немного растерялась.

— И все равно, — понизив голос, сказала она. — В деревне говорят...

— Чушь, — оборвал ее мистер Гамильтон.

— О чем говорят-то? — полюбопытствовала миссис Таунсенд. Ее грудь колыхалась в такт движениям скалки. — О делах хозяина?

У лестницы шевельнулась чья-то тень, и на свет вышла худенькая женщина средних лет.

— Мисс Старлинг! — вздрогнул мистер Гамильтон. — Я вас и не заметил. Входите, Грейс сделает вам чаю. — Он повернулся ко мне — губы стиснуты, как застёжки кошелька. — Ну-ка, Грейс, — кивок в сторону плиты, — чашку чаю для мисс Старлинг.

Мисс Старлинг кашлянула и отошла от лестницы. Осторожно подобралась к ближайшему стулу и села, сжимая веснушчатой рукой маленькую кожаную сумку.

Мистер Фредерик нанял Люси Старлинг личным секретарем для работы в Ипсвиче, на заводе. Когда война кончилась и семейство переехало в Ривертон, она стала приходить к нам из деревни дважды в неделю. Во внешности Люси не было ничего примечательного. Русые волосы под скромной соломенной шляпкой, скучная коричневая юбка, простая белая блузка. Единственное украшение — маленькая кремовая брошь-камея, которая сама, казалось, сознавала свою заурядность и бессильно свисала с воротника, демонстрируя незамысловатую серебристую застёжку.

Мисс Старлинг потеряла жениха в битве за Ипр и носила траур так же терпеливо и скучно, как и бесцветную одежду, не вызывая к себе ни малейшего сочувствия. Потерять мужчину, который решил на такой жениться — просто катастрофа, со знанием дела говорила Нэнси; молния два раза в одно место не ударяет, и Люси с ее внешностью и в ее возрасте

наверняка останется старой девой. Кстати, добавляла Нэнси, надо строго следить, чтобы ни слова из разговоров под лестницей не дошло до ее ушей — а то мало ли...

Мисс Старлинг недолго любила не одна Нэнси. Появление этой тихой, незаметной, добросовестной женщины вызвало под лестницей настоящий переполох.

Беда в том, что мы никак не могли решить, как к ней относиться. Не должно молодой леди из среднего класса — ворчала миссис Таунсенд — разгуливать по всему дому, сидеть в кабинете хозяина и вообще задирать нос несообразно своему положению. И хотя скромную, бесцветную мисс Старлинг в собственноручно заштопанной одежде и с виноватой улыбкой трудно было обвинить в том, что она задирает нос, я понимала, отчего ворчит миссис Таунсенд. Граница между теми, что наверху, и теми, что под лестницей, всегда такая точная и четкая, с появлением мисс Старлинг как-то смазалась.

Не будучи одной из Них, она не была и одной из Нас.

Потому-то при появлении мисс Старлинг мистер Гамильтон покраснел и занервничал. Его пальцы нервно пробежались по лацкану куртки. Мистеру Гамильтону приходилось труднее всех — в ничего не подозревающей женщине он увидел серьезного соперника. Дворецкий всегда считался главным над прислугой, ответственным за жизнедеятельность всего дома, однако личный секретарь имел доступ к семейным тайнам и деловым документам. Мистер Гамильтон достал из кармана золотые часы и сверил их с настенными. Он очень гордился этими часами — подарком старого лорда Эшбери. В минуты растерянности или упадка часы всегда помогали ему вновь обрести спокойствие. Мистер Гамильтон провел уверенным белым пальцем по циферблату и спросил:

— А где у нас Альфред?

— Накрывает на стол, — ответила я, довольная тем, что туго надутый шар тишины наконец лопнул.

— До сих пор?! — Найдя подходящий повод выплеснуть раздражение, мистер Гамильтон резко защелкнул часы. — Он взял бренди и ушел четверть часа назад! Что за мальчишка, честное слово! Чему их только учили в этой армии? С тех пор, как он вернулся, с ним не пойми что творится!

Я вздрогнула, словно отрутали не Альфреда, а меня.

— Они все возвращаются домой немного не в себе, — сказала Нэнси. — Выходят из поезда, и сразу видно: что-то не то. — Она бросила полировать фужеры, подыскивая нужные слова. — Нервные какие-то,

дерганые.

— Дерганые, говоришь? — покачала головой миссис Таунсенд. — Его просто надо хорошенечко откормить. Ты бы тоже дергалась, если б тебе пришлось жить на армейском пайке. Сплошные консервы!

Мисс Старлинг кашлянула и произнесла профессионально-отчетливым голосом:

— По-моему, это называется, военный невроз. — Она пугливо оглянулась вокруг, заметив, что все замолчали. — Так пишут газеты. Очень много народу пострадало. Будем надеяться, что Альфред быстро оправится.

У меня дрогнула рука, и чайная заварка просыпалась на сосновый стол.

Миссис Таунсенд отложила скалку и подтянула до локтей измазанные мукой рукава. Щеки ее покраснелись.

— Послушайте-ка, вы, — сказала она тоном, каким обычно говорят матери и полисмены. — Чтоб на моей кухне таких разговоров не было. Нет у Альфреда ничего такого, отчего не вылечили бы два-три хороших обеда.

— Конечно, миссис Таунсенд, — подхватила я, поглядывая на мисс Старлинг. — От вашей еды Альфред скоро станет здоровым, как бык.

— Понятно, со всей этой войной и дефицитом, это уже не те обеды, что я готовила раньше, — повысила голос миссис Таунсенд. — Но я уж как-нибудь соображу, что придется по вкусу Альфреду.

— Ну, разумеется, — согласилась мисс Старлинг. На ее побледневших щеках ярко проступили веснушки. — Я вовсе не имела в виду, что... — Она пошевелила губами, не в силах подобрать слова. Попыталась улыбнуться: — Разумеется, вы знаете Альфреда лучше, чем я.

Миссис Таунсенд сухо кивнула и с удвоенной яростью набросилась на кусок теста. Атмосфера немного разрядилась, мистер Гамильтон с озабоченным лицом повернулся ко мне.

— Поторопись, девочка, — устало велел он. — А когда закончишь, поднимайся наверх, там полно работы. Поможешь юным леди одеться к обеду. Но недолго! Нужно еще разложить карточки и расставить цветы.

* * *

Когда закончилась война и мистер Фредерик с девочками поселились в Ривертоне, Ханна и Эммелин выбрали себе новые комнаты в восточном крыле. Теперь они были не гостями, а хозяйками, и, по словам Нэнси, им

так и следовало подчеркнуть свое положение. Комната Эммелин выходила окнами на «Амура и Психею», а Ханна выбрала спальню поменьше, с видом на розовую аллею и озеро. Комнаты соединяла небольшая гостиная с бледно-голубыми, как утиное яйцо, стенами и разноцветными занавесками, которую кто-то когда-то назвал бургундской, хотя я никак не могла понять, почему.

Новые обитательницы почти не меняли бургундскую комнату, сохранив обстановку, которую оставил им неведомый прежний жилец. Гостиная была удобной, под одним окном стояла розовая кушетка, под другим — старый ореховый письменный стол, у дверей — кресло, а на столике красного дерева — сияющий новизной граммофон. Казалось, скромная старая мебель краснеет от смущения рядом с этим современным пришельцем.

Спеша по коридору, я услышала, как из-за закрытой двери просачиваются знакомые звуки: «Была б ты единственной девушкой в мире, а я — единственным парнем...»^[11]

Эммелин крутила эту песню с тех пор, как вернулась из Лондона. Прилипчивая до невозможности: под лестницей ее напевали все без исключения. Даже мистер Гамильтон был застукан насвистывающим у себя в буфетной.

Я стукнула в дверь и открыла. По когда-то дорогому ковру прошла к креслу и стала разбирать брошенные там шелковые и атласные платья. Хорошо, что есть чем себя занять. Хотя я и скучала по сестрам и мечтала об их возвращении, легкость, с которой я прислуживала им два года назад, куда-то испарилась. За это время в семье произошла бесшумная революция, и вместо девочек с косичками и в платьях с передниками появились две девушки, рядом с которыми я чувствовала какую-то неловкость.

И еще кое-что, тревожное и неясное. Три превратилось в два. Смерть Дэвида нарушила треугольник, на месте одной из сторон зияло открытое пространство. Две точки неустойчивы, когда нет третьей, они могут с легкостью разойтись в стороны. Если их соединяет шнурок, он порвется, если струна — они будут разбегаться до тех пор, пока она не растянется до предела и не рванет их обратно с такой скоростью, что они неминуемо столкнутся со страшной силой.

Хмурая Ханна лежала на кушетке с книгой в руке. Другой рукой она зажимала ухо в тщетной надежде заглушить навязчивую мелодию.

На корешке книги красовалась надпись: «Джеймс Джойс «Портрет художника в юности». Хотя я могла бы и не смотреть: Ханна перечитывала ее с тех пор, как вернулась из Лондона.

Эммелин стояла в центре комнаты перед высоким, в полный рост, зеркалом, которое перетащила сюда из своей комнаты. Она приложила к себе платье, которое я еще не видела: из розовой тафты, с оборкой по краю. Очередной подарок бабушки, решила я. Леди Вайолет была твердо убеждена, что послевоенный недостаток мужчин брачного возраста можно преодолеть только самыми решительными действиями.

Последние лучи зимнего солнца пробивались через застекленную дверь, играли в золотых локонах Эммелин и, устав, ложились бледными квадратами у ее ног. Обласканная солнцем, она крутилась туда-сюда у зеркала, шелестя розовой тафтой и подпевая пластинке нежным голоском, тоскующим по своей собственной любви. С последним лучом замолкла и песня, а пластинка все крутилась и похрипывала. Эммелин бросила платье в пустое кресло и провальсировала через всю комнату. Приподняла иглу и снова переставила ее на край пластинки.

Ханна подняла глаза от книги. Ее длинные косы исчезли вместе с другими признаками детства — стриженные по плечи волосы вились золотыми волнами.

— Только не это! — взмолилась она. — Поставь что-нибудь другое. Что угодно.

— А эта — моя любимая.

— На этой неделе, — фыркнула Ханна. Эммелин делано оскорбилась.

— А что бы сказал бедный Стивен, если бы узнал, что ты не слушаешь его пластинку? Это ведь подарок, и им положено наслаждаться.

— Мы насладились ею по полной программе, — ответила Ханна и наконец заметила меня. — Правда, Грейс?

Я сделала реверанс и покраснела, не зная, что ответить. Пришлось притвориться, что мне нужно срочно зажечь газовую лампу.

— Если бы у меня был такой поклонник, как Стивен, — мечтательно продолжала Эммелин, — я бы слушала его пластинку по сотне раз на дню.

— Стивен Хардкасл никакой не поклонник! — сказала Ханна, потрясенная, казалось, самим предположением. — Мы с ним всю жизнь знакомы! Он просто друг. Крестник леди Клементины.

— Крестник или не крестник — вряд ли он прибежал на Кенситгтон-плейс каждый выходной только для того, чтобы справиться о здоровье леди Клем. Как считаешь?

— Почему бы и нет? — ощетибилась Ханна. — Он ее очень любит.

— Ой, Ханна, — вздохнула сестра. — Столько читаешь, а такая глупая! Даже Фэнни заметила. — Она покрутила ручку граммофона, и пластинка завертелась снова. Зазвучало сентиментальное вступление. —

Стивен хотел, чтобы ты дала ему обещание.

Ханна сложила страницу, на которой была открыта книга, снова разогнула ее, потерла складку пальцем.

— Понимаешь? — страстно допрашивала ее Эммелин. — Обещание выйти за него замуж.

Я затаила дыхание: оказывается Ханне делали предложение, а я и не знала.

— Я тебе не идиотка, — ответила Ханна, не поднимая взгляда от загнутого уголка. — Знаю я, чего он хотел.

— А почему тогда не...

— Не хочу я давать обещание, которое не сдержу, — пробормотала Ханна.

— Какая же ты противная! Ну почему было не посмеяться его шуткам, не пошептаться наедине? А ты все про войну да про войну... Не будь ты такой упрямой, Стивен увез бы с собой на фронт чудные воспоминания.

Ханна сунула в книгу закладку, захлопнула ее и положила на кушетку рядом с собой.

— А что бы я делала после его возвращения? Мямлила бы, что не имела в виду ничего такого?

Уверенность Эммелин на секунду поколебалась, но тут же вернулась обратно.

— Так в том-то и дело, что Стивен Хардкасл не вернулся.

— Так ведь может еще.

Эммелин пожала плечами.

— Может, конечно. Но если он вернется, то будет так счастлив, что ему будет не до тебя.

В комнате воцарилась упрямая тишина. Даже вещи, казалось, поделились на два лагеря: стены и занавески поддерживали Ханну, а граммофон горой стоял за Эммелин.

Эммелин перекинула через плечо длинные, собранные в хвост волосы и начала теревить кончики. Достала из ящика под зеркалом щетку и стала расчесываться — долгими мягкими движениями. Щетинки негромко посвистывали. Ханна некоторое время разглядывала сестру — то ли с недоверием, то ли с досадой — а потом вернулась к Джойсу.

Я взяла с кресла новое розовое платье и негромко спросила:

— Вы наденете его сегодня вечером, мисс?

— Ой! — подскочила от неожиданности Эммелин. — Не смей больше так подкрадываться! Ты меня до полусмерти перепутала!

— Прошу прощения, мисс. — У меня запылали щеки. Я кинула взгляд

на Ханну, но она, казалось, ничего не слышала. — Вы наденете это платье, мисс?

— Да. — Эммелин прикусила нижнюю губу. — Во всяком случае, я так думаю. — Она оглядела платье, пощупала оборку. — А ты как думаешь, Ханна? Голубое или розовое?

— Голубое.

— Да? — Эммелин задумалась. — А я хотела розовое.

— Тогда розовое.

— Ты даже не смотришь!

Ханна с неохотой подняла глаза:

— Или то. Или другое. — Оба хороши.

— Принеси-ка голубое, — капризно велела мне Эммелин. — Посмотрю еще раз.

Я покорно присела и испарилась за дверью ее спальни. Пока я рылась в гардеробе, Эммелин сказала сестре:

— Мне очень важно, что я надену сегодня, Ханна. Вечером я впервые присутствую на званом обеде и хочу выглядеть потрясающе. Тебе тоже надо привести себя в порядок. Лакстоны — американцы.

— И что с того?

— Ты же не хочешь, чтобы они решили, что мы какие-то неотесанные?

— Мне все равно, что они там решат.

— А зря. Они очень нужны Па для его бизнеса. — Эммелин понизила голос, и я застыла, прижавшись щекой к платьям, чтобы услышать ее слова. — Я случайно услышала, как он разговаривал с бабушкой...

— Скорей, подслушала, — перебила ее Ханна. — А бабушка-то говорит, что это я у нас испорченная девчонка!

— Как хочешь, — сказала Эммелин, и я поняла, что она пожимает плечами. — Могу не рассказывать.

— Не можешь. У тебя на лбу написано, что ты умираешь от желания разболтать мне все, что подслушала.

Эммелин помолчала, смакуя свой добытый несправедливым путем секрет.

— Ну... ладно. Скажу, раз уж ты так настаиваешь. — Она с важностью откашлялась. — Сперва бабушка начала расписывать, сколько горя принесла война нашей семье. Что немцы отняли будущее у рода Эшбери и что дедушка в гробу бы перевернулся, если б узнал, как идут дела. Па пытался объяснить, что все не так плохо, но бабушка не желала слушать. Она сказала, что старше и лучше знает, и как еще назвать наше положение, если не безнадежным — ведь Па последний в роду и у него нет наследников. Назвала его глупым упрямым за то, что не делал, как ему

было сказано, и не женился на Фэнни, когда была такая возможность.

А Па тут же взбесился и сказал, что пусть он потерял наследника, но у него по-прежнему есть завод, и там все хорошо, пусть бабушка успокоится. А бабушка не успокоилась и сказала, что банк уже начинает задавать всякие вопросы.

Тогда Па замолчал, и забеспокоилась я, потому что решила, что он идет к двери и меня сейчас поймают. А потом чуть не засмеялась от облегчения, потому что он снова заговорил, и я поняла, что он все еще сидит в кресле.

— И что, что он сказал?

Эммелин продолжала тоном актрисы, приближающейся к концу сложного отрывка.

— Сказал, что да, правда, во время войны дела действительно шли не слишком-то хорошо, но теперь он бросит аэропланы и снова займется автомобилями. Распроклятый банк — это он так сказал, не я — так вот, распроклятый банк обещал дать нам денег. Он познакомился с одним человеком, с финансистом. У этого человека, мистера Саймиона Лакстона, есть связи, и в бизнесе, и в правительстве. — Эммелин счастливо вздохнула, завершив трудный монолог. — Вот и все или почти все. Па очень расстроился, когда бабушка заговорила про банк. И тогда я решила, что сделаю все возможное, чтобы произвести на мистера Лакстона хорошее впечатление и помочь Па в его делах.

— Я и не знала, что ты так интересуешься бизнесом.

— Разумеется, интересуюсь, — оскорбленно заявила Эммелин. — А ты просто злишься, потому что в этот раз я знаю больше, чем ты.

Пауза. Затем голос Ханны:

— А не связан ли твой внезапный и горячий интерес к делам Па с сыном этого Лакстона, над фотографией которого в газете грезил недавно Фэнни?

— Теодор Лакстон? А он будет на обеде? Я и не знала, — сказала Эммелин, но в голосе ее прозвучала усмешка.

— Ты для него еще ребенок. Ему же не меньше тридцати.

— А мне почти пятнадцать, и все говорят, что я выгляжу старше своих лет.

Ханна закатила глаза.

— И вообще, любить никогда не рано, — заметила Эммелин. — Джульетте тоже было четырнадцать.

— Ага, и вспомни, чем все кончилось.

— Это было чистой воды недоразумение. Если бы они с Ромео

поженились и их дурацкие родители прекратили им мешать, я уверена: они жили бы долго и счастливо. — Она вздохнула. — Я так хочу скорее замуж.

— Замужество — это тебе не танцы с симпатичным мужчиной, — сказала Ханна. — Там много всего другого.

Песня опять доиграла, и игла зацарапала пластинку.

— Какого?

Я прижалась потеплевшим лицом к холодному шелку платья Эммелин.

— К примеру, близость, — объяснила Ханна. — Интимная.

— Близость, — почти беззвучно повторила Эммелин. — Ой, бедная Фэнни.

Воцарилась тишина — мы все размышляли над судьбой Бедной Фэнни, которая недавно вышла замуж за Чужого Мужчину и уехала с ним в свадебное путешествие.

Я и сама уже успела испытать, что это за ужас такой. Несколько месяцев назад в деревне Билли — слабоумный сын рыбака, потащился за мной в переулок и зажал в безлюдном углу, лапая толстыми пальцами. Сперва я окаменела от страха, а потом вдруг вспомнила, что у меня в руках полная сумка здоровых макрелей, подняла ее повыше и треснула его по голове. Билли отпустил меня, но до этого все-таки успел залезть под юбку. Всю дорогу до дома меня передергивало от отвращения и потом, много дней подряд, я не могла по вечерам закрыть глаза, чтобы вновь не пережить эти жуткие минуты, гадая, что могло бы произойти, если бы мне не удалось отбиться.

— Ханна, — позвала Эммелин. — А как это — близость?

— Ну... это... такие проявления любви, — неуверенно сказала Ханна. — Очень приятные, я надеюсь, с мужчиной, в которого ты влюблена, и ужасно противные с кем-нибудь еще.

— Да понятно, что проявления. Но вот как это бывает?

Снова тишина.

— Ясно. Сама не знаешь, — сказала чуть погодя Эммелин. — По лицу вижу.

— Точно не знаю, но...

— Я спрошу Фэнни, когда она вернется. Уж она-то к тому времени будет знать точно.

Я пробежалась пальцами по прекрасным платьям Эммелин, отыскивая голубое и гадая, правду ли сказала Ханна. Действительно ли, те приставания, с которыми полез ко мне Билли, могли бы стать желанными с другим парнем? Вспомнилось, как Альфред несколько раз стоял рядом со мной на кухне, и меня охватывало странное, но приятное чувство.

— На самом деле, я не хочу замуж прямо сейчас. — Это опять Эммелин. — Просто Теодор Лакстон очень симпатичный.

— Богатый, ты хочешь сказать.

— Это почти одно и то же.

— Тебе просто повезло, что Па позволил тебе обедать со всеми внизу, — сказала Ханна. — Когда мне было четырнадцать, мне такого не разрешали.

— Мне почти пятнадцать.

— Наверное, ему просто не хватало народу за столом.

— Да. Какое счастье, что Фэнни вышла замуж за своего скучного толстяка и уехала в Италию на медовый месяц. Будь они дома, мне, скорей всего, пришлось бы обедать с няней Браун.

— А я бы лучше с няней обедала, чем с этими американцами.

— Глупости какие.

— А еще лучше — книжку бы почитала.

— Врунья, — не поверила Эммелин. — А зачем тогда ты вытащила то атласное платье цвета слоновой кости, которое Фэнни просила тебя не надевать при этом ее ужасном женихе? Ты бы его не выбрала, если б не хотела выглядеть получше.

Молчание. А затем радостный возглас Эммелин:

— Ха! Я права! Ты смеешься!

— Ну ладно, мне действительно интересно, — сдалась Ханна. И быстро добавила: — Но вовсе не потому, что я хочу произвести впечатление на каких-то там богатеньких американцев.

— Ой ли?

— Точно.

Заскрипели половицы — кто-то из сестер прошелся по комнате — и до сих пор поскрипывающий граммофон наконец замолчал.

— А чем же ты так интересуешься? — не успокоилась Эммелин. — Ведь не скудным же угощением миссис Таунсенд.

Я застыла, прислушиваясь. Когда Ханна ответила, ее голос звучал спокойно, но со скрытым волнением:

— Сегодня вечером я хочу попросить Па отпустить меня обратно в Лондон.

Я едва слышно вскрикнула, зарывшись в шкаф. Они ведь только что вернулись, неужто Ханна опять исчезнет?

— К бабушке? — уточнила Эммелин.

— Нет. Пожить одной. В квартире.

— В квартире? А с какой стати ты вдруг поселишься в квартире?

— Ты будешь смеяться... Я хочу найти работу. Эммелин не засмеялась.

— Какую еще работу?

— В какой-нибудь конторе. Печатать, стенографировать.

— Так ты же не умеешь стено... — Эммелин осеклась. — Ну конечно! Те бумаги, которые я нашла на прошлой неделе! Со значками вроде египетских иероглифов...

— Нет!

— Ты тайком изучала стенографию! — с негодованием продолжала Эммелин. — С мисс Принс?

— О господи, нет, конечно. Неужели мисс Принс может научить чему-нибудь дельному?

— Тогда как же?

— Ходила на курсы секретарей в деревне.

— Когда?

— Начала давно, в первые месяцы войны. Я казалась себе такой никчемной, мне хотелось приносить хоть какую-то пользу, вот я и придумала эти курсы. Потом, когда мы уехали к бабушке, я решила поискать работу — ведь в Лондоне столько всяких контор... Но у меня ничего не вышло. Когда бабушка наконец-то начала отпускать меня надолго одну, выяснилось, что меня нигде не берут. Видите ли, я для них слишком молода. Но теперь мне восемнадцать, и я вполне могу попробовать еще раз. Я столько занималась, что стенографирую очень быстро.

— А кто еще об этом знает?

— Никто. Теперь вот ты.

Спрятавшись среди платьев и слушая, как Ханна расписывает свои новые навыки, я почувствовала, что стремительно теряю что-то важное. Исчезал так долго хранимый мною маленький секрет. Ускользал прямо из рук, уплывал в море шелков и атласа, осыпался бесшумной пылью на темный пол гардероба.

— Ну как? — спросила Ханна. — Правда, интересно?

— Вовсе нет! — фыркнула Эммелин. — Мне кажется, что это подло. И глупо. И Па скажет то же самое. Одно дело — работать во время войны, но сейчас... Просто смешно, можешь сразу выбросить это из головы. Па никогда не разрешит.

— Потому я и хочу спросить его за обедом. Подумай, какая возможность! Ему придется согласиться, потому что кругом будут чужие. Тем более — американцы, с их современными взглядами.

— Не могу поверить, что ты серьезно! — раздраженно воскликнула

Эммелин.

— Не понимаю, с чего ты так расстроилась?

— Потому что... ты... если ты... — Эммелин отчаянно подыскивала подходящие слова. — Потому что сегодня вечером ты играешь роль хозяйки и должна думать о том, чтобы обед прошел гладко, а ты вместо этого хочешь сконфузить Па.

— Я же не собираюсь устраивать сцены.

— Ты всегда так говоришь, а потом все равно устраиваешь. Почему ты не можешь вести себя...

— Нормально?

— Ты уже совсем с ума сошла! Ну кто по доброй воле захочет сидеть в конторе?

— Я хочу посмотреть мир. Уехать отсюда.

— В Лондон?

— Лондон — только первый шаг. Мне хочется обрести независимость. Встречаться с интересными людьми.

— Поинтересней меня, ты имеешь в виду?

— Ну, не глупи. Я просто имею в виду незнакомых людей, с которыми можно поговорить о чем-то новом. Чего я еще не знаю. Я хочу стать свободной, Эмми. Открытой навстречу приключениям, таким, чтобы голова кругом.

Я внимательно посмотрела на часы в спальне Эммелин. Четыре. Если я сейчас же не вернусь на кухню, мистер Гамильтон выйдет на тропу войны. Но ведь мне просто необходимо услышать весь разговор, понять, о каких-таких приключениях толкует Ханна. Разрываясь пополам, я попыталась найти компромисс. Закрыла гардероб, перекинула через руку голубое платье и подошла к двери.

Эммелин сидела на полу со щеткой в руке.

— А почему ты не хочешь просто поехать к кому-нибудь из друзей Па? И я бы с тобой... — предложила она. — К Розермерам, в Эдинбург...

— А леди Розермер будет следить за мной на каждом шагу. Или, еще хуже, навяжет мне своих противных дочерей! — Ханна перекосилась от отвращения. — Тоже мне — свобода!

— А работать в конторе лучше, что ли?

— Может, и нет, но где еще мне взять деньги? Я же не стану воровать или попрошайничать, и занять мне тоже не у кого.

— А у Па?

— Ты же слышала бабушку. На этой войне заработали многие, только не он.

— Это кошмарная идея. Это... это просто несправедливо. Па не понравится... и бабушке... — Эммелин задохнулась. Набрала полную грудь воздуха, выдохнула, уронив плечи. Сказала плачущим, детским голосом:

— А как же я, Ханна? Сначала — Дэвид, теперь — ты...

При звуках имени брата Ханну будто ударили. Ни для кого не было секретом, что она тяжелее всех переживала его гибель. Когда пришло страшное письмо с траурной каймой, семья жила в Лондоне, но с кухни на кухню новости в Англии перелетают мгновенно, и мы все знали, как мисс Ханна чуть с ума не сошла. Она отказывалась от еды, и миссис Таунсенд всерьез собиралась пересылать в Лондон малиновые тарталетки, любимые Ханной с младенчества.

То ли забыв, как действует на Ханну упоминание о Дэвиде, то ли упомянув о нем специально, Эммелин продолжала:

— Что я буду делать — совершенно одна в этом огромном пустом доме?

— Ты не останешься одна, — мягко ответила Ханна. — Па всегда будет с тобой.

— Ну и что? Ты же знаешь — ему нет до меня никакого дела.

— Па всегда есть дело до тебя, Эмми, — твердо сказала Ханна. — До всех нас.

Эммелин обернулась, и я прижалась к дверному косяку.

— Но я ему не нравлюсь, — объяснила она. — Как человек. Так, как нравишься ему ты.

Ханна открыла было рот, чтобы возразить, но Эммелин еще не закончила:

— Не притворяйся, будто не замечаешь. Я ведь вижу, как он на меня глядит, когда думает, что я не смотрю. С удивлением, как будто не может понять, кто я такая и зачем здесь оказалась. — Ее глаза заблестели, но она старалась не плакать. — Это потому что он винит меня в смерти мамы.

— Это неправда! — покраснев, запротестовала Ханна. — Что ты себе надумала? Никто не винит тебя в смерти мамы.

— А Па винит.

— Нет.

— Я слышала, как бабушка говорила леди Клем, что после смерти мамы Па уже не тот, что прежде.

Эммелин поднялась с пола, села рядом с Ханной и сжала ее руку.

— Не бросай меня, — твердо сказала она. — Пожалуйста.

И заплакала.

Сестры сидели рядом на кушетке, а последние слова Эммелин будто висели между ними в воздухе. Эммелин всхлипывала. Ханна, по обыкновению, упрямо сжала губы, но за жесткими скулами, за твердой линией рта таилось что-то еще. Что-то, чему я никак не могла подобрать названия.

А потом поняла. Теперь она стала старшей и унаследовала ту смутную, но безжалостную ответственность, которую дает это сомнительное положение.

Ханна повернулась к сестре и постаралась улыбнуться.

— Успокойся, — сказала она, поглаживая ее руку. — А то за обедом глаза будут красные.

Я снова взглянула на часы. Пятнадцать минут пятого. Мистер Гамильтон, наверное, уже закипает. Делать нечего...

Я шагнула в гостиную с голубым платьем в руках.

— Ваше платье, мисс.

Эммелин не ответила. Я притворилась, что не замечаю ее мокрых щек. Опустила глаза, расправила кружевную оборку.

— Надевай розовое, Эмми, — ласково посоветовала Ханна. — Оно идет тебе больше других.

Я вопросительно поглядела на Ханну. Та кивнула:

— Розовое.

— А вам какое, мисс?

Она выбрала то самое, атласное, о котором говорила Эммелин.

— Ты будешь в столовой вечером, Грейс? — спросила Ханна, пока я доставала из гардероба великолепное платье.

— Вряд ли, мисс. Теперь, когда Альфред демобилизовался, он помогает мистеру Гамильтону и Нэнси прислуживать за столом.

— Ах, да.

Ханна открыла книгу, снова закрыла ее, пробежала пальцами по корешку. И не очень уверенно спросила:

— Я все хотела узнать, Грейс. Как там Альфред?

— Хорошо, мисс. Он вернулся немного простуженным, но миссис Таунсенд вылечила его лимоном и ячменным отваром, и теперь все в порядке.

— Ханна не имела в виду его простуду, — неожиданно сказала Эммелин. — Она спрашивает, как у него с головой.

— С головой, мисс? — Я посмотрела на Ханну, которая едва заметно сдвинула брови.

— Ну да. — Эммелин повернулась ко мне, и я заметила красные круги

у нее под глазами. — Он так странно вел себя вчера, во время чая. Держал поднос со сладостями и вдруг как затрясется! — Эммелин расхохоталась, безрадостно и натужно. — У него руки дрожали, и я все ждала, когда он успокоится, чтобы взять лимонную тарталетку, но он, похоже, не мог. Поднос, конечно, перевернулся, и гора бисквитов посыпалась на мое лучшее платье! Сначала я страшно разозлилась — разве можно быть таким неаккуратным, платье, наверное, испорчено насовсем! — но потом, когда Альфред все стоял там с таким странным лицом, я просто-напросто перепугалась! Он как будто с ума сошел! — Эммелин пожала плечами. — Потом вдруг встряхнулся, пришел в себя и все убрал. Но ведь платье не вернешь! Ему просто повезло, что он вывалил сладости на меня. Па бы так просто его не отпустил. Если сегодня за обедом повторится то же самое, Альфреду не поздоровится. — Она поглядела на меня холодными голубыми глазами. — Тебе не кажется, что у него не все дома?

— Не знаю, мисс, — растерянно ответила я. О вчерашнем случае я услышала впервые. — То есть, не кажется, мисс. Я уверена, что Альфред здоров.

— Ну разумеется, — быстро вмешалась Ханна. — Просто случайность, ничего страшного. Трудно так сразу привыкнуть к мирной жизни после войны. А эти подносы такие тяжелые, особенно, когда миссис Таунсенд их перегружает. Наверное, спит и видит, как бы нас всех откормить. — Она улыбнулась, но за улыбкой все еще пряталась тревога.

— Наверное, мисс, — согласилась я.

Ханна кивнула, показывая, что тема закрыта.

— Ну, давайте одеваться — время сыграть послушных дочерей для американцев Па и забыть все это, как страшный сон.

ОБЕД

Спеша назад по коридору, я все прокручивала в голове рассказ Эммелин. Но как ни крути — вывод-то один. Что-то тут не так. Альфреда никогда нельзя было обвинить в неуклюжести. За все то время, что я работала в Ривертоне, он провинился всего пару раз. Однажды в спешке подал еду на подносе для напитков, а в другой раз споткнулся на лестнице, и то потому, что у него начинался грипп. Но тут дело другое. Перевернуть полный поднос? Даже представить невозможно.

И все-таки, так оно и было — какой Эммелин резон выдумывать? Нет, так и было, и Ханна, наверное, права: просто случайность. Может, ему солнце светило в глаза — оно как раз садилось — руки затряслись, поднос опрокинулся. От такого никто не застрахован, особенно человек, который, как совершенно верно заметила Ханна, долго был далеко от дома и отвык от своей работы.

Однако я и сама не могла поверить в это удобное и простое объяснение. Потому что уже собрала в памяти целую коллекцию странных происшествий. Нет, даже не происшествий, а так, случаев. Альфред злился на участливые расспросы о здоровье, на малейшие замечания, хмурился там, где раньше только рассмеялся бы. В нем постоянно тлело какое-то скрытое, внутреннее раздражение.

Будь я честнее с самой собой, я бы признала это еще в тот вечер, когда он вернулся. Мы решили отметить это событие: миссис Таунсенд приготовила праздничный ужин, а мистер Гамильтон испросил разрешения открыть бутылку вина. Стол в столовой для слуг накрывали со смехом, с шутками, расставляя посуду так, чтобы Альфреду это понравилось. Все были немножко пьяными от радости, а больше всех — я.

Когда настал назначенный час, мы все с трудом притворялись, что не волнуемся. Бросали друг на друга выжидающие взгляды и прислушивались. И вот, наконец, хруст гравия на дорожке, приглушенные голоса. Хлопнула дверь автомобиля, послышались шаги. Мистер Гамильтон встал, одернул куртку и занял пост у дверей. Мы все замерли, ожидая стука в дверь, и вот она отворилась, и мы бросились к Альфреду.

Ничего ужасного не произошло: он не сжался, не разозлился, не отстранил нас. Позволил мне принять у него шляпу и замялся в дверях, словно не решаясь войти. Попытался изобразить улыбку. Миссис Таунсенд крепко обняла его и перетащила через порог, будто свернутый в трубку

ковер. Усадила за стол — на почетное место, по правую руку от мистера Гамильтона, и мы все заговорили, перебивая друг друга, смеясь, восклицая и пересказывая события двух прошедших лет. Все, кроме Альфреда. Нет, он старался, как мог: отвечал на вопросы, кивал в нужных местах, даже пару раз выдавил из себя все ту же странную улыбку. Только все это, как чужак — один из бельгийских беженцев леди Вайолет, пытавшихся отвечать любезностью на любезность.

И это заметила не только я. У мистера Гамильтона удивленно подрагивала бровь, Нэнси настороженно хмурилась. Но мы не стали ничего обсуждать — до того дня, как мисс Старлинг не рассердила всех предположением, что Альфред болен. И тот вечер, и другие дни, когда я заметила за ним некоторые странности, дремали в моей голове, дожидаясь своего часа. Все будто пришли к безмолвному соглашению не замечать, что с Альфредом творится что-то не то. Времена изменились, и Альфред изменился, только и всего.

— Грейс! — воскликнул мистер Гамильтон, когда я спустилась с лестницы. — Уже половина пятого, а на столе ни одной карточки! Как, по-твоему, важные гости хозяина будут искать свои места?

Я подумала, что они вполне могут сесть там, где им понравится. Однако, не обладая независимостью Нэнси, сказала только:

— Не знаю, мистер Гамильтон.

— В том-то и дело, что не знаешь. — Он сунул мне в руки пачку карточек и план. — И еще, — добавил мистер Гамильтон, когда я повернулась, чтобы идти, — если встретишь Альфреда, будь добра, передай ему, чтобы он нашел наконец дорогу на кухню. Он до сих пор не принимался за кофе.

* * *

За отсутствием полноценной хозяйки обязанность рассадить гостей легла на плечи Ханны, которая вовсе не горела желанием этим заниматься. Она наскоро набросала план на листке разлинованной бумаги, неровно вырванном из блокнота.

Сами карточки отличались невероятной простотой: имена гостей — черным по белому — и герб Эшбери в левом верхнем углу. В них не было изысканности, отличавшей карточки вдовствующей леди Эшбери, но цели своей они служили вполне исправно и подходили к строгой сервировке

стола, так любимой мистером Фредериком. К огорчению мистера Гамильтона, хозяин распорядился подавать обед не в официальном стиле «а ля рюс», к которому мы привыкли, а «по-семейному», и даже собирался разрезать фазана самостоятельно. Миссис Таунсенд пришла в ужас, а набравшаяся в деревне новых идей Нэнси одобрила новшество, заметив, что такой стиль вполне подойдет для американских гостей.

Хоть меня никто и не спрашивал, я все-таки считала, что новый стол выглядит гораздо лучше. Без огромных блюд, переполненных фруктами и мясом, он смотрелся просто и изящно. Белая крахмальная скатерть, сверкающие бокалы и блестящие ряды вилок и ложек.

Я наклонилась поближе. На фужере мистера Фредерика красовался отпечаток жирного пальца. Я подышала на стекло и начала оттирать пятно уголком фартука.

И так погрузилась в работу, что вздрогнула, когда кто-то толкнул дверь в столовую.

— Альфред! — вскрикнула я. — Как ты меня напугал! Я чуть фужер не уронила.

— А зачем ты вообще его взяла? — с уже знакомой раздражительностью спросил Альфред. — Стекло — моя обязанность.

— Тут пятно, — объяснила я. — Ты же знаешь мистера Гамильтона. Он бы с тебя шкуру спустил, если б заметил. И на себя бы натянул. Представь, какое жуткое зрелище — мистер Гамильтон в шкуре!

Напрасно я решила пошутить. Смех Альфреда погиб где-то в окопах Франции, в ответ на мои слова он только поморщился.

— Я как раз собирался их протереть.

— А теперь уже не нужно.

— Зря ты это делаешь, — ровным голосом продолжал Альфред.

— Делаю... что?

— Проверяешь меня. Ходишь за мной, как тень.

— Да я не хожу. Я просто расставляла карточки и увидела пятно.

— Я уже сказал — я собирался вытереть его потом.

— Хорошо, — миролюбиво согласилась я, отставляя фужер. — Я не буду.

Альфред пробурчал что-то вроде благодарности и достал из кармана тряпку.

Я начала поправлять идеально лежавшие карточки, притворяясь, что не слежу за ним. Что не вижу, как он поднял плечи, словно защищаясь, умоляя оставить его в покое. У меня в голове звенел колокольчик добрых намерений. Может быть, если я заставлю Альфреда открыть мне душу,

выясню, что с ним творится, я смогу ему помочь? Кто, если не я? Ведь не приснилась мне то чувство, что возникло между нами во время войны? Конечно, не приснилось: он ведь сам говорил о нем в своих письмах! Я откашлялась и как можно мягче произнесла:

— Я знаю, что случилось с тобой вчера.

Альфред продолжал натирать фужер, словно ничего и не слышал.

— Я знаю, что случилось вчера. В гостиной, — чуть громче повторила я.

Он опустил тряпку. Застыл с фужером в руке. Мои слова повисли в воздухе, как туман, и я вдруг пожалела, что не смогла сдержаться.

— Маленькая мисс рассказывает сказки? — мертвенным голосом спросил Альфред.

— Нет...

— Держу пари, она от души посмеялась.

— Нет-нет, ты ошибаешься. Она просто волнуется за тебя, — быстро заговорила я. И, собравшись с духом, добавила: — И я волнуюсь.

Альфред зло поглядел на меня из-под упавшей на лоб челки. Вокруг рта залегли жесткие складки.

— Волнуешься?

Его странный, чужой голос насторожил меня, но мне так хотелось все объяснить, что я не могла остановиться.

— Просто это на тебя непохоже — уронить целый поднос... И потом: ты никому об этом не сказал... Может, ты испугался: мистер Гамильтон рассердится? Но он не рассердится, Альфред, я уверена. Каждый может ошибиться, даже на службе.

Альфред все смотрел на меня, и на секунду мне показалось, что он сейчас рассмеется. Но его лицо исказила злая усмешка.

— Глупая девчонка! Ты что, считаешь, я переживаю из-за пары упавших кексов?

— Альфред...

— Считаешь, я не знаю, что такое служба? Ты хоть помнишь, откуда я вернулся?

— Я вовсе не говорила, что...

— Просто подумала, да? Я же чувствую, как вы все на меня смотрите, шпионите за мной, ждете, когда я ошибусь! Так вот: можешь перестать следить и волноваться. Со мной все в порядке, слышишь? В полном!

От его злобного крика у меня защипало в глазах.

— Я просто хотела помочь... — прошептала я.

— Помочь? — неприятно засмеялся Альфред. — А с чего ты взяла, что

можешь мне помочь?

— Ну как же, Альфред... — осторожно напомнила я, гадая, что он имеет в виду. — Мы с тобой... ты и я... ты же сам писал... с войны...

— Забудь, что я писал.

— Альфред...

— Отвяжись от меня, Грейс, — ледяным голосом сказал Альфред, снова принимаясь за стаканы. — Я тебя ни о чем не просил. Мне не нужно никакой помощи. Иди отсюда, не мешай мне работать.

Я почувствовала, что краснею: от разочарования, от запоздалого запала ссоры, но больше всего — от смущения. Я взывала к чувству, которого не существовало. Господи, помилуй, ведь были минуты, когда я начинала мечтать о нашем с Альфредом общем будущем. Помолвка, свадьба, семья... И вдруг понять, что я так ошибалась...

Почти весь вечер я провела на кухне. Если миссис Таунсенд и удивило, с чего это я так внимательно слежу за тем, как она жарит фазана, у нее хватило ума не задавать вопросов. Я помогала разделявать птицу, вытаскивать кости и даже фаршировать. Все что угодно — лишь бы меня не отослали наверх, где я могу столкнуться с Альфредом.

Мне везло довольно долго — до тех пор, пока мистер Гамильтон не сунул мне в руки тяжелый поднос с коктейлями.

— Но мистер Гамильтон, — тоскливо запротестовала я, — я же помогаю миссис Таунсенд готовить!

Глаза мистера Гамильтона сверкнули за стеклами очков.

— А я велю тебе отнести коктейли, — немедленно подавил он предполагаемый мятеж.

— А разве Альфред не может...

— Альфред убирает в столовой. Поторопись, девочка. Не заставляй хозяев ждать.

В комнате было всего шесть человек, и все равно она казалась переполненной. Чересчур шумной, чересчур жаркой. Мистер Фредерик, стремясь угодить Лакстонам, настоял на дополнительном отоплении, и мистер Гамильтон блестяще справился с задачей, взяв напрокат две керосиновые плитки. В перегретом воздухе витал запах слишком резких женских духов, грозящий удушить присутствующих.

Мистер Фредерик в черном костюме смотрелся не хуже, чем когда-то майор, даже лучше — стройнее, и не такой чопорный. Он стоял подле бюро красного дерева и разговаривал с упитанным мужчиной, седые волосы которого венчиком стояли вокруг блестящей головы.

Толстяк рассматривал одну из фарфоровых ваз на буфете.

— Я видел такую на аукционе Сотбис, — сказал он со странным акцентом — выговор уроженца северной Англии плюс что-то еще. — Точно такую же. — Он наклонился поближе. — Между прочим, ушла за кругленькую сумму, старина.

— Надо же, — без всякого интереса отозвался мистер Фредерик. — А эту прапрадед привез с Востока. С тех пор и стоит.

— Слышала, Эстелла? — через всю комнату крикнул Саймион Лакстон своей рыхлой жене, сидевшей на диване между Ханной и Эммелин. — Фредерик говорит, эта вещь принадлежит его семье уже несколько поколений! Он использует ее вместо пресс-папье.

Эстелла Лакстон привычно улыбнулась мужу, и между ними проскочила искра того взаимопонимания, которое вырабатывается лишь долгими годами совместной жизни. Перехватив ее взгляд, я решила, что их брак имеет чисто практическую ценность. Обоюдная польза оказалась гораздо прочней страстной любви.

Обменявшись с мужем улыбками, Эстелла вернулась к разговору с Эммелин, в которой нашла родственную душу — любительницу красивой жизни. В том, что касается волос, Эстелла удачно дополняла мужа. В отличие от него, ее шевелюра цвета олова была уложена в гладкий объемный шиньон — типично американский. Он напомнил мне фотографию, которую пришил внизу мистер Гамильтон: нью-йоркский небоскреб в лесах — на редкость впечатляющий и ужасно некрасивый. Эстелла улыбнулась каким-то словам Эммелин, сверкнули ненатурально белые зубы.

Я прошла вдоль стены, поставила поднос с коктейлями на столик у окна и сделала привычный реверанс. Молодой мистер Лакстон сидел в кресле и вполуха слушал беседу Эммелин и Эстеллы, в восторженных тонах обсуждавших предстоящий сезон.

Теодор, а проще — Тедди, был красив той красотой, коей отличались все зажиточные мужчины тех дней. Приятная внешность плюс уверенность в себе создавали видимость ума и обаяния, прибавляли блеска в глазах.

Темные, почти черные — под цвет костюма с Савил-Роу^[12] — волосы и усы, делавшие его похожим на киноактера. «Как Дуглас Фэрбенкс», — подумала я и покраснела. Тедди улыбался широкой открытой улыбкой, сверкали белые, как у матери, зубы. Наверное, в американской воде есть что-то такое, решила я, отчего зубы становятся белыми, как жемчуг, который Ханна надела поверх золотой цепочки от медальона.

Со странным акцентом, непохожим ни на один из слышанных мной раньше, Эстелла начала рассказывать о последнем бале леди Белмонт, а

взгляд Тедди тем временем лениво блуждал по комнате. Заметив, что гость скучает, мистер Фредерик незаметно махнул Ханне, которая откашлялась и немного неестественно спросила:

— Надеюсь, ваша поездка была приятной?

— На редкость приятной, — с привычной улыбкой ответил Тедди. — Хотя боюсь, что родители считают по-другому. В моряки они не годятся. Их мучила морская болезнь с той самой минуты, как мы покинули Нью-Йорк, и до тех пор, пока мы не сошли в Бостоне.

Ханна сделала глоток коктейля и попыталась продолжить светскую беседу.

— И как долго вы пробудете в Англии?

— Что касается меня — боюсь, что недолго. На следующей неделе отправляюсь на континент. В Египет.

— Египет... — расширив глаза, повторила Ханна.

— Да, — засмеялся Тедди. — У меня там бизнес.

— Вы увидите пирамиды?

— В этот раз нет. Всего несколько дней в Каире и дальше — во Флоренцию.

— Отвратительное место, — громко сказал Саймион из второго кресла. — Полным-полно голубей и черномазых. Нет, мне подавай старую добрую Англию.

Мистер Гамильтон протянул руку к бокалу Саймиона, почти пустому, хотя совсем недавно его налили до краев. Я взяла бутылку.

Наполняя бокал, я почувствовала на себе пристальный взгляд гостя.

— Здесь столько удовольствий, которых больше нигде не найти. — Он слегка наклонился, и я почувствовала на бедре горячие пальцы. — Как ни ищи.

Я пыталась сохранить на лице спокойствие и не наливать напиток слишком быстро. Прошла целая вечность, прежде чем стакан наполнился и я смогла отступить в сторону. Отходя в угол, я заметила, как нахмурилась Ханна.

— Мой муж очень любит Англию, — ни к кому не обращаясь, произнесла Эстелла.

— Стрельба, охота, гольф, — подхватил Саймион. — Кто знает в них толк лучше британцев! — Он отхлебнул из стакана и снова откинулся на спинку кресла. — Но лучшая вещь на свете — английский склад ума. В Англии два вида людей. Одни рождены отдавать приказы, другие, — он взглянул на меня, — их исполнять.

Ханна нахмурилась еще сильнее.

— Тем самым поддерживается надлежащий порядок, — разливался Саймион. — А вот в Америке, к сожалению, все по-другому. Чистильщик башмаков на углу мечтает создать собственную компанию. Мало что может так разозлить человека, чем целая нация чернорабочих с чрезмерными... — он пожевал во рту неприятное слово и выплюнул его: —... амбициями.

— Надо же! — сказала Ханна. — Оказывается, кто-то осмеливается мечтать о большем, чем всю жизнь нюхать чужие башмаки!

— И это ужасно, — согласился Саймион, не уловив сарказма.

— А ведь должен был бы соображать, — звенящим голосом продолжала Ханна, — что только избранные могут позволить себе иметь амбиции.

Мистер Фредерик послал ей предостерегающий взгляд.

— И насколько меньше бы было проблем, — закивал Саймион. — Достаточно поглядеть на большевиков, чтобы понять, как опасны могут быть люди, заразившиеся всякими там идеями.

— А людям нельзя мечтать о большем? — не отступалась Ханна.

Лакстон-младший, он же Тедди, с улыбкой смотрел на нее.

— Почему же, папа очень любит говорить о самосовершенствовании, правда, папа? Он мне в детстве все уши прожужжал.

— Мой дед вытащил себя из шахты буквально за уши, — согласился Саймион. — А посмотрите-ка теперь на семью Лакстон!

— Невероятное превращение, — поддержала Ханна, — которое никому не позволено повторить, так, мистер Лакстон?

— Именно так, — сказал он. — Именно.

Мистер Фредерик, стремясь покинуть опасные воды, кашлянул, глядя в сторону мистера Гамильтона. Тот чуть заметно кивнул и наклонился к Ханне:

— Обед подан, мисс.

Он махнул мне, приказывая возвращаться на кухню. Я выскользнула за дверь и уже за спиной услышала голос Ханны:

— Позвольте пригласить вас в столовую.

* * *

За супом из зеленого горошка последовала рыба, за ней — фазаны, обед проходил на удивление гладко. Время от времени в кухне появлялась Нэнси с краткими отчетами о том, как идут дела. Даже запыхавшаяся

миссис Таунсенд выкраивала минутку-другую, чтобы послушать, как Ханна выступает в роли хозяйки. И кивала в ответ на слова Нэнси, что хотя мисс Ханна старается изо всех сил, манеры ее пока не так чарующи, как у бабушки.

— Конечно, нет. — Леди Вайолет каждым обедом руководила так, что любо-дорого посмотреть. Мисс Ханна тоже со временем станет хорошей хозяйкой. Может, и не такой, как бабушка, но тоже неплохой. У нее это в крови.

— Думаю, вы правы, — согласилась Нэнси.

— Конечно, права. Из девочки выйдет толк, как только она перестанет носиться со всеми этими... новомодными идеями.

— Какими еще идеями? — спросила я.

— Она всегда была умненькой, — вздохнула миссис Таунсенд. — Да еще книги эти — только на то и годятся, чтобы девушкам головы морочить.

— Так какими идеями?

— Ну ничего, замужество пойдет ей на пользу, — миссис Таунсенд по-прежнему обращалась к Нэнси. — Помяни мое слово.

— Несомненно, миссис Таунсенд.

— Что за идеи? — не отставала я.

— Некоторые девушки никак не сообразят, что им нужно, пока не найдут себе подходящего супруга, — продолжала миссис Таунсенд.

Тут я не выдержала.

— Мисс Ханна вовсе не собирается замуж! Я сама слышала. Она хочет повидать мир и пожить полной жизнью.

Нэнси вскрикнула, а миссис Таунсенд вытаращилась на меня.

— Ты что болтаешь-то, дурочка? — сказала она и пощупала мне лоб. — С ума, что ли, сошла? Глупости какие-то, прямо как Кэти. Понятное дело, мисс Ханна выйдет замуж. Об этом мечтает каждая девушка: выйти замуж как можно скорей и удачней. Тем более, это просто-напросто необходимо теперь, когда мастер Дэвид...

— Нэнси, — окликнул с лестницы мистер Гамильтон. — Где, наконец, шампанское?

— У меня, мистер Гамильтон! — Из кладовой появилась Кэти — широкая улыбка, под мышками неловко зажаты бутылки. — Все переругались, вот и пришлось мне за ним идти.

— Тогда шевелись быстрее, — велел мистер Гамильтон. — Гости хотят пить. — Он повернулся и уставился на нас. — Надо сказать, это непохоже на тебя, Нэнси, — забыть о своих обязанностях.

— Держите, мистер Гамильтон, — сказала Кэти.

— Иди наверх, Нэнси, — недовольно велел мистер Гамильтон. — Раз уж пришлось спуститься, я сам подам шампанское.

Нэнси обожгла меня злым взглядом и исчезла на лестнице.

— А вы, миссис Таунсенд? Задерживать Нэнси глупыми спорами сейчас, когда у нас каждая минута на счету! Могу я узнать, что за важная тема отвлекла вас от своих обязанностей?

— Ничего особенного, мистер Гамильтон, — ответила миссис Таунсенд, стараясь не глядеть на меня. — Мы вовсе не ругались, просто заговорились — Нэнси, Грейс и я.

— Они обсуждали мисс Ханну, — встряла Кэти. — Я сама слышала, как...

— Помолчи, Кэти, — приказал мистер Гамильтон.

— Так ведь я...

— Кэти! — рявкнула миссис Таунсенд. — Довольно разговоров. Отдай мистеру Гамильтону бутылки, чтобы он смог отнести их в столовую.

Кэти поставила шампанское на кухонный стол.

Мистер Гамильтон, вспомнив о долге, прекратил расспросы и начал открывать одну из бутылок. Несмотря на всю его опытность, пробка оказалась упрямой и отказывалась вылезать, пока наконец, в тот момент, когда он меньше всего этого ожидал, не раздалось громкое: чпок!

Пробка вылетела из бутылки, разнесла лампочку над столом на сотню осколков и приземлилась в кастрюлю с соусом.

— Кэти, дурья твоя голова! — вскрикнула миссис Таунсенд. — Ты же взболтала шампанское!

— Простите, миссис Таунсенд, — захихикала, как всегда в минуты волнения, Кэти. — Я просто старалась побыстрее, как мистер Гамильтон просил.

— Поспешешь — людей насмешишь, — наставительно сказал облитый шампанским мистер Гамильтон.

— Давайте я вас оботру, — миссис Таунсенд провела углом фартука по его мокрому носу.

— Миссис Таунсенд! — хихикнула Кэти. — Вы же ему все лицо мукой измазали!

— Кэти! — прикрикнул мистер Гамильтон, вытираясь носовым платком, неизвестно откуда появившимся в его руках. — Что за бестолковая девчонка! Столько лет тут работаешь и ни капли не поумнела. Иногда я понять не могу, за что мы вообще тебя держим...

* * *

Я услышала Альфреда раньше, чем увидела его.

За поучениями мистера Гамильтона, ворчаньем миссис Таунсенд и оправданиями Кэти я расслышала его частое дыхание.

Позже Альфред рассказывал, что спустился на кухню, чтобы посмотреть, почему так задержался мистер Гамильтон, и застыл у подножия лестницы — бледный и неподвижный, как памятник самому себе или бесплотный дух...

Когда мы встретились глазами, он опомнился, резко развернулся и исчез в коридоре. По каменному полу простучали его гулкие шаги, сильно хлопнула дверь на улицу.

Все замолчали. Мистер Гамильтон дернулся было за ним, но остановился, повинувшись, как обычно, лишь чувству долга. Последний раз протер лицо платком и повернулся к нам, стиснув губы в прямую линию.

— Грейс, — сказал он, видя, что я готова кинуться за Альфредом. — Надень чистый фартук. Тебя ждут наверху.

Войдя в гостиную, я заняла свое место между шифоньером и креслом эпохи Людовика XIV. Стоявшая напротив Нэнси вопросительно подняла брови. Не представляя, как описать все, что произошло внизу после ее ухода, я лишь слегка пожалала плечами и отвернулась. Где же сейчас Альфред, где его искать?

Уже подали фазанов, и вилки деликатно стучали по тонкому фарфору.

— Просто изумительно, — похвалила Эстелла. Я загляделась на ее профиль, на то, как двигается рот, прожевывая каждое слово, высасывая из него всю жизнь и силу, прежде чем выплюнуть большими, алыми губами. Я особо запомнила эти губы, потому что впервые видела накрашенную женщину. К большому горю Эммелин мистер Фредерик имел совершенно определенные взгляды на макияж и его любителей.

Эстелла проела дорожку в остатках застывающего фазана и отложила вилку. Промокнула красные губы льняной салфеткой, которую мне пришлось потом отстирывать, и улыбнулась мистеру Фредерику:

— Трудновато, наверное, было подать такой обед при нынешнем дефиците.

Нэнси удивленно вздернула бровь. Так откровенно отозваться об угощении — просто неслыханно! Столь странный комплимент, граничащий с невоспитанностью, можно было объяснить разве что сильным удивлением. Придется подумать, как лучше пересказать его

миссис Таунсенд.

Озадаченный не меньше нашего, мистер Фредерик разразился пространной похвалой кулинарным талантам миссис Таунсенд. Эстелла оглядывала комнату. Ее взгляд прошелся по изысканным карнизам под потолком, скользнул по резным плинтусам и, наконец, уперся в висящий на стене герб Эшбери. Все это время она упорно шевелила языком за щекой, сражаясь с упорной крошкой, застрявшей в сверкающих зубах.

Легкая светская беседа никогда не была коньком мистера Фредерика, и он почувствовал, что застрял на середине собственной речи, словно потерпевший на необитаемом острове. Выхода не было — разве что утопиться. Он беспомощно огляделся кругом, но Эстелла, Саймион, Тедди и Эммелин смотрели в разные стороны. К счастью, он нашел союзника в Ханне. Не дожидаясь, пока отец выпутается из бессвязного описания лепешек миссис Таунсенд, она спросила:

— Вы упоминали о своей дочери, миссис Лакстон. А она не приехала с вами?

— Нет, — Эстелла вздрогнула, как будто проснувшись. — Не приехала.

Саймион оторвался от фазана и пробубнил:

— Дебора нечасто нас сопровождает. У нее дома дела. Работа.

— Она работает? — воскликнула Ханна, на этот раз с неподдельным интересом.

— Да, в каком-то издательстве. — Саймион проглотил кусок фазана. — Понятия не имею, что она там делает.

— Дебора ведет раздел моды в журнале «Дамский стиль», — объяснила Эстелла. — Публикует по статье в месяц.

— Чушь какая-то. — Саймион вздрогнул всем телом, подавив отрывку. — Женские сплетни о платьях, туфлях и другой ерунде.

— Не скажи, папа, — с улыбкой сказал Тедди. — Колонка Деб пользуется большой популярностью. Она влияет на нью-йоркскую манеру одеваться.

— Бред! Вам повезло, что ваши дочери не забивают себе головы всяким вздором, Фредерик. — Саймион отодвинул измазанную соусом тарелку. — Работа! Английские девушки на этот счет как-то поспокойнее.

Повод был превосходный, и я затаила дыхание, гадая, не вырвется ли сию секунду на волю страсть Ханны к самостоятельной жизни. И надеюсь, что не вырвется. Что она вспомнит о мольбе Эммелин и останется в Ривертоне. Потому что после того, что случилось с Альфредом, я бы не вынесла еще и исчезновения Ханны.

Сестры Хартфорд обменялись взглядами, и прежде чем Ханна открыла рот, Эммелин сказала чистым, музыкальным голосом, которым юные леди тех времен обязаны были разговаривать в обществе:

— Что касается меня, я никогда не буду работать. Это вульгарно, правда, папа?

— Я скорее порвусь на части, чем увижу своих дочерей работающими, — как о чем-то само собой разумеющемся сказал мистер Фредерик.

Ханна стиснула зубы.

— Мое сердце тоже готово разорваться. Если бы только Дебора была похожа на тебя, — вздохнул Саймион, глядя на Эммелин.

Та улыбнулась, и ее лицо расцвело такой не по годам зрелой красотой, что смутилась даже я.

— Брось, Саймион, — вмешалась Эстелла. — Ты же знаешь, что Дебора не стала бы работать без твоего разрешения. — Она улыбнулась своей слишком широкой улыбкой. — Он никогда не мог ей отказать.

Саймион хмыкнул, но спорить не стал.

— Мама права, — поддержал Тедди. — Сейчас в высшем обществе Нью-Йорка даже модно иметь какую-нибудь работу. Дебора еще молода, не замужем. Время придет — остепенится.

— Всю жизнь предпочитал уму порядок, — отозвался Саймион. — Ладно, вам жить. Все им хочется, чтобы их считали умными. Это война виновата.

Тайком от всех, кроме меня, он заложил пальцы за пояс брюк и чуть оттянул его, давая место раздувшемуся брюшку.

— Единственная отрада — девочка зарабатывает неплохие деньги. — Заговорив на любимую тему, он тут же оживился. — Послушайте-ка, Фредерик, а что вы думаете о санкциях, которые наложили на бедную старушку Германию?

Потеряв интерес к разговору, Эммелин посмотрела на Ханну. Подняв подбородок, та спокойно прислушивалась к беседе, и я понадеялась, что она ни о чем не будет спрашивать. Возможно, фраза Эммелин охладила ее. А то, что я приняла за интерес, рассеялось, как туман на ветру.

— Немцев, конечно, жалко, — продолжал Саймион. — В них много хорошего. Прекрасные работники, а, Фредерик?

— Я не нанимаю на работу немцев.

— И в этом ваша первая ошибка. Более прилежного народа просто не найти. Скучные, согласен, но педантичные.

— Меня вполне устраивают местные рабочие.

— Ваш патриотизм заслуживает уважения, Фредерик. Но при чем же здесь бизнес?

— Немцы убили моего сына, — впившись пальцами в край стола, сказал мистер Фредерик.

Наступила тишина, атмосфера всеобщего добродушия мгновенно испарилась. Мистер Гамильтон знаками приказал нам с Нэнси уносить тарелки, чтобы отвлечь внимание. Мы обошли полстола, когда Тедди сказал:

— Примите наши глубокие соболезнования, лорд Эшбери. Мы слышали, что случилось с вашим сыном. С Дэвидом. Нет сомнений, он был настоящим мужчиной.

— Мальчиком.

— Что?

— Мой сын был мальчиком.

— Да, — поправился Тедди. — Отважным мальчиком.

Эстелла протянула пухлую руку и мягко положила ее на запястье мистера Фредерика:

— Не знаю, как вы пережили это, Фредерик. Не представляю, что бы было со мной, потеряй я своего сына. Каждый день благодарю Бога, что Тедди решил помогать фронту, оставшись дома. Он и его друзья-политики.

Она посмотрела на мужа, которому хватило вежливости изобразить хоть какое-то смущение.

— Теперь мы в долгу, — заметил он. — Молодые люди, включая и вашего Дэвида, принесли страшную жертву, и наш долг — добиться того, чтобы она не оказалась напрасной. Преуспеть в делах и вернуть нашей великой стране прежнюю славу

Бесцветные глаза мистера Фредерика остановились на Саймионе, и впервые я заметила в них искру отвращения.

— Наверное.

Я загрузила тарелки в кухонный лифт, потянула за веревку, чтобы отправить их вниз, и опустила в дыру голову, прислушиваясь, не звучит ли среди кухонного шума голос Альфреда. Надеюсь, что он вернулся. В шахте слышались звяканье вынимаемой посуды, нытье Кэти и ворчание миссис Таунсенд. Наконец, веревка дернулась — лифт поехал обратно, нагруженный фруктами, бланманже и соусом баттерскотч. [\[13\]](#)

— Бизнес в наши дни, — с чувством превосходства вещал Саймион, — это рост масштабов производства. Чем больше вы производите сегодня, тем больше вы сможете производить завтра.

Мистер Фредерик кивнул:

— У меня есть несколько прекрасных рабочих. Нет, на самом деле. Если мы обучим остальных...

— Пустая трата времени и денег. — Саймион хлопнул по столу ладонью так, что я подскочила и чуть не расплескала баттерскотч, который как раз наливала ему в тарелку. — Механизация! Вот за чем будущее.

— Конвейеры?

— Подгоним медлительных и затормозим быстрых, — подмигнул Саймион.

— Боюсь, я не продам столько, чтобы позволить себе конвейерное производство, — сказал мистер Фредерик. — Слишком мало людей в Британии могут позволить себе мои машины.

— Именно об этом я и говорю, — закивал Саймион. Его лицо пылало от ликера и энтузиазма. — Конвейерное производство снижает цены. Станете продавать больше.

— Конвейеры не снизят цены на детали, — напомнил мистер Фредерик.

— Используйте детали подешевле.

— Но я беру лучшие.

Мистер Лакстон зашелся в приступе хохота.

— Вот за это вы мне и нравитесь, Фредерик, — выговорил он наконец. — Вы — идеалист. Перфекционист, — последнее слово он выговорил с гордостью иностранца, осилившего трудное название. — Однако, — уже серьезно продолжал гость, облокачиваясь на стол и указывая на хозяина толстым пальцем, — вам надо решить, что именно вы хотите делать: машины или деньги?

— То есть как... — моргнул мистер Фредерик.

— По-моему, отец предлагает вам выбор, — раздался звучный голос Тедди. Все это время он с интересом следил за дискуссией и теперь решил осторожно вмешаться. — Дело в том, что для автомобилей есть два рынка сбыта. Либо те немногие, кто может позволить себе лучшее...

— Либо стремительно растущий средний класс, — закончил Саймион. — Ваш завод — вам решать. Но с точки зрения банкира... — Он откинулся, расстегнул смокинг и облегченно вздохнул. — Я бы не сомневался, на кого ставить.

— Средний класс... — повторил мистер Фредерик и слегка нахмурился, словно впервые задумавшись о том, что такие люди существуют на самом деле, а не только в рамках социальных теорий.

— Средний класс, — подтвердил Саймион. — Никем не охваченный, но множющийся день ото дня. Если мы не найдем способа отнять деньги у

них, они найдут способ отнять их у нас. — Он помотал головой. — Как будто с рабочими было мало проблем.

Фредерик посмотрел на него с недоумением.

— Профсоюзы, — рявкнул Лакстон, — могильщики бизнеса. Не успокоятся, пока не захватят все производство и не оставят людей вроде вас без работы.

— Не слишком ли мрачная картина? — с недоверчивой улыбкой заметил Тедди.

— Что вижу, о том и говорю, — парировал Саймион.

— А вы? — спросил Фредерик у Тедди. — Вы не видите в профсоюзах угрозы?

— Я думаю, с ними можно договориться.

— Бред, — Саймион посмаковал во рту глоток десертного вина, проглотил. — Тедди у нас — «умеренный».^[14]

— Папа, перестань. Я — тори.

— С дурацкими идеями в голове.

— Я просто предлагаю выслушать все стороны...

— Он поймет, — пообещал Саймион мистеру Фредерику. — Когда те, кого он пытается прикормить, пооткусывают ему пальцы.

Он отставил стакан и продолжил:

— Боюсь, Фредерик, вы не осознаете своей уязвимости. Особенно, в случае непредвиденных трудностей. Когда я разговаривал с Фордом — с Генри Фордом... — он почему-то не договорил и махнул мне, чтобы я поднесла пепельницу. — Скажем просто: в сложившихся обстоятельствах вам необходимо сделать из вашего завода прибыльное производство. И быстро. — Он сверкнул глазами. — Если у нас дела пойдут, как в России — а такое вполне возможно — только хорошая прибыль позволит вам сохранить нормальные отношения с вашим банкиром. Дружба дружбой, а деньги деньгами. — Он взял сигару из серебряного портсигара, предложенного ему мистером Гамильтоном. — Вы же хотите обезопасить себя, Фредерик? Себя и своих очаровательных дочерей. Кто же о них позаботится, если не вы? — Он улыбнулся Ханне и Эммелин и добавил, как бы между прочим: — Не говоря уже об этом великолепном доме. Когда, вы говорили, здесь поселилась ваша семья?

— Я не говорил, — возразил мистер Фредерик, и в голосе его послышался испуг, который он тут же постарался скрыть. — Триста лет назад.

— Ну надо же! — промурлыкала Эстелла. — Невероятно! Я обожаю историю Англии. Что ни семья, то старинный род. Я часто читаю про вас в

свободное время.

Саймион нетерпеливо запыхтел, ему не терпелось вернуться к делам. Эстелла, наученная долгими годами брака, намек поняла.

— Почему бы нам, девочкам, не перейти в гостиную, пока мужчины говорят о своем? — предложила она. — А вы расскажете мне все-все о роде Эшбери.

Ханна вовремя состроила вежливую мину, но я-то успела заметить досаду, мелькнувшую у нее на лице. Ее раздирали противоречия: хотелось остаться и послушать еще, но по правилам хозяйка должна была проводить женщин в гостиную и развлекать их там до прихода мужчин.

— Да, конечно, — ответила Ханна. — Хотя вряд ли мы сможем поведать вам больше, чем вы сами прочтете в «Дебретт».^[15]

Мужчины поднялись. Саймион взял под руку Ханну, а мистер Фредерик — Эстеллу. При взгляде на юную стройную фигурку гость не смог скрыть похотливого одобрения. Он прижался к запястью девушки влажными губами. К чести Ханны, она сумела скрыть отвращение. Выходя вслед за Эстеллой и Эммелин из комнаты, она случайно встретилась со мной глазами. И вдруг с нее мгновенно слетела вся взрослость, Ханна высунула язык и закатила глаза — так и вышла из комнаты.

Как только мужчины снова уселись и заговорили о делах, у меня за плечом вырос мистер Гамильтон.

— Иди, Грейс, — шепнул он. — Мы с Нэнси тут все уберем. А ты лучше найди Альфреда. Нельзя допустить, чтобы кто-то из гостей выглянул в окно и увидел, как слуга без дела бродит вокруг дома.

* * *

Я вышла на крыльцо черного хода и оглядела темный двор. Луна заливала все вокруг белым светом, серебрила траву и лепила странные фигуры из кустов вокруг беседки. Разбросанные там и сям розы, такие величавые днем, ночью превратились в стайку тощих, костлявых старых дев.

Наконец, на дальней лестнице я заметила темную фигуру, непохожую на куст или дерево.

Я собралась с духом и нырнула в ночь.

С каждым шагом ветер становился все резче и неприятней.

Я остановилась на верхней ступеньке, Альфред не подал виду, что

заметил меня.

— Меня послал мистер Гамильтон, — осторожно начала я. — Не думай, что я за тобой шпионю.

Нет ответа.

— Не молчи. Если не хочешь возвращаться, просто скажи, и я уйду.

Альфред молча смотрел на высокие деревья, растущие вдоль Долгой аллеи.

— Альфред! — Я охрипла от холода.

— Вы все видите во мне того же Альфреда, что когда-то ушел на войну, — тихо сказал он. — Люди узнают меня, значит, внешне я не изменился, но внутри я совсем-совсем другой, Грейси.

Я растерялась. Я-то готовилась к новой вспышке гнева, приказам оставить его в покое. Альфред почти шептал, мне пришлось наклониться, чтобы расслышать. У него задрожала нижняя губа — от холода?

— Я вижу их, Грейс. Днем еще ничего, а ночью я их вижу и слышу. В гостиной, кухне, на деревенской улице. Они окликают меня по имени. Я оборачиваюсь... никого... они все...

Я села. От ночного морозца ступени стали такими холодными, что тело, несмотря на юбку и теплое белье, начало неметь.

— Здесь очень холодно. Пойдем в дом, я сварю тебе какао.

Он будто не слышал, так и сидел, глядя в темноту.

— Альфред! — Я нащупала его теплую ладонь, накрыла своей.

— Не надо. — Он отшатнулся, будто от удара, и я снова сложила руки на коленях. Замерзшие щеки загорелись, как от пощечины.

— Не надо, — теперь уже прошептал Альфред.

Он зажмурился, и я заглянула ему в лицо, гадая, что же он видит по ту сторону закрытых век, почему так бешено мечутся под ними его зрачки.

Альфред снова повернулся ко мне, и я задохнулась. Конечно, все можно было списать на игру лунного света, только никогда раньше я не видела таких глаз. Темные, пустые, бездонные дыры. И эти-то невидящие глаза смотрели на меня, будто ждали чего-то. Ответа на вопрос, который так и не был задан. Очень медленно Альфред заговорил:

— Я думал, что раз уж я вернулся... — Обрывки фраз таяли в ночи. — Я так хотел с тобой встретиться... Врачи говорили: если буду все время занят...

У него в горле что-то захрипело и екнуло. Лицо перекосилось, смялось, как бумажный пакет, и Альфред расплакался. Прижал обе руки к лицу, тщетно пытаюсь отгородиться.

— Нет, нет... Не смотри... Прошу тебя, Грейси, пожалуйста... Я

просто трус, — прорыдал он сквозь стиснутые ладони.

— Ты не трус! — твердо возразила я.

— Почему я не могу просто выкинуть все это из головы? Пропади оно пропадом! — Альфред стукнул ладонями по вискам с такой яростью, что я вздрогнула.

— Альфред! Прекрати.

Я попыталась схватить его за руки, но он не дался. Снова прижал их к лицу. Я выжидала, глядя на его трясущиеся плечи и коря себя за нетерпеливость. В конце концов мне показалось, что Альфред немного успокоился.

— Расскажи мне, что ты видишь, — попросила я. Он молча повернулся ко мне, и на секунду я вдруг поглядела на себя его глазами. Между его и моим жизненным опытом — зияющая пропасть. Как объяснить, что он видит? Эти образы и звуки ни с кем не поделишь и никогда не забудешь. Они будут жить у него в голове, пока мало-помалу не заглохнут в дальних уголках памяти. Хотя бы на время.

И я не стала спрашивать. Я положила ладонь на затылок Альфреда и мягко привлекла его голову себе на плечо. И сидело тихо-тихо, пока его тело сотрясалось рядом с моим.

Так мы и сидели на лестнице. Вдвоем.

УДАЧНЫЙ БРАК

Ханна и Тедди поженились в первую субботу мая тысяча девятьсот девятнадцатого, в маленькой церкви Ривертон. Это было чудесное венчание. Лакстоны, разумеется, предпочли бы Лондон, где можно было собрать гораздо больше важных и полезных гостей, но мистер Фредерик оказался так настойчив и в последнее время претерпел столько горя, что никто не сумел ему отказать. Так и вышло, что Ханна стала женой Тедди в маленькой церкви, в долине, где задолго до нее женились и выходили замуж все ее предки.

Шел дождь: к детям — уверяла миссис Таунсенд; плачут бывшие возлюбленные — шептала Нэнси — и на свадебных фотографиях распустились черные зонты. Позже, когда Ханна и Тедди жили на Гроувенор-сквер,^[16] одна фотография висела на стене в гостиной. Шестеро в ряд: Ханна и Тедди — посередине, Саймион и Эстелла — у них по бокам, а по краям — мистер Фредерик и Эммелин.

Конечно же, ты удивлен. Как такое могло случиться? Ведь Ханна твердо решила не выходить замуж и строила совсем другие планы. И Тедди: добрый, заботливый, но отнюдь не роковой мужчина, способный вскружить голову такой девушке, как она...

А на самом деле все было очень и очень просто. Как оно обычно и бывает в жизни. Скажем, звезды сошлись так, а не иначе. Разве что, кое-кто немного их подтолкнул...

* * *

На следующий после обеда день Лакстоны уехали в Лондон. Их требовали к себе неотложные дела, и мы решили — если вообще об этом подумали — что видим их в последний раз.

Тем более что на нас надвигалось следующее великое событие. На будущей неделе Ривертон ожидало нашествие целого табуна неукротимых леди, готовых выполнить свой нелегкий долг — ввести Ханну в общество. Январь — нелегкая пора, разгар сельских балов, и если вовремя не подсуетиться и не назначить дату, ее могут перехватить другие, более проворные соседи, о чем и подумать страшно. Поэтому день — 20 января, был выбран заблаговременно и приглашения разосланы задолго до

торжественного события.

Вскоре после Нового года я подавала чай леди Клементине и вдовствующей леди Эшбери. Они сидели в гостиной на кушетке, склонившись над раскрытыми ежедневниками.

— Пятьдесят — то, что надо, — говорила леди Вайолет. — Ничего не может быть хуже полупустого зала.

— Только переполненный, — с отвращением заметила леди Клементина. — Хотя в наши дни до этого очень далеко.

Леди Вайолет изучила список гостей и недовольно скривила губы.

— Дорогая моя, а что нам делать с дефицитом?

— Миссис Таунсенд наверняка что-нибудь придумает. Выкрутится, как обычно.

— Я не о еде, Клем. Я о мужчинах. Где мы раздобудем мужчин?

Леди Клементина тоже наклонилась к списку гостей и недовольно покачала головой.

— Это просто преступление. Страшная беда. Молодое племя Англии гниет бог знает где на французских полях, а барышни тем временем превращаются в усохших старых дев, не найдя не то что мужа, а даже партнера для танцев. Это план такой, я тебе точно говорю. Немецкий план. — Леди Клементина лихорадочно вытаращила глаза. — Извести на корню цвет английского общества!

— Но ты же придумашь, кого нам пригласить, Клем? Ты всегда прекрасно подбирала пары.

— Я еле-еле отыскала того дурака для Фэнни, — почесывая припудренные подбородки, призналась леди Клементина. — Все-таки как жаль, что Фредерик так и не проявил к ней ни малейшего внимания. Насколько все было бы проще! А вместо этого пришлось довольствоваться чуть ли не первым встречным.

— Моей внучке первый встречный не подойдет, — заявила леди Вайолет. — От этого брака зависит будущее нашей семьи. — Она страдальчески вздохнула и закашлялась, сотрясаясь высохшим телом.

— У Ханны все сложится гораздо лучше, чем у глупышки Фэнни, — уверенно изрекла леди Клементина. — В отличие от моей воспитанницы, твоя внучка наделена умом, красотой и изяществом.

— И ни малейшего желания все это использовать. Фредерик решительно избаловал детей. Сплошная свобода и никакого порядка. Особенно Ханну. У девчонки голова забита возмутительными мыслями о независимости.

— Независимость... — с отвращением повторила леди Клементина.

— Она совершенно не собирается замуж. Морочила мне голову еще в Лондоне.

— Невероятно.

— Глядела прямо в глаза и с вопиющим спокойствием сообщала, что ее не стоит вводить в высшее общество.

— Какая дерзость!

— Что незачем устраивать для нее бал, потому что она не собирается вращаться в свете, даже когда вырастет. Что она находит его... — леди Вайолет страдальчески прикрыла глаза. — Находит его скучным и бестолковым.

— Не может быть! — простонала леди Клементина.

— К несчастью, может.

— И как же она собирается жить? Останется в отцовском доме и превратится в старую деву?

Обе леди и представить не могли, что в жизни можно заниматься чем-то еще. Леди Вайолет грустно покачивала головой, плечи ее поникли.

Леди Клементина решила взбодрить подругу и похлопала ее по руке:

— Ну-ну, Вайолет, дорогая. Твоя замечательная внучка еще слишком молода. У нее впереди много времени, наверняка передумает. — Она склонила голову к плечу. — Помнится, в ее возрасте, ты тоже толковала о свободе. Ханна перерастет свои глупые идеи, как ты переросла свои.

— Да уж придется, — жестко сказала леди Вайолет.

— В конце концов, ей вовсе не обязательно выходить замуж прямо сейчас... — Леди Клементина прищурилась. — Или обязательно?

Леди Вайолет только вздохнула.

— Обязательно! — воскликнула леди Клементина.

— Все дело во Фредерике. И его ужасных автомобилях. Мне вчера пришло письмо из банка. Он опять пропустил платеж.

— А ты только сейчас узнала? — жадно допытывалась леди Клементина. — О Боже, Боже!

— Наверное, он не хотел мне говорить. Он ведь знает, как я расстраиваюсь. Фредерик принес в жертву своему заводу все наше будущее. Даже продал имение в Йоркшире, чтобы расплатиться с долгами.

Леди Клементина сочувственно поддакивала.

— Нет бы лучше продать этот самый завод. И ведь были предложения!

— Давно?

— К сожалению, да, — вздохнула леди Вайолет. — Фредерик — прекрасный сын, но никудышный делец. Теперь, как я поняла, он надеется получить заем от какого-то синдиката, в который входит мистер Лакстон.

От провала к провалу, Клем, и это при его-то положении в обществе! — Она прижала к вискам кончики пальцев. — И я не могу его винить. Титул не для него. Если бы только Джонатан был жив! — привычно всхлипнула она.

— Ну будет, будет. Фредерик наверняка пойдет в гору. Сейчас на автомобиле очень большой спрос. Ими обзаводятся все, кто ни попадя. Недавно я переходила дорогу неподалеку от Кесингтон-плейс, так меня чуть не сбили!

— Клем! Ты сильно пострадала?

— В этот раз нет. Но в следующий все наверняка будет гораздо хуже, — как о чем-то само собой разумеющемся известила леди Клем. — Ужасная смерть, уверяю тебя. Я расспросила доктора Кармайкла о всех возможных травмах.

— Кошмар, — покачала головой леди Клем. — Я бы не переживала так сильно из-за Ханны, если бы Фредерик мог жениться еще раз, — вздохнула она.

— А это реально?

— Вряд ли. Ты же знаешь, он даже думать не хочет о повторной женитьбе. По правде говоря, он и к первой-то не стремился. Слишком занят был... — леди Вайолет глянула на меня, и я притворилась, что поправляю скатерть, — ... всякими глупостями. — Она поджала губы. — Нет. Больше у него сыновей не будет, нечего и надеяться.

— Что возвращает нас к Ханне, — заключила леди Клементина.

— Да, — разглаживая атласное платье, подтвердила леди Вайолет. — Извини, Клем. Это все простуда, от нее и уныние. Не хочется думать о плохом, однако в последнее время... Я не суеверна, ты знаешь, и все-таки — странное предчувствие... Ты будешь смеяться: я не могу отделаться от мысли, что грядет катастрофа.

— Да? — почуяв любимую тему, оживилась леди Клементина.

— Никаких серьезных причин. Одни ощущения. — Леди Вайолет поплотнее завернулась в шаль, и я в который раз заметила, как она исхудала. — Как бы там ни было, я не собираюсь сидеть сложа руки и смотреть, как рушится моя семья. Я выдам Ханну замуж — и выдам удачно — даже если потрачу на это последние силы. И мне надо успеть до того, как я отвезу Джемайму в Америку.

— В Нью-Йорк? Я и забыла, что вы уезжаете. Хорошо, что брат Джемаймы ее пригласил.

— Да, хотя я буду скучать. Маленькая Гита так похожа на Джонатана!

— Никогда не любила младенцев, — поморщилась леди

Клементина. — Сплошной писк да пеленки. — Она передернулась так, что вздрогнули второй и третий подбородки, разгладила страницу ежедневника и постучала по ней ручкой. — Значит, сколько нам остается на то, чтобы найти приличного мужа?

— Месяц. Мы отплываем четвертого февраля.

Леди Клементина записала число и вдруг выпрямилась, пораженная какой-то мыслью.

— О! Вайолет! У меня, кажется, идея! Ты говоришь, Ханна рвется к независимости?

Последнее слово заставило веки леди Вайолет затрепетать. — Да.

— Значит, если кто-нибудь подтолкнет ее в нужном направлении... Представит замужество, как путь к самостоятельности...

— Ханна упряма, вся в отца. Даже слушать не станет.

— Нас с тобой не станет, конечно. Но я знаю кое-кого... — Леди Клементина поджала губы. — Да. После хорошей тренировки с этим справится даже она.

* * *

Через несколько дней, успешно спровадив мужа на экскурсию по гаражу мистера Фредерика, Фэнни присоединилась к Ханне и Эммелин в бургундской комнате. Эммелин, вся в ожидании предстоящего бала, уговорила ее попрактиковаться в танцах. Граммофон заиграл вальс, и две девушки закружились по комнате на счет «раз-два-три», смеясь и поддразнивая друг друга. Мне приходилось уворачиваться от них, чтобы вытереть пыль.

Ханна сидела за письменным столом и что-то царапала в блокноте, не обращая внимания на суматоху. Со дня обеда с Лакстонами, где окончательно подтвердилось, что отец ни в коем случае не позволит ей работать, она как будто ушла в себя. Вокруг бурлила суэта, все готовились к балу, а Ханны это словно и не касалось.

Промаявшись неделю без всякой цели, она неожиданно ударилась в другую крайность. Вернулась к занятиям стенографией, переписывая любую книгу, что попадалась ей под руку, и торопливо пряча блокнот при приближении кого-нибудь из домочадцев. Через несколько дней такая лихорадочная активность обыкновенно сменялась полной апатией. Ханна отбрасывала ручку, отодвигала книги и безучастно сидела на месте, ожидая

обеда, письма или хотя бы необходимости переодеться.

Однако мысли ее в это время крутились без остановки. Ханна пыталась решить головоломку собственной жизни. Она так жаждала самостоятельности, но оставалась узницей — любимой, обласканной — и все-таки узницей. Независимость требует денег. У отца их не было, и заработать свои он ей тоже не позволял.

Почему она не восстала? Не сбежала из дома, не прибилась к бродячему цирку? Все очень просто — в то время жизнь шла по правилам, и большинство людей их соблюдало. Через десять лет — даже через два года — все переменялось. Традиции затрещали по всем швам. Но в тот момент Ханна оказалась в ловушке. Как андерсеновский соловей, сидела она в золотой клетке, слишком несчастная, чтобы петь, накрытая облаком тоски — пока ее не подхватывала очередная волна лихорадочной энергии.

В то утро в бургундской гостиной Ханна как раз переживала период активности. Сидела за столом, спиной к Эммелин и Фэнни, стенографировала «Британскую энциклопедию» и так погрузилась в работу, что даже не обернулась, когда Фэнни вскрикнула:

— Ай! Слониха!

Эммелин, задыхаясь от смеха, свалилась на кушетку, а Фэнни рухнула в кресло. Сбросила туфли и начала рассматривать пострадавший палец.

— Теперь распухнет, — недовольно сказала она.

Эммелин заливалась хохотом.

— Я ни в одни туфли не влезу! А скоро бал! — негодовала Фэнни.

Каждая жалоба вызывала у Эммелин новый взрыв смеха.

— Эммелин! — возмущенно заявила Фэнни. — Ты отдала мне палец! Могла бы хоть извиниться!

Эммелин попыталась взять себя в руки.

— Ладно... извини... — выдавила она. Закусила губу, но смех опять прорвался наружу. — Ну я же не виновата, что ты все время ставишь ноги куда попало. Если б они еще не были такими большими... — и она опять расхохоталась.

— Между прочим, — дрожащими от обиды губами вымолвила Фэнни, — мистер Койлер из «Харродз» сказал, что у меня изящная ножка.

— Конечно. Потому что на твоих туфлях он зарабатывает вдвое больше, чем на обуви для других дам.

— Ах ты неблагодарная маленькая...

— Брось, Фэнни, — все еще всхлипывая от смеха, сказала Эммелин. — Это же шутка! Конечно мне жаль, что я наступила тебе на ногу.

Фэнни только фыркнула.

— Давай еще повальсируем. Обещаю быть повнимательней.

— Верится с трудом, — недовольно ответила Фэнни. — Нет, мне надо побережь палец. Не удивлюсь, если он сломан.

— Быть не может. Я просто слегка на него наступила. Дай посмотрю.

Фэнни подогнула под себя ногу, спрятав ее от Эммелин.

— Ты уже сделала все, что могла.

Эммелин побарабанила пальцами по спинке кресла.

— А с кем же я отрепетирую танец?

— Не волнуйся. Двоюродный дедушка Бернард совсем слепой, а троюродный кузен Джереми не интересуется ничем, кроме разговоров о войне.

— Я вовсе не собираюсь танцевать с дедушками!

— А у тебя выбора не будет.

— Посмотрим, — высокомерно пообещала Эммелин. Фэнни сдвинула брови.

— Что ты имеешь в виду?

— Бабушка уговорила Па пригласить Лакстонов, — широко улыбнулась Эммелин.

— Теодор Лакстон приезжает? — вскрикнула Фэнни.

— Правда, здорово? — Эммелин схватила Фэнни за руки. — Па считал, что неудобно приглашать на первый бал Ханны деловых партнеров, но бабушка настояла.

— Господи! — воскликнула покрасневшая от волнения Фэнни. — Как интересно! Наконец-то хоть какое-то разнообразие. Надо же — Теодор Лакстон!

— Теперь понимаешь, почему мне надо научиться танцевать?

— Не надо было наступать мне на ногу!

— Ну почему, почему нам не разрешили брать уроки в школе танцев? Никто не станет со мной вальсировать, если я не буду знать нужных па.

Фэнни подозрительно сладко улыбнулась.

— Конечно, ты не очень хорошо танцуешь, Эммелин. Но не стоит переживать. У тебя не будет недостатка в партнерах.

— Да? — переспросила Эммелин с видом человека, привыкшего к комплиентам.

Фэнни потеряла палец под чулком.

— Все приглашенные на бал джентльмены обязаны танцевать с дочерьми хозяина. Даже со слонихами.

Эммелин надулась.

— Я помню свой первый бал, как будто это было вчера, — с ностальгией пожилой женщины продолжила довольная своей маленькой победой Фэнни.

— Думаю, при твоих красоте и грации, — отозвалась, закатив глаза Эммелин, — молодые люди выстраивались в очередь, чтобы потанцевать с тобой.

— Наоборот. Я никогда не видела столько стариков, стремящихся побыстрее отдавить мне пальцы, вернуться к своим пожилым женам и заснуть. Такое разочарование! А молодые люди все были на войне. К счастью, Годфри не взяли на фронт из-за бронхита, а то мы никогда бы не встретились.

— Вы полюбили друг друга с первого взгляда?

Фэнни сморщила нос.

— Конечно же нет! Годфри чувствовал себя ужасно и большую часть вечера провел в уборной. Мы станцевали только раз. Кадриль. С каждым па он все больше зеленел и наконец куда-то испарился. Я тогда страшно разозлилась. Мне было ужасно неловко. Потом мы не виделись несколько месяцев. А поженились только через год. — Фэнни вздохнула. — Самый длинный год в моей жизни.

— Почему?

Фэнни задумалась.

— Я отчего-то решила, что после первого бала моя жизнь изменится.

— И что, изменилась?

— Да, но совсем не так, как я ожидала. Это было просто ужасно. Официально я считалась взрослой, но не могла ни ходить, куда хочу, ни делать, что хочу, без того, чтобы леди Клем или другая старая зануда не сунула нос в мои дела. День, когда Годфри сделал мне предложение, стал счастливейшим в моей жизни. Бог услышал мои молитвы.

Эммелин, не в силах представить, что Годфри Викерс — толстый, лысый и неопрятный — может быть ответом на чьи-то молитвы, сморщила нос.

— Серьезно?

Фэнни настойчиво глядела Ханне в спину.

— Когда ты замужем, люди относятся к тебе по-другому. Стоит мне только представиться: «миссис Викерс», и все понимают, что перед ними не сопливая девчонка, а солидная дама.

Ханна продолжала яростно стенографировать.

— Я рассказывала тебе про медовый месяц? — снова обратив внимание на Эммелин, спросила Фэнни.

— Всего лишь тысячу раз.

Ее сарказм не остановил Фэнни.

— Флоренция — самый романтический иностранный город, который я когда-либо видела.

— Флоренция — единственный иностранный город, который ты когда-либо видела.

— Каждый вечер после ужина мы с Годфри прогуливались вдоль реки Арно. В маленьком ювелирном магазинчике на Понте Веккио он купил мне дивное ожерелье. В Италии я почувствовала себя другим человеком. Переродилась. Однажды мы поднялись на смотровую площадку форта Бельведер и оглядели оттуда всю Тоскану. Я даже всплакнула — так это было красиво. А картинные галереи! Их столько, что за один приезд никак не обойти. Годфри обещал свозить меня туда еще раз, как только сможет. — Фэнни быстро взглянула на Ханну, которая не отрывалась от своих записей. — А каких людей встречаешь во время путешествия! На корабле мы познакомились с человеком, который направлялся в Каир. Никогда не угадаете, зачем. Искать зарытые сокровища! Я даже не сразу ему поверила. Оказалось, древние украшали своих мертвецов, прежде чем похоронить. Я даже не знаю, зачем. Столько драгоценностей пропадало зря... Доктор Хэмфрис сказал — что-то связанное с религией. Он рассказал нам столько интересного и даже приглашал на раскопки, если нам случится попасть в те края. — Ханна перестала писать. Фэнни подавила торжествующую улыбку. — Годфри, правда, заподозрил, что этот тип морочил нам голову, но слушать его было крайне интересно.

— А он был симпатичный? — спросила Эммелин.

— О да! — оживилась Фэнни. — Он... — и замолчала, вспомнив о своей задаче. Неохотно вернулась к задуманному сценарию. — За два месяца брака я получила больше впечатлений, чем за всю предыдущую жизнь. — Она осторожно, из-под ресниц, поглядела на Ханну и выкинула козырную карту. — Что интересно: пока я не вышла замуж, я считала, что, приобретая супруга, девушка теряет себя. Оказалось — совсем наоборот. Я никогда не чувствовала себя такой... самостоятельной. К замужней женщине относятся совсем по-другому. Никто не возражает, если я хочу пойти прогуляться. Наоборот, меня еще просят приглядывать за тобой или Ханной, пока вы не выйдете замуж. Вам повезло, что рядом с вами я, а не какая-нибудь кислая тетушка, — закончила она.

Эммелин закатила глаза. Фэнни не заметила. Она смотрела на Ханну — та уже давно отложила ручку и блокнот.

Глаза Фэнни блеснули от удовольствия. Она осторожно натянула

туфлю на пострадавшую ногу.

— Ну ладно, с вами хорошо, но пора и честь знать. Муж скоро вернется с прогулки, и мне уже не терпится поговорить с кем-нибудь... повзрослее.

Она покровительственно улыбнулась, вскинула голову и вышла из комнаты. Впечатление, правда, чуть портила легкая хромота.

Эммелин завела новую пластинку и уже в одиночку закружилась в вальсе. Ханна все сидела за столом и глядела в окно на бескрайние поля. Вытирая подоконник, я посмотрела на размытое отражение в стекле и поняла, что она о чем-то глубоко задумалась.

* * *

На следующей неделе прибыли гости. По традиции хозяева должны были организовать для них всевозможные развлечения. Одни гуляли по имению, другие играли в бридж в библиотеке, а третьи, самые энергичные, даже фехтовали в гимнастическом зале.

Леди Вайолет так устала, устраивая бал, что ее здоровье пошатнулось, и ей пришлось вернуться в постель. Зато леди Клементина, казалась, успевала сразу везде. Привлеченная звоном и блеском шпаг, она посиживала даже в зале, в черном кожаном кресле, наблюдая за фехтующими. Однажды, подавая чай, я застала ее там за приятной беседой с Саймионом Лакстоном.

— Ваш сын прекрасно фехтует, — заметила леди Клементина, указывая на одного из людей в масках. — Для американца.

— Возможно, он говорит с акцентом, однако уверяю вас, леди Клементина, в душе он истинный англичанин.

— В самом деле?

— И фехтует он, как англичанин, — хвастливо сказал Саймион. — С обманчивой простотой. Именно так он и победит на выборах.

— Я слышала, что его выдвинули в кандидаты. Вы, наверное, очень гордитесь.

Саймион раздулся еще больше обычного.

— Моего сына ждет блестящее будущее.

— Наверняка. Он олицетворяет собой все то, что мы, консерваторы, хотим видеть в члене парламента. На последнем чаепитии женщин-консерваторов мы обсуждали досадную нехватку серьезных,

положительных мужчин, готовых претворить в жизнь планы Ллойд Джорджа. — Она одобрительно посмотрела на Тедди. — Ваш сын именно то, что нужно, и я бы его с удовольствием поддержала. — Леди Клементина глотнула чаю. — Разве что с женой проблемы...

— Никаких проблем, — отмахнулся Саймион. — Тедди не женат.

— Вот именно, мой дорогой мистер Лакстон, вот именно.

Саймион нахмурился.

— Не все леди придерживаются столь свободных взглядов, как я. Им кажется, у холостяков слишком много слабостей. А в Англии всегда дорожили семейными ценностями. Мужчина средних лет, неженатый... дамы примутся сплетничать.

— Он просто не встретил подходящей девушки.

— Разумеется, мистер Лакстон. И мы с вами прекрасно об этом знаем. А вот остальные леди... Представьте: они посмотрят на вашего сына, увидят красивого мужчину, обладающего массой достоинств, но по какой-то причине до сих пор неженатого. Мы не можем обвинять их, если они начнут гадать — почему. Предположат, к примеру, что Тедди вообще не интересуется женщинами...

Саймион возмущенно покраснел.

— Мой сын вовсе не... Никого из Лакстонов в жизни не обвиняли в...

— Конечно, нет, мистер Лакстон, — терпеливо согласилась леди Клементина. — Сама я даже не предполагаю ничего подобного. Но другие дамы... Им хочется твердо знать, что мужчина есть мужчина. А не... эстет, — леди Клементина тонко улыбнулась и поправила очки. — В любом случае, все не так страшно, у нас впереди много времени. Тедди еще молод. Сколько ему, двадцать... пять?

— Тридцать один.

— О! Значит, не так уж и молод. Ну не важно.

Леди Клементина прекрасно умела держать паузу. Она снова засмотрелась на поединок.

— Уверяю вас, леди Клементина, с Тедди все в порядке. Он пользуется большим успехом у женщин. И, придет время, обязательно выберет себе невесту.

— Рада слышать, мистер Лакстон, — не отрывая взгляда от фехтующих, кивнула леди Клементина. — Я просто надеюсь, что это время придет как можно раньше, для его же собственного блага. И что невесту он выберет правильно.

Саймион удивленно вздернул брови.

— Мы, англичане, — большие традиционалисты. Ваш сын обладает

массой достоинств, но кое-кто, особенно из партии консерваторов, может решить, что он излишне современен. Надеюсь, Теодор найдет жену, которая внесет в их брак чуточку больше, чем свои честь и достоинство.

— Что же может быть важнее достоинств невесты, леди Клементина?

— Ее имя, ее семья, ее родословная. — Леди Клементина глядела, как противник Тедди наносит удар и выигрывает бой. — Возможно, в остальном мире этому уже не придают большого значения, но тут, в Англии, такие вещи по-прежнему в цене.

— Вкупе с непорочностью невесты, я надеюсь, — сказал Саймион.

— Безусловно.

— И почтительностью.

— Несомненно, — без особой убежденности подтвердила леди Клементина.

— Моему сыну не годятся все эти современные дамочки, — облизнув губы, сообщил Саймион. — Мы, Лакстоны, любим таких, которые понимают, кто в доме хозяин.

— Разумеется, мистер Лакстон.

Саймион захлопал противникам.

— Если бы только знать, где найти подходящую девушку.

— А вам не кажется, мистер Лакстон, — не глядя на собеседника, отозвалась леди Клементина, — что иногда люди ищут сокровище, которое лежит прямо у них под носом?

— Кажется, леди Клементина, — не разжимая рта, улыбнулся Саймион. — Еще как кажется.

* * *

В ту пятницу я не прислуживала за обедом и потому больше не сталкивалась с Тедди и его отцом. Нэнси доложила, что поздно ночью они бурно обсуждали что-то на втором этаже, но о чем говорили — кто его знает. Утром в субботу, когда я вошла в гостиную подтопить камин, Тедди уже сидел на диване в своем обычном жизнерадостном расположении духа.

Читал утреннюю газету и с веселым изумлением наблюдал за тем, как леди Клементина возмущается цветами. Они только что прибыли из Брэйнтри — восхитительные свежие розы. Одна беда — леди Клементина заказала георгины. Легко представить себе ее настроение.

— А ну-ка, — сказала она при виде меня, — найди-ка мне мисс

Хартфорд. Она обязана посмотреть на это безобразие.

— Мне кажется, мисс Хартфорд собиралась покататься на лошади, леди Клементина.

— Даже если она собиралась принять участие в скачках на кубок «Гранд нэшнл», меня это не волнует. Ей необходимо взглянуть на цветы.

И пока остальные дамы вкушали завтрак в постелях, не спеша стряхивая остатки ночного сна, Ханне пришлось срочно явиться в гостиную. Полчаса назад я самолично помогла ей одеться в костюм для верховой езды, и теперь она напоминала загнанную лису в отчаянных поисках выхода. Леди Клементина бушевала, а Ханна, равнодушная к проблеме роз и георгинов, только кивала да бросала тоскливые взгляды на судовые часы.

— И что же нам делать? — спросила наконец леди Клементина. — Заказывать новые уже некогда.

Ханна вовремя перевела на нее глаза и глубокомысленно поджала губы.

— Думаю, придется обойтись тем, что есть, — с притворным смирением ответила она.

— А ты — ты это вытерпишь?

— Если должна — значит, вытерплю, — изобразила покорность судьбе Ханна. Выждала для приличия несколько секунд и радостно продолжила:

— Ну, если с этим — все...

— Пойдем наверх, — перебила ее леди Клементина. — Я покажу тебе, как ужасно они выглядят в бальном зале. Ты просто не поверишь...

Леди Клементина снова пустилась ругать цветы, а Ханна сникла прямо на глазах. Одна только мысль о дальнейших дебатах привела ее в ужас.

Сидящий на диване Тедди осторожно покашлял и отложил газету на стол.

— Сегодня такой прекрасный зимний день, — сказал он, ни к кому не обращаясь. — Хорошо было бы прокатиться. Поглядеть имение.

Леди Клементина почуяла добычу.

— Прогулка верхом? — оживилась она. — Что за прекрасная мысль, мистер Лакстон! Не правда ли, Ханна?

Ханна удивленно подняла глаза, Тедди заговорщически ей улыбнулся:

— Я буду рад, если вы ко мне присоединитесь.

Не дав Ханне времени на раздумья, леди Клементина быстро ответила:

— Что ж... замечательно. Мы будем счастливы присоединиться к вам, мистер Лакстон. Если вы, конечно, не возражаете.

— Я буду только рад заполнить таких прекрасных экскурсоводов.

Леди Клементина обернулась ко мне и торопливо приказала:
— Так, девушка, сбегай-ка к миссис Таунсенд, пусть соберет нам с собой что-нибудь поесть. — Она снова повернулась к Тедди и с деланной улыбкой воскликнула: — Я обожаю ездить верхом!

Странная процессия направилась в то раннее утро в конюшню. Дадли рассказывал, что на лошадях они смотрелись еще комичней, он умирал от хохота, глядя, как они выезжают через западную просеку — леди Клементина тряслась на дряхлой кобыле мистера Фредерика, живот у которой был еще больше, чем у самой наездницы.

Они катались два часа, а когда вернулись, Тедди был мокрый, как мышь, Ханна странно притихла, а леди Клементина лучилась удовольствием, словно кот, дорвавшийся до сметаны. Ханна рассказала мне о том, что случилось на прогулке, только много, много позже.

* * *

Они проехали по западной просеке и двинулись по берегу реки, вдоль берез и зарослей камыша. Луговины по обе стороны реки оделись в зимние шубы, исчезли олени, кормившиеся на них летом.

Сперва ехали в молчании: впереди Ханна, за ней Тедди, последней — леди Клементина. Под копытами похрустывали веточки, холодная река бежала к Темзе.

Наконец Тедди поравнялся с Ханной и весело сказал:

— Здесь очень красиво, мисс Хартфорд. Благодарю вас за любезное приглашение в Ривертон.

Ханна, наслаждавшаяся тишиной, пожала плечами:

— Вам надо сказать спасибо моей бабушке, мистер Лакстон. Я почти не помогала ей готовиться к балу.

— Понятно. Надо не забыть поблагодарить ее.

Пожалев Тедди, который так или иначе пытался поддержать беседу, Ханна спросила:

— А чем вы занимаетесь, мистер Лакстон?

— Я коллекционер, — быстро ответил обрадованный Тедди.

— А что вы коллекционируете?

— Предметы старины.

— А я думала, вы работаете с отцом.

Тедди стряхнул с плеча березовый лист.

— У нас с отцом немного разные взгляды, мисс Хартфорд. Он не видит смысла в том, что не приносит мгновенной выгоды.

— А вы, мистер Лакстон?

— А я люблю богатство другого сорта: новые впечатления, события. Век молод, молод и я. Слишком многое надо узнать и увидеть, прежде чем тебя затянет в болото бизнеса.

— Па говорил мне, что вы собираетесь заняться политикой. Не боитесь, что это помешает вашим увлечениям?

— Напротив, — покачал головой Тедди. — Политика поможет мне расширить кругозор. Лучшими руководителями всегда становятся те, кто привносит что-то новое, согласны?

Они опять замолчали и поехали рядом, останавливаясь время от времени, чтобы подождать кобылу леди Клементины. Когда впереди показалась заброшенная мраморная беседка, дряхлая лошадь и ее наездница выразили горячее желание дать передышку измученным телам. Тедди помог леди Клементине спешиться, а Ханна выложила из корзинки для пикника раскрошившиеся закуски.

Когда с термосом горячего чая и фруктовым пирогом было покончено, Ханна сказала:

— Я пойду, прогуляюсь к мосту.

— К мосту? — заинтересовался Тедди.

— Это прямо тут, за деревьями, — объяснила Ханна, встав со скамейки. — Там, где озеро сливается с рекой.

— Разрешите составить вам компанию?

— Пожалуйста, — скрыв досаду, ответила Ханна.

Леди Клементина, разрываясь между долгом дуэньи и необходимостью побережь разбитые ягодицы, наконец решилась:

— Я останусь здесь и присмотрю за лошадьми. Только не задерживайтесь, а то я начну волноваться. Сами знаете — в лесу полным-полно опасностей.

Ханна чуть заметно улыбнулась Тедди и пошла впереди. Тедди двинулся за ней на почтительном расстоянии.

— Не сердитесь, мистер Лакстон, что леди Клементина навязала нас вам в попутчики.

— Ничего страшного. Мне нравятся попутчики. — Он поглядел на Ханну. — Правда, одни больше, чем другие.

Ханна не обернулась.

— В детстве мы с сестрой и братом приходили к озеру играть. В лодочном сарае и на мосту. Знаете, — она посмотрела на Тедди, — это ведь

волшебный мост.

— Волшебный?

— Сами поймете, как увидите.

— И во что же вы играли?

— Мы перебежали его по очереди. Кажется, просто. Но не забывайте — мост волшебный. И его охраняет очень противный и злопамятный водяной.

— Надо же, — рассмеялся Тедди.

— Раз за разом мы свободно пробежали по мосту, пока, наконец, один из нас не будил водяного.

— И что тогда?

— Они дрались до смерти, — Ханна улыбнулась. — До смерти водяного, разумеется. Мы все прекрасно рубились на мечях. К счастью, водяной умел возрождаться, а то бы игра закончилась слишком быстро.

Они завернули за угол, и перед ними открылся мост, перекинутый через узкий поток. Хотя зима выдалась очень холодной, вода так и не замерзла.

— Вот, — чуть слышно сказала Ханна.

Мост забросили довольно давно — ближе к городу построили новый: широкий, автомобильный. Со здешнего краска давно облезла, он весь покрылся мхом. Поросшие камышом берега плавно спускались к воде — летом они сплошь зарастали цветами.

— Интересно, а водяной на месте? — любопытствовал Тедди.

— Не бойтесь, — засмеялась Ханна. — Если он вылезет, я знаю, как с ним справиться.

— Вы тоже с ним сражались?

— Сражалась и побеждала. Мы здесь часто играли. Хотя не всегда в водяного. Иногда мы писали письма. Потом делали из них лодочки и пускали по реке.

— Зачем?

— Чтобы они отвезли наши желания в Лондон.

— Ясно. А кому писали вы?

Ханна задумчиво пошевелила ногой стебельки травы.

— Вам это покажется глупым.

— И все-таки?

Ханна подняла голову, закусила губу, чтобы подавить улыбку.

— Джейн Дигби. И только ей.

Тедди нахмурился.

— Вы наверняка знаете. Леди Джейн, та, что уехала в Аравию, вышла

там замуж, путешествовала и занималась исследованиями.

— А-а-а, — припомнил Тедди. — Та невозможная сумасбродка. И что же вы хотели ей сообщить?

— Просила приехать и забрать меня отсюда. Предлагала служить ей верой и правдой, если она возьмет меня с собой в путешествие.

— Но, по-моему, когда вы были ребенком, Джейн уже...

— Умерла? Да, конечно. Причем довольно давно. Только я об этом не знала. — Ханна поглядела на Тедди. — Хотя, если бы она была жива, план сработал бы безотказно.

— Несомненно, — очень серьезно подтвердил Тедди. — Она бы приехала и увезла бы вас с собой, в Аравию.

— Переодев в бедуина — так мне всегда представлялось.

— А ваш отец был бы не против?

— Боюсь, совсем наоборот, — рассмеялась Ханна. — Он очень рассердился.

— Когда?

— Когда один из фермеров нашел бумажный кораблик и вернул его Па. Фермер не умел читать, но узнал на листке наш фамильный герб и решил, что там что-то важное. Наверное, надеялся на вознаграждение.

— Которого, скорее всего, не получил.

— Разумеется, нет. Па рвал и метал. Не знаю, что разозлило его сильнее — мое желание присоединиться к столь скандальной особе или откровенная дерзость письма. Думаю, больше всего он боялся, что бабушка узнает. Она всегда считала меня невозможным ребенком.

— Невозможными часто считают одаренных детей, — заметил Тедди, серьезно глядя на Ханну. Как ей показалось, настойчиво, только она не могла взять в толк, что за этим кроется. Покраснела и отвернулась. Затеребила высокие хрупкие стебли тростника. Сломала один, и, повинувшись странному порыву, кинулась на мост. Бросила стебель с одной стороны и перебежала на другую — посмотреть, как он выплывет.

— Отвези мое желание в Лондон! — крикнула она ему вслед.

— А что вы загадали? — спросил Тедди.

Ханна с улыбкой перегнулась через перила, и вот тут-то и вмешалась рука судьбы. Медальон, разболтавшийся от времени, соскользнул с цепочки, слетел с шеи хозяйки и упал в реку. Ханна почувствовала непонятную легкость, но не сразу поняла, в чем дело. И тут же увидела, как медальон, блеснув на прощанье, исчезает под водой.

Она ахнула, сбежала с моста и, ломая камыши, рванулась к кромке воды.

— Что случилось? — крикнул встревоженный Тедди.

— Мой медальон... Соскользнул... — Ханна лихорадочно расстегивала туфли. — Мой брат...

— Вы видели, куда он упал?

— В самую середину.

По влажному мху Ханна начала пробираться к воде, край юбки тут же намок и запачкался.

— Стойте!

Тедди сорвал и отшвырнул куртку, стянул сапоги. В это время года река становилась уже, но почти не мелела, и вскоре он уже стоял в воде почти по пояс.

Тем временем леди Клементина вспомнила о своих обязанностях, со стоном поднялась на ноги и побрела по топкому берегу в поисках пропавшей парочки. Наконец, она ее заметила. Тедди как раз нырнул.

— Да вы что? — в ужасе завопила леди Клементина. — Сейчас слишком холодно для купания! Вы же простудитесь насмерть!

Оглохшая от ужаса Ханна ничего не слышала. Она бегом вернулась на мост и пыталась разглядеть, не блеснет ли где медальон, чтобы указать на него Тедди.

Тедди нырял и выныривал, пропадал и появлялся, а Ханна все смотрела в воду, и когда уже совсем потеряла надежду, он выпрямился, зажав в заледеневших пальцах сияющий кружок.

Настоящий подвиг в честь прекрасной дамы. Что нашло в тот момент на Тедди — человека скорей благоразумного, чем романтического? Годы спустя, когда история помолвки раз за разом пересказывалась гостям, она стала казаться почти волшебной. Как будто рассказчик сам не мог поверить в случившееся. И все же именно так все и произошло. В нужное время, в нужном месте и перед той самой девушкой, на которую поступок Тедди произвел неизгладимое впечатление.

Позже Ханна рассказывала мне, что в тот момент, когда Тедди стоял перед ней — трясущийся, мокрый, сжимая в сильной руке ее медальон, она вдруг почувствовала его почти что физически. Влажную кожу, облепившую тело рубашку, победно глядевшие на нее темные глаза. Ханна никогда не ощущала ничего подобного — да и когда, к кому? Ей вдруг захотелось, чтобы он стиснул ее так же крепко, как медальон.

Конечно, ничего такого он не сделал — просто гордо улыбнулся, отдавая находку. Ханна с благодарностью взяла ее и отвернулась, чтобы Тедди мог спокойно натянуть сухую одежду поверх мокрой.

А семья уже упало в благодатную почву.

ПОСЛЕ БАЛА

Первый бал Ханны прошел без сучка без задоринки. Музыканты и шампанское прибыли вовремя, а Дадли почти разорил теплицы, чтобы исправить промах с цветами. У каждой стены поставили печки, так что холод совсем не чувствовался.

Бальный зал сиял и переливался. Горели хрустальные люстры, блестели черно-белые плиты пола, сверкали наряды гостей. В центре толпились двадцать пять хихикающих барышень в изысканных платьях и лайковых перчатках, на каждой красовались фамильные драгоценности. В центре стояла Эммелин. Хотя она была моложе всех — всего пятнадцать — леди Клементина разрешила ей присутствовать, правда, с одним условием: держаться в сторонке и не лишать старших девушек шанса потанцевать с неженатыми молодыми людьми. Вдоль стен на золоченых стульях восседал целый батальон закутанных в меха опекунов с грелками на коленях.

Заслуженных ветеранов выдавали принесенные с собой вязанье и книги — скрасить долгие часы ожидания.

Мужчины представляли собой пеструю компанию — ополченцы всех мастей, откликнувшиеся на призыв. Молодыми из них с натяжкой можно было назвать двух румяных братьев-валлийцев, рекрутированных троюродным братом леди Клементины, и лысеющего сына одного из местных лордов, который, как вскоре стало件нятно, не имел склонности к женскому полу. Среди этого разномастного сборища Тедди, с его киношными усиками и в американского покроя костюме, смотрелся очень выгодно.

Когда потрескивавшие поленья наполнили зал легким запахом дыма, а ирландские мелодии сменились венским вальсом, девушек закружили по комнате более пожилые гости. Кто грациозно, кто с живостью, большинство — ни так ни сяк. Леди Вайолет все еще оставалась в постели, и леди Клементина, которая руководила балом вместо нее, проморгала момент, когда к Ханне бросился один из румяных молодых людей и пригласил ее на танец.

Тедди, который тоже было шагнул к ней, повернулся и широко, белозубо улыбнулся Эммелин. Та просияла. Притворившись, что не замечает сердитых взглядов леди Клементины, она полуприкрыла веки — ресницы затрепетали — сделала реверанс, а потом выпрямилась и широко — чересчур широко — распахнула глаза. Танцы танцами, а бесконечные

уроки этикета, на которые мистер Фредерик потратил столько денег, явно пошли ей на пользу. Пара закружилась в вальсе, и я заметила, как тесно прижимается к Тедди Эммелин, как ловит она каждое его слово, как старательно смеется шуткам.

Вечер шел своим чередом, танец сменялся танцем, в зале становилось жарко. Дым от поленьев смешивался с запахом пота, и к тому времени, как миссис Таунсенд отправила меня наверх отнести чашки консьоме, элегантные прически сбились, а щеки непозволительно покраснелись. Гости наслаждались балом, все, кроме мужа Фэнни, который отправился в кровать лелеять свою мигрень.

Когда Нэнси послала меня поискать Дадли — сказать ему, что дрова кончаются, я даже обрадовалась возможности отдохнуть от жары. Везде — на лестнице, в вестибюле — толпились группки болтающих девиц с чашками бульона в руках. Я вышла через заднюю дверь, углубилась в сад и вдруг заметила в темноте одинокую фигуру.

Ханна, неподвижная, как статуя, смотрела в ночное небо. Белые обнаженные плечи сливались с атласом платья и шелком палантина. Светлые, почти серебряные в лунном свете волосы короной окружали голову и мягкими завитками падали на шею. Закованные в лайковые перчатки руки неподвижно висели вдоль тела.

Она же наверняка замерзла — зимней ночью, в платье и легком палантине! Ей необходимо пальто или по крайней мере чашка горячего супа! Я тут же решила немедленно принести и то и другое, но не успела повернуться, как из темноты выступила еще одна фигура. Сперва я решила, что это мистер Фредерик, но тут человек вышел из тени, и я поняла, что это Тедди. Он подошел к Ханне и что-то сказал. Она повернулась. Лунный свет заливал лицо и полуоткрытые губы.

Ханна слегка вздрогнула, и мне показалось, что Тедди сейчас накинет ей на плечи свой пиджак — словно герой одного из романов, которые так любит читать Эммелин. Вместо этого он сказал что-то еще, что-то, от чего Ханна вновь запрокинула голову к звездам. Тедди наклонился к ней — Ханна слегка вздрогнула, — взял за руку и прижался губами к полоске кожи между спадающим с плеч палантином и лайковой перчаткой.

Ханна снова опустила глаза, поглядела на его темноволосую голову и не отняла руки. Я заметила, как поднимается и опускается ее грудь в такт учатившемуся дыханию. И неожиданно задрожала сама, гадая, теплые ли у него губы, колются ли усы.

Тедди выпрямился и поглядел на Ханну, не отпуская ее руки. Что-то сказал — она слегка кивнула — и ушел.

Ханна глядела ему вслед. Когда он исчез в темноте, она погладила другой рукой место поцелуя.

* * *

Ранним утром, после бала, я помогала Ханне раздеться. Эммелин уже спала, ей снились шелк и атлас, музыка и танцы, а Ханна молча сидела за туалетным столиком, пока я — пуговица за пуговицей — расстегивала на ней перчатки. От тепла ее тела они стали мягче, и я смогла стянуть их просто пальцами, а не с помощью специального приспособления. Когда я дошла до жемчужин на запястье, Ханна отдернула руку и сказала:

— Знаешь что, Грейс?

— Что, мисс?

— Я еще никому не говорила... — Ханна заколебалась, даже посмотрела, закрыта ли дверь. — Обещай не рассказывать ни Нэнси, ни Альфреду — никому.

— Я умею хранить секреты, мисс.

— Знаю. Я всегда тебе доверяла. — Она глубоко вздохнула. — Мистер Лакстон сделал мне предложение. — Ханна подняла на меня растерянные глаза. — Он говорит, что любит меня, Грейс.

Не зная, что ответить — не хотелось притворяться — я снова взяла руку Ханны. Она не сопротивлялась, и я опять занялась перчаткой.

— Хорошо, мисс.

— Да, — закусывая губу, согласилась Ханна. — Наверное, это хорошо.

Мы встретились глазами, и мне вдруг показалось, что я не прошла проверку. Я отвела взгляд, сняла с Ханны перчатку, похожую на сброшенную кожу, и принялась за вторую. Ханна молча следила за моими движениями. Под тонкой кожей запястья бился пульс.

— Я еще не дала ответа.

Она все смотрела на меня, будто ожидая чего-то, а я не поднимала головы.

— Да, мисс, — только и прошептала я.

Ханна посмотрела на свое отражение в зеркале. Я сняла с нее вторую перчатку.

— Сказал, что любит... Можешь себе представить?

Я промолчала, да Ханна и не ждала ответа. Она отпустила меня, сказав, что дальше справится сама.

Когда я закрывала дверь, она по-прежнему сидела перед зеркалом, разглядывая себя, словно впервые. Будто запоминала собственное лицо на случай, если при следующем взгляде в зеркало оно станет совершенно другим.

* * *

В тот самый момент, когда Ханна глядела на себя в зеркало, удивляясь неожиданному повороту событий, мистер Фредерик переживал другой, менее приятный шок. Саймион Лакстон нанес удар в совершенно неподходящее время — но ведь бизнес не может ждать, пока юные барышни потанцуют на своем первом балу, не так ли?

И вот, пока по залу кружились пары, Саймион сообщил мистеру Фредерику, что синдикат отказался финансировать неприбыльный завод. Слишком большой риск. Зато земля там вполне достойная, и он вполне смог бы найти на нее выгодного покупателя, если Фредерик не хочет сам возиться с продажей. (Кстати говоря, есть у него один друг в Америке, который как раз хочет построить для молодой жены копию садов Версаля.)

Мы, внизу, узнали обо всем от камердинера мистера Лакстона, который в тот день перебрал бренди. Поразились и перепугались — но делать было нечего, приходилось жить так, будто ничего не произошло. В доме было полным-полно гостей, которые проделали долгий путь по зимнему морозу и настроились отдохнуть хорошенько. И потому мы несли свою службу: кормили, подавали чай, убирали в комнатах.

Только мистер Фредерик не стал притворяться, будто все нормально, и пока гости шатались по его дому, поглощали его запасы, читали его книги и вообще всячески пользовались хозяйской щедростью, он сидел взаперти у себя в кабинете. Только когда от Ривертон отъехала последняя машина, он вышел и стал бродить по дому — сжав зубы, молчаливый и бледный как смерть, перебирая в голове планы и идеи, которым не суждено было сбыться. Говорят, он слонялся так до самой смерти.

Лорд Гиффорд стал захаживать к нам почти что регулярно. Из деревни вызывалась мисс Старлинг — разобраться с деловой перепиской. День за днем она просиживала в кабинете мистера Фредерика — скромная одежда, постное лицо — чтобы поздно вечером спуститься к нам в кухню поужинать. Нас удивляла и злила ее выдержка — ни слова о том, что происходит за запертыми дверями.

Леди Вайолет узнавала последние новости, лежа в постели. Врач сообщил, что уже ничем не может помочь, и предупредил всех, кто дорожит жизнью, чтобы они держались от хозяйки подальше, ведь у нее не обычная простуда, а опаснейшая форма гриппа, пришедшая к нам из Испании. Господь разгневался на нас, бормотал доктор, и те, кто уцелел в войне, теперь умирают от эпидемии.

Видя, что подруга и в самом деле совсем плоха, леди Клементина на время забыла свою любовь к кошмарам и отогнала страхи. Не вняв предупреждению доктора, она сидела в кресле у постели леди Вайолет и беззаботно сплетничала о жизни, что шла за дверью темной душевной комнаты. Об оглушительном успехе бала, о дурацком платье леди Памелы Уорт, о том, что Ханна наверняка вскоре обручится с Теодором Лакстоном, наследником богатого состояния своих родителей.

То ли леди Клементина знала больше других, то ли просто хотела приободрить умирающую подругу, но ее предсказание сбылось. О помолвке объявили следующим же утром. И когда леди Вайолет устала бороться с гриппом, она ушла на тот свет счастливой.

* * *

Новости обрадовали не всех. С тех пор, как было объявлено о помолвке и бальные хлопоты сменились подготовкой к свадьбе, Эммелин ходила по дому мрачнее тучи. Ревновала, это понятно. Непонятно только — к кому.

Однажды утром, в феврале, когда я помогала Ханне примерить свадебный наряд матери, в открытых дверях появилась Эммелин. Она молча встала рядом и глядела, как мы разворачиваем папиросную бумагу и извлекаем отделанное кружевом атласное платье.

— Какое старомодное, — скривилась Эммелин. — Ни за что бы не надела.

— А тебе никто и не предлагает, — улыбнулась мне Ханна.

Эммелин обиженно фыркнула.

— Смотри, Грейс! — сказала Ханна. — Тут, по-моему, фата. — Она нырнула в огромный гардероб. — Видишь? Вот она.

— Да, мисс, — сказала я, помогая ей вытащить находку.

Ханна взялась с другой стороны, и мы развернули тонкую вуаль.

— Очень похоже на маму — заказать самую длинную и тяжелую фату.

На самом деле фата была прекрасна: изысканные брюссельские кружева, расшитые по краям жемчугом. Я подняла ее вверх, чтобы полюбоваться.

— Будет удивительно, если ты не споткнешься по пути к алтарю, — сказала Эммелин. — Ты ничего не разглядишь за этими жемчужинами.

— Я справлюсь, — пообещала Ханна и взяла сестру за руку. — Тем более, с такой подружкой невесты, как ты.

Эммелин тут же потеряла всю язвительность и горько вздохнула.

— Я не хочу, чтобы ты выходила замуж. Все сразу станет по-другому.

— Конечно, — согласилась Ханна. — Ты сможешь заводить любые пластинки, и никто не будет ругаться.

— Не смейся, — надулась Эммелин. — Ты ведь обещала не уезжать.

Я приложила фату к голове Ханны, стараясь не помять прическу.

— Я обещала не устраиваться на работу и сдержала обещание — напомнила Ханна. — Я не говорила, что не выйду замуж.

— Говорила.

— Когда?

— Всегда, ты вечно повторяла, что ни за что не выйдешь замуж.

— Это было раньше.

— Раньше, чем что?

Вместо ответа Ханна попросила:

— Эмми, ты не снимешь с меня медальон? Я боюсь, что застежка зацепится за кружево.

Эммелин расстегнула медальон.

— Но почему Тедди? — спросила она. — Почему ты должна выйти замуж именно за Тедди?

— Я никому ничего не должна. Я просто его люблю.

— Нет, не любишь.

На какой-то миг Ханна заколебалась, но тут же ответила:

— Нет, люблю.

— Как Джульетта — Ромео?

— Нет, но...

— Тогда тебе нельзя за него выходить. Ты должна оставить его кому-то, кто полюбит его именно так.

— Никто не может любить, как Ромео и Джульетта, — возразила Ханна. — Они всего лишь книжные герои.

Эммелин пробежала пальцами по гравировке на медальоне.

— Я смогу.

— В таком случае я тебе не завидую, — шутливо сказала Ханна. —

Вспомни, что с ними случилось!

Я отступила на шаг и посмотрела, как сидит фата на головке Ханна.

— Очень красиво, мисс.

— Дэвид был бы против, — внезапно сказала Эммелин, раскачивая медальон, как маятник. — Ему бы Тедди не понравился.

При звуках имени брата Ханна съежилась.

— Не будь ребенком, Эммелин. — Она попыталась поймать медальон. Промахнулась. — И хватит размахивать медальоном, ты его ломаешь.

— Ты просто хочешь сбежать, — резко сказала Эммелин.

— Глупости.

— Дэвид сказал бы то же самое. Он бы решил, что ты меня бросаешь.

— Как бы мне хотелось с ним поговорить... — низким голосом призналась Ханна. Я стояла рядом и увидела, как подозрительно заблестели ее глаза.

Эммелин промолчала, и только крутила медальон, выписывая в воздухе восьмерки.

В комнате воцарилась тишина. Я поправила фату и заметила небольшую зацепку — надо будет починить.

— Ты права, — нарушила молчание Ханна. — Я хочу сбежать. И ты, как только сможешь, сделаешь то же самое. Когда я гуляю по имению, мне иногда кажется, что из ног вырастают корни, привязывая меня к этой земле. Если я сейчас же их не оборву, жизнь будет кончена, и когда-нибудь я стану просто еще одной из надписей на фамильном кладбище. — Такая мрачность была вовсе не в характере Ханна, и я вдруг поняла всю глубину ее отчаяния. — Тедди — это мой шанс. Увидеть мир, попутешествовать, встретить интересных людей.

Глаза Эммелин набухли слезами.

— Я же вижу, что ты его не любишь.

— Но он мне нравится. Со временем я его полюблю.

— Просто нравится?

— Мне хватит и этого. Я не такая, как ты, Эмми. Я не умею смеяться и кокетничать с чужими людьми. Высшее общество кажется мне скучным. Если я не выйду замуж, у меня только два пути: провести остаток дней в отцовском доме или ходить с одного унылого бала на другой, пока не состарюсь настолько, чтобы присматривать за теми, кто помоложе. Помнишь, как говорила Фэнни...

— Фэнни все выдумала.

— Нет, — твердо сказала Ханна. — Замужество станет началом моего приключения.

Эммелин задумчиво покачала медальон и вдруг открыла его.

Ханна рванулась к своему сокровищу, но поздно: содержимое уже выпало на пол. Мы замерли, глядя на крохотную самодельную книжицу в выцветшей обложке. «Битва с якобитами». Все молчали. Потом раздался голос Эммелин. Почти шепот.

— Ты же сказала — их больше нет...

Она кинула медальон на пол и пулей вылетела из комнаты, шарахнув за собой дверь. Ханна, так и не снявшая материнской фаты, подняла медальон. Подобрала книжку, отряхнула ее и вложила обратно, в специальное углубление. Закрыла медальон. Но замочек не щелкнул. Сломался.

— Думаю, с фатой все ясно, Грейс, — сказала Ханна. — Мне кажется, ее надо проветрить.

* * *

Не одну Эммелин печалила предстоящая свадьба. Пока все вокруг готовились к торжеству — шили, украшали, пекли — Фредерик в мрачном одиночестве сидел у себя в кабинете. Он сильно похудел. Утратив сначала мать, потом завод, он не мог поверить, что вскоре потеряет еще и Ханну.

Вечером, накануне свадьбы, когда я собиралась отнести на кухню поднос с остатками ужина, мистер Фредерик вошел в комнату дочери. Сел на стул около туалетного столика, тут же встал, подошел к окну, всмотрелся в темноту. Ханна уже лежала в постели, в чистой белой рубашке, с вымытыми и расчесанными волосами. Она грустно смотрела на отца — на исхудавшую фигуру, поникшие плечи, волосы, ставшие из золотых серебряными — всего-то за несколько месяцев.

— Похоже, завтра пойдет дождь, — сказал он наконец, по-прежнему не глядя на Ханну.

— Я всегда любила дождь.

Мистер Фредерик не отвечал.

Я составила посуду на поднос.

— Вам больше ничего не нужно, мисс?

Ханна, позабывшая было, что я здесь, повернулась и сказала:

— Нет. Спасибо тебе, Грейс. — Она взяла меня за руку. — Я буду скучать, когда уеду.

— Я тоже, мисс. — Я присела и покраснела от удовольствия. —

Спокойной ночи, милорд.

Мистер Фредерик сделал вид, что не услышал.

Я все гадала, что привело его в комнату Ханны. Что он хотел сказать ей накануне свадьбы, чего нельзя было сказать за обедом или в гостиной? Я вышла, закрыла за собой, и — стыдно признаться — поставила поднос на пол и приникла ухом к двери.

Сперва я ничего не услышала и даже побоялась, что дверь слишком толстая, а мистер Фредерик говорит слишком тихо. Потом до меня донесся его кашель, и он заговорил — быстро, низким голосом:

— Я знал, что потеряю Эммелин, как только она войдет в возраст, но тебя?!

— Ты вовсе не теряешь меня, Па.

— Теряю! — повысив голос, почти крикнул он. — Сначала Дэвид, потом завод, а теперь еще и ты. Самое дорогое... — Он попытался взять себя в руки и заговорил снова сдавленным голосом: — Я же не слепой, понимаю, что все из-за меня.

— Что из-за тебя, Па?

Тишина. Скрипнули пружины. Когда мистер Фредерик снова заговорил, я поняла, что он сел на кровать Ханны.

— Не делай этого, — торопливо попросил он. Скрип. Он снова поднялся на ноги. — Одна мысль о том, что ты станешь жить среди этих людей... Они продали мой завод чуть ли не за моей спиной...

— Па, других покупателей все равно бы не нашлось. А тот, которого предложил Саймион, заплатил хорошие деньги. Представь, что было бы, если б ты не отдал кредит. Лакстоны тебя просто выручили.

— Выручили? Скажи лучше — обобрали! А ведь могли помочь. Спасти завод. А теперь забирают и тебя. Когда я думаю об этом... Нет, ничего у них не выйдет. Мне надо было вмешаться гораздо раньше, пока вся эта затея со свадьбой не зашла слишком далеко.

— Па...

— Я не смог вовремя остановить Дэвида, но черт меня побери, если я повторю ту же ошибку с тобой.

— Па!..

— Я просто не позволю...

— Па, — сказала Ханна, и в голосе ее прозвучала незнакомая мне твердость. — Я уже все решила.

— Так измени его! — рявкнул мистер Фредерик.

— Нет.

Я испугалась за Ханну. О нраве мистера Фредерика в Ривертоне

ходили легенды. Когда Дэвид осмелился послушаться отца, тот прекратил с ним всяческое общение. Что же он сделает сейчас, встретившись с открытым сопротивлением дочери?

— Ты смеешь перечить родному отцу? — дрожащим от ярости голосом спросил он.

— Да, если считаю, что он неправ.

— Что за упрямая дурочка!

— Вся в тебя.

— На твою беду, моя девочка. Я всегда отступал перед твоим упорством, но сегодня я не сдамся.

— Это моя жизнь и мое решение.

— Ты моя дочь, и сделаешь, как я скажу! — в голосе мистера Фредерика против его воли послышалось отчаяние. — Я приказываю тебе отменить свадьбу.

— Па...

— Попробуй только выйти за него, — почти прошептал он, — и я откажу тебе от дома.

Я похолодела. Хотя я разделяла чувства мистера Фредерика и всем сердцем желала, чтобы Ханна осталась в Ривертоне, я прекрасно знала, что угрозами ее не возьмешь.

— Спокойной ночи, Па, — будто подтверждая мои мысли, ледяным тоном произнесла Ханна.

— Идиотка, — сказал он растерянно, как человек, который все никак не может признать, что игра проиграна. — Глупая маленькая идиотка.

Его шаги прозвучали у двери, я подхватила поднос и уже хотела отскочить, когда Ханна сообщила:

— Свою горничную я забираю с собой. — У меня екнуло сердце. — Нэнси прекрасно приглядит за Эммелин.

Остолбнев от счастья, я едва расслышала слова мистера Фредерика:

— Убирайтесь обе. — Он так резко распахнул дверь, что я чуть не уронила поднос, отпрыгнув к лестнице. — Вот уж кто мне тут меньше всех нужен, так это она.

* * *

Почему Ханна вышла замуж за Тедди? Не потому, что любила, а потому, что была готова полюбить. Молодая и неопытная — с кем ей было

разделить свои чувства?

Как бы там ни было, многим ее выбор показался идеальным. Его одобрили Саймион и Эстелла Лакстон, его одобрили под лестницей. Даже я обрадовалась, узнав, что уеду с молодыми. Правы были леди Вайолет и леди Клементина — Ханне все равно пришлось бы за кого-нибудь выходить, так почему бы не за Тедди?

Они поженились дождливым субботним днем, в мае тысяча девятьсот девятнадцатого, и через неделю мы уехали в Лондон. В первой машине — Тедди и Ханна, во второй — камердинер Тедди и я с чемоданами.

Мистер Фредерик, бледный и неподвижный, стоял на лестнице. Сидя в машине, я в первый раз сумела беспрепятственно рассмотреть его лицо. Прекрасное, благородное лицо, бесцветное от горя.

Слева от него, выстроившись в ряд, по старшинству, расположились слуги. Даже няню Браун вытащили из детской, и теперь она стояла рядом с мистером Гамильтоном, доставая ему до локтя, и роняла тихие слезы в белый носовой платок.

Не было только Эммелин — она отказалась проводить сестру. Хотя я все равно заметила ее — перед тем, как тронулась машина, в одном из полукруглых окон детской мелькнуло побледневшее лицо. Или мне почудилось? Возможно, просто игра света. Или дух одного из малышей майора — вечных обитателей заброшенной комнаты.

Я уже со всеми попрощалась. Со слугами и с Альфредом. С того самого ночного разговора, в саду, Альфред говорил со мной так подчеркнуто-вежливо, что лучше б уж кричал! И все-таки я пообещала писать. И вытянула из него ответное обещание.

Маму я навестила за неделю до отъезда. Она отдала мне свою старую шаль и целую коробку ниток и иголок, чтобы я следила за своей одеждой. В ответ на мои благодарности лишь пожала плечами и сказала, что ей коробка все равно не нужна — пальцы так скривились, что не могут больше держать иглу. Она расспрашивала меня о свадьбе, о заводе мистера Фредерика и кончине леди Вайолет. Я удивилась, как равнодушно она приняла известие о смерти бывшей хозяйки. Я-то уверила себя, что мама просто обожала работу в Ривертоне, а она почему-то не выказала леди Вайолет ни малейшего сочувствия. Просто медленно кивнула и отвернулась.

Я не стала раздумывать над ее поведением — меня ждал Лондон.

Отдаленный, едва различимый рокот барабанов. Интересно, ты слышишь его вместе со мной?

Все это время ты был очень терпеливым слушателем. Осталось совсем

немного. Вот-вот в жизнь Ханны снова войдет Робби. Ты знаешь об этом, ведь его возвращение — часть нашей истории. Не роман и не сказка — она не кончается свадьбой. Свадьба — лишь новое начало, предвестница очередной главы.

В дальнем, мрачном районе Лондона просыпается Робби Хантер. Стряхивает с себя ночные кошмары, вынимает из кармана маленький сверток. Сверток, который он носит на груди со времен войны, с тех самых пор, как пообещал умирающему другу доставить его по назначению.

ЧАСТЬ 3

«Таймс»

6 июня 1919 г.

ВЕСТИ С РЫНКА НЕДВИЖИМОСТИ

Домовладение лорда Сазерленда

Главной сделкой этой недели можно назвать вкратце упомянутую вчера в «Таймс» сделку конторы «Маббет энд Эдж» по продаже Хабердин-хаус, фамильного дома лорда Сазерленда. Дом по адресу Гроувенор-сквер, 17 купил известный банкир мистер С. Лакстон для своего сына мистера Т. Лакстона и его молодой жены, Достопочтенной Ханны Хартфорд, старшей дочери лорда Эшбери.

Мистер Т. Лакстон и Достопочтенная Х. Хартфорд поженились в мае, в фамильном имении невесты — Ривертоне, неподалеку от деревни Саффрон-Грин, и сейчас проводят медовый месяц во Франции. Через месяц они вернутся в Лондон и поселятся в резиденции Хабердин-хаус, которая будет переименована в Лакстон-хаус.

Мистер Т. Лакстон — кандидат тори от избирательного округа в восточном Лондоне и примет участие на повторных выборах в парламент в ноябре этого года.

ЛОВЛЯ БАБОЧЕК

На весеннюю ярмарку мы приехали на микроавтобусе. Восемь человек: шесть обитателей дома престарелых, Сильвия и та девушка с косой до пояса — никак не могу запомнить, как ее зовут. Наверное, посчитали, что нам нужно немного развеяться. Хотя какой смысл менять уютную комнату на поляну с палатками, торгующими пирожками, игрушками и мылом, — я лично понять не могу. Мне было бы гораздо лучше дома, вдали от всей этой суеты.

За зданием муниципалитета, как обычно, установили передвижную сцену, а перед ней — ряды белых пластмассовых стульев. Все остальные, включая Сильвию и девушку с косой, сидели там, глядя, как фокусник достает из железного ведра теннисные мячики. А я предпочла остаться здесь, на скамейке возле памятника. Как-то чудно я себя чувствую. Это все жара. Когда я проснулась, подушка была мокрой, и все утро в голове плавал какой-то туман. Мысли приходили и, не успев оформиться до конца, ускользали, прежде, чем я успевала их ухватить. Похоже на ловлю бабочек. Такая неопределенность здорово раздражала.

Может быть, чашка чая мне поможет?

Куда же подевалась Сильвия? Она сказала мне, куда идет? Она ведь сидела тут секунду назад, курила. Рассказывала о новом поклоннике, о том, что они собираются пожить вместе. Когда-то, давным-давно, я сочла бы такие отношения непозволительными, но под действием времени взглядам свойственно меняться.

Кожа на ногах, там, где она не прикрыта туфлями, уже поджарилась. Хорошо бы передвинуть ноги в тень, но глупое упрямство уговаривает меня остаться на месте. Вот придет Сильвия, увидит красные пятна и поймет, как надолго она меня бросила.

Со своего места я вижу кладбище. Восточную его часть, обсаженную тополями. Молодые листочки трепещут на еле ощутимом ветру. Под тополями высятся надгробные камни, где-то там лежит и мама.

Со дня ее смерти прошла уже целая вечность. Холодный день тысяча девятьсот двадцать второго: земля промерзла — глубже некуда, заледеневшая от мороза юбка прилипла к чулкам, а на холме стоит почти неузнаваемый мужчина. Мама забрала свои тайны с собой, в ледяную, стылую землю, и все-таки я их раскрыла. Я здорово разбираюсь в тайнах, они стали делом моей жизни. Возможно, мне казалось, что чем больше я

знаю о секретах, тем легче будет прятать мой собственный.

Мне жарко. Слишком жарко для апреля. Наверное, виной всему глобальное потепление. От него тают шапки полярного льда, появилась озоновая дыра. И всякие болезни девяностых годов. Наша планета стала какой-то недружелюбной. Даже дожди теперь опасны.

Они разрушают памятник героям войны. Одна щека у каменного солдата вся в ямочках, нос крошится от времени. Он похож на кусок хлеба, исклеванный птицами.

Солдат знает, что такое долг. Не думая о ранах, он уже восемьдесят лет стоит в дозоре на каменном постаменте и пустыми глазами всматривается в поля вокруг города, в улицу, ведущую к автомобильной стоянке у нового торгового центра — самое место для героя. Он почти такой же старый, как я. Неужели он так же устал?

И солдат, и пьедестал заросли мхом, из высеченных на камне букв лезут травинки. Дэвид тоже здесь: в самом верху, среди других офицеров; и Руфус Смит, сын старьевщика — он воевал в Бельгии и его завалило в траншее. Еще ниже — Раймонд Джонс, деревенский торговец, у которого я девчонкой покупала книги. Его маленькие сыновья уже давно мужчины. Пожилые мужчины, пусть и моложе меня. А может быть, и они уже умерли.

Неудивительно, что солдат крошится. Слишком много на него навалилось — каково ему в одиночку нести бремя сотен трагедий, быть хранителем бесконечного эха смерти.

Правда, он не совсем один — похожий стоит в каждом английском городке. Они — шрамы на лице нации; в тысяча девятьсот девятнадцатом рубцами памятников покрылась вся земля, пытаясь залечить недавние раны. Как мы верили тогда в прекрасное будущее — в Лигу Наций, в торжество цивилизованного мира! И никто не слушал поэтов. На каждого Т. С. Элиота, на каждого Р. С. Хантера приходилось по пятьдесят азартных молодых людей, исповедующих идеи Теннисона о всемирном братстве.

Разумеется, продлилось это недолго. Иначе и быть не могло. Разочарование было неизбежным: за двадцатыми пришли тридцатые с их депрессией, а за ними — новая война. После нее все стало по-другому. Из ядерного облака второй мировой не выросли гордые, победные мемориалы. Надежда погибла в газовых камерах Польши. Домой вернулось второе поколение людей, искалеченных войной, а на старых памятниках появились новые имена: сыновья под отцами. В сознании людей навсегда поселилась тоскливая мысль о том, что когда-нибудь все эти ужасы повторятся снова.

* * *

Войны делают историю невероятно простой. Четкие даты, легко запоминающиеся события: до и после, победители и побежденные, враги и союзники. Настоящая история — подлинное прошлое — далеко не так проста. Она не плоская и не примитивная. Она текучая и быстрая, как река, необъятная и непознанная, как вселенная. И еще она изменчива: как только кажется, что помнишь что-то очень четко, проекция сдвигается, выползают новые, давно забытые картины, новая версия происшедшего.

Я пытаюсь сосредоточиться на поворотных пунктах истории Ханны и Тедди — в последнее время все мои мысли так или иначе сворачивают на Ханну. Глядя назад, очень легко делать выводы: отсюда ясно видны события, которые привели к тому, что рано или поздно должно было случиться. А ведь в то время я их не заметила. В настоящем поворотные пункты ускользают. Проходят мимо незамеченными. Мы упускаем возможности, принимаем катастрофы за удачу. И только потом какие-то события становятся знаковыми, их называют так историки, пытающиеся придать запутанным клубкам жизни хоть какое-то подобие порядка.

Интересно, как Урсула разберется с семейной жизнью Тедди и Ханны? Что приведет их к неудаче? Может быть, приезд Деборы из Нью-Йорка? Или провал Тедди на выборах? Отсутствие наследника? Согласна ли она, что признаки грядущего несчастья проявились еще в медовый месяц — тонкие трещины, почти невидимые в сумеречном парижском свете, едва заметные разрывы в тончайшей ткани двадцатых годов — прекрасной, ажурной ткани, такой непрочной, что не было никакой надежды подольше ее сохранить.

* * *

Летом девятнадцатого года версальский мирный договор согрел Париж теплым пламенем оптимизма. По вечерам я раздевала Ханну, снимала с нее тончайшее газовое платье, каждый раз новое: бледно-зеленое, голубое, розовое (Тедди любил качественный бренди и безупречно одетых женщин), а она рассказывала мне, где они сегодня побывали и что посмотрели. Поднимались на Эйфелеву башню, гуляли по Елисейским полям, обедали в наимоднейших ресторанах. Впрочем, Ханну привлекало нечто большее. А

может, меньшее.

— Ах эти рисунки, Грейс, — сказала она однажды вечером. — Кто бы мог подумать, что я настолько влюблюсь в рисунки?

Рисунки, сувениры, люди, запахи. Ханна жадно поглощала новые впечатления. Годы и годы она провела в ожиданиях, годы, которые считала пропавшими даром, потраченными зря. А сейчас кругом столько людей, с которыми можно поговорить: богачи в ресторанах, политики — только что с переговоров, уличные художники.

Тедди вовсе не был слеп, он замечал несколько истерическую восторженность Ханны, ее склонность к идеализации, но приписывал все юности. Сейчас эти черты скорее забавляли и радовали, чем настораживали его, а через некоторое время, считал он, жена обязательно их перерастет. Не то чтобы ему очень этого хотелось — в то время он обожал ее такой, какая она есть. Обещал свозить на будущее лето в Италию — посмотреть Помпеи, галерею Уфицци, Колизей; да чего только не обещал. Ханна была зеркалом, в котором Тедди видел себя не сыном своего отца — такого обычного, самоуверенного, скучного — но мужем очаровательной непредсказуемой женщины.

Ханна, в свою очередь, почти не говорила о Тедди. Он был приложением ко всему остальному. Средством, с помощью которого Ханна наконец-то отправилась в путешествие. Нет, Тедди ей даже нравился. Она находила его забавным (правда, тогда, когда он меньше всего этого ожидал), добрым и приятным. Интересы его были уже, интеллект ниже, но Ханна не заостряла на этом внимания и даже научилась льстить супругу, когда это требовалось. А любовь — к чему она? Ханна не страдала от ее отсутствия, во всяком случае тогда. Кому нужна любовь, когда вокруг столько всего интересного?

* * *

Однажды утром, ближе к концу медового месяца, Тедди проснулся с головной болью. Он вообще страдал мигренями, не частыми, но сильными — отголосок какой-то детской болезни. И ничто ему не помогало, он мог лишь лежать в затененной комнате и маленькими глотками пить воду. В тот, первый, раз Ханна растерялась: раньше она почти не сталкивалась с чьей-нибудь болезнью.

Она неуверенно предложила Тедди посидеть с ним, но он не хотел

лишать ее удовольствия погулять по Парижу и отказался, объяснив, что она все равно ничего не сможет для него сделать.

Меня отправили на прогулку вместе с ней. Тедди считал, что леди, даже замужней, не пристало ходить по улицам одной. Ханне надоели магазины и вообще помещения. Она хотела открыть для себя свой собственный Париж. Мы вышли на улицу и отправились куда глаза глядят, без всякой карты.

— Смотри, Грейс, — то и дело повторяла Ханна, — давай повернем вот сюда.

В конце концов мы вошли в странный полутемный, узкий переулок. Два ряда домов стояли так близко, что крыши их почти смыкались. По переулку плыла музыка и выплескивалась на маленькую площадь. В воздухе носились смутно знакомые запахи — что-то съедобно-мертвенное. И люди. Голоса. Ханна постояла у входа в переулок и решительно шагнула вперед. Мне ничего не оставалось, как последовать за ней.

Мы попали в коммуну художников. Это я теперь понимаю. Пожив в шестидесятых, побывав в Хайт-Эшбери и на Карнаби-стрит,^[17] я уже не удивлюсь, столкнувшись с веселой пестрой нищетой парижской богемы. Но тогда, первый раз выехав из Саффрона, где в бедности не было ничего привлекательного, я была ошеломлена. Мы шли по переулку мимо крошечных ларьков и открытых дверей, всюду были натянуты разделявшие их простыни, из ароматных палочек курился тяжелый мускусный дым. Ребенок с большими золотистыми глазами равнодушно выглядывал из-за ставен.

На красных, расшитых золотом подушках сидел человек и играл на кларнете, хотя тогда я не знала, как называется эта длинная черная палка, вся в блестящих колечках и клавишах. Я мысленно назвала ее змеей. Когда человек перебирал по змее пальцами, из нее лилась музыка — странная, опасная, от нее становилось неловко, будто она пела о чем-то слишком интимном. Потом я узнала, что это джаз, а еще чуть погодя он распространился повсеместно.

По всему переулку стояли столы, за ними сидели люди, они читали, разговаривали, даже ругались. Пили кофе и странные напитки из необычных бутылок — вероятно, ликер. Когда мы проходили мимо, люди поднимали глаза, с интересом или без — сказать трудно. Я старалась не встречаться с ними взглядом и только безмолвно умоляла Ханну повернуть обратно, вернуться к свету и безопасности. Меня пугали чужие запахи и непонятная музыка, а вот Ханна чувствовала себя как рыба в воде. Она стремилась впитать в себя все и сразу. Кругом висели картины, только не

такие, как в Ривертоне. Эти были нарисованы углем. С кирпичных стен на нас смотрели чьи-то лица, глаза, торчали руки и ноги.

Один рисунок привлек внимание Ханна. Большой — человеческая фигура поместилась на нем целиком. Женщина, сидящая на стуле. Не в кресле и не в шезлонге. А на простом деревянном стуле с тяжелыми ножками. Она сидела, широко разведя колени, и смотрела прямо на нас. Нарисованная блестящим углем, она была совершенно нагой и очень черной. Большие глаза, торчащие скулы, выпяченные губы. Волосы собраны в пучок на затылке. Предводительница воинов.

Меня просто ошарашила такая откровенность, мне казалось, что Ханна должна чувствовать то же самое. Однако она повела себя очень странно. Склонила голову к плечу, подняла руку и провела пальцем по щеке нарисованной женщины.

Рядом тут же вырос какой-то человек.

— Вам нравится? — спросил он с сильным акцентом. Мне не понравилось, как он глядел на Ханну из-под тяжелых век. Человек явно понял, что у нее есть деньги. Догадался по одежде.

Ханна заморгала, будто очнувшись.

— Да, — тихо сказала она.

— Хотите купить?

Ханна сжала губы; думает — поняла я. Несмотря на любовь к искусству, такую картину Тедди бы не одобрил. В рисунке — в женщине — таилось что-то опасное. Дикое. И все-таки Ханне она нравилась. Картина напоминала ей о прошлом. Игра. Нефертити. Роль, которую она играла со всей горячностью не признающего рамок детства. Ханна кивнула. Да, она хочет ее купить.

От плохих предчувствий у меня по спине побежали мурашки. Лицо мужчины осталось бесстрастным. Он позвал кого-то. Ответа не последовало, и он жестом пригласил Ханну внутрь. Обо мне, похоже, просто забыли, но я продолжала держаться подле Ханна и следом за ней вошла в низенькую красную дверь. Мы очутились в студии — темной, как нора. Со стен лоскутами свисали выцветшие зеленые обои. Пол — насколько позволяли видеть разбросанные там и сям листы бумаги с набросками углем — был каменным. В углу лежал матрас, на нем — потрепанные подушки и плед; вокруг матраса валялись пустые бутылки.

А еще там сидела женщина. Женщина с портрета. К моему ужасу она была совсем голой. Женщина осмотрела нас с мимолетным интересом и не сказала ни слова. Поднялась и оказалась очень высокой — даже выше мужчины — и подошла к столу. В ее движениях, в равнодушии к тому, что

мы смотрим на нее, видим ее груди — одна больше другой — сквозила какая-то дикая свобода, от которой на меня напала странная слабость. Они не такие, как мы. Как я. Женщина закурила сигарету. Я смотрела в сторону. Ханна — нет.

— Мадам хочет купить твой портрет, — сказал мужчина на слишком правильном английском.

Чернокожая женщина оглядела Ханну и ответила что-то на незнакомом мне наречии. Не на французском, это точно. Что-то гораздо более экзотическое.

Мужчина засмеялся и перевел:

— Не продается.

Он протянул руку и вдруг взял Ханну за подбородок. У меня в ушах испуганно застучал пульс. Даже Ханна подалась назад, а художник уверенно покрутил ее лицо туда-сюда и отпустил.

— Только обмен.

— Обмен? — переспросила Ханна.

— На ваш портрет, — объяснил мужчина. Пожал плечами. — Берете ее портрет, оставляете свой.

Подумать только! Портрет Ханны — да еще неизвестно, в каком виде, — останется висеть в этом ужасном французском переулке, и каждый прохожий станет на него пялиться! Ну уж нет.

— Мы уходим, мэм, — с непонятно откуда взявшейся твердостью сказала я. — Мистер Лакстон нас ждет.

Наверное, Ханну тоже удивил мой тон, потому что к моей огромной радости, она кивнула.

— Да, Грейс. Ты права.

Мы подошли к двери. На пороге Ханна обернулась к художнику:

— Завтра, — задумчиво сказала она. — Я приду, завтра.

* * *

По дороге домой мы не разговаривали. Ханна шла быстро, целеустремленно. В ту ночь я лежала без сна, в смятении и страхе, гадая, как остановить ее — я должна, я смогу. Портрет тревожил меня, даже не сам портрет, а то, как Ханна на него смотрела. В них было что-то общее.

Даже уличный шум в ту ночь казался мне зловещим, опасным. Чужие голоса, чужая музыка, женский смех где-то неподалеку. Я мечтала скорей

вернуться в Англию, страну, где царят строгие правила и каждый знает свое место. Конечно, такая Англия существовала лишь в моем воображении, ведь ночью все выглядит по-другому.

К счастью, утром все разрешилось само собой. Когда я пришла одевать Ханну, Тедди уже проснулся и сидел в кресле. Голова у него еще болела, но что за супруг — сказал Тедди — оставит свою очаровательную жену в последний день медового месяца? Он предложил Ханне пойти по магазинам.

— Сегодня последний день, давай накупим каких-нибудь сувениров? На память о Париже.

Когда они вернулись, среди покупок портрета не было. То ли Тедди отказался его покупать, то ли Ханна даже не стала спрашивать, в любом случае я была рада. Вместо рисунка Тедди купил ей меховую накидку — норку с маленькими лапками и тусклыми стеклянными глазками.

Мы возвращались в Англию.

* * *

Меня мучит жажда. Кто-то сидит рядом... нет, не Сильвия. Это беременная женщина, у ее ног стоит сумка с вязаными куклами и домашним вареньем. Лицо соседки блестит от пота, косметика потекла. Под глазами черные полосы. Она смотрит на меня.

Я приветливо киваю. Думаю, не попросить ли ее принести мне что-нибудь попить, но решаю, что нет. Кажется, ей даже хуже, чем мне.

— Хороший денек, — произносит женщина. — Солнечный, теплый. — У нее на лбу выступили капли пота. Майка под тяжелой грудью прилипла к телу и потемнела.

— Хороший, — соглашаюсь я. — Очень теплый.

С усталой улыбкой она отворачивается.

* * *

Мы вернулись в Лондон девятнадцатого июля тысяча девятьсот девятнадцатого года, в день мирной демонстрации. Наш водитель ловко нырял между автомобилями, omnibusами и конными повозками, объезжал толпы людей с флагами и плакатами. Еще не высохли чернила на договоре,

закрепившем санкции, которые позже стали причиной следующей войны, но англичане об этом не знали. Пока не знали. Просто радовались, что южный ветер больше не приносит из-за Ла-Манша эхо выстрелов. Что одни мальчишки не стреляют в других.

Автомобиль выгрузил меня и гору вещей у одного из лондонских домов и отправился дальше. Саймион и Эстелла ожидали молодых к чаю. Ханна с удовольствием поехала бы прямо домой, но Тедди настоял на визите к родителям. И загадочно улыбался при этом, будто готовил сюрприз.

Из парадной двери вышел лакей, взял в каждую руку по чемодану и снова вернулся в дом. Личные вещи Ханны он оставил мне. Я удивилась. Мне почему-то казалось, что в доме пока не должно быть других слуг. Кто же его в таком случае нанял?

Я постояла, вдыхая аромат большого города. Запахи бензина и свежего навоза. Запрокинула голову, чтобы увидеть все шесть этажей огромного дома. Он был построен из коричневого кирпича, по обе стороны от парадного крыльца высились колонны. Кругом стояли точно такие же здания. На одной из колонн красовалась цифра 17. Номер семнадцать по Гроувенор-сквер. Мой новый дом, в котором я наконец-то стану настоящей горничной-камеристкой.

Вход для слуг представлял из себя ряд ступеней, ведущих с тротуара на цокольный этаж и отгороженных черными чугунными перилами. Я подхватила сумки и зашагала вниз.

Из-за закрытой двери донеслись приглушенные, но несомненно сердитые голоса. В окне мелькнула спина какой-то женщины, ее манера держаться (нахальная — сказала бы миссис Таунсенд) и выбившиеся из-под шляпы светлые кудряшки говорили о молодости. Она ругалась с невысоким толстым мужчиной, красным от гнева.

Жестом победительницы девушка закинула за спину сумку и шагнула к двери. Не успела я отодвинуться, как она распахнула ее, мы столкнулись нос к носу и ошалело уставились друг на друга, словно на отражения в кривом зеркале. Девушка опомнилась первой: она громко расхохоталась, забрызгав слюной мою шею.

— А я-то думала, сейчас трудно найти горничную! Что ж, добро пожаловать! Меня-то больше не заставишь скрести чужие дома за жалкие гроши!

Она обошла меня и потащила сумку вверх по лестнице. Остановилась, обернулась и крикнула:

— Прощай, Иззи Баттерфилд! Бонжур, мадмуазель Изабелла!

Разразившись очередным взрывом смеха и театрально взмахнув юбками, она исчезла. Я даже не успела ответить. Объяснить, что я не простая горничная, а самая настоящая камеристка ее светлости.

Я постучала в открытую дверь. Никто не ответил, и я вошла. В доме явственно пахло воском (хотя не тем, к которому я привыкла, фирмы «Стаббингз и К^о») и картошкой. И еще чем-то — приятным, но незнакомым.

Давешний мужчина стоял у стола; за его спиной, положив ему на плечи руки с красными скрюченными пальцами, стояла тощая женщина. Они дружно повернулись ко мне. У женщины под левым глазом красовалась огромная черная родинка.

— Добрый день, — поздоровалась я. — Я...

— Добрый? — переспросил мужчина. — От нас сбегает уже третья горничная, через два часа в доме прием, и вы хотите, чтобы я считал сегодняшний день добрым?

— Ну хватит, успокойся, — сказала женщина. — Эта Иззи — настоящая дрянь. Хочет податься в гадалки — видали вы? Если у нее есть хоть капля таланта, я — царица Савская. Рано или поздно ее придушат обманутые клиенты. Вот увидишь!

Она заявила это с плохо скрытым в голосе торжеством и с такой злобной улыбкой, что мне стало страшно. Захотелось повернуться и уйти, откуда пришла, но на память пришел совет мистера Гамильтона: надо поставить себя правильно с первой минуты. Я откашлялась и, собрав всю свою уверенность, сказала:

— Меня зовут Грейс Ривз.

Двое у стола с недоумением глядели на меня.

— Я новая камеристка.

Женщина выпрямила спину и, прищурившись, заявила:

— Хозяйка не упоминала ни о какой новой камеристке.

— Как... не упоминала? — заикаясь от изумления, проговорила я. — Мне... мне точно известно, что она отправила письмо с распоряжениями. Из Парижа. Я сама относила его на почту

— Париж? — переглянулись они.

И тут мужчина как будто что-то вспомнил. Торопливо закивал и снял руки женщины со своих плеч.

— Конечно! — сказал он. — Мы ждали вас. Меня зовут мистер Бойли, я тут, в семнадцатом номере, дворецкий, а это — миссис Тиббит.

— Очень рада познакомиться, — смущенно кивнула я. Дворецкий и миссис Тиббит по-прежнему смотрели на меня весьма странно. — Я очень

устала с дороги. Не будете ли вы так добры позвать горничную, чтобы она показала мне мою комнату?

Миссис Тиббит так поморщилась, что кожа вокруг родинки пошла складками.

— Нет у нас больше горничной. Пока нет. Хозяйка... то есть, миссис Эстелла Лакстон никак не может найти подходящую.

— Да, — подтвердил мистер Бойли и недовольно сжал губы. — А у нас сегодня прием. У меня каждая пара рук на вес золота. Мисс Дебора не терпит изъянов.

Что это еще за мисс Дебора? Я нахмурилась.

— Моя хозяйка, молодая миссис Лакстон, не упоминала ни о каком приеме.

— Разумеется, — согласилась миссис Тиббит. — Она и не могла. Это сюрприз к возвращению мистера и миссис Лакстон после медового месяца. Мисс Дебора и ее мать готовили встречу несколько недель.

* * *

К тому времени, как прибыл автомобиль Тедди и Ханны, вечеринка была в полном разгаре. Мистер Бойли получил распоряжение отправить меня к дверям: встретить молодых и проводить их в бальный зал. Как правило, это обязанность дворецкого, объяснил он, но сегодня он очень нужен мисс Деборе.

Я отворила дверь и впустила хозяев. Тедди сиял, Ханна казалась усталой — неудивительно, после визита к Саймиону и Эстелле.

— Я до смерти хочу чаю, — объявила она.

— Не так скоро, дорогая, — отозвался Тедди. Он скинул мне на руки пальто и чмокнул жену в щеку. Она, как обычно, чуть отстранилась.

— У нас для тебя маленький сюрприз.

Тедди отошел от Ханны, потирая руки и посмеиваясь. Она посмотрела ему вслед, а потом подняла глаза, окинула взглядом вестибюль — свежевыкрашенные желтые стены, свисавшую над лестницей на редкость безобразную, но модную люстру, пальмы в кадках под гирляндами китайских фонариков — и брови ее поползли на лоб.

— Грейс! Что тут вообще происходит?

Я виновато пожала плечами и только хотела все объяснить, как откуда-то вынырнул Тедди и взял Ханну под руку.

— Сюда, дорогая, — и повел ее в бальный зал.

Дверь отворилась, и Ханна недоуменно раскрыла глаза при виде толпы незнакомцев. Неожиданно вспыхнул свет, мой взгляд метнулся к сияющей люстре, и тут я почувствовала за спиной какое-то движение. Гости радостно зашумели: на лестнице стояла стройная темноволосая женщина с хищным, узким лицом. Ее нельзя было назвать красивой, скорее яркой: та иллюзия красоты, которую дает врожденная элегантность. Высокая и стройная, она стояла в позе, какой я никогда не видела раньше, — устремившись вперед, так что платье, казалось, вот-вот упадет с плеч и соскользнет по изящно изогнутой спине. Поза казалась одновременно отрететированной и естественной, небрежной и надуманной. Руки дамы прикрывал какой-то светлый мех, я было решила, что это для тепла, но тут мех зевнул, и я с изумлением поняла, что это крошечная пушистая собачка, белоснежная, как парадный фартук миссис Таунсенд.

Женщину я не узнала, однако, кто это, сообразила сразу. Выдержав эффектную паузу, она скользнула вниз по лестнице и прошла сквозь море гостей, которое расступалось перед ней, словно повинуюсь невидимому дирижеру.

— Деб! — воскликнул Тедди ей навстречу. Его простое симпатичное лицо расплылось в широкой ухмылке. Он взял сестру за руки и поцеловал в подставленную щеку.

Дебора растянула губы в улыбке.

— Добро пожаловать домой, Тиддлз, — с отчетливым нью-йоркским акцентом сказала она. Особенностью ее речи было почти полное отсутствие интонаций, все слова звучали одинаково, отчего важное казалось неважным и наоборот. — У тебя потрясающий дом. А я созвала сюда самых блестящих людей Лондона, чтобы помочь тебе согреть его. — Дебора указала длинным пальцем на прекрасно одетую женщину, стоящую у Ханны за спиной.

— Удивилась, дорогая? — повернувшись к жене, спросил Тедди. — Это мы с мамой все придумали, а Деб — ну, она просто рождена для того, чтобы устраивать вечеринки.

— Удивилась, — ответила Ханна, пытаясь встретиться со мной глазами. — Даже сказать не могу, как.

Дебора улыбнулась своей волчьей улыбкой и обвила рукой талию Ханны. Длинной, белой, словно восковой рукой.

— Наконец-то мы встретились, — проворковала она. — Уверена: мы станем лучшими подругами.

Следующий год начался плохо, Тедди провалил выборы. Все считали,

что тут нет его вины, просто время наступило тяжелое. Кругом творилось что-то непонятное, неуправляемое. Виноваты были рабочие и эти ужасные писаки-журналисты. Они организовали травлю лучших людей страны. После войны они окончательно распоясались и стали требовать слишком многого. Прямо как ирландцы или даже русские. Ну ничего. Будут и еще выборы, и для Тедди обязательно найдется уютное кресло. На следующий год, обещал Саймион — если, конечно, сын бросит свои идиотские идеи, которые шокируют почтенных избирателей, — Тедди будет заседать в парламенте.

Эстелла считала, что Ханне надо родить ребенка. Это пойдет на пользу карьере Тедди. Избиратели увидят в нем примерного семьянина. Раз уж они поженились, то каждый мужчина в браке рано или поздно ожидает появления наследника.

Тедди начал работать у отца. Все кругом решили, что это к лучшему. После провала он выглядел, как человек, переживший шок, душевную травму. Примерно как Альфред, когда он вернулся с войны.

Такие, как Тедди, рождены для побед, а не для поражений, но не в привычках Лакстонов хандрить; родители Тедди начали наезжать в дом номер семнадцать, где Саймион рассказывал длинные истории о своем отце, о том, что путь наверх — не для нытиков и неудачников. Поездку в Италию пришлось отложить, Саймион сказал — если Тедди сейчас покинет страну, это будет выглядеть не лучшим образом. Держись победителем и победа придет. А помпеи никуда не денутся.

Я тем временем пыталась привыкнуть к лондонской жизни. Новые обязанности я освоила быстро. Перед отъездом из Ривертон мистер Гамильтон прочитал мне кучу лекций по самым разнообразным вопросам — от того, как поддерживать в порядке гардероб Ханны, до того, как поддерживать ее хорошее настроение — и здесь я была во всеоружии. В доме, однако, я чувствовала себя, как в бурном море — одиноко и неуверенно. Мистера Бойли и миссис Тиббит нельзя было назвать совсем уж подлыми, но и простодушными они не были, это точно. Они всегда держались друг друга и получали удовольствие от собственной скрытности. Особенно миссис Тиббит. Она радовалась, когда кто-то попадал впросак, и если такого долго не происходило, без всяких угрызений совести могла устроить неприятности любому, кто попадет под руку. Я быстро поняла, что в доме номер семнадцать выживает тот, кто держится настороже и не поворачивается спиной к остальным. Пока мне это удавалось.

Однажды серым промозглым утром я обнаружила Ханну в гостиной, в

полном одиночестве. Тедди и Саймион уехали в Сити, и она молча стояла у окна, глядя на улицу. Там во все стороны ехали автомобили и велосипеды, озабоченно спешили куда-то люди.

— Хотите чаю, мэм? — спросила я. Нет ответа.

— Или попросить шофера подать машину?

Я подошла поближе и поняла, что Ханна меня не слышит. Погрузилась в собственные мысли, которые так нетрудно было угадать. Ханна скучала, я поняла это по ее лицу — такому же, как в те долгие дни в Ривертоне, когда она стояла у окна детской с китайской шкатулкой в руках и ждала приезда Дэвида, чтобы поиграть, наконец, в Игру.

Я вежливо кашлянула, и Ханна пришла наконец в себя. Увидев меня, она немножко приободрилась.

— Доброе утро, Грейс.

Я повторила свой вопрос насчет чая.

— Да, пожалуй, — ответила Ханна. — Только скажи миссис Тиббит, что никаких булочек не надо. Я не голодна. Да и глупо как-то есть в одиночку.

— А после, мэм? Может быть, подать машину?

Ханна закатила глаза.

— Если я еще хоть раз прокачусь по парку, я сойду с ума. Не понимаю, как другие жены выносят эти прогулки. Неужели им действительно больше нечего делать, кроме как день за днем ездить кругами?

— Может быть, принести шитье, мэм? — Я заранее знала, что она откажется. Ханна никогда не любила шить. Терпения не хватало.

— Я лучше почитаю, Грейс. У меня и книга с собой.

Она показала мне потрепанный томик. «Джейн Эйр».

— Уж в который раз, мэм!

— В который раз, — пожав плечами, улыбнулась Ханна. Не знаю, почему, но ее улыбка меня насторожила. В голове словно зазвенел маленький тревожный колокольчик, и я не могла придумать, как его унять.

* * *

Тедди много работал, и поначалу Ханна попыталась ему помогать. Она принимала гостей, вела беседы с женами деловых партнеров и матерями политиков. Мужчины всегда говорили об одном и том же — деньги, бизнес, угроза со стороны пролетариев. Саймион, как и все люди его круга, с

большой подозрительностью относился к богеме. Тедди, несмотря на все свои благие намерения, все больше попадал под влияние отца.

Ханна тоже предпочла бы говорить о политике с мужчинами. Иногда, когда они с Тедди поздно ночью возвращались в свои смежные спальни и я приходила расчесывать Ханну, она допытывалась у мужа, кто что сказал о военном положении в Ирландии, а Тедди смотрел на жену с усталым изумлением и советовал не забивать такую прелестную головку такими тяжелыми мыслями.

— Но мне, правда, интересно, — настаивала Ханна.

— Политика — мужская игра, — отвечал Тедди.

— Я тоже хочу в нее играть, — не сдавалась Ханна.

— Ты и играешь, — успокаивал муж. — Мы ведь — команда, ты и я. Твое дело — присматривать за женщинами.

— Это скучно. Они все ужасно занудные. А я хочу говорить о серьезных вещах. Не понимаю, почему ты против?

— Понимаешь, дорогая, — откровенно отвечал Тедди, — существуют определенные правила. Не я их выдумал, однако обязан их придерживаться. — Он улыбался и трепал Ханну по плечу. — Ну-ну, не так уж все и плохо, а? Если что — мама всегда тебе поможет. И Деб. Она — то, что надо, верно?

Ханне ничего не оставалось, кроме как мрачно кивать. И ведь не поспоришь — Дебора всегда была готова помочь. Она решила не возвращаться в Нью-Йорк. Один из лондонских журналов предложил ей писать для них о моде и стиле — ну как тут было отказаться? Огромный город, полный женщин, которых можно одеть, научить, подчинить. Дебора решила пожить у Ханны и Тедди, пока не подвернется какое-нибудь приличное жилье. Тем более, как указала Эстелла, с переездом можно и не торопиться. Дом номер семнадцать — огромное здание, полное пустых комнат. Особенно пока в нем нет детей.

* * *

В ноябре того же года в Лондон на свое шестнадцатилетие прибыла Эммелин. Это был ее первый приезд, и Ханна ждала сестру с огромным нетерпением. Все утро она провела в гостиной, кидаясь к окну, как только на улице останавливался какой-нибудь автомобиль — все лишь для того, чтобы разочарованно вернуться обратно на диван.

В конце концов она так сникла, что пропустила машину, когда та действительно приехала, и очнулась только от стука в дверь и голоса дворецкого:

— К вам мисс Эммелин, мэ.

Ханна взвизгнула и сорвалась с дивана навстречу сестре, которая в сопровождении Бойли входила в комнату.

— Наконец-то! — воскликнула она, крепко обнимая Эммелин. — Я уж думала, ты никогда не приедешь! — Ханна отступила на шаг и повернулась ко мне: — Смотри, Грейс, правда, она красавица?

В ответ Эммелин изобразила натянутую полуулыбку и снова капризно сложила губы. Несмотря на эту гримасу, а, может, именно благодаря ей, выглядела она действительно очень мило. Выросла и построилась, лицо вытянулось, на нем ярко выделялись пухлые губы и огромные глаза и прочно поселилось столь модное в те дни устало-презрительное выражение.

— Садись скорее. — Ханна за руку подвела сестру к дивану. — Я прикажу подать чай.

Эммелин нырнула в угол и потихоньку от Ханны попыталась расправить юбку. На ней было простое платье по моде прошлого года, которое кто-то попытался переделать на более современный лад, да неудачно — платье упорно сохраняло привычный вид. Когда Ханна снова обернулась, Эммелин перестала копошиться и преувеличенно небрежно окинула взглядом гостиную.

— Да уж, тут все самое современное, — улыбнулась Ханна. — Сама Элси де Вульф, знаменитый декоратор, подбирала. Ужасно, правда?

Эммелин задумчиво подняла брови и медленно кивнула.

Ханна под села к ней.

— Как я рада тебя видеть! Мы будем гулять с тобой везде, везде, где захочешь, целую неделю. Можем выпить чаю с ореховым тортом у Гантера^[18] и посмотреть какое-нибудь шоу.

Эммелин пожала плечами, и я заметила, что ее пальцы по-прежнему тербят юбку.

— А можем пойти в музей, — продолжала Ханна. Эммелин неуверенно кивала. — Заглянуть в «Селфриджем»... — Ханна осеклась и натянуто рассмеялась. — Нет, вы послушайте меня! Ты только вошла, а я уже распланировала всю неделю! И слова тебе сказать не даю. Даже не спросила, как ты поживаешь.

Эммелин внимательно посмотрела на Ханну.

— Красивое платье, — наконец сказала она и поспешно замолчала,

будто выдала какую-то тайну.

Настала очередь Ханны пожимать плечами.

— У меня их полный шкаф, — призналась она. — Тедди привозит из-за границы. Как будто новое платье заменит мне путешествие! Конечно — зачем еще женщине ездить по разным странам, как только не за тряпками! Поэтому у меня полный гардероб вещей, в которых мне некуда... — Она замолчала, будто опомнившись. — В общем, мне столько не нужно. — Ханна внимательно посмотрела на Эммелин. — Не хочешь покопаться в шкафу? Поглядеть, может, тебе что-нибудь подойдет? Ты бы мне очень помогла — расчистила бы немного места.

Эммелин вскинула голову, не в силах скрыть волнение.

— Ну, если тебе надо помочь... Я не против.

Эммелин облегчила гардероб Ханны на десять парижских платьев, а мне велели пересмотреть и усовершенствовать одежду, которую она привезла с собой. Когда я распарывала кривоватые стежки Нэнси, на меня накатила ностальгия по Ривертону. Только бы Нэнси не оскорбилась за мое вмешательство.

Отношения между сестрами быстро наладились, с Эммелин слетело напускное недовольство, и к концу недели они общались, как в старые добрые времена. Исчезли напряженность и скованность, чему обе были очень рады. Я тоже обрадовалась: в последнее время Ханна казалась чересчур мрачной. Хорошо бы ее доброе настроение сохранилось и после отъезда сестры.

В день отъезда Эммелин с Ханной уселись рядом на диван — ждать автомобиль из Ривертонна. Дебора как раз убегала в редакцию на какое-то собрание, она стояла тут же, у письменного стола, и торопливо писала открытку с соболезнованиями подруге, у которой умер родственник.

Эммелин откинулась на спинку дивана и томно вздохнула.

— Я бы каждый день пила чай у Гантера. С ореховым тортом!

— Рискаешь потерять свою тонкую талию? — хмыкнула Дебора, поскрипывая ручкой по бумаге. — Минута во рту... дальше сама знаешь.

Эммелин у нее за спиной завела глаза к потолку, а Ханна изо всех сил постаралась не рассмеяться.

— Ты правда не хочешь, чтобы я осталась? — спросила у нее Эммелин. — Я бы тебе не мешала.

— Боюсь, Па не согласится.

— Глупости. Ему абсолютно все равно. — Эммелин просительно склонила голову. — Я бы могла жить в какой-нибудь кладовке. Ты бы и не заметила, что я тут.

Ханна промолчала, не зная, что ответить.

— Ты будешь очень скучать без меня, — не сдавалась Эммелин.

— Знаю, — согласилась Ханна, падая назад в притворном обмороке. — Как я это переживу?

Эммелин засмеялась и кинула в нее подушкой.

Ханна поймала ее, выпрямилась и некоторое время сидела молча, пощипывая бахрому. Наконец, спросила, не поднимая глаз:

— А Па, Эмми... Он... Как он там?

Я знала, что Ханна очень переживает из-за разрыва с отцом. Не однажды я находила в ее секретере начатые и брошенные письма. И ни одного не отправила.

— Па как Па, — пожала плечами Эммелин. — Какой был, такой и остался.

— Это хорошо, — грустно сказала Ханна. — Он ведь мне не пишет.

— А чего ты хотела, — зевнула Эммелин. — Ты же знаешь: Па как упрется...

— Да, — кивнула Ханна. — И все-таки мне казалось... — Ее голос сорвался, наступила тишина.

Хотя Дебора стояла к нам спиной, я увидела, как она наострила уши в ожидании сплетни — просто охотничья собака в предчувствии добычи. Ханна, видно, заметила то же самое, потому что, тут же меняя тему, произнесла гораздо бодрее:

— Я забыла тебе сказать — я ведь собираюсь на работу.

— На работу? — переспросила Эммелин. — Продавщицей?

Теперь засмеялась Дебора. Она запечатала конверт, повернулась на стуле и тут увидела лицо Ханны. Смех оборвался.

— Ты что, серьезно?

— Ханна у нас всегда серьезно, — ответила за сестру Эммелин.

— Когда мы с тобой ездили на Оксфорд-стрит, — сказала Ханна Эммелин, — я заметила небольшое издательство — «Блэкслендз». Там, на окне висело объявление. Они искали редактора. — Ханна подняла плечи. — Я люблю читать, интересуюсь политикой, грамотно пишу...

— Не глупи, дорогуша. — Дебора протянула мне письмо. — Проследи, чтобы ушло утренней почтой. — Она повернулась к Ханне. — Они тебя никогда не возьмут.

— Они уже взяли, — сообщила Ханна. — Я подала заявление, и владелец сказал, что к работе нужно приступить немедленно.

Дебора со свистом втянула воздух, на ее губах заиграла злая улыбка.

— Ты что, не понимаешь, что об этом даже и вопрос не стоит?

— Какой вопрос? — с притворной наивностью спросила Эммелин.

— Вопрос приличия, — отрезала Дебора.

— Я и не знала, что бывает такой вопрос, — рассмеялась Эммелин. —

А как на него отвечать?

Дебора резко выдохнула, ее ноздри раздулись.

— «Блэкслендз»? — презрительно переспросила она. — Не те ли, что выпускают отвратительные большевистские брошюрки, которые раздают солдаты на каждом углу? — Дебора сощурилась. — Братец сойдет с ума, когда узнает.

— Почему же? — стояла на своем Ханна. — Тедди очень сочувствует безработным.

У Деборы полыхнули глаза — азарт хищника при виде жертвы.

— Ошибаешься, ласточка. Тиддлз ни за что не станет отпугивать потенциальных избирателей. Кроме того... — она горделиво выпрямилась перед большим зеркалом и воткнула в шляпу булавку, — ...сочувствует или нет, вряд ли он обрадуется, узнав, что ты примкнула к тем самым людям, которые своими брошюрками помогли ему провалить выборы.

Ханна сникла на глазах — об этом она действительно не подумала. Посмотрела на Эммелин, та сочувственно пожала плечами. Дебора внимательно наблюдала за ними в зеркало, пряча довольную улыбку. Повернулась к Ханне и покачала головой:

— Да это удар в спину, милочка!

Ханна только вздохнула.

— Он убьет бедного старину Тиддлза, — продолжала Дебора. — Просто уничтожит.

— Так не говори ему, — предложила Ханна.

— Ты меня знаешь, я — человек свободных взглядов. Но не забывай о сотнях и сотнях менее щепетильных людей, которые будут страшно рады доложить обо всем Тедди, как только увидят твое имя — его имя — на этой красной пропаганде.

— Хорошо, я сообщу в издательство, что отказываюсь от места, — пробормотала Ханна.

— Милое дитя, — засмеялась Дебора. — Выкинь ты из головы эти глупости. Для тебя нет и не может быть никакой работы. Ну подумай сама: что скажут люди?

— Так ты же работаешь, — лукаво прищурилась Эммелин.

— Это совсем другое дело, крошка, — нисколько не смутившись, ответила Дебора. — Я еще не встретила своего Тедди. Как только найду подходящего мужчину — так тут же все и брошу.

— Мне нужно чем-нибудь заняться, — сказала Ханна. — Я не могу больше сидеть здесь в одиночку и ждать — вдруг кто-нибудь зайдет в гости.

— Ну разумеется, — согласилась Дебора, хватая со стола сумочку. — Никому не понравится сидеть, сложа руки. Хотя мне кажется, что в доме нашлись бы дела и поважнее, чем сидеть и ждать. Хозяйство, как известно, само себя не ведет.

— Нет, — подтвердила Ханна. — И я бы с радостью взяла на себя часть обязанностей...

— Лучше займись тем, что у тебя хорошо получается. Я это всем говорю, — посоветовала Дебора, скользнув к выходу. — Знаю! — Она придержала дверь и с торжествующей улыбкой обернулась на пороге. — Странно, как я раньше об этом не подумала! Я поговорю с мамой. Ты можешь присоединиться к ее Лиге женщин-консерваторов. Они как раз ищут добровольцев для подготовки праздника. Будешь надписывать карточки и рисовать декорации — очень творческая работа.

Ханна и Эммелин обменялись взглядами, и тут в дверях возник Бойли.

— Автомобиль за мисс Эммелин, — провозгласил он. — Поймать вам такси, мисс Дебора?

— Не беспокойтесь, Бойли, — легкомысленно отозвалась Дебора. — Я, пожалуй, пройду, подышу воздухом.

Бойли кивнул и вышел, чтобы проследить за погрузкой вещей.

— Нет, это просто гениально! — сияя, продолжала Дебора. — Тедди так обрадуется, что вы с мамой начали сотрудничать! — Она склонила голову и прошептала: — А я в этом случае обещаю не говорить ему ни слова о твоей глупой выходке.

ВНИЗ ПО КРОЛИЧЬЕЙ НОРЕ

Я не стану дожидаться Сильвию. Хватит. Пойду и сама найду себе чашку чая. Со сцены из усилителей рвется резкая ритмичная музыка, под нее танцуют шесть девушек. Они одеты во что-то обтягивающее, красное с черным, вроде купальников, и в высокие, до колен, черные сапоги на таких высоких каблуках, что я удивляюсь — как же они вообще двигаются. Вспоминаются танцы моей юности. «Хаммерсмит Палладион», «Ориджинал Диксиленд Джаз Банд». Эммелин любила чарльстон.

Я обхватываю пальцами подлокотник, наклоняюсь так, что локти врезаются в ребра, и изо всех сил толкаю себя вверх. Вцепляюсь в перила и стою так некоторое время, покачиваясь, потом тяжело опираюсь на трость, выпрямляюсь и жду, когда окружающее перестанет плавать перед глазами. Что за жара! Осторожно пробую палкой землю. Она влажная и мягкая после недавнего дождя, и я боюсь увязнуть. Ничего — буду наступать в следы, оставленные другими. Медленно, но верно я начинаю двигаться...

— Узнайте свою судьбу... Читаю по руке...

Терпеть не могу гадалок. Мне как-то сказали, что у меня короткая линия жизни, и плохие предчувствия мучили меня лет до семидесяти.

Я иду по своим делам и не оглядываюсь. Меня мало интересует будущее. Только прошлое.

* * *

Ханна ходила к предсказательнице в начале тысяча девятьсот двадцать первого. В среду Утром, по средам, она обычно принимала гостей. Дебора встречалась с леди Люси Дафф-Гордон в «Савое», а Тедди, как обычно, ушел на работу. К тому времени он вполне оправился от провала и походил на человека, который очнулся от кошмара и видит, что все кругом осталось по-прежнему. Однажды вечером, за ужином, он сказал Ханне, что даже не мог себе представить, как много дает профессия банкира. Не в смысле денег, тут же уточнил он, а в смысле внутреннего обогащения. Вскоре, обещал Тедди, он спросит у отца, не смогут ли они основать фонд для поддержки молодых художников. Или скульпторов. Ну или еще каких-нибудь творческих людей. Не поднимая глаз от своей тарелки, Ханна согласилась, что это будет чудесно — она давно смирилась с тем, что слова

мужа сильно расходятся с делами, — и Тедди перевел разговор на нового клиента — крупного промышленника.

В то утро, как только целая стая изысканно одетых женщин покинула дом номер семнадцать, я начала убирать за ними посуду — мы только что лишились пятой горничной и пока что не нашли ей замену. В гостиной остались только Ханна, Фэнни и леди Клементина, они сидели в креслах, допивая чай. Ханна задумчиво позвякивала ложечкой о блюде. Ей не терпелось проводить и этих гостей, хотя в тот момент я еще не знала, почему.

— Нет, серьезно, милая, — сказала леди Клементина, глядя на Ханну поверх пустой чашки. — Тебе пора задуматься о нормальной семье. Она переглянулась с Фэнни, которая с гордостью демонстрировала свой увеличившийся живот. Она ждала второго. — Дети очень укрепляют брак. Не так ли, Фэнни?

Фэнни только что в очередной раз набила рот и лишь кивнула в ответ.

— Женаты уже давно, а детей все нет, — строго сказала леди Клементина. — Люди начнут судачить.

— Вы совершенно правы, — ответила Ханна. — Но уверяю вас, тут совершенно не о чем беспокоиться.

Она сказала это так беззаботно, что у меня по спине побежали мурашки. Любому трудно признать, что у него что-то не в порядке. Но провести леди Клементину было почти невозможно. Она снова переглянулась с Фэнни, на этот раз — встревоженно.

— Надеюсь, у вас все в порядке? Там, внизу?

Сначала я решила, что она имеет в виду наши проблемы с прислугой. И поняла, о чем разговор, только когда Фэнни проглотила очередной кусок кекса и горячо добавила:

— Ты ведь можешь сходить к специальному врачу. К дамскому.

На это Ханне нечего было ответить. Нет, было, конечно. Можно было посоветовать гостям не лезть не в свое дело, и когда-то она так бы и сделала. Но время обкатало острые углы, и Ханна промолчала. Только улыбнулась, мечтая про себя, чтобы они распрощались как можно скорее.

Проводив наконец гостей, Ханна рухнула на диван.

— Неужели? — простонала она. — Я уж думала, они никогда не уйдут. Она поглядела, как я составляю чашки на поднос.

— Мне очень жаль, что тебе приходится заниматься уборкой, Грейс.

— Ничего, мэм. Я уверена, это ненадолго.

— Все равно. Посуда — не твоя обязанность. Я поговорю с Бойли насчет новой горничной.

Я собрала чайные ложки. Ханна все смотрела на меня.

— Грейс, ты умеешь хранить секреты?

— Вы же знаете, что да, мэм.

Она вытащила из-под пояса сложенную в несколько раз газетную вырезку и аккуратно ее расправила.

— Я нашла это на последней странице, — Ханна протянула вырезку мне.

«Предсказательница судьбы, — прочла я. — Знаменитый медиум. Контакт с умершими. Узнайте свое будущее».

Я быстро вернула Ханне объявление и инстинктивно вытерла руки о фартук. У нас под лестницей толковали о таких вещах. Это было новое повальное увлечение, подогретое послевоенной тоской. Всякому хотелось услышать слова утешения от погибших близких.

— Мне назначена встреча. На сегодня, — призналась Ханна.

Я не знала, что и ответить. И зачем она мне рассказала? Вздыхнув, я покачала головой:

— Если вы позволите, мэм, я бы не стала связываться с гадалками, сеансами и так далее.

— Да что ты, Грейс, — удивленно воскликнула Ханна. — Уж от кого я таких слов не ожидала, так это от тебя! А ты слышала, что сэр Артур Конан Дойл верит в спиритизм?

Причем сеансы проходят прямо у него дома. Он регулярно общается со своим сыном Кингсли.

Ханна не знала, что я уже остыла к Шерлоку Холмсу. Приехав в Лондон, я открыла для себя Агату Кристи.

— Дело в том, мэм, — быстро объяснила я, — что я как раз верю.

— Веришь?

— Да, мэм. В том-то и беда. Это нехорошо. Загробный мир и все такое. Опасно туда влезать.

— Опасно, говоришь... — задумалась Ханна.

Я поняла, что выбрала неверную тактику. Мои слова лишь подстегнули азарт Ханны.

— Я иду с вами, мэм, — твердо сказала я.

Не ожидавшая ничего подобного, Ханна не знала, что и делать: ругаться или благодарить. В конце концов она выбрала и то, и другое.

— Нет. Это ни к чему. Я схожу туда сама. — Ее голос прозвучал очень жестко, но тут же смягчился. — У тебя же сегодня выходной. Наверняка ты уже запланировала что-то поинтересней, чем бродить за мною следом.

Я не ответила. Свои планы я держала в секрете. После

многочисленных писем с обеих сторон Альфред наконец решил навестить меня в Лондоне. Я и не думала, что мне будет так одиноко вдали от Ривертонна. В придачу к тем трудностям, которые перечислял мистер Гамильтон, обнаружились новые, которые мне совсем не нравились, особенно если учесть, что Ханна была вовсе не так весела, как положено новобрачной. Да еще миссис Тиббит с ее отвратительной манерой делать гадости — приходилось все время быть настороже, а о дружбе и речи не шло. Впервые в жизни я страдала от одиночества. И хотя я старалась не искать в письмах Альфреда никакой романтики (хватит, пробовали уже), мне все-таки очень хотелось с ним встретиться.

Тем не менее, я пошла следом за Ханной. С Альфредом я встречалась вечером и решила, что, если я потороплюсь, как раз успею проследить, чтобы хозяйка вошла и вышла невредимой. Я наслушалась о медиумах такого, что просто не могла отпустить ее одну. Кузен миссис Тиббит после сеанса рехнулся, а мистер Бойли знал одного парня, которого мало того что ограбили, так еще и зарезали.

И вообще: хотя я никак не могла решить, как относиться к спиритизму, я отлично понимала, что за люди обращаются к медиумам. Только человек, недовольный настоящим, стремится узнать будущее.

* * *

Город накрыл густой туман — тяжелый, серый. Я, как сыщик, села Ханне «на хвост», боясь отстать и потерять ее во мгле. На углу человек в шинели играл на губной гармошке. Они были везде — эти демобилизованные солдаты: в каждой переулке, под каждым мостом, на каждой железнодорожной станции. Ханна остановилась, порылась в кошельке и кинула монетку в его шляпу.

Мы повернули на Кин-стрит, и Ханна остановилась перед красивым домом эпохи короля Эдуарда. Выглядел он вполне респектабельно, но, как любила повторять мама, по внешности не судят. Ханна сверилась с объявлением и позвонила. Дверь тут же открылась, и Ханна, даже не обернувшись, исчезла в доме.

Я осталась на тротуаре, гадая, на какой этаж она поднимается. На третий, решила я: там так странно светила лампа, золотя оборки на задернутых занавесках. Я приготовилась ждать и уселась на бетонную ступеньку рядом с одноногим продавцом заводных обезьянок, которые

карабкались по веревке вверх и вниз.

Ждала я около часа. Ступенька оказалась такой холодной, что ноги у меня заledenели, и когда появилась Ханна, я не смогла вовремя отскочить. Пришлось съежиться и понадеяться на то, что она меня не заметит. Она и не заметила — она вообще ничего не видела. Встала в раздумье на крыльце с бледным, даже испуганным липом. И как будто к месту прилипла. Я даже подумала, что предсказательница ее заколдовала — покачала перед глазами какие-нибудь часы на цепочке, как на фото показывают, да и загипнотизировала. В ногах колело и щипало, я даже не могла подойти. Я уж решила было окликнуть Ханну, как вдруг она глубоко вздохнула, встряхнулась и торопливо зашагала домой.

* * *

В тот туманный вечер я опоздала на свидание с Альфредом. Ненамного, но достаточно для того, чтобы он успел разволноваться, а увидев меня — нахмуриться.

— Грейс!

Мы неловко поздоровались. Он протянул мне руку, а я протянула свою. Мы промахнулись, и Альфред вместо ладони взял меня за локоть. Я нервно хихикнула и спрятала руку под шарф.

— Прости за опоздание. Я провожала хозяйку и...

— А она что, не знает, что у тебя сегодня выходной? — осведомился Альфред. Он оказался выше, чем мне запомнилось, лицо стало более жестким, и все-таки он мне очень нравился. — Надо было сказать ей, чтобы шла одна.

Знакомое раздражение. Альфреду все меньше и меньше нравилась его работа. В письмах из Ривертонна явственно звучало презрение к лакейской службе. А в последнее время и расспросы о Лондоне, и репортажи из

Ривертонна были густо приправлены цитатами из книг о классовой борьбе, пролетариате и профсоюзах.

— Ты же не рабыня, — втолковывал мне Альфред. — Ты вполне можешь ей отказать.

— Я знаю. Я просто не думала... Мне казалось, мы вернемся вовремя.

— Ну ладно. — Он остыл и тут же стал похож на того Альфреда, которого я помнила. — Ты ни в чем не виновата. Давай проведем с пользой оставшееся время, прежде чем вернуться в наши соляные копи. Как насчет

того, чтобы перекусить перед кино?

Мы бок о бок пошли по улице. Я была счастлива, казалась себе взрослее и увереннее: настоящее свидание — это вам не шутки, да еще с таким парнем, как Альфред. А хорошо бы он взял меня под руку! Тогда люди принимали бы нас за женатую пару...

— Я заглядывал к твоей маме, — прервал мои мечты Альфред. — Как ты просила.

— Ой, спасибо, — обрадовалась я. — Ей не очень плохо, нет?

— Не так чтобы плохо, — отводя глаза, согласился Альфред. — Но и не так чтобы хорошо, если уж честно. Сильный кашель. И со спиной нелады, она жаловалась. — Он засунул руки в карманы. — Артрит это называется?

Я кивнула:

— Привязался к ней совершенно неожиданно. Еще в детстве. Особенно плохо ей бывает зимой.

— У моей тети было то же самое. Постарела раньше времени. — Альфред покачал головой. — Вот не везет людям!

Некоторое время мы шагали в молчании.

— Альфред, — сказала я наконец. — Насчет мамы... у нее... ей всего хватает? К примеру, угля, ну и всего остального?

— Да, — ответил он. — С этим все в порядке. Вполне приличная куча угля. — Он потрепал меня по плечу. — А миссис Ти регулярно передает ей свертки с разной вкуснятиной.

— Благослови ее бог, — мои глаза наполнились слезами благодарности. — И тебя, Альфред. За то, что заглядываешь к маме. Я знаю, она рада, даже если и не говорит об этом.

Он пожал плечами и прямо ответил:

— Я делаю это не ради благодарности твоей мамы. Я делаю это ради тебя, Грейси.

Душу залила теплая волна счастья. Я прижала руки в перчатках к потеплевшим щекам и смущенно спросила:

— А как все остальные? Там, в Саффроне?

Альфред помолчал, будто обдумывая ответ.

— Да все по-старому. Во всяком случае, под лестницей. Наверху — другое дело.

— Мистер Фредерик? Нэнси писала, что с ним творится что-то странное.

Альфред покачал головой.

— С тех пор, как вы уехали, ходит мрачнее тучи. Может, это он по тебе

сохнет, Грейси? — поддразнил меня Альфред, и я против желания улыбнулась.

— Он тоскует по Ханне.

— Не знаю, не признается.

— И она такая же. — И я рассказала Альфреду о неоконченных письмах. — Черновик за черновиком, и ни одного не отослала.

Он свистнул.

— А еще говорят: нам надо учиться у наших господ. Спроси меня — так я думаю, им самим есть чему у нас поучиться.

Я шагала рядом с ним, раздумывая о странностях мистера Фредерика.

— А тебе не кажется, что если они с Ханной наладят отношения...

Альфред пожал плечами.

— Не думаю, что все так просто. Нет, конечно, он скучает без нее. Тут все понятно. Но дело не только в этом.

Я вопросительно посмотрела на него.

— С тех пор, как ему пришлось продать завод, он чувствует себя ненужным. Все время бродит по имению. Берет ружье — заявляет, что кругом браконьеры, — и ходит, ходит... А Дадли говорит — нет никаких браконьеров, все он выдумывает. Я его понимаю — трудно человеку без дела.

— А Эммелин хоть как-то помогает?

— Маленькая мисс? — Альфред в который раз пожал плечами. — Та еще выросла штучка. Командует в доме, как хочет, а хозяину сейчас все равно. Он вообще ее почти не замечает. — Альфред пнул камешек и проследил, как он поскакал по тротуару и свалился в люк. — Нет, это уже не тот дом, Грейс. Особенно с тех пор, как ты уехала.

Не успела я обрадоваться его последним словам, как Альфред воскликнул:

— А, кстати! — Он залез в карман. — Ты никогда не угадаешь, кого я только что видел. Вот сейчас, когда тебя дожидался.

— Кого?

— Мисс Старлинг. Люси Старлинг. Помнишь, она была секретаршей у мистера Фредерика?

Мгновенный укол ревности. Он зовет ее по имени. Люси. Скользкое, шелковое имя.

— Мисс Старлинг? Здесь, в Лондоне?

— Да, она сказала, что переехала сюда. В квартиру на Хартли-стрит, как раз за углом.

— А что она здесь делает?

— Работает. Когда развалился завод мистера Фредерика, ей пришлось искать новую службу. А в Лондоне гораздо больше возможностей. — Альфред протянул мне листок бумаги. Белый, теплый, с загнутым от лежания в кармане уголком. — Я записал для тебя ее адрес. — Он посмотрел на меня и улыбнулся. Я почувствовала, что опять краснею. — Мне будет спокойней, если я буду знать, что у тебя в Лондоне есть хоть один друг.

* * *

У меня кружится голова. Мысли плывут. Туда и обратно, взад-вперед по волнам прошлого.

Павильон. Может, Сильвия там. Чай там точно есть — дамы из женского комитета наверняка обосновались в кухне и следят, чтобы никто не ушел без кекса, булочки и стакана жидкого чая с пластмассовой палочкой вместо ложки. Я направляюсь к невысокому бетонному порожку. Иду довольно уверенно.

А вот на крыльцо ступаю неудачно — промахиваюсь, нога стучается о край ступени. Я спотыкаюсь, и кто-то подхватывает меня под локоть. Молодой парень — темнокожий, с зелеными волосами и серьгой в носу.

— Что случилось? — заботливо спрашивает он.

Я не могу отвести глаз от кольца в ноздре, слова куда-то потерялись.

— Да вы побелели, как полотно! Вы здесь одна? Может, позвать кого-нибудь?

— Вот вы где!

Женщина. Смутно знакомая.

— Ушли неизвестно куда! Я уж думала — вы потерялись! Она кудахчет, как наседка, уперла кулаки в поясницу — даже выше — и кажется, будто машет кургузыми крыльями.

— Я наткнулся на нее на крыльце, — объясняет волосатик. — Чуть не упала.

— Как вам не стыдно, безобразница вы эдакая? — не унимается Сильвия. — Я и отошла-то всего на минутку! Если не бросите такие штучки, вы меня в могилу вгоните! О чем вы только думаете!

Я прошу ее не кричать. Пытаюсь вспомнить, за чем я шла. Не помню. Мне что-то было нужно. Очень нужно.

— Пойдемте, — говорит Сильвия, двумя руками уводя меня от

крыльца. — Энтони вас заждался.

* * *

Палатка большая и белая, одно полотнище откинута для всех желающих. Над входом большой разноцветный плакат — «Историческое общество Саффрон-Грин». Сильвия заводит меня внутрь. Там жарко и пахнет свежескошенной травой. К потолку подвешена люминесцентная лампа, она жужжит и заливает бледным, больничным светом все те же белые пластмассовые стулья.

— Вот он, — шепчет Сильвия, указывая на человека, такого непримечательного, что он кажется смутно знакомым. Русые с проседью волосы, такие же усы, красные щеки. Он озабоченно говорит с пожилой женщиной в строгом костюме. Сильвия наклоняется к моему уху и шепчет:

— Говорила же я, что он очень даже ничего, правда?

Жарко, ноги болят. Я раздраженно бурчу:

— Мне нужно срочно выпить чаю.

Сильвия с удивлением взглядывает на меня.

— Конечно, радость моя. Я принесу вам чай, и еще у меня для вас сюрприз. Садитесь-ка вот сюда.

Она усаживает меня около обтянутого мешковиной стенда с фотографиями и исчезает.

Фотография — жестокое искусство. Оно выдергивает из прошлого и тащит в будущее отдельные моменты, моменты, которые должны были уйти в никуда вместе со своим временем, остаться в воспоминаниях, просвечивать сквозь дымку новых событий. Фото заставляет нас видеть людей такими, какими они были до того как их согнуло время, прежде чем они нашли свой конец.

С первого взгляда снимки сливаются в длинный ряд белых лиц и юбок в море желтоватой сепии, но потом память выделяет одни и задвигает другие. Вот летний домик, который Тедди выстроил по своему собственному проекту, когда в тысяча девятьсот двадцать четвертом поселился в Ривертоне. Судя по всему, фото сделано именно тогда. Тедди стоит около недостроенной лестницы, облокотившись на белоснежную мраморную колонну. На траве разложен коврик для пикника. На нем, бок о бок, Ханна и Эммелин. Отстраненно смотрят в никуда. Ближе всех, изящно изогнувшись, стоит Дебора. Темные волосы падают на глаза, в руке

сигарета. От дыма фотография словно затуманилась. Мне все кажется, что за ним прячется пятая фигура. Нет, конечно. Робби никогда не фотографировался в Ривертоне. Он и приезжал-то туда всего два раза.

На второй фотографии людей нет. На ней только дом, верней, то, что от него осталось после пожара перед второй мировой. Левое крыло полностью исчезло, будто с неба спустился гигантский ковш и одним махом вычерпал детскую, столовую, гостиную и спальни хозяев. Остались одни головешки. Говорят, пожарище дымило несколько недель. А в деревне не один месяц пахло сажей. Я, честно говоря, не знаю. К тому времени началась война, родилась Руфь, а я стояла на пороге новой жизни.

На третью фотографию я стараюсь не глядеть. Не думать, когда она сделана. Людей я узнала легко, одеты они празднично. В те дни устраивалось множество вечеринок, хозяева наряжались и позировали перед фотоаппаратом. Это могла быть любая из них. Беда в том, что я знаю, какая именно. Я знаю, где они стоят и что случится чуть позже. Я точно помню, кто во что был одет.

Я помню кровь, брызги на светлом платье, будто банку красных чернил с высоты опрокинули. Я бы никогда их не вывела, да и не пыталась. Просто выкинула платье. Она никогда и смотреть-то на него не стала бы, я уж не говорю — носить.

Они еще ничего не знают, улыбаются. Ханна, Эммелин и Тедди. Позируют для снимка. До Того. Я вглядываюсь в лицо Ханны, пытаюсь отыскать хоть какой-то намек, какое-то предчувствие надвигающейся беды. И не нахожу. Только ожидание. Или я его придумала, я ведь знаю, что оно было.

У меня за спиной кто-то останавливается. Женщина. Она наклоняется, смотрит на те же фотографии.

— Бесценные снимки, правда? А поглядите, какие смешные наряды! Другой мир...

Только я вижу тень на этих лицах. Холодею от воспоминаний. Нога болит в месте ушиба, в туфлю стекает что-то липкое.

Кто-то похлопывает меня по плечу.

— Доктор Брэдли?

Ко мне наклоняется мужчина и берет меня за руку.

— Разрешите мне называть вас Грейс. Очень, очень рад познакомиться. Сильвия много о вас рассказывала. Очень приятно.

Что это за человек? Он говорит так медленно и громко. К чему он так трясет мою руку? Что сказала ему Сильвия? И зачем?

— ...преподаю я английский, но моя подлинная страсть — история.

Местный любитель, так сказать.

Появляется Сильвия с пластиковым стаканчиком в руке.

— А вот и я.

Чай. Наконец-то. Я делаю глоток. Он еле теплый — мне больше не дают горячих напитков. Боятся, что задремлю и опрокину.

Сильвия усаживается рядом.

— Энтони уже рассказал вам о воспоминаниях? — Она часто моргает густо накрашенными глазами в сторону мужчины. — Ты уже рассказал?

— Нет, мы еще почти не говорили.

— Энтони записывает на видео рассказы местных жителей. Отошлет в историческое общество. — Сильвия радостно улыбается. — Он даже специальный грант на это получил. Вот только что, к примеру, заснял миссис Бейкер.

Энтони помогает ей объяснять, как он выхватывает из общей массы отдельные истории: устные рассказы, приметы прошлого, мы на рубеже веков, люди прошедшего столетия...

Когда-то никто никому своих биографий не рассказывал. Людям и в голову не приходило, что это вообще может быть интересно. А теперь все подряд строчат мемуары, выдумывая самое трудное детство, самого жестокого отца. Четыре года назад к нам приходил студент из близлежащего технического колледжа, стеснительный молодой человек — лицо в юношеских угрях и ногти обгрызены. Он принес магнитофон, микрофон и конверт с написанными от руки вопросами. Ходил из комнаты в комнату, спрашивал, не хотят ли их жильцы поучаствовать в опросе. Большинство с восторгом согласилось. Мэвис Баддлинг, к примеру, мучила его рассказами о своем героическом муже, которого у нее никогда не было.

Наверное, я должна обрадоваться. Всю свою вторую жизнь — после Ривертонна, после войны, я провела, откапывая чужие судьбы. Находила свидетельства, отыскивала кости. Насколько было бы легче, если бы каждый перед смертью записывал свою историю на кассету! Мне представляются миллионы кассет с бормотанием пожилых людей, по цене десятка яиц. И лежат они в огромной комнате, в каком-нибудь подземном бункере — стеллажи от потолка до пола, кассеты на них — рядами, стены аж звенят от воспоминаний. И никто их слушать не хочет!

Мне, к примеру, достаточно, чтобы мою историю выслушал единственный человек. Именно для него я купила свой магнитофон. Надеюсь, что так оно и случится. Что Урсула права: Марк выслушает и поймет. Что история моей вины поможет ему освободиться от своей.

* * *

Свет очень яркий. Чувствую себя, как курица на гриле. Ощипали и жарят. И зачем я только согласилась? А я вообще соглашалась?

— Вы можете сказать что-нибудь, чтобы мы проверили звук? — Энтони скорчился за каким-то черным предметом. Видеокамера, наверное.

— Что сказать? — чужим голосом спрашиваю я.

— Так, еще раз.

— Я на самом деле не знаю, что сказать.

— Отлично. — Энтони отходит от камеры. — Готово. Палатка пахнет разогретым брезентом.

— Я так давно хотел с вами поговорить! Сильвия сказала, вы работали в доме на холме?

— Да.

— Можете не наклоняться к микрофону. Он отлично ловит звук.

А я и не заметила, что наклонилась. Дергаюсь назад, к спинке сиденья, словно меня шлепнули.

— Вы работали в Ривертоне.

Это утверждение, не вопрос, и все-таки я не могу побороть привычку уточнять, договаривать.

— Начала в тысяча девятьсот четырнадцатом, горничной.

Энтони недоволен, то ли собой, то ли мной — не знаю.

— Да... так вот... — он нетерпеливо ерзает. — Вы работали у Теодора Лакстона? — Это имя он произносит с трепетом, будто боится прогневать дух покойного Тедди.

— Да.

— Невероятно! И часто вы его видели?

Энтони явно подразумевает: много ли я слышала, могу ли рассказать, что творилось за закрытыми дверями. Боюсь, придется его разочаровать.

— Нечасто. Я служила камеристкой у его жены.

— Значит, вы должны были много знать и о Теодоре.

— Нет. В самом деле нет.

— А я читал, что слуги вечно судачили о хозяевах. Вы же знали, что творилось в то время?

— Нет.

Конечно, позже многое вышло на свет. Я читала об этом в газетах, как и все остальные. Визит в Германию, встреча с Гитлером. Ничего особенного. Многие тогда сотрудничали с Гитлером, многие уважали его,

хвалили за развитие промышленности. И понятия не имели, что за развитием стоит рабский труд. Тогда об этом знали единицы. Сумасшедшим его назовут потом.

— О встрече с немецким послом в тридцать шестом году?

— В то время я уже не работала в Ривертоне. Уволилась лет за десять до встречи.

Энтони замолкает. Он разочарован, и неудивительно. Не знает, о чем спрашивать. Потом вдруг оживает.

— В двадцать шестом?

— В двадцать пятом.

— Тогда вы должны были работать там, когда этот парень — как его, поэт — когда он выстрелил в себя!

Под лампой жарко. Я устала. Сердце неприятно трепещет. Или что-то внутри сердца: артерия, истончившаяся до того, что не гонит кровь, стук как будто проскакивает.

— Да, — слышу я свой собственный голос.

Энтони готов утешиться и этим.

— Замечательно. Поговорим о нем?

Я слышу, как бьется мое сердце. Вяло, неохотно.

— Грейс!

— Она такая бледная!

Голова легкая-легкая. Я очень устала.

— Доктор Брэдли!

— Грейс... Грейс!

Кругом завывает, словно ветер в трубе, сердитый ветер, вслед за которым придут летние бури. Он набрасывается на меня. Он все сильнее и сильнее. Нет, это не ветер, это мое прошлое явилось за мной. Оно везде: свистит в ушах, за ушами, толкает под ребра...

— Позовите врача, кто-нибудь, позвоните в «Скорую»!

Растворение. Распад. Миллионы крошечных частиц утекают сквозь воронку времени.

— Грейс! Слышите, Грейс? Все будет хорошо...

Конские копыта по булыжной мостовой, автомобили с иностранными именами, мальчики-посыльные на велосипедах, няни с колясками, прыгалки, классы, Грета Гарбо, «Ориджинал Диксиленд Джаз Банд», Би Джексон, чарльстон, «Шанель номер пять», «Загадочное происшествие в Стайлз», Френсис Скотт Фитцджеральд...

— Грейс! Меня зовут?

— Грейс! Сильвия? Ханна?

— Она вдруг свалилась. Сидела тут и...

— Подвиньтесь, мэм. Мы ее занесем. — Какой-то новый голос.

Хлопок двери.

Сирена.

Едем.

— Грейс... Слышите меня? Это Сильвия... Держитесь, ладно? Я с вами... мы едем домой... вы только держитесь...

Держать? Что? А-а-а, ну конечно... письмо. Оно у меня в руке. Ханна ждет, когда я принесу ей письмо. На улице гололед, пошел первый снег...

В БЕЗДНЕ

Очень холодно, и я пускаюсь домой бегом. Чувствую свою кровь — теплую, густую, она пульсирует под замерзшей кожей. На скулах кожа натянулась от ветра так, будто стала мне мала. Как на вешалке — сказала бы Нэнси.

Я крепко сжимаю письмо. Конверт маленький, он немного испачкан там, где отправитель смазал пальцем чернила. Теплый от моей руки.

Письмо от частного сыщика. Настоящего детектива из конторы на Суррей-стрит, с секретаршей в приемной и машинисткой за столом. Меня послали за конвертом лично, потому что доверить такие взрывоопасные сведения почте или телефону просто невозможно. Мы надеемся, что в конверте сведения об Эммелин, которая загадочно исчезла. Дело пахнет настоящим скандалом. Кроме меня, о нем знают немногие.

Три дня назад нам позвонили из Ривертон. Эммелин проводила выходные у друзей в Оксфордшире.

И сбежала во время поездки в город, в церковь. Ее дожидалась машина, так что побег не случайный. Поговаривают, что тут замешан мужчина.

Я радуюсь письму — сейчас очень важно найти Эммелин, но дело не только в этом. Сегодня вечером я встречаюсь с Альфредом. В первый раз с того туманного вечера, когда он дал мне адрес Люси Старлинг и сказал, что ему так будет спокойней, а поздно вечером проводил меня до двери моего дома. Мы продолжали переписываться, с каждым письмом все нежнее и доверчивее, и вот, наконец, договорились встретиться еще раз. Настоящее свидание. Альфред приезжает в Лондон. Он откладывал понемножку с каждой зарплаты и сумел купить билеты на «Принцессу Иду». Я иду в театр. Первый раз в жизни. Я проходила мимо афиш, когда шла по Хеймаркет — с каким-нибудь поручением от Ханни или в выходной — но никогда не видела настоящего спектакля.

Это мой секрет. Я ничего не сказала Ханне — у нее и без того голова кругом — и уж тем более остальной прислуге в доме номер семнадцать. Рядом с миссис Тиббит выживают только такие же, как она, — готовые поддразнить, обидеть. Однажды, застав меня за чтением письма (к счастью, от миссис Таунсенд, а не от Альфреда), она потребовала его на проверку. Сказала, что это одна из ее обязанностей — следить за тем, чтобы прислуга — прислуга! — вела себя прилично и не заводила случайных связей.

Хозяин такого не одобряет.

И ведь не поспоришь. В последнее время Тедди требователен больше обычного. Спокойный по натуре, из-за проблем на работе он стал раздражительным. Начал говорить о микробах и гигиене, заказал несколько бутылок полоскания для рта и следит, чтобы все его использовали — одна из привычек Саймиона.

Потому-то другим слугам и не сказали про Эммелин. Наверняка кто-то доложил бы хозяину, чтобы подняться в его глазах.

По черной лестнице я ныряю в дом и быстро проскакиваю по коридору, чтобы не попасться на глаза миссис Тиббит.

Ханна в спальне, поджидает меня. Она очень бледная — еще с прошлой недели, с тех пор, как позвонил мистер Гамильтон. Я отдаю письмо, она торопливо разрывает конверт. Читает написанное. Вздыхает с облегчением:

— Ее нашли. Слава Богу, с ней все в порядке.

Продолжает читать, снова вздыхает, крутит головой.

— Ох, Эммелин, Эммелин...

Дочитывает, бросает письмо и смотрит на меня. Кивает сама себе, сжав губы.

— Надо забирать ее, пока еще не слишком поздно.

Засовывает письмо в конверт — быстро, раздраженно, комкая бумагу. С тех пор, как Ханна побывала у гадалки, она все время такая — нервная, озабоченная.

— Прямо сейчас, мэм?

— Немедленно. Уже и так три дня прошло.

— Велеть шоферу, чтобы подал машину?

— Нет. Нельзя, чтобы кто-нибудь что-нибудь узнал. — Она имеет в виду Тедди и его семейство. — Я сама поведу.

— Мэм!

— Не пугайся так, Грейс. Мой отец, если ты помнишь, делал автомобили. Ничего сложного тут нет.

— Принести шарф и перчатки, мэм? Ханна кивает.

— И сама надень что-нибудь.

— Я, мэм?

— Ты ведь идешь со мной, правда? — Ханна смотрит на меня круглыми глазами. — Вдвоем мы точно уведем ее оттуда.

«Мы». Волшебное слово. Ну, разумеется, я иду. Ханне нужна моя помощь! А к Альфреду я вполне успею.

* * *

Он режиссер, француз и вдвое старше Эммелин. И самое ужасное — он женат. Все это Ханна рассказывает мне по дороге. Мы едем в северную часть города, на студию. Сыщик написал, что Эммелин надо искать именно там.

Подъезжаем. Ханна тормозит, и некоторое время мы обе молча смотрим в окно. Ни она, ни я никогда не были в этой части Лондона. Узенькие, низкие домики из закопченного кирпича. Люди на улице играют в какие-то азартные игры. «Роллс-ройс» Тедди тут сразу бросается в глаза. Ханна вынимает письмо и еще раз проверяет адрес. Поворачивается ко мне и растерянно кивает.

Мы находим нужный дом, Ханна стучит в дверь. Ей открывает светловолосая женщина в бигуди и шелковом халате, светло-кремовом и очень грязном.

— Доброе утро, — здоровается Ханна. — Меня зовут Ханна Лакстон. Миссис Ханна Лакстон.

Женщина переступает с ноги на ногу, так что из-под полы халата показывается коленка. Таращит глаза.

— Привет, милочка, — говорит она с акцентом, напоминающим акцент Деборы. — Чего хотите? На пробы, что ли?

Ханна оторопело моргает.

— Нет. Я насчет сестры. Эммелин. Женщина хмурится.

— Чуть ниже меня, — описывает Ханна. — Блондинка с голубыми глазами. — Она достает из сумочки фотографию и протягивает ее женщине.

— А-а-а! — узнает та. — Ну да, малютка Бэби!

Ханна с облегчением вздыхает.

— Она тут? С ней все в порядке?

— Ну конечно.

— Слава богу. В таком случае мне нужно ее видеть.

— Прости, лапочка, но сейчас никак невозможно. Бэби как раз на съемке.

— На съемке?

— Сейчас ровно середина сцены, а Филипп жутко ругается, когда ему мешают. — Женщина снова переминается с ноги на ногу, левую коленку сменяет правая. — Хотите, можете подождать внутри. — Она машет головой, показывая, чтобы мы проходили в комнату.

Ханна глядит на меня, я беспомощно пожимаю плечами, и вслед за женщиной мы заходим в дом.

Идем через холл, вверх по лестнице в небольшую комнату с двуспальной кроватью. Шторы закрыты так плотно, что сюда совсем не проникает дневной свет. Зато горят сразу три лампы под красными шелковыми абажурами.

У стены стул, на нем вещи Эммелин. На тумбочке у кровати — курительные принадлежности.

— Ох, Эммелин... — только и говорит Ханна.

— Может, стакан воды, мэм? — предлагаю я. Она машинально кивает.

Мне совсем не хочется снова спускаться вниз на поиски кухни. Женщина, что привела нас сюда, куда-то исчезла, а ведь мало ли что может скрываться за закрытыми дверями. Вместо кухни я нахожу крохотную ванную. Там валяются щетки для волос и помада, пудра и накладные ресницы. Единственная емкость — тяжелая кружка с грязными полосами на стенках. Я пытаюсь отмыть ее, но грязь не сходит. Возвращаюсь к Ханне с пустыми руками.

— Простите, мэм...

Она гладит на меня, делает глубокий вдох и говорит:

— Не хочу пугать тебя, Грейс, но по-моему, Эммелин живет с мужчиной.

— Да, мэм, — соглашаюсь я, стараясь скрыть свой собственный ужас, чтобы не ранить ее еще больше. — Похоже на то.

Дверь распахивается, мы поворачиваемся. У входа в комнату стоит Эммелин. Я цепенею. Ее светлые волосы завиты, заколоты на макушке и спадают на щеки, огромные черные ресницы делают глаза еще выразительней. Губы накрашены ярко-красной помадой, на Эммелин шелковый халат, как у той женщины, внизу. Она должна выглядеть взрослее, а выгладит почему-то младше. Все дело в выражении лица, догадываюсь я, она потрясена: никак не поймет, откуда мы взялись.

— Что вы здесь делаете? — спрашивает Эммелин.

— Слава богу, — облегченно выдыхает Ханна, бросаясь к сестре.

— Да что вы здесь делаете? — допытывается Эммелин. Она приходит в себя и надевает привычную гримасу: прищуривает раскрытые глаза, презрительно поджимает губы.

— Пришли за тобой, — просто говорит Ханна. — Ну-ка, одевайся и идем.

Эммелин медленно подходит к туалетному столику и садится на стул. Вытряхивает из мятой пачки сигарету, прикуривает, затягивается.

Выдохнув облачко дыма, объявляет:

— Никуда я не пойду. Ты меня не заставишь. Ханна хватает сестру и рывком ставит ее на ноги.

— И ты пойдешь, и я заставлю. Мы едем домой.

— Я уже дома, — стряхивая руки Ханны, заявляет Эммелин. — Я актриса. И совсем скоро стану звездой. Филипп говорит — у меня все данные.

— Еще бы ему не говорить, — соглашается Ханна. — Грейс, собери вещи Эммелин, пока я помогу ей одеться.

Ханна распахивает на сестре халат, и мы обе ахаем. Под ним почти прозрачное negligé. Сквозь черные кружева просвечивают розовые соски.

— Эммелин! — вскрикивает Ханна, а я торопливо ныряю в чемодан. — Что это за фильмы такие?

— Про любовь, — отвечает Эммелин, снова запахивая халат и спокойно докуривая.

Ханна закрывает руками рот и смотрит на меня голубыми глазами. В ее взгляде — ужас, злость, беспокойство. Все хуже, чем мы думали. Мы обе лишились дара речи. Я беру одно из платьев, Ханна передает его Эммелин.

— Одевайся, — говорит она. — Хотя бы оденься.

С лестницы слышится какой-то шум, тяжелые шаги, и внезапно в дверях появляется мужчина: низкорослый, уса́тый тип — крепкий, смуглый и на редкость самоуверенный. Он похож на раскормленную блестящую ящерицу — на нем бронзовато-золотой жилет, очень подходящий под роскошную обстановку дома. В красных губах зажата сигара.

— Филипп! — радостно восклицает Эммелин, вырываясь из рук Ханны.

— Что случилось? — с сильным французским акцентом спрашивает Филипп. Сигара совсем не мешает ему говорить. — Зачем вы пришли? — собственническим жестом он берет Эммелин за руку.

— Забрать ее домой, — отвечает Ханна.

— А кто вы такая? — Филипп с головы до ног мерит ее взглядом.

— Сестра.

Филиппу явно по душе происходящее. Он садится на кровать, притягивает к себе Эммелин и не сводит с Ханны глаз.

— А к чему такая спешка? Может быть, старшая сестричка присоединится к Бэби на съемках, а?

Ханна судорожно вздыхает, но тут же берет себя в руки.

— Разумеется, нет. Мы уезжаем сию же минуту.

— Я — нет, — откликается Эммелин.

Филипп как-то очень по-французски пожимает плечами.

— Похоже, она никуда не хочет идти.

— Ее никто не спрашивает. Грейс, ты собрала чемодан?

— Почти, мэм.

Только тут Филипп замечает меня.

— Третья сестренка? — Он оценивающе поднимает бровь, я вздрагиваю, будто меня раздевают.

— Да что ты, Филипп! — смеется Эммелин. — Какая еще сестренка? Это просто Грейс — камеристка Ханны.

Мне льстит ошибка Филиппа, тем не менее я радуюсь, когда Эммелин дергает его за рукав и он отворачивается.

— Расскажи ей, — требует Эммелин. — Расскажи ей про нас. — Она улыбается торжествующей семнадцатилетней улыбкой. — Мы сбежали, потому что хотим пожениться.

— А что думает об этом ваша жена, месье? — осведомляется Ханна.

— У него нет жены, — говорит Эммелин. — Пока нет, — уточняет она.

— Стыдно, месье, — дрожащим голосом продолжает Ханна. — Моей сестре всего семнадцать.

Рука Филиппа отдергивается от Эммелин словно мяч на пружинке.

— Семнадцать — самая пора любить, — заявляет Эммелин. — А как только мне стукнет восемнадцать, мы поженимся, да, Филли?

Филипп неловко улыбается, вытирает ладони о брюки и встает.

— Правда? — зазвеневшим голосом переспрашивает Эммелин. — Как мы договорились! Скажи ей!

Ханна кидает сестре на колени платье.

— Да, месье, скажите!

Одна из ламп мигает и гаснет. Филипп пожимает плечами, с нижней губы свисает сигара. — Я... я...

— Хватит, Ханна! — дрожащим голосом требует Эммелин. — Ты все испортишь.

— Я забираю сестру домой, — сообщает Ханна. — И если вы станете мне мешать, я пожалуюсь мужу и вашему кино придет конец. У нас много знакомых и в полиции, и в правительстве. Уверена, их очень заинтересуют фильмы, которые вы здесь снимаете.

Филипп тут же становится на редкость покладистым, даже приносит из ванной оставшиеся вещи и сам упаковывает их в огромный чемодан, хотя и не так аккуратно, как мне хотелось бы. Более того — он доносит чемодан до машины, пока Эммелин рыдает, клянется в любви и просит

объяснить Ханне, что скоро они поженятся. В конце концов Филипп, напуганный словами о могущественном муже, глядит на Ханну и произносит:

— Я не знаю, о чем она тут говорит. Какая-то ненормальная. Мне она сказала, что ей двадцать один.

Эммелин плачет всю дорогу горячими, злыми слезами. Боюсь, она мало что слышит из лекции Ханны о чувстве ответственности, девичьей чести и недопустимости подобных побегов.

— Он меня обожает, — только и всхлипывает она в ответ. Из покрасневших глаз снова льются слезы. — Мы хотели пожениться.

Ханна лишь вздыхает.

— Перестань, Эмми. Пожалуйста.

— Мы любим друг друга. Филипп найдет меня и заберет.

— Сомневаюсь.

— Зачем ты туда явилась и все испортила?

— Испортила? — возмущается Ханна. — Да я тебя спасла! Тебе повезло, что мы нашли тебя раньше, чем ты влипла в действительно серьезные неприятности. Пойми, он женат. Он обманул тебя, чтобы снять в своих мерзких фильмах.

Эммелин смотрит на сестру и выпаливает дрожащими губами:

— Тебе просто завидно, что я наконец счастлива! Что у меня роман! Что кто-то любит больше всех меня, а не тебя!

Ханна не отвечает. Мы подъезжаем к дому номер семнадцать, подходит шофер, чтобы отогнать автомобиль в гараж.

Эммелин складывает руки на груди и шмыгает носом.

— Пусть, пусть ты испортила этот фильм — я все равно стану актрисой! Филипп меня подождет. И другие фильмы тоже покажут.

— Какие еще другие? — Ханна испуганно смотрит на меня в зеркальце заднего вида, и я понимаю, о чем она думает. Придется рассказать Тедди. Только он способен сделать так, чтобы эти кадры никто никогда не увидел.

Ханна и Эммелин исчезают в доме, а я сбегая вниз по лестнице для слуг. У меня нет наручных часов, но время явно близится к пяти. А спектакль в полшестого. Толкаю дверь и чуть не врезаюсь в миссис Тиббит.

— Альфред? — задохнувшись от быстрого бега, спрашиваю я.

— Очень милый молодой человек, — неприятно улыбается она. — Жаль, что ему пришлось удалиться так рано.

У меня падает сердце, я гляжу на часы.

— Давно он ушел?

— Да уж порядочно, — поворачиваясь ко мне спиной, говорит миссис Тиббит. — Сидел тут, сидел — все смотрел, как стрелки движутся. Пока я его не пожалела.

— То есть?

— Сказала, что зря он время тратит. Что вы с хозяйкой ушли по каким-то тайным делам и когда явитесь — неизвестно.

* * *

Я снова бегу. По Риджент-стрит, к Пиккадилли. Если я потороплюсь, то, может быть, мне удастся поймать Альфреда. Будь проклята эта назойливая ведьма, миссис Тиббит! Какое ей дело, когда я вернусь! Еще сказала Альфреду, что я с Ханной, а ведь у меня опять выходной! Как чувствовала, куда ударить, чтобы было больнее. Я представляю, что сейчас у Альфреда на душе. Его письма все больше приправлены фразами про «феодалную эксплуатацию рабов и невольников» и «пробуждение спящего пролетариата». Ему не нравится, что я не считаю свою работу эксплуатацией. Я нужна мисс Ханне и люблю свою работу — пишу я в ответ — где же тут эксплуатация?

Риджент-стрит выводит меня на шумную бурлящую Пиккадилли. Конец рабочего дня, и площадь забита пешеходами и автомобилями. Джентльмены и бизнесмены, дамы и мальчишки-посыльные — все куда-то спешат. Я проскакиваю между автобусом и припаркованным к тротуару такси и чуть не попадаю под телегу, груженую тяжелыми мешками.

Бегу вниз по Хеймаркет, перепрыгиваю через вытянутую трость — ее важный обладатель раздражается гневными криками. Стараюсь держаться поближе к зданиям, где тротуар не так запружен народом, пока наконец не добираюсь до «Театра Ее Величества».^[19] Без сил приваливаюсь к стене, прямо под афишей, и рассматриваю смеющиеся, хмурые, болтающие и кивающие головы, которые движутся мимо меня, надеясь выхватить из толпы знакомое лицо. Тощий джентльмен с еще более тощей дамой поднимаются по ступеням. Предъявляют два билета и скрываются внутри. Вдалеке часы — Биг Бен? — бьют четверть шестого. Может быть, Альфред вообще не придет? Передумал? Или я опоздала, и он уже сидит в зале?

Я жду, пока Биг Бен не отобьет половину шестого, потом, для ровного счета, еще четверть часа. После тощей пары никто уже не входит в театр. Я успела отдышаться и, потеряв надежду, сижу на ступенях. Сегодня я не

увидю Альфреда.

Мне игриво подмигивает дворник, и я понимаю, что пора уходить. Закутываюсь в шаль, поправляю шляпку и отправляюсь обратно — в дом номер семнадцать. Я напишу Альфреду. Объясню, что случилось. Про Ханну и миссис Тиббит. Я даже могу рассказать ему всю правду про Эммелин и Филиппа, про их скандальную связь. Несмотря на все слова о феодальном обществе и эксплуатации, Альфред сможет меня понять. Или не сможет?

* * *

Ханна рассказала Тедди про Эммелин, и он страшно разозлился. Худшего времени и выбрать невозможно, кричит он: они с отцом на пороге объединения с банком Бриггса! Скоро станут крупнейшим банковским синдикатом Лондона! Или всего мира. А если хоть слово об этой грязи просочится в прессу, она похоронит и его, Тедди, и отца, и все на свете!

Ханна кивает и извиняется, напоминает Тедди, что Эммелин еще почти ребенок — наивный и легковверный. Что она повзрослеет и изменится.

Тедди ворчит. В те дни он вообще все время ворчит. Проводит рукой по темным седеющим волосам. За Эммелин нет никакого присмотра, заявляет он, вот в чем беда. Дети, которые растут без надзора, вырастают распущенными.

Ханна напоминает ему, что они с Эммелин выросли в одном доме, Тедди только хмыкает.

У него нет времени на дальнейшие разговоры, он уходит в клуб. Поэтому он требует у Ханны адрес режиссера и велит ей впредь ничего не скрывать от мужа. Что это еще за секреты между женатыми людьми?

* * *

На следующее утро, когда я навожу порядок на туалетном столике Ханны, я нахожу записку со своим именем. Она оставила ее для меня; видимо, положила сюда после того, как оделась. Я разворачиваю листок бумаги. Пальцы дрожат. Отчего? Не от страха, нет, и не из-за плохого предчувствия. От ожидания, предвкушения сюрприза.

Однако — вот беда! — записка не на английском. Листок испещрен закорючками, полосками, точками, они выписаны аккуратно и в строгом порядке. Стенография, понимаю я. Такие же закорючки я видела в книгах, когда убиралась у Ханны в спальне еще в Ривертоне, много лет назад. Она оставила мне зашифрованное письмо, которое я не могу прочесть.

Я ношу его с собой целый день, пока чищу, шью, штопаю. И хотя работа привычная, я никак не могу на ней сосредоточиться. Голова занята мыслями о записке, о том, что же в ней говорится и как это прочитать. Я даже ищу учебники, чтобы расшифровать текст — вдруг Ханна привезла их из Ривертонна? — и ничего не нахожу.

Через несколько дней, когда я убираю посуду, Ханна наклоняется ко мне и спрашивает:

— Ты нашла записку?

Я говорю, что нашла, и мне становится дурно, когда Ханна шепчет:

— Наш секрет, — и улыбается. Первая улыбка за долгое время.

Теперь я знаю, что это важно, это секрет, а я — единственный человек, которому она может доверять. Придется или признаться или найти возможность прочесть записку. Разумеется, я выбираю второе: ведь мне еще никогда не писали послание с помощью тайного шифра.

* * *

Несколько дней спустя меня осеняет. Я достаю из-под кровати «Возвращение Шерлока Холмса», открываю на нужной странице. Здесь, между двумя любимыми рассказами, хранится мой секретный архив. Среди старых писем Альфреда я нахожу листок из блокнота, засунутый сюда около года назад. Хорошо, что я с тех пор его не выкинула — хранила не потому, что на нем ее адрес, а потому что он написан его рукой. Раньше я иногда доставала листок, смотрела на него, даже нюхала. Вспоминала день, когда Альфред отдал его мне. Однако уже несколько месяцев — с тех пор, как Альфред начал писать мне длинные прочувствованные письма, — я ничего такого не делаю. А сейчас мне нужен именно адрес. Адрес Люси Старлинг.

Я так и не ходила к ней в гости, да и не собиралась. У меня было достаточно работы, а свободное время я проводила за книгой или за письмом Альфреду. Кроме того, я никак не могла забыть ту мгновенную вспышку ревности — смешную и все-таки неприятную — когда Альфред,

вечером, в тумане, назвал мисс Старлинг по имени.

Дойдя до ее дома, я начинаю колебаться. Правильно ли я делаю? А вдруг она здесь больше не живет? Может быть, надо было надеть второе, парадное платье? Мне открывает пожилая женщина. Я и рада, и разочарована.

— Простите, — говорю я. — Я ищу одну даму.

— Ну? — произносит женщина.

— Старую знакомую.

— Как звать?

— Мисс Старлинг, — отвечаю я, хотя это вовсе не ее дело. — Люси Старлинг.

Киваю в знак прощания и поворачиваюсь, чтобы идти, и тут она говорит:

— Второй этаж. Вторая дверь налево.

Выходит, это хозяйка. Она смотрит, как я поднимаюсь по застеленной красным ковром лестнице. Я уже не вижу ее, но чувствую ее взгляд. А может быть, и нет, может быть, просто детективов перечитала.

Иду по коридору. Здесь темно. Единственное окно на лестничной клетке почернело от пыли. Вторая дверь налево. Стучусь. За дверью кто-то скребется, значит, мисс Старлинг дома. Я затаиваю дыхание.

Дверь открывается. Люси все такая же, какой я ее помню.

Она смотрит на меня. Моргает.

— Я вас слушаю. Мы знакомы?

А хозяйка все следит. Поднялась на несколько ступенек и глядит мне в спину. Я нервно оглядываюсь на нее, снова поворачиваюсь к мисс Старлинг.

— Меня зовут Грейс. Грейс Ривз. Мы с вами вместе работали, в Ривертоне.

Лицо ее светлеет.

— Ну конечно, Грейс. Я очень рада вас видеть.

Все тот же бесцветный голос, за который ее так не любили слуги. Люси улыбается, отходит в сторону и приглашает меня в квартиру.

Я как-то и не сообразила, что мне придется к ней заходить. Я вообще про нее вспомнила случайно.

Мисс Старлинг стоит в малюсенькой гостиной и ждет, когда я присяду, чтобы сделать то же самое.

Потом предлагает мне чаю, отказываться неудобно. Когда она исчезает, по-видимому, в кухне, я оглядываю комнату. Здесь светлей, чем на лестнице, окна, да и вся квартира, чисто вымыты. Скромно, но опрятно.

Люси возвращается с подносом. Чайник, сахарница, две чашки.

— Какой приятный сюрприз, — говорит она. В глазах — невысказанный вопрос.

— Я пришла попросить вас об одолжении. Она кивает.

— Каком же?

— Вы знаете стенографию?

— Конечно, — слегка хмурится она. — Питмана и Грегга.

У меня еще есть возможность встать и уйти. Сказать ей, что я ошиблась, отставить чашку и выйти за дверь. Сбежать по лестнице, выскочить на улицу и больше никогда не возвращаться. И никогда не узнать, что написала Ханна.

— Вы не могли бы кое-что мне прочитать? Расшифровать написанное?

— Ну разумеется.

Я передаю ей записку — затаив дыхание, надеясь, что решила правильно.

Бесцветные глаза невероятно медленно, мучительно медленно скользят по строчкам. Наконец она откашливается.

— Тут говорится: «Спасибо за помощь в истории с режиссером. Как бы я справилась без тебя? Т. страшно разозлился... можешь себе представить. Я рассказала ему не все, не говорила, что мы ходили в это ужасное место. Он не любит секретов. Я знаю, что могу рассчитывать на тебя, моя верная Грейс, ты мне скорее сестра, чем служанка». — Люси смотрит на меня. — Вы понимаете, о чем тут говорится?

Я только киваю. Не могу говорить. Ты мне скорее сестра. Сестра. Я вдруг словно раздваиваюсь: сижу тут, в скромной гостиной Люси Старлинг, и в то же время переносюсь в детскую Ривертонна и снова с жадностью гляжу из-за кресла на двух девочек с одинаковыми розовыми бантами и похожими волосами. С общими секретами.

Мисс Старлинг молча возвращает мне бумажку. Я вдруг понимаю, что записка может возбудить у нее подозрения — все эти разговоры об ужасных историях и страшных тайнах...

— Это такая игра, — быстро объясняю я и добавляю уже медленней, чтобы звучало убедительней: — Мы иногда в нее играем.

— Очень мило, — равнодушно улыбаясь, откликается мисс Старлинг. Она секретарь и привыкла узнавать и тут же забывать чужие тайны.

Мы допиваем чай, болтая о Лондоне и старых добрых временах в Ривертоне. Я с удивлением узнаю, что мисс Старлинг всегда побаивалась спускаться в кухню. Что мистер Гамильтон казался ей гораздо солидней мистера Фредерика. А она смеется, когда я открываю ей, что мы

нервничали не меньше.

— Из-за меня? — не может поверить она и промокает глаза уголком платка. — Надо же, как забавно!

Когда я поднимаюсь, чтобы уходить, она предлагает мне заглядывать еще, и я отвечаю, что постараюсь. И не кривлю душой. Даже странно, почему я не сделала этого раньше: Люси неплохой человек, и у нее, как и у меня, нет никого в Лондоне.

Она провожает меня до двери, мы прощаемся.

И тут я замечаю кое-что на журнальном столике. Наклоняюсь, чтобы рассмотреть.

Театральная программка.

Мне и в голову не приходит что-то подозревать, просто название знакомое.

— «Принцесса Ида»? — читаю я.

— Да, — переводя взгляд на стол, отвечает Люси. — Я ходила на прошлой неделе.

— Правда?

— Такое удовольствие! — признается она. — Обязательно сходите, если получится.

— Я собиралась, да не вышло.

— Знаете, — говорит она, — а ведь какое странное совпадение, что вы ко мне заглянули!

— Совпадение? — Я почему-то холодею.

— Ни за что не догадаетесь, с кем я была в театре. Боюсь, долго гадать не придется.

— С Альфредом Стиплом. Вы помните Альфреда? Из Ривертонна?

— Да, — выдавливаю я.

— Все вышло неожиданно. У него оказался лишний билет. Кто-то в последний момент не пришел. Альфред вспомнил, что я в Лондоне. Мы наткнулись друг на друга около года назад, и у него остался мой адрес. В результате, мы пошли вместе — жаль было бы, если бы билет пропал, сами знаете, сколько они стоят.

Мне кажется или румянец, проступивший на бледных веснушчатых щеках, и впрямь делает ее похожей на нескладную девчонку? И это притом, что она лет на десять старше меня...

Я заставляю себя кивнуть в знак прощания, пока она закрывает за мной дверь. Где-то гудит автомобиль.

Альфред, мой Альфред водил чужую женщину в театр. Развлекал ее, потом повел ужинать и проводил до дому.

Я спускаюсь по лестнице.

Пока я искала его, бегала по улицам, он зашел сюда и попросил мисс Старлинг пойти с ним вместо меня. Отдал ей мой билет.

Я останавливаюсь, прислоняюсь к стене. Зажмуриваю глаза, стискиваю кулаки. Не могу отогнать ужасное видение: они вдвоем, веселые, наслаждаются чудесным вечером. Вечером, о котором мечтала я. Невыносимо.

Неподалеку что-то шуршит. Открываю глаза. У подножия лестницы стоит хозяйка, скрюченной рукой держится за перила и, поблескивая очками, смотрит на меня. На недобром лице — неизъяснимое удовольствие. Конечно, он пошел с ней, — говорит ее взгляд, — зачем ему ты, если он может сводить в театр такую девушку, как Люси Старлинг? Слишком ты зарвалась, дорогая, слишком зазналась. Надо было слушать маму и знать свое место.

Мне хочется залепить ей оплеуху.

Я одолеваю оставшиеся ступеньки, проскакиваю мимо хозяйки и вылетаю на улицу.

И клянусь себе никогда больше не приходить к мисс Люси Старлинг.

Ханна и Тедди ругаются из-за войны. Сейчас весь Лондон делает то же самое. Прошло уже достаточно времени, и хотя горе не иссякло — оно никогда не иссякнет — люди уже способны оценить трагедию со стороны.

Ханна делает маки из алой папиросной бумаги и черной проволоки, а я помогаю. Мысли заняты другим. Я никак не заставляю себя забыть об Альфреде и Люси Старлинг. Я и растерялась, и расстроилась, но больше всего обиделась, что он так легко нашел мне замену. Написала ему письмо, однако ответа пока нет. Мучает чувство странного опустошения, по ночам, в темноте моей одинокой комнаты на меня нападают неожиданные слезы. Днем легче, я отгоняю мрачные мысли, надеваю маску преданной служанки и стараюсь быть самой лучшей камеристкой на свете. Иначе и жить не стоит. Без Альфреда Ханна — единственное, что у меня осталось.

Маки — новое увлечение Ханны. Это маки с полей Фландрии,^[20] объясняет она, как в стихотворении одного канадского медика, который так и не вернулся с войны. Они помогут нам не забыть об убитых.

Тедди считает ее занятие чепухой. Несомненно, погибшие не зря принесли себя в жертву, но сейчас пришло время двигаться дальше.

— Не было никакой жертвы, — откликается Ханна, сворачивая очередной цветок. — Одни потери. Их жизни пропали даром. Тех, кто остался там, и тех, кто вернулся — живых мертвецов, сидящих теперь на улицах с бутылкой в обнимку и шляпой для милостыни.

— Жертвы, потери — какая разница! — раздражается Тедди. — Не цепляйся к словам.

В ответ Ханна обзывает Тедди бестолковым и советует приколоть к пиджаку один из маков. Не поднимая глаз, она добавляет, что это могло бы помочь уладить недоразумения с прислугой.

В последнее время под лестницей неспокойно. Ллойд Джордж отметил заслуги Саймиона во время войны. Некоторые слуги сами воевали, у других погибли отцы и братья, и они с презрением относятся к «послужному списку» хозяина. Людей, вроде Саймиона и Тедди, не любят. Поговаривают, что они делали деньги на чужой смерти.

Тедди не отвечает, только бурчит что-то неразборчивое. О людской неблагодарности, о том, как трудно в наше время найти работу. Впрочем, он держит мак за черный стебелек и задумчиво вертит в пальцах. Потом берет газету и притворяется, что погрузился в чтение. Мы с Ханной все вертим папиросную бумагу и насаживаем цветки на стебли.

Тедди складывает газету и кидает ее на журнальный стол. Встает, одергивает пиджак. Сообщает, что едет в клуб. Подходит к Ханне и полушутливо втыкает мак в ее волосы. Предлагает ей поносить за него цветок, ей такое украшение пойдет больше. Наклоняется, целует ее в щеку и выходит из комнаты. Будто вспомнив что-то, останавливается у двери.

— Есть только один надежный способ похоронить войну, — говорит Тедди. — Заменить потерянные жизни новыми.

Теперь замолкает Ханна. Она чуть напрягается, почти незаметно. И не смотрит на меня. Быстро выдергивает из волос мак, который сунул туда Тедди.

Ханна никак не может забеременеть. Это вечный камень преткновения между ней и мужем, да еще Эстелла подогревает конфликт, постоянно заговаривая о детях. Мы никогда не обсуждаем такие вопросы, я даже не знаю, что сама Ханна думает по этому поводу. Сначала я думала, что она втайне предохраняется — пьет какие-нибудь таблетки или что-то в этом роде. Но никаких следов медикаментов не обнаружила. Возможно, Ханна из тех женщин, которым не дано иметь детей. «Везет же некоторым», — говорила, бывало, мама.

Осенью двадцать первого года мне делают лестное предложение. Подруга Эстеллы, леди Пембертон-Браун, перехватывает меня в углу на одной из загородных вечеринок и предлагает работать у нее.

Я польщена. Первый раз кто-то по достоинству оценил мою работу. Пембертон-Брауны из Гленфилд-холла — одно из старейших и благороднейших семейств Англии. Мистер Гамильтон часто рассказывал

нам о Гленфилде, о тамошних слугах, на которых должен равняться каждый уважающий себя английский дворецкий.

Я благодарю леди Пембертон-Браун за предложение и объясняю, что не могу оставить свою нынешнюю службу. Она советует мне не спешить. Говорит, что зайдет на следующий день — узнать, что я надумала.

И действительно заходит. Сплошная лесть и улыбки.

Я снова говорю «нет». На этот раз гораздо жестче. Объясняю, что знаю свое место. Кому и для чего я служу.

* * *

Проходит несколько недель, мы давно вернулись в дом номер семнадцать, и тут Ханна узнает о предложении леди Пембертон-Браун. Однажды утром она зовет меня в гостиную, и, войдя, я сразу понимаю, что хозяйка недовольна, только пока не знаю, чем.

— Можешь представить себе, Грейс, каково это — сидя за обедом, за одним столом с семью дамами, которые только и мечтают выставить тебя душой, — узнать, что кто-то пытался переманить твою горничную?

От неожиданности я лишаюсь дара речи.

— А они болтают об этом, смеются и страшно удивляются, что я ничего не знаю. Что ничего не замечаю у себя под носом. И почему ты мне ничего не сказала?

— Прошу прощения, мэм...

— Да уж попроси! Неужели я не могу доверять тебе, Грейс? Я-то думала, что после стольких лет, когда так много пережито вместе...

Альфред так и не написал. От обиды и усталости у меня срывается голос:

— Я отказалась от предложения леди Пембертон-Браун, мэм. И не знала, что должна уведомить вас о нем, раз уж я сказала ей «нет».

Ханна словно приходит в себя. Вздыхает, садится на край дивана и покачивает головой. Растерянно улыбается.

— Прости меня, Грейс. Как мерзко с моей стороны... Сама не знаю, что на меня нашло...

Она даже бледнеет. Опускает голову на руки и несколько минут сидит молча. Потом говорит странным, вибрирующим голосом:

— Как же все это отличается от того, что я себе напридумывала, Грейс.

Ханна кажется такой несчастной, что я тут же раскаиваюсь в своей

резкости.

— Что «это», мэм?

— Все. — Она поводит рукой вокруг. — Это. Эта комната. Этот дом. Лондон. Моя жизнь. — Ханна поднимает голову и смотрит на меня. — Я чувствую себя никчемной, лишней. Иногда пытаюсь вспомнить последние годы и понять, где я совершила неверный шаг? — Она тоскливо смотрит в окно. — Как будто Ханна Хартфорд сбежала, чтобы жить своей настоящей жизнью и оставила меня здесь, вместо нее. — Ханна снова переводит на меня глаза. — Помнишь, в прошлом году я ходила к предсказательнице?

— Да, мэм, — с опасением отвечаю я.

— Она отказалась мне помочь.

Я облегченно вздыхаю, но тут Ханна продолжает:

— Не смогла, хотя собиралась: усадила меня, велела вытащить карту. Когда я подчинилась, она засунула ее обратно в колоду, перетасовала и предложила попробовать еще. По ее лицу я поняла, что вытянула ту же самую карту, я поняла, какую. Пикового туза. — Ханна встает и нервно мерит шагами комнату. — Сперва она вообще ничего не хотела мне говорить. Вместо этого взяла меня за руку и снова не сказала ни слова. Верней, сказала, что ничего не понимает, что все в тумане, ее внутренний взор тоже в тумане, и точно она может сказать только одно. — Ханна поворачивается ко мне. — Вокруг меня бродит смерть, я все время должна быть настороже. Где эта смерть — в прошлом или в будущем, она сказать не может, все слишком туманно.

Я собираю все силы и начинаю говорить, что не стоит беспокоиться, что предсказательница просто пугала ее, чтобы заставить прийти еще раз. В конце концов, сейчас, после войны о смерти можно сказать любому, и не ошибешься — почти каждый потерял кого-то из близких, потому и ходят к гадалкам. Но Ханна нетерпеливо мотает головой:

— Я знаю, что это значит. Сама догадалась, потому что много читала о таких вещах. Это метафорическая смерть. Время от времени карты говорят языком метафор. Это я умерла. Внутри. Я чувствую это уже давно. Как будто меня нет, а все, что происходит, это чей-то дурной сон.

Не знаю, что и сказать. Заверяю ее, что она жива. Что все кругом происходит на самом деле. Ханна горько улыбается.

— Какая разница. Если все происходит на самом деле, у меня вообще ничего не осталось.

Наконец-то я соображаю, что сказать. Сестра, а не служанка.

— У вас осталась я, мэм.

Ханна смотрит мне в глаза, берет меня за руку. Сильно, почти до боли

стискивает пальцы.

— Не бросай меня, Грейс! Слышишь? Не бросай меня.

— Никогда, мэм, — отвечаю я, тронутая ее порывом. — Никогда.

— Обещаешь?

— Обещаю.

И я сдерживаю свое обещание. Уж не знаю — к добру или к худу.

ВОСКРЕШЕНИЕ

Темнота. Тишина. Неясные фигуры. Это не Лондон, не комната в доме номер семнадцать на Гроувенор-сквер. И Ханна куда-то делась. Ничего, вернется.

— Добро пожаловать домой.

Голос в темноте. Надо мной кто-то склоняется.

Голос знакомый. Это Сильвия, и я тут же чувствую себя старой и немощной.

Даже веки совсем ослабли. От них нет никакого проку. Как пара истлевших занавесок.

— Вы так долго спали. Перепугали нас. Как вы себя чувствуете?

Беспомощной. Зброшенной. Выкинутой из времени.

— Пить хотите?

Наверное, я кивнула, потому что во рту оказывается соломинка. Я сосу воду. Тепловатую воду. Как знакомо.

Мне отчего-то грустно. Да нет, понятно, отчего. Весы качнулись, и я знаю, что будет дальше.

И снова суббота. С весенней ярмарки прошла неделя. С моего недомогания — тоже. Я в своей комнате, в кровати. Занавески открыты, и солнце золотит вересковую пустошь. Утро, птицы. Я жду гостя. Приходила Сильвия, привела меня в порядок. Усадила в подушки, что твою куклу, и аккуратно расправила одеяло на коленях. Ей хочется, чтобы я хорошо выглядела. Даже расчесала меня, добрая душа.

Стук в дверь.

Петли скрипят, Урсула просовывает голову в щель, убеждается, что я не сплю, улыбается. Сегодня она зачесала челку назад, открыв лицо. Небольшое круглое личико, которое мне почему-то очень нравится.

Урсула подходит к моей кровати и, склонив голову, рассматривает меня.

Какие же у нее глаза — темные, большие — словно на картине маслом!

— Как вы себя чувствуете? — повторяет она уже привычный мне вопрос.

— Гораздо лучше. Спасибо, что заглянули.

Урсула нетерпеливо качает головой — ни к чему тут глупые любезности.

— Я пришла бы раньше, если бы знала. Только вчера позвонила, и мне сказали.

— Даже хорошо, что не пришли. Ко мне трудно было пробиться. Дочь стояла на страже с тех пор, как мне стало плохо. Я здорово ее напугала.

— Я знаю. Встретила ее в фойе. — Урсула заговорщически улыбается. — Она велела мне вас не волновать.

— Не слушайтесь.

Она садится на стул около кровати, ставит сумку на пол.

— Как там фильм? — спрашиваю я. — Двигается?

— Почти готов. Досняли финал, почти разобрались с закадровым звуком и саундтреком.

— Саундтрек... — повторяю я. Ну конечно. Трагедии в кино всегда разворачиваются под музыку.

— И что там за мелодии?

— Несколько песен двадцатых годов. Танцевальные мелодии и пианино. Грустное, загадочное, романтическое пианино, в стиле Тори Амос.

Наверное, у меня глупый вид, поэтому Урсула начинает перечислять композиторов, с которыми я должна быть знакома.

— Немного Дебюсси, немного Прокофьева.

— А Шопен?

— Шопен? — удивленно поднимает брови Урсула. — Нет. А нужно? — Она даже пугается. — Только не говорите мне, что кто-то из сестер страстно любил Шопена!

— Нет, — отвечаю я. — Шопена любил брат, Дэвид.

— Слава богу! Он не самый главный персонаж. Слишком рано погиб, чтобы всерьез повлиять на события.

Спорное утверждение. Впрочем, сейчас мне не до споров.

— И что у вас вышло? Хороший фильм?

Урсула прикусывает губу.

— Надеюсь, да. Думаю, что да. Боюсь, мне трудно оценить его объективно.

— Но хоть похоже на то, что вы задумали?

Она покачивает головой. Вздыхает.

— И да, и нет. Трудно объяснить. Когда я только начала снимать, он весь был у меня в голове, полный неистраченной энергии. А теперь он снят — будто загнан в какие-то рамки.

— Наверное, так бывает с любым произведением.

Урсула кивает.

— Понимаете, я чувствую такую ответственность перед героями, перед всей их историей. Хотелось сделать все идеально.

— В мире мало идеального.

— Мало, — улыбнувшись, соглашается Урсула. — Иногда я боюсь, что я не тот человек, которому стоило браться за историю семьи Хартфорд. Вдруг я все перепутала? Я так мало знаю!

— Литтон Стрейчи^[21] как-то сказал, что неведение — главный инструмент историка.

Урсула непонимающе хмурится.

— Неведение — лучший советчик, — объясняю я. — Оно бесстрашно выбирает главное и отбрасывает лишнее.

— Хочешь испортить рассказ — сделай его правдивым, так что ли?

— Что-то в этом роде.

— Но ведь для биографии самое главное — правда.

— А что такое правда? — говорю я. Были бы силы — пожала бы плечами.

— То, что случилось на самом деле. — Урсула глядит на меня так, словно у меня окончательно съехала крыша. — Кому и знать, как не вам. Вы долгие годы раскапывали прошлое. Искали правду.

— Раскапывала. И ни разу не нашла. — Я медленно, но верно сползаю с подушек. Урсула замечает это и мягко поправляет меня. Я спешу продолжить, пока она не перебила. — Когда я была молодой, я хотела быть сыщиком.

— Серьезно? Служить в полиции? И почему передумали?

— Мне никогда не нравились полисмены.

— Да, это действительно проблема, — ухмыляется Урсула.

— Поэтому я пошла в археологи. Почти то же самое, если подумать.

— Только жертвы убиты гораздо раньше.

— Да.

— Эту мысль подсказала мне Агата Кристи. Верней, один из ее героев. Он сказал Эркюлю Пуаро: «Из вас вышел бы неплохой археолог, мистер Пуаро. У вас настоящий талант восстанавливать прошлое». Я читала это во время войны. Второй войны. К тому времени я была сыта по горло тайнами, но у одной из медсестер оказалась с собой книжка, а старые привычки долго живут.

Урсула улыбается и неожиданно встает.

— Ой, чуть не забыла. Хорошо, что вы мне напомнили. Я тут кое-что принесла. — Она ныряет в сумку и достает оттуда маленькую коробочку.

Размером с книгу, но гремит.

— Это кассета. Агата Кристи. — Урсула неуверенно пожимает плечами. — Я не знала, что вы сыты по горло тайнами.

— Не беспокойтесь, то была временная сытость, нескладная попытка забыть прошлое. Я снова увлеклась детективами, как только кончилась война.

Она указывает на плеер на прикроватном столике.

— Поставить вам кассету?

— Давайте, — командую я.

Она разрывает пластиковую упаковку, достает первую кассету и открывает магнитофон.

— Тут уже что-то стоит. — Урсула достает кассету — ту, что я сейчас пишу для Марка, — и показывает мне. — Это для него? Для вашего внука?

Я киваю.

— Положите ее на стол, пожалуйста. Я потом поставлю обратно.

Конечно, поставлю. Время мое подходит, и я это чувствую, мне надо закончить, пока оно не взяло надо мной верх.

— Слышно что-нибудь от него? — спрашивает Урсула.

— Пока нет.

— Услышите, — обещает она. — Обязательно.

У меня уже не осталось сил надеяться, но уверенность Урсулы так заразительна, что я киваю.

Она ставит вместо моей кассеты Агату Кристи и кладет магнитофон на место.

— Вот.

Вешает сумку на плечо. Значит, собирается уходить. Я дотягиваюсь до ее руки, и она поворачивается, сжимая мою. Такая нежная кожа.

— У меня к вам просьба, — говорю я. — Сделайте мне одолжение, пока Руфь...

— Конечно, — тут же откликается Урсула. — Что угодно. — Заметно, что ее разбирает любопытство, видно, в моем голосе звучит что-то необычное. — Что именно?

— Ривертон. Отвезите меня в Ривертон. Мне нужно его увидеть.

Урсула хмурится, сжимает губы. Я поймала ее на слове.

— Ну пожалуйста.

— Даже не знаю, Грейс. А что скажет Руфь?

— Она скажет: ни в коем случае. Потому я и попросила вас.

Урсула смотрит в стенку. Не знает, как выкрутиться.

— Может быть, лучше привезти вам то, что мы там наснимали? Я запишу на видео и...

— Нет, — твердо говорю я. — Мне надо съездить туда самой. И скорей. — Она все прячет глаза. — Как можно скорей.

Урсула поворачивает голову, и, еще до того, как она кивает, я понимаю, что мы договорились.

Я благодарно киваю в ответ и показываю глазами на кассету.

— А я ведь встречала ее однажды. Агату Кристи.

Это было в конце тысяча девятьсот двадцать второго. Тедди и Ханна принимали гостей у себя дома. Тедди и его отец вели какие-то дела с Арчибальдом Кристи, что-то по поводу изобретений.

В начале двадцатых годов у Лакстонов всегда было много гостей. Однако тот обед я запомнила особо по нескольким причинам. Во-первых, на нем присутствовала сама Агата Кристи. В то время она выпустила всего лишь одну книгу — «Загадочное происшествие в Стайлз», но Эркюль Пуаро тут же вытеснил Шерлока Холмса из моего сердца. Тот был другом детства, а этот стал частью нового мира.

В те дни у нас гостила Эммелин. Она приехала в Лондон на месяц. Ей уже исполнилось восемнадцать, и первый бал решили устроить здесь. Никаких разговоров о замужестве, как у Ханны, уже не было. Прошло всего-то навсего четыре года, а времена полностью изменились. Изменились и девушки. Они сбросили корсеты лишь для того, чтобы тут же нацепить на себя тяжкое ярмо диет. В моду вошли жеребьячи ноги, упругая грудь и гладко зачесанные волосы. Никто не шептал, прикрывая рот ладонью, и не кидал стыдливых взглядов. Девушки смеялись и выпивали, курили и ругались не хуже мальчишек. Талии на платьях стали низкими, сами платья — свободными, а нравы — еще свободней.

Возможно, именно поэтому разговор за столом пошел на совершенно неожиданную тему, а может быть, все дело было в присутствии миссис Кристи. Сыграл свою роль и недавний поток газетных статей о нашумевшем убийстве.

— Их обоих вздернут, — бодро обещал Тедди. — Эдит Томпсон и Фредди Байуотерса. Как того парня, что убил свою жену. Совсем недавно, в Уэльсе. Как же его звали? Он ведь был военным, правда, полковник?

— Майор Герберт Роуси, — подтвердил полковник Кристи.

Эммелин театрально вздрогнула.

— Вообразите только — убить собственную жену, женщину, которую ты обещал любить до скончания жизни.

— Большинство убийств совершаются людьми, которые клялись друг другу в любви до гроба, — спокойно сказала миссис Кристи.

— Люди вообще стали более жестоки, — заметил Тедди,

прикуривая. — Достаточно открыть газету, чтобы в этом убедиться. Несмотря на запрет огнестрельного оружия.

— Это Англия, мистер Лакстон, — сказал полковник Кристи. — Родина лисьей охоты. Тут трудно запретить оружие.

— У одного из моих друзей всегда при себе пистолет, — беспечно сообщила Эммелин.

— Быть не может, — покачала головой Ханна и посмотрела на миссис Кристи. — Боюсь, моя сестра насмотрелась американских фильмов.

— Да может! — стояла на своем Эммелин. — Этот парень — не стану называть имени — сказал, что добыть оружие так же просто, как купить пачку сигарет.

— Не иначе как Гарри Бенгли, — пронизательно заметил Тедди.

— Гарри? — рассмеялась Эммелин, хлопая длинными черными ресницами. — Да Гарри и мухи не обидит! Вот его брат Том — дело другое.

— Неподходящие какие-то у тебя знакомства, — нахмурился Тедди. — Неужели ты не понимаешь, что ношение оружия незаконно, я уже не говорю — опасно.

— Я с детства умею стрелять, — пожала плечами Эммелин. — В нашей семье все женщины отлично стреляли. Бабушка лишила бы нас наследства, разочаруй мы ее. Можешь спросить у Ханны: как-то раз она попыталась пропустить охоту — сказала бабушке, что это недостойно — стрелять в беззащитных животных. Бабушка за словом в карман не полезла, да, Ханна?

Ханна только пожала плечами и сделала глоток вина. А Эммелин продолжала:

— Сказала: «Чепуха! Ты — Хартфорд. Стрельба у тебя в крови».

— Как бы там ни было, — подытожил Тедди, — в этом доме никакого оружия не будет. Представляю, что сказали бы мои избиратели, если б меня обвинили в незаконном хранении оружия.

Эммелин закатила глаза, а Ханна заметила:

— Будущие избиратели.

— Расслабься, Тедди, — посоветовала Эммелин. — Если ты будешь таким занудой, тебе не понадобится оружие. Умрешь от разрыва сердца. Я же не говорила, что сама хочу купить пистолет. Я просто имела в виду, что девушке в наши дни надо быть настороже. Раз мужья стреляют в жен, а жены — в мужей. Не правда ли, миссис Кристи?

Миссис Кристи следила за дискуссией с безмятежным любопытством.

— Я не очень уважаю пистолеты, — призналась она. — Яды — вот

мой конек.

— Неуютно, должно быть, существовать рядом с женой, у которой такое странное хобби, верно, Арчи? — с редким для него юмором поддел Тедди.

Арчибальд Кристи тонко улыбнулся.

— Всего лишь одно из ее маленьких забавных увлечений.

Муж и жена обменялись взглядами.

— Да уж позабавней твоих, — парировала миссис Кристи.

Поздно вечером, когда чета Кристи уже уехала, я достала из-под кровати «Загадочное происшествие в Стайлз». Подарок от Альфреда, между прочим, и я так увлеклась, читая и перечитывая дарственную надпись, что пропустила телефонный звонок. Трубку взял мистер Бойли и переключил звонок наверх, на Ханну. Я не обратила на это никакого внимания. Только когда Бойли стукнул в мою дверь и передал, что госпожа велела подойти, я заволновалась.

Ханна еще не сняла своего шелкового перламутрового платья. Как льющаяся вода. У щек вились светлые локоны, прическу украшала нить бриллиантов. Она стояла спиной к двери, но как только я вошла, тут же повернулась.

— Грейс, — сказала она, беря меня за руки. Жест испугал меня — слишком ласковый. Что-то случилось.

— Да, мэм?

— Сядь, пожалуйста. — Она усадила меня рядом с собой на кушетку, большие голубые глаза глядели с сочувствием.

— Мэм?

— Звонила твоя тетя...

И тут я все поняла.

— Мама.

— Прими мои соболезнования, Грейс, — мягко сказала Ханна. — Она скончалась от удара. Доктор ничего не успел сделать.

* * *

Ханна помогла мне добраться до Саффрон-Грин. На следующий день из гаража прислали автомобиль, меня усадили на заднее сидение. Я была тронута — ведь уже почти собралась на поезд. Но Ханна сказала, что об этом и речи быть не может и что, если бы не очередной дурацкий обед

Тедди, она бы обязательно поехала со мной.

Я глядела из окна, как — поворот за поворотом — Лондон мельчал, расползлся, становился бедней и проще, пока наконец не исчез совсем. Кругом потянулись поля. Чем дальше на восток мы забирались, тем становилось холодней. В окна полетела снежная крупа, пейзаж расплывался, зима замораживала все кругом. Засыпанные снегом луга сливались с белесовато-сиреневым небом, вскоре пошли леса Эссекса, серо-коричневые и зеленоватые от лишайника.

Мы съехали с главной дороги и двинулись к Саффрону по проселочной, через замерзшие унылые болота. Качались посеребренные инеем камыши, а лишайники, словно кружево, висели на голых деревьях. Я считала повороты и перед Ривертоном почему-то затаила дыхание и выдохнула, только когда мы его миновали. Машина проехала дальше в деревню и доставила меня в серый каменный домик на Маркет-стрит, зажатый между двумя своими соседями-близнецами. Шофер открыл передо мной дверцу и поставил на мокрый тротуар мой скромный чемодан.

— Вот, значит, и приехали.

Я поблагодарила его, он кивнул в ответ.

— Я заберу вас через пять дней, — напомнил он. — Как приказано.

Я поглядела вслед автомобилю — как он отъезжает, поворачивает на Саффрон Хай-стрит, и почувствовала неодолимое желание кинуться вслед за ним, умолить шофера не бросать меня здесь одну. Слишком поздно. В морозных сумерках я стояла перед домом, в котором провела четырнадцать лет своей жизни, доме, где жила и умерла мама. И ничего не чувствовала.

Я ничего не чувствовала с тех самых пор, как меня вызвала Ханна. Всю дорогу до Саффрона я пыталась вспомнить маму, детство, собственное прошлое. Куда делись все воспоминания? Их же должно быть так много. Для ребенка все кругом новое, яркое. И может, именно поэтому — дети так заняты настоящим, что им просто некогда копить воспоминания на будущее.

Засветились уличные фонари — расплывчато-желтые в ледяном вечернем воздухе — снова пошел снег. У меня онемели щеки, и я увидела снежинки в свете фонаря раньше, чем почувствовала их на коже.

Когда я все-таки подняла чемодан, нащупала в кармане ключ и начала взбираться по каменным ступеням. Дверь широко распахнулась мне навстречу. На пороге стояла тетя Ди, мамина сестра. В руке у нее качалась старая лампа, бросавшая на лицо неяркие блики, отчего оно казалось старше и морщинистей, чем на самом деле.

— Наконец-то, — сказала она. — Проходи.

Тетя провела меня в гостиную. Ей приходится спать на моей старой кровати, сказала она, поэтому мне достанется диван. Я поставила чемодан у стены, он устало скрипнул.

— На ужин у нас суп. Может, не совсем то, к чему ты привыкла в своем богатом доме в Лондоне, но простым людям, вроде меня, вполне подходит.

— Почему же, я люблю суп, — отозвалась я.

Мы молча поели за маминым столом. Тетя сидела спиной к камину, где теплее, а я — на мамином месте, у окна. Белая крупа превратилась в мерзлый снег, стучавший по подоконнику. В такт ему постукивали наши ложки да изредка потрескивали дрова в камине.

— Ну что, пойдём, посмотришь на маму, — сказала после ужина тетя.

Мама лежала на постели, русые волосы рассыпались по подушке. Я-то привыкла видеть их гладко зачесанными, а сейчас они оказались очень длинными и гораздо красивее моих. Кто-то — должно быть, тетя? — натянул одеяло до маминого подбородка, и мне показалось, что она просто спит. Мама выглядела бледной, постаревшей, какой-то усохшей, по сравнению с тем, какой она мне запомнилась. И бесплотной. Когда долго спишь на одном матрасе, он истончается до предела. Мамино тело не вырисовывалось под одеялом. Как будто там вообще ничего не было, и мама просто истаяла — тихо, безмолвно.

Мы спустились вниз, тетя заварила чай. Мы выпили его в гостиной, в полном молчании. В конце концов я сумела выдать, что устала с дороги и принялась застилать диван. Нашла простыню, одеяло, оглянулась в поисках подушки. Тетя наблюдала за мной.

— Если ты ищешь подушку, — сказала она, — так я ее выкинула. Ужас до чего была старая. Гнилая. Сзади дыра. И это в доме швеи! Хотела бы я знать, что она делала с деньгами, которые я присылала.

Тетя вышла. Поднялась наверх, чтобы улечься в одной комнате с умершей сестрой. Надо мной крякнул потолок, скрипнули кроватьные пружины, и воцарилась тишина.

Я лежала в темноте, не в силах уснуть. Представляла, как тетя с неодобрением перебирает мамины вещи; как она застигла маму врасплох — та не успела подготовиться, подсуетиться, не ударить лицом в грязь. Надо мне было приехать первой. Все убрать, в последний раз помочь маме. Я даже поплакала.

* * *

Мы похоронили маму на деревенском кладбище. Собралась небольшая, но очень почтенная процессия.

Миссис Роджерс из деревни — хозяйка ателье, на которое работала мама, доктор Артур. День был, как и положено, мрачный. Снег прекратился, но теплее не стало, и все понимали, что вот-вот он посыплется вновь. Викарий прочел краткую молитву, поглядывая на небо — уж не знаю, на Бога или на тучи. Вспомнил о долге и самоотречении — главных проводниках мамы на жизненном пути.

Подробностей я не помню, мысли улетали в прошлое. Я все пыталась вспомнить маму моего детства. Смешно. Теперь, когда я состарилась, воспоминания приходят легко и свободно: вот она учит меня мыть окно, чтобы на стекле не было разводов; вот варит рождественский окорок — волосы висят сосульками от пара; вот хмурит брови, когда миссис Роджерс жалуется на мистера Роджерса. А тогда — ни в какую. Перед глазами вставало только мертвое серое лицо, которое я увидела вчера вечером.

На меня налетел ледяной ветер, юбка прилипла к ногам. Я взглянула вверх, на серое небо и вдруг заметила на холме, у старого дуба одинокую фигуру. Мужчина, джентльмен, отсюда больше ничего не разглядеть. В длинном черном пальто и жесткой блестящей шляпе. В руках — трость или, может быть, туго свернутый зонт. Сначала я не обратила на него внимания, решила, что это родственник, пришедший навестить другую могилу. В тот момент мне даже не пришло в голову, что джентльмен, который наверняка владеет имением с собственным фамильным кладбищем, вряд ли будет скорбеть на кладбище деревенском.

Когда викарий кинул на мамин гроб первую горсть земли, я снова посмотрела на холм. Джентльмен никуда не делся. Да он же следит за нами, наконец сообразила я. Тут пошел снег, и человек поднял голову, так что его лицо оказалось на виду.

Мистер Фредерик. Как же он изменился! Постарел, резко и внезапно, как жертва сказочного проклятья.

Викарий добормотал молитву, и распорядитель похорон приказал побыстрее закапывать могилу, а то погода разгуляется.

Сбоку от меня выросла тетушка.

— Вот наглец, — сказала она, и сперва я подумала, что речь идет о распорядителе или о викарии. Но когда я проследила за ее взглядом, то поняла, что тетя имела в виду мистера Фредерика. Я удивилась — как это она его узнала. Наверное, мама показала, на какой-нибудь прогулке, решила я.

— Нет, ну что за нахальство — вот так заявиться!

Тетушка покачала головой, поджала губы.

Я удивилась ее словам и хотела уточнить, что она имеет в виду, но тетя уже отошла к викарию и заворковала с ним, благодаря за прочувствованное прощание. Если она винит Хартфордов в маминых болезнях, так это нечестно. Конечно, за годы службы в доме мама действительно натрудила спину, но основные виновники — ее артрит и беременность...

И тут все мысли улетучились у меня из головы. Прямо около викария с черной шляпой в руках стоял Альфред.

Наши глаза встретились над свежей могилой, и он приветственно поднял руку.

Сперва я растерялась, а потом кивнула так резко, что щелкнули зубы.

Альфред зашагал. Ко мне. Я не спускала с него глаз, будто боялась, что он исчезнет. И вот он уже рядом.

— Как ты, Грейс?

Я снова кивнула. Как будто разучилась говорить. На самом деле слов было так много и они крутились в голове так быстро, что я никак не могла их поймать. Недели

ожидания писем, недели боли, замешательства, горя, долгие ночи, когда я лежала в темноте и пыталась найти такие слова оправдания, чтобы он понял и поверил. И вот теперь...

— Держишься? — неловко продолжал Альфред. По привычке протянул руку и тут же передумал и снова схватился за шляпу.

— Да, — наконец-то выдавила я, чувствуя, как отяжелели пальцы, которых Альфред так и не коснулся. — Спасибо, что пришел.

— Как же я мог не прийти?

— Мало ли — какие-то трудности.

— Никаких трудностей, Грейс, — вертя в руках шляпу, заверил Альфред.

Последние слова как будто повисли в воздухе. Мое имя — такое привычное и такое хрупкое на его губах. Я заставила себя посмотреть на мамину могилу, где все еще торопливо работал могильщик. Альфред проследил за моим взглядом.

— Жаль твою маму, — сказал он.

— Спасибо, Альфред, — отозвалась я.

— Труженица была — каких поискать.

— Да, — согласилась я.

— Я ведь к ней заскакивал на прошлой неделе.

— Правда?

— Принес ей немного угля — мистер Гамильтон выделил.

— Ну надо же! — с благодарностью воскликнула я.

— Ночами было холодно. Не хотелось, чтобы она мерзла.

Меня переполнило теплое чувство признательности. Ведь в глубине души я боялась, что мама умерла в том числе и от холода.

Запястье крепко сжали чьи-то пальцы. Тетя.

— Дело сделано, — провозгласила она. — Церемония вышла неплохая. Покойница бы не пожаловалась.

Вопрос был спорный, но я возражать не стала.

— Больше я все равно ничего не смогла бы для нее сделать.

Альфред внимательно смотрел на нас.

— Альфред, — представила я, — это моя тетя Ди, мамина сестра.

Тетя, прищурившись, поглядела на Альфреда — она всю жизнь всех подозревала.

— Очень приятно. — Тетя повернулась ко мне. — Пойдемте, мисс, — приказала она, поправляя шляпу и потуже завязывая шарф. — Завтра к нам зайдет квартирная хозяйка, надо, чтобы все блестело.

Я взглянула на Альфреда, проклиная стену неуверенности, которая высилась между нами.

— Думаю, — неловко начала я, — я лучше...

— Знаешь, — торопливо перебил Альфред, — я надеялся... то есть миссис Таунсенд надеялась, что, может, ты заскочишь в Ривертон на чашку чая?

Он посмотрел на тетю, которая тут же нахмурилась.

— А что ей там делать?

Альфред пожал плечами, покачался с носка на пятку и обратно и, глядя на меня, ответил тете:

— Повидаться с другими слугами. Поболтать. Как в старые добрые времена.

— Нечего ей туда ходить, — решила тетюшка.

— Да, — твердо сказала я, наконец обретя дар речи. — Я с удовольствием зайду.

— Прекрасно, — с облегчением вздохнул Альфред.

— Что ж, — надулась тетя, — делай, как знаешь. Мне-то какая разница. Только не задерживайся там, — предупредила она. — Я не собираюсь отскребать дом в одиночку.

Мы с Альфредом прошли по деревне рука об руку, в воздухе танцевали снежинки, слишком легкие, чтобы падать. Сначала мы шли молча, ноги неслышно ступали по раскисшей от мокрого снега дороге. Звенели колокольчики над дверями магазинов — покупатели входили и выходили.

Иногда вдалеке ворчал автомобильный мотор.

Дойдя до Бридж-роуд, мы наконец заговорили. О маме. Я вспомнила историю с пуговицей и авоськой, спектакль с Панчем и Джуди, рассказала ему, как меня чуть не сдали в приют.

Альфред слушал и кивал.

— Молодец твоя мама, вот что я скажу. Несладко ей пришлось в одиночку.

— Она напоминала мне об этом каждый день, — ответила я, быть может, более жестко, чем следовало.

— А вот отец твой — бессовестный, — сказал Альфред, когда мы миновали нашу улицу и вышли в поле. — Надо же было бросить ее одну с ребенком.

Сперва я решила, что ослышалась.

— Мой кто?

— Отец. Умыл руки, да и все.

— Что ты знаешь о моем отце? — спросила я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Альфред только пожал плечами.

— Да по большому счету ничего. Молодая была, влюбилась, только не судьба им была жить вместе. Что-то там с его семьей, происхождением. Она толком ничего и не говорила.

— А когда она тебе рассказала? — голос стал тонким, как корочка снега под ногами.

— О чем?

— О нем. Об отце. — Я задрожала и покрепче закуталась в шаль.

— Когда я заходил. Она все время сидела одна, ты же в Лондоне, вот я и заглядывал время от времени, мне не трудно. Болтали о том, о сем.

— А еще что-нибудь вспоминала?

Неужто мама открыла ему тайну, которую хранила всю жизнь?

— Нет. Почти ничего. Во всяком случае, про твоего папу. Честно говоря, болтал в основном я, она больше слушала.

Мысли плыли и путались. Что за день! Похороны мамы, появление Альфреда, их разговоры об отце. Я ведь всю жизнь пыталась выпросить о нем хоть что-нибудь! Мы вошли в ворота Ривертон, и я ускорила шаг, будто пытаюсь сбежать от непосильного дня. Сумрачная длинная аллея, казалось, успокаивала меня. Давала новые силы.

Я услышала за спиной шаги Альфреда, он еле поспевал за мной.

— Я хотел написать тебе, Грейси, правда, — запыхавшись, проговорил он. — Ответить на письмо. — Альфред наконец поравнялся со мной. —

Несколько раз начинал.

— И чем дело кончилось? — не снижая скорости, поинтересовалась я.

— Не смог подыскать нужных слов. Ты же знаешь — у меня с головой беда. Еще с войны... — Он похлопал себя по лбу. — Что-то я не смогу делать уже никогда. А если и смогу, то уже не так, как раньше. Вот и с письмами у меня не ладится. — Он почти бежал рядом со мной. — Тем более, что некоторые слова надо говорить наедине, а не в письмах.

Зимний воздух леденил щеки. Я замедлила шаг.

— Почему ты не подождал меня тогда? Когда мы должны были пойти в театр?

— Я ждал, Грейси.

— Когда я вернулась, было всего-навсего пять!

Альфред вздохнул.

— Я ушел минут за десять до тебя. Мы разминулись совсем чуть-чуть. — Он потряс головой. — Я бы ждал и дольше, Грейси, да только миссис Тиббит сказала, что ты, должно быть, забыла про меня. Ушла с хозяйкой и бог весть когда вернешься.

— Это неправда!

— Зачем же она такие глупости выдумывает? — сконфуженно пробормотал Альфред.

Я беспомощно пожала плечами:

— Кто ее знает...

Мы дошли до конца дорожки. Перед нами открылся стоящий на гребне холма Ривертон — огромный и мрачный, окутанный вечерней тьмой. Не сговариваясь, мы сбавили шаг. Дошли до фонтана, обогнули его и подошли к входу для слуг.

— Я бежала за тобой, — сказала я, когда мы шагали через розовую аллею.

— Да ты что! Правда?

Я кивнула.

— И ждала у театра до последнего. Думала тебя перехватить.

— Ох, Грейси, — Альфред затормозил на нижней ступеньке крыльца. — Ну прости меня, пожалуйста!

Я тоже остановилась.

— Не надо было мне слушать эту миссис Тиббит, — вздохнул Альфред.

— Ты же не знал...

— Все равно: мне следовало верить тебе, а не ей. Просто... — Он кинул взгляд на закрытую дверь для слуг, сжал губы. — У меня был к тебе

разговор, Грейс. Очень важный. Собирался спросить у тебя кое-что, ну и психовал целый день. Нервы аж звенели, как струны. — Он помотал головой. — Когда я решил, что ты на меня наплевала, я так расстроился, что не мог больше там сидеть. Выскочил из дома как бешеный. Побежал, не разбирая пути.

— А Люси? — тихо спросила я, глядя, как тают на перчатках снежинки. — Люси Старлинг?

Альфред вздохнул и сказал, не глядя на меня:

— Я позвал Люси Старлинг в театр, чтобы заставить тебя ревновать. Вот и все. Конечно, это было глупо, я знаю, и нечестно по отношению к вам обеим. — Рукой в перчатке он приподнял мой подбородок так, чтобы я глядела ему прямо в глаза. — Я пригласил ее от обиды, Грейс. Всю дорогу от Саффона я представлял себе, как мы встретимся, репетировал, что я тебе скажу.

Его взгляд был прямым и открытым, мускул на подбородке чуть подрагивал.

— И что же ты собирался сказать? — спросила я.

Альфред нервно улыбнулся.

Заскрипели дверные петли, дверь отворилась. В проеме появилась массивная фигура миссис Таунсенд. Ее щеки стали еще краснее, чем раньше.

— Вот они! — воскликнула кухарка. — И что, позвольте спросить, вы делаете тут на морозе? — Миссис Таунсенд повернулась к кому-то у нее за спиной. — Стоят на самом холоде! Я же говорила, что слышу их! — Она снова повернулась к нам. — А я говорю мистеру Гамильтону: «Мистер Гамильтон, заberi Господи мою душеньку, если я не слышу их на крыльце». А он мне: «Все-то вы выдумываете, миссис Таунсенд. Зачем им стоять на морозе, когда можно зайти в теплый дом, где их давно дожидаются?» «Уж не знаю, мистер Гамильтон, — говорю я, — но мои уши меня пока не подводили». И кто оказался прав? Я права, мистер Гамильтон! — крикнула она в дом. И замахала нам, приглашая входить. — Скорее, скорее, а то замерзнете здесь до смерти.

ВЫБОР

Я и забыла, как темно и дымно под лестницей в Ривертоне. Как низки потолки и холоден мраморный пол. Забыла, как быстро северный ветер выдувает отсюда все тепло, забираясь в щели каменных стен. Совсем не так, как в доме номер семнадцать, с его новейшими изоляцией и отоплением.

— Бедная моя девочка, — запричитала миссис Таунсенд, привлекая меня к своей необъятной груди. (Как спокойно становилось у этой груди, что за потеря для ее нерожденных детей! Однако правила были строги, и мама в полной мере испытала их на себе — или семья, или служба в доме). — Проходи, садись. Нэнси! Налей-ка Грейс чашку чаю!

— А где же Кэти? — не поняла я. Все переглянулись.

— Что случилось? — Нет, ничего плохого быть не может, Альфред бы обязательно написал...

— Замуж выскочила, только и всего, — фыркнула Нэнси, прежде чем выйти за чайником.

Я только рот раскрыла.

— Парень с севера, шахтер, — тут же зашептала мне миссис Таунсенд. — Кэти, бестолковая девчонка, тайком встречалась с ним в деревне, когда я посылала ее за покупками. Сговорились — быстрее некуда. Там уже и малыш на подходе. — Довольная произведенным эффектом, она одернула фартук и опасно оглянулась. — Только не говори об этом при Нэнси. Она прямо зеленеет, когда слышит, хоть и клянется, что ей все равно.

Я ошеломленно кивала. Глупышка Кэти замужем? Скоро станет мамой?

Пока я переваривала новости, миссис Таунсенд хлопотала вокруг — пересаживала меня поближе к огню, причитала, что я слишком бледная и худая, решила немедленно накормить меня хорошей порцией своего рождественского пудинга, чтобы я скорей пришла в себя. Как только она удалилась за угощением, я поняла, что все ждут от меня каких-то слов. Пришлось на время выбросить Кэти из головы и спросить, как дела в Ривертоне.

Все запереглядывались, и наконец мистер Гамильтон произнес:

— Что я могу сказать тебе, Грейс? Со времени твоего отъезда здесь многое изменилось.

Я спросила, что это значит, и он, одернув куртку, пояснил:

— Теперь у нас гораздо тише. Заброшенное место.

— Похоже на дом с привидениями, — вставил Альфред, который так и остался стоять у двери. Похоже было, что он нарочно нарывается на замечание. — Тот, что наверху, болтается весь день по имению, как оживший мертвец.

— Альфред! — прикрикнул мистер Гамильтон, но далеко не так возмущенно, как я ожидала. — Хватит выдумывать. Ты преувеличиваешь.

— Вовсе нет, — откликнулся Альфред. — Бросьте, мистер Гамильтон. Грейс — одна из нас. Мы можем сказать ей правду. — Он поглядел на меня. — Я ведь уже говорил тебе в Лондоне. После того, как мисс Ханна вышла замуж, его светлость себе места не находит.

— Да, хозяин расстроен, но дело не только в отъезде мисс Ханны, — возразила Нэнси. — Еще и завод. И смерть матери. — Она наклонилась ко мне: — Если б ты только могла заглянуть наверх. Мы стараемся изо всех сил, но что мы можем поделать? Он не разрешает вызвать мастеров для ремонта — говорит, что они начнут стучать и пилить, а это действует ему на нервы. Мы закрыли почти все комнаты. Хозяин говорит, что гостей тут больше не будет, поэтому нечего нам тратить силы и время. Однажды застал меня за уборкой в библиотеке — так чуть шею не свернул! — Она опасно глянула на мистера Гамильтона и продолжила. — Мы даже книги больше не протираем.

— Все потому, что хозяйки нам не хватает, — вздохнула вернувшаяся с тарелкой пудинга миссис Таунсенд и слизнула с пальца каплю крема. — Нету в доме женской руки.

— Он целыми днями бродит по имению и гоняет каких-то выдуманных браконьеров, — продолжала Нэнси. — А когда возвращается, идет в оружейную и чистит ружья. Прямо страшно делается, я всем говорю.

— Хватит, Нэнси, — не очень уверенно оборвал ее мистер Гамильтон. — Обсуждать хозяина — не нашего ума дело. — Он поправил очки.

— Хорошо, мистер Гамильтон, — согласилась Нэнси и тут же быстро добавила: — Ты бы видела его, Грейс! Ты б его просто не узнала. Постарел, мы и оглянуться не успели.

— А я видела, — сообщила я.

— Где? — встревоженно осведомился мистер Гамильтон и снова поправил очки. — Надеюсь, недалеко? Не у озера?

— Нет, мистер Гамильтон. Совсем не у озера, а в деревне. На

кладбище. На похоронах мамы.

— Он пришел на кладбище? — вытаращив глаза, воскликнула Нэнси.

— Ну, не совсем на кладбище, — поправилась я. — Он стоял на холме.

И смотрел очень внимательно.

Мистер Гамильтон обвел всех растерянным взглядом. Альфред только пожал плечами.

— Я никого не заметил.

— Да был он там, — настаивала я. — Я же не слепая.

— Наверное, просто пошел прогуляться, — неуверенно предположил мистер Гамильтон. — Подышать свежим воздухом...

— Да нет, он не гулял, — задумчиво возразила я. — Просто стоял там, какой-то потерянный, и глядел на могилу.

Мистер Гамильтон переглянулся с миссис Таунсенд.

— Положим, хозяин всегда был благосклонен к твоей маме, когда она тут работала.

— Благосклонен? — подняла брови миссис Таунсенд. — Это так теперь называется?

Я переводила взгляд с одного на другого. Какие у них странные лица. Будто знают что-то, чего не должна узнать я. И тут мистер Гамильтон резко переменял тему.

— Что-то мы все о нас да о нас. А как ты, Грейс? Расскажи нам про Лондон. Как поживает молодая миссис Лакстон?

Я почти не слушала. В сознании брезжила какая-то неясная мысль. Перешептывания, взгляды и намеки вдруг сложились вместе, как в головоломке. Почти сложились.

— Грейс! — нетерпеливо окликнула меня миссис Таунсенд. — Язык проглотила? Что там мисс Ханна?

— Простите, миссис Таунсенд, — извинилась я. — Задумалась.

Все смотрели на меня с ожиданием, поэтому я сказала, что с Ханной все хорошо. А что еще мне оставалось? Как бы я объяснила им, что происходит на самом деле? Рассказывать про ссоры с Тедди, визит к гадалке, жуткий разговор о смерти? Вместо этого я описала чудесный дом, дорогую одежду и блестящее общество.

— А как твоя работа? — строго осведомился мистер Гамильтон. — В Лондоне ведь все по-другому. Интересно? Наверное, в доме много прислуги?

Я ответила, что прислуги много, но она далеко не такая умелая, как здесь, в Ривертоне. Мистер Гамильтон остался доволен. Не забыла я и про предложение леди Пембертон-Браун.

— Надеюсь, ты дала ей понять, что к чему, — сказал мистер Гамильтон. — Вежливо, но твердо, как я тебя учил?

— Да, мистер Гамильтон.

— Что за девочка у нас! — мистер Гамильтон засиял, как гордый отец. — Гленфилд-холл — это вам не шутки. Ты сделала себе неплохое имя, если тебя пытались туда переманить. И что отказалась — тоже правильно. Что у нас есть, кроме нашей верности?

Мы согласно закивали. Все, кроме Альфреда, и я это заметила.

И мистер Гамильтон заметил.

— Альфред, наверное, уже посвятил тебя в свои планы? — подняв седую бровь, осведомился он.

— Что за планы? — я поглядела на Альфреда.

— Я не успел тебе сказать, — с улыбкой объяснил Альфред, подходя и садясь рядом со мной. — Я уйду, Грейс. Хватит с меня этих «да, сэр», «нет, сэр».

Я было решила, что он хочет вообще покинуть Англию, но Альфред, увидев мое лицо, торопливо объяснил.

— Да нет, я никуда не уезжаю. Просто уйду из Ривертон. Один приятель — мы вместе воевали — предлагает мне открыть с ним пополам свое дело.

— Альфред... — Я не знала, что сказать. Вместе с облегчением пришла новая тревога. Оставить службу? Покинуть спокойный, надежный Ривертон? — А что там за дело?

— Подадимся в электрики. Этот парень, он здорово работает руками. Научит меня устанавливать дверные звонки и так далее. Через некоторое время я устроюсь в какой-нибудь магазин. Буду работать, как зверь, и копить денежки — у меня уже кое-что припасено. И рано или поздно открою свою контору. Буду сам себе хозяин. Вот увидишь, Грейси.

* * *

Вечером Альфред проводил меня обратно в деревню. На улице похолодало еще больше, и мы пошли быстро, пытаясь не замерзнуть. И хотя я была рада, что Альфред рядом, что мы помирились и во всем разобрались, я почти ничего не говорила. Голова была занята другим — я складывала воедино фрагменты воспоминаний, пыталась найти смысл в разноцветной головоломке. И Альфред шагал в молчании, как выяснилось

позже — тоже раздумывал, правда, совсем о другом.

Я вспоминала маму. Ее вечное недовольство, слова о том, что ей не повезло, что она была рождена для другой жизни. Я запомнила ее именно такой. Однако в последнее время с удивлением открыла для себя, что была и другая мама. Та, которую с нежностью вспоминала миссис Таунсенд, а мистер Фредерик, как оказалось, был к ней очень благосклонен.

Так куда же делась юная горничная с тайной улыбкой на губах? Ответ, как я подозревала, был ключом к разгадке множества маминых тайн. И решение лежало совсем рядом. Играло, как проворная рыбка в камышах моих мыслей. Я знала, что она близко, чувствовала ее, замечала, как она поблескивает, но как только пыталась поймать юркое тельце, оно тут же выскальзывало из рук.

Понятно, что все это как-то связано со мной: здесь мама выражалась в открытую. Где-то рядом с моим рождением маячил отец — мужчина, о котором она говорила с Альфредом, но никогда — со мной. Мужчина, которого она любила, только им не суждено было жить вместе. Как там говорил Альфред? Его семья? Происхождение?

— Грейс.

Тетя знала, кто мой отец, но молчала не хуже мамы. Хотя я прекрасно знала, что она о нем думает. В детстве мне часто удавалось услышать обрывки их разговоров: тетя Ди шепотом бранила маму за ее выбор, говорила, что мягко было постелено, да теперь жестко спать, потом мама плакала, а тетушка похлопывала ее по плечу и неуклюже утешала: «Ничего, одной — оно и лучше», «отделалась от этого места — и слава богу». «Этим местом», как я поняла еще девчонкой, был большой дом на холме. Его тетя Ди не любила почти так же, как моего отца, говорила: вот две беды, что разрушили мамину жизнь.

— Грейс!

И мистера Фредерика она тоже, вроде, не любит. «Что за нахальство, — сказала, увидев его на похоронах, — вот так заявиться». Я еще удивилась тогда, откуда это тетушка знает мистера Фредерика и что он ей сделал, что она его так ненавидит?

И еще — зачем он все-таки пришел? Одно дело — хорошо относиться к служанке, и совсем другое — появиться на деревенском кладбище. Смотреть, как хоронят давно уволившуюся горничную...

— Грейс. — Издалека, из-за моих мыслей меня звал Альфред. Я поглядела на него бессмысленным взглядом. — Я целый день хотел с тобой поговорить. Боюсь, если не спрошу сейчас, не решусь спросить вообще.

И маме он нравился. «Бедный, бедный Фредерик», — сказала она

тогда. Не бедная леди Вайолет и не бедная Джемайма. Она жалела одного лишь Фредерика.

Хотя и это можно объяснить. Когда мама работала в Ривертоне, мистер Фредерик был молод, и это нормально, что она жалеет и любит того члена семейства, который близок ей по возрасту. Она могла привязаться к нему, как я — к Ханне. Кроме того, маме вроде бы нравилась жена Фредерика, Пенелопа. «Фредерик больше не женится», — заявила она, когда я рассказала, что на него охотится Фэнни. Так твердо, так непоколебимо. Чем еще объяснить такую уверенность, как не близостью к бывшей хозяйке?

— Я не умею складно объяснять, Грейси. Ты и сама знаешь, — говорил в это время Альфред. — Поэтому скажу прямо. Ты уже в курсе, скоро я начну работать...

Я кивала ему, кивала, а сама все думала о другом. Призрачная рыбка подплыла совсем близко. Я видела, как блестят ее чешуйки, как она мелькает в камышах, выплывая из тени...

— ...и это только первый шаг. Я буду копить и копить, и в один прекрасный день — вот увидишь, подожди совсем немного — у меня появится своя контора с вывеской «Альфред Стипл» на двери.

...на свет. А что если мама расстроилась вовсе не из-за привязанности к покойной хозяйке? А из-за того, что мужчина, которого она — до сих пор! — любила, снова собрался жениться? Что если мама и мистер Фредерик?.. Много лет назад, когда она служила в Ривертоне?..

— Я все ждал и ждал, Грейс, потому что хотел предложить тебе что-то большее, чем жалованье лакея...

Нет, конечно же, нет. Это был бы страшный скандал! Люди судачили бы о них, и я бы все узнала. Ведь узнала бы?

На память пришли обрывки разговоров. Не маму ли имела в виду леди Вайолет, когда говорила леди Клементине, что Фредерик был слишком занят «всякими глупостями»? И все знали? И двадцать два года назад в Саффроне действительно разразился скандал — когда из господского дома выгнали горничную, беременную от сына хозяйки?

Но если так, почему леди Вайолет согласилась принять меня на работу? Ведь тогда, выходит, я служила ей постоянным напоминанием о давней ошибке сына!

Или это был своего рода обмен? Плата за мамино молчание? И именно поэтому мама была так уверена, что для меня найдется место в Ривертоне?

Как все просто! Рыбка выплыла на свет, каждая чешуйка сверкала серебром. Как я могла быть такой слепой? Обида мамы, отказ мистера Фредерика жениться на Фэнни. Все ясно, как день. Он тоже любил маму.

Потому и пришел на похороны. И потому смотрел на меня так странно: словно я какое-то привидение. И с легкостью отпустил меня с Ханной, сказал, что я ему тут не нужна.

— Грейси, я что хочу спросить... — Альфред взял меня за руку.

Ханна. Меня как громом ударило.

Я даже вскрикнула. Вот и объяснение той привязанности — сестринской привязанности! — которую я к ней испытывала.

Я пошатнулась. Альфред поддержал меня.

— Осторожно, Грейси, — с напряженной улыбкой предупредил он. — А то ты на меня свалишься.

У меня дрожали колени, казалось, я рассыпаюсь на миллионы крупинок, утекаю, как песок сквозь пальцы.

А Ханна? Знает? Может быть, поэтому она забрала меня в Лондон? Обращалась ко мне в беде? Просила никогда ее не бросать?

— Грейс, что с тобой? Ты нормально себя чувствуешь? — опять Альфред.

Я кивнула, пытаясь выдать хоть слово. Не смогла.

— Это хорошо. Потому что я никак не скажу тебе самого главного. Хотя ты, наверное, уже догадалась.

Догадалась? Про маму и Фредерика? Про Ханну? Нет, Альфред говорил о чем-то еще. О чем? О новой работе, о боевом друге...

— Грейси! — Альфред взял меня за руки. Улыбнулся, нервно сглотнул. — Окажешь ли ты мне честь стать моей женой?

Я наконец-то пришла в сознание. Заморгала, не зная, что сказать. Меня закрутил новый поток мыслей и чувств. Альфред позвал меня замуж. Альфред, которого я обожала, стоял передо мной с каменным от напряжения лицом и дожидался моего ответа. Слова просились на язык, но губы не слушались.

— Грейс! — позвал Альфред, не в силах больше ждать.

Я почувствовала, что улыбаюсь. Даже смеюсь. Просто не в силах остановиться. И плачу — холодные, крупные слезы на щеках. Видимо, со мной случилась истерика: столько событий буквально за несколько минут! Сперва шок — я прихожусь родней мистеру Фредерику, Ханне! И тут же новый сюрприз — предложение Альфреда.

— Грейси! — Альфред неуверенно следил за мной глазами. — Это что значит — ты согласна? В смысле — выйти за меня замуж?

Я? За него? Замуж? Я столько лет об этом мечтала, и вдруг оказалось, что понятия не имею, что отвечать. Я ведь оставила все надежды в ранней юности. Запретила себе даже думать о том, что они могут сбыться. Что кто-

то сделает мне предложение. Что Альфред сделает мне предложение.

Я с трудом подавила смех и заставила себя кивнуть. Будто со стороны услышала свой голос:

— Да.

Почти шепот. Я закрыла глаза, постаралась остановить головокружение и уже громче ответила:

— Да.

Альфред издал радостный возглас, и я открыла глаза. Он сиял и ухмылялся во весь рот. Мужчина и женщина, шедшие по другой стороне улицы, засмотрелись на нас, и Альфред крикнул им:

— Она сказала мне «да»!

Потом повернулся ко мне, хотел что-то сказать, но губы все расползались в улыбку. Весь дрожа, он снова схватил меня за руки.

— Я так мечтал, чтобы ты согласилась!

Я тоже кивала и улыбалась. Что за вечер!

— Грейс, — тихо сказал Альфред. — Я даже не знаю, как спросить... А можно мне теперь тебя поцеловать?

Наверное, я согласилась, потому что он обхватил рукой мой затылок, наклонился... Прикосновение его губ оказалось таким странным — прохладным, тайным, незнакомым.

Время остановилось.

Альфред выпрямился. Улыбнулся мне — помолодевший и очень красивый в сумеречной полутьме.

Потом — первый раз в жизни! — взял меня за руку, и мы пошли по улице. Даже не разговаривали, просто шли — вдвоем. У меня по руке — там, где ее касался Альфред, — бежали мурашки. Тепло и тяжесть его руки — как обещание.

Пальцы Альфреда погладили мое запястье, и я вздрогнула. Все чувства обострились — с меня как будто сдернули кожу, заставив ощущать все сильнее, тоньше. Я придвинулась поближе. Так много изменилось — и всего за один день. Я раскрыла мамин секрет, поняла, почему так привязана к Ханне, да еще мне сделали предложение. Я чуть было не поделилась с Альфредом своей догадкой про маму и мистера Фредерика, но вовремя сдержалась. У нас впереди уйма времени. А я сама еще не привыкла к своему открытию, хотелось немного побыть единственной хранительницей маминой тайны. И насладиться своим собственным счастьем. Вот я и молчала, и мы молча шагали за руку вдоль по моей родной улице.

Драгоценные, прекрасные мгновенья, которые я вспоминала потом сотни и сотни раз, всю свою жизнь. Иногда представляла себе, как мы

вместе дошли до дома, выпили за наше будущее счастье и вскоре поженились. И жили счастливо до самой старости.

Однако ты знаешь, что этому не суждено было сбыться.

Вернемся назад. Мы дошли до середины улицы, до дома мистера Коннели, откуда, как обычно, доносились тоскливые звуки волынки, когда Альфред сказал:

— Ты можешь взять расчет, как только вернешься в Лондон.

— Расчет? — резко остановилась я.

— У миссис Лакстон. — Он улыбнулся мне. — Мы ведь женимся, так что тебе больше не придется ее одевать-раздевать. Уволишься, и сразу уедем в Ипсвич. Хочешь — будешь работать со мной. Вести счета. Или займешься шитьем?

Взять расчет? Оставить Ханну?

— Нет, Альфред, я не могу, — твердо сказала я.

— Почему же не можешь? — Его улыбка стала растерянной. — Я ведь увольняюсь.

— Ты это ты, — я с трудом подбирала слова, изо всех сил желая, чтобы он понял. — А я горничная, камеристка. Ханна без меня не справится.

— Да справится она! Наймет другую. Ей все равно, кто будет складывать ее перчатки! — вспыхнул Альфред. Потом взял себя в руки и сказал уже мягче: — Ты слишком хороша для этой работы, Грейс. Ты заслуживаешь большего и должна жить своей жизнью.

Я не знала, как объяснить ему, что Ханна, конечно же, найдет другую служанку, только ведь я больше, чем служанка. Что мы привязаны друг к другу с того самого дня, в детской, когда нам обеим было по четырнадцать, и я гадала, как это — иметь сестру. Когда неожиданно соврала мисс Принс и сама испугалась.

Что я дала слово. Что Ханна попросила никогда не бросать ее.

Что мы — сестры. Тайные, но сестры.

— Кроме всего прочего, — продолжал Альфред, — мы ведь будем жить в Ипсвиче. Как же ты сможешь сохранить работу в Лондоне? — Он дружески сжал мою ладонь.

Я вдруг сообразила, что уворачиваюсь от его взгляда. Такого прямого. Такого искреннего. Альфред не поймет моих колебаний. Я почувствовала, как все мои аргументы тают, исчезают в неведомой дали. Нет таких слов, чтобы убедить его, заставить сразу понять то, на что мне понадобились годы.

И я поняла, что никогда не смогу получить их обоих. Альфреда и

Ханну. Что пришло время выбирать.

По телу разлился ледяной холод.

Я выдернула руку из руки Альфреда и начала нескладно просить прощения. Бормотала что-то про ошибку, страшную ошибку.

А потом я побежала. И не оглядывалась, хотя точно знала, что он так и стоит под желтым уличным фонарем. Смотрит мне вслед — как я тороплюсь вдоль по улице, стучусь в дом, жду, когда тетя меня впустит, и исчезаю за дверью. И я закрыла ее за собой — дверь в то, что могло случиться.

* * *

Обратный путь в Лондон оказался сущим мучением. Долгий, тоскливый — машина едва тащилась по скользкой дороге. И самое страшное — я сама себе единственный попутчик. Всю дорогу я вела отчаянные споры. Уговаривала себя, что приняла верное, единственно возможное решение — ведь я обещала Ханне не бросать ее. И к тому времени, как автомобиль остановился у дверей дома номер семнадцать, мне удалось себя убедить.

Еще я решила, что Ханна тоже знает о нашем родстве. Что она догадалась, подслушала разговоры родных или даже кто-то ей рассказал. И именно поэтому она всегда тянулась ко мне, делилась тайнами. С того самого дня, как мы столкнулись в дверях секретарских курсов мисс Дав.

Выходит, мы обе знаем.

И эта тайна, как и многие другие, останется между нами.

Молчаливый союз верности и преданности.

Нет, все-таки хорошо, что я ничего не сказала Альфреду. Он бы не понял, почему стоит держать такое открытие при себе. Убеждал бы рассказать все Ханне, потребовать каких-нибудь привилегий. Несмотря на свою доброту и заботливость, не согласился бы оставить все, как есть. И что было бы, если бы все дошло до Тедди? И его семьи? Ханна бы пострадала, а меня бы вообще уволили.

Нет, что сделано, то сделано. Выбора нет. Впереди только одна дорога.

ЧАСТЬ 4

ИСТОРИЯ ХАННЫ

Пришло время поговорить о событиях, в которых я лично не участвовала. Потесним на время Грейс с ее переживаниями и вызовем на сцену Ханну. Ведь пока я ездила домой, в ее жизни произошли серьезные перемены. Я поняла это, как только вернулась. Изменилось все. Изменилась сама Ханна — она светилась изнутри, будто скрывая какую-то прекрасную тайну.

Что на самом деле случилось без меня в доме номер семнадцать, я выяснила не сразу. Как и то, что происходило потом. Конечно, у меня были кое-какие подозрения, но они ничем не подтверждались. Только Ханна знала все до конца, но она никогда не любила делиться новостями. Предпочитала секретничать. Однако после страшных событий двадцать четвертого года, когда мы оказались запертыми в Ривертоне, ей хотелось хоть с кем-нибудь поделиться. А я всегда умела слушать. И вот что она мне рассказала.

I

Это случилось в первый понедельник со дня смерти мамы. Я уехала в Саффрон-Грин, Тедди и Дебора ушли на работу, а Эммелин обедала с друзьями. Ханна в одиночестве сидела в гостиной. Надо было ответить на письма, но бумага сиротливо лежала рядом с ней на диване. Ханне совершенно не хотелось переписывать однообразные ответы женам клиентов Тедди и вместо этого она загляделась в окно, рассматривая прохожих и пытаясь угадать, кто они и куда спешат. Она так погрузилась в свою игру, что не заметила, как он подошел к парадной двери. Не услышала, как позвонил в звонок. И очнулась только, когда в дверь постучал Бойли.

— К вам джентльмен, мэм.

— Джентльмен, Бойли? — повторила Ханна, глядя, как маленькая девочка вырвалась из рук няни и побежала в запорошенный снегом парк. А когда она в последний раз бегала? Так быстро, чтобы ветер бил в лицо и сердце колотилось, и перехватывало дыхание?

— Он объяснил, что у него какая-то вещь, принадлежащая вам, мэм, и что он хочет вернуть ее владелице.

Как же ей все это надоело...

— А он не мог передать ее с вами, Бойли?

— Сказал, что нет, мэм. Говорит, что должен отдать ее лично.

— Не помню, чтобы я что-нибудь теряла. — Ханна наконец отвела взгляд от девочки и отвернулась от окна. — Что ж, проводите его сюда.

Мистер Бойли замялся, будто хотел сказать что-то еще.

— Что-то не так? — спросила Ханна.

— Нет, мэм. Просто этот джентльмен... Не совсем джентльмен, мэм.

— Что вы имеете в виду?

— Вид у него не слишком... почтенный.

— Что значит — не слишком почтенный? — заинтересовалась Ханна. — Надеюсь, он одет?

— Да, мэм, с одеждой у него все в порядке.

— И не выкрикивает оскорблений?

— Нет, мэм, — отвечивал Бойли. — Он весьма вежлив.

— И не француз — невысокий и с усами? — встревожилась Ханна.

— О нет, нет, мэм.

— Тогда скажите мне на милость, Бойли — что же в нем такого непочтенного?

Бойли нахмурился.

— Не знаю мэм. Просто у меня такое ощущение. Ханна притворилась, что уважает ощущения Бойли, хотя на самом деле он лишь разбудил ее любопытство.

— Если этот джентльмен говорит, что у него моя вещь, я думаю, лучше будет получить ее обратно. Если же он проявит хоть каплю неуважения, я тут же позвоню и вы придете мне на помощь.

— Хорошо, мэм, — с чувством выполненного долга согласился Бойли. Поклонился и вышел. Ханна оправила платье. Дверь снова распахнулась. За ней стоял Робби Хантер.

Сперва Ханна его не узнала. Они ведь виделись совсем недолго — всего одну зиму, почти десять лет назад. Да и Робби изменился. Тогда, в Ривертоне, он был совсем мальчишкой. С нежной, гладкой кожей, широко открытыми темными глазами и спокойным голосом. И вообще он был очень спокойным. Даже слишком. Тихо, без предупреждения, вошел в их жизнь, играючи заставляя ее делать и говорить вещи, о которых она потом жалела, и с непонятной уверенностью в себе увел у них брата.

Мужчина, что стоял сейчас перед Ханной, был одет в черный костюм и белую рубашку. Обычная одежда, но сидела она на нем совсем не так, как на Тедди и его клиентах-бизнесменах. Худощавое лицо поражало какой-то

неизбывной усталостью — темные круги под глазами, запавшие щеки. Ханна поняла, что имел в виду Бойли, называя гостя «не совсем почтенным», и тоже не смогла сформулировать, в чем это выражалось.

— Доброе утро, — поздоровалась она.

Он молча смотрел на нее, будто видел насквозь. Ханне и раньше приходилось ловить на себе заинтересованные взгляды, но в этом сквозило что-то такое, отчего она вспыхнула. И тогда он улыбнулся:

— Вы совершенно не изменились.

И тут она узнала его. По голосу.

— Мистер... Хантер? — спросила Ханна. И оглядела его с головы до ног, уже по-новому. Все те же темные волосы, карие глаза. Все тот же чувственный рот и насмешливая улыбка. Ханна даже удивилась — как же она не признала его сразу. Она выпрямилась, взяла себя в руки.

— Очень мило с вашей стороны, что вы к нам заглянули. — И тут же пожалела о своей фальшивой вежливости. Лучше бы ничего не говорила.

Робби улыбнулся. Иронически — показалось Ханне.

— Не хотите ли присесть?

Она указала на кресло Тедди, и Робби послушно сел, как школьник, которому не хочется спорить со скучной, но доброй учительницей.

Он по-прежнему не сводил с нее глаз.

Ханна быстро поправила прическу, убедилась, что все шпильки на месте и волосы на шее не растрепались. Вежливо улыбнулась.

— Что-то не в порядке, мистер Хантер? Я чего-то не замечаю?

— Нет, — заверил он. — Просто я вспоминал вас все эти годы. Вы совершенно не изменились.

— Изменилась, мистер Хантер, да еще как, — заверила его Ханна, стараясь, чтобы голос звучал беззаботно. — Мне ведь было всего пятнадцать, когда мы познакомились.

— Серьезно? Так мало?

И снова его странная бесцеремонность. И дело даже не в том, что он сказал — вопрос был вполне приличный. Дело в том, как он это сказал. Словно подразумевал что-то, чего Ханна не смогла расслышать.

— Я велю подать чаю? — предложила она и тут же снова пожалела о сказанном. Развлекай его теперь.

Ханна встала и позвонила, вызывая дворецкого. Подошла к камину и стояла там, поправляя безделушки, пока в гостиную не заглянул Бойли.

— Мистер Хантер останется на чай, — объявила Ханна.

Бойли с подозрением оглядел гостя.

— Это старый товарищ моего брата, — добавила Ханна. — Боевой

товарищ.

— О! — отозвался Бойли. — Разумеется, мэм. Я велю миссис Тиббит приготовить чай на двоих.

Как почтительно говорил с ней дворецкий. Насколько уверенней почувствовала себя Ханна, пока он был в комнате.

Робби тем временем оглядел гостиную. Обстановку в стиле «ар деко», которую Элси де Вульф рекомендовала («последний писк!»), а Ханна ненавидела. Его взгляд перебегал с восьмиугольного зеркала над камином к коричневым шторам с золотыми ромбами.

— Очень современно, правда? — спросила Ханна, стараясь поддержать ничего не значащую беседу. — Сама я не очень люблю этот стиль, но говорят, очень модно.

Робби будто и не услышал.

— Дэвид часто говорил о вас, — сказал он. — Мне кажется, будто я вас знаю. Вас, и Эммелин, и Ривертон.

Услышав имя брата, Ханна опустила на кушетку. Она приучила себя не думать о нем, не открывать шкатулку давних, светлых воспоминаний. И вдруг перед ней оказался человек, с которым можно было поговорить о Дэвиде.

— Расскажите мне о нем, мистер Хантер. — Она постаралась взять себя в руки. — Он ведь... хочется верить, что он... — Ханна сжала губы, снова попыталась успокоиться. — Я так надеюсь, что он меня простил.

— Простил? За что?

— Той зимой я вела себя на редкость отвратительно. Мы ведь не ждали вас в гости. Привыкли, что Дэвид принадлежит только нам. Боюсь, я выглядела глупой упряницей. Избегала вас все каникулы, мечтала, чтобы вы уехали.

— А я и не заметил, — пожал плечами Робби.

— Выходит, я зря старалась, — грустно усмехнулась Ханна.

Снова открылась дверь, появился Бойли с подносом. Поставил его на столик у дивана и затоптался рядом, подозрительно поглядывая на Робби.

— Мистер Хантер, — сказала Ханна. — Дворецкий сказал, у вас есть что-то для меня.

— Да, — кивнул Робби и полез в карман.

Ханна кивнула Бойли, показывая, что все в порядке и тот может идти. Как только дверь закрылась, Робби достал из кармана кусочек ткани. Потрепанный, с вылезшими нитками, Ханна даже удивилась, как он может иметь к ней хоть какое-то отношение. И вдруг узнала свою ленточку — когда-то белую, а теперь посеревшую. Робби размотал ее дрожащими

пальцами и протянул Ханне.

У нее перехватило дыхание. В ленту была завернута миниатюрная книжка.

Ханна осторожно взяла ее в руки. Повернула, чтобы посмотреть на обложку, хотя прекрасно знала, что там написано. «Переход через Рубикон».

Ее захлестнула волна воспоминаний: беготня по Ривертону, захватывающие дух приключения, таинственный шепот в сумеречной детской.

— Я дала ее Дэвиду. На счастье. Робби кивнул.

Их глаза встретились.

— Зачем вы ее забрали?

— Я не забирал.

— Дэвид никогда не подарил бы вам книгу.

— Он и не дарил. Я лишь посланец. Он хотел вернуть ее вам, последними его словами были: «Передай это Нефертити». И я выполнил его просьбу.

Ханна отвернулась. Имя. Ее тайное имя. В устах Робби — почти незнакомца. Она сжала в пальцах крошечную книжку, захлопнула шкатулку воспоминаний о дружбе, беззаботности, храбрости и свободе. Подняла голову.

— Давайте поговорим о чем-нибудь другом.

Робби согласно склонил голову и спрятал ленточку обратно в карман.

— О чем же говорят люди, когда встречаются через много лет?

— О том, что они делали все эти годы, — ответила Ханна, пряча книжку в секретер. — Куда завела их судьба.

— Хорошо, — согласился Робби. — Что вы делали все эти годы, Ханна? Куда завела вас судьба, я и так прекрасно вижу.

Ханна выпрямилась, налила чашку чая, передала ее Робби. Чашка подрагивала в ее руке, постукивая о блюдце.

— Я вышла замуж. За джентльмена по имени Теодор Лакстон. Должно быть, вы о нем слышали. Он, как и его отец, банкир. Они работают в Сити.

Робби бесстрастно глядел на нее, ничем не обнаруживая, что имя Тедди ему знакомо.

— Живу, как видите, в Лондоне, — с трудом улыбаясь, продолжала Ханна. — Замечательный город, не правда ли? Так много увлекательного. Столько интересных людей... — Она сникла и замолчала. Робби смущал ее — он глядел на нее так же пристально, как когда-то на картину Пикассо в библиотеке.

— Мистер Хантер, — с раздражением сказала Ханна. — Я вынуждена попросить вас перестать. Честное слово, просто невозможно вынести...

— А ведь вы правы, — мягко сказал Робби. — Вы действительно изменились. У вас такое грустное лицо.

Ханне захотелось крикнуть ему, что он ошибается. Что она загрустила лишь потому, что вспомнила брата. Но что-то не давало ей ответить: чувство, что она перед ним, как на ладони, — открытая, беззащитная. Как будто Робби понимал ее лучше, чем она сама. Чувство было неприятным, но Ханна откуда-то знала, что спорить с ним не имеет смысла.

— Что ж, мистер Хантер, — произнесла она, вставая. — Я должна поблагодарить вас за визит. За то, что вы разыскали меня и вернули книгу.

Робби понял намек и тоже поднялся.

— Я просто дал слово и сдержал его.

— Я позвоню Бойли, он вас проводит.

— Не стоит беспокоиться, — отказался Робби. — Я прекрасно запомнил дорогу.

Но как только он отворил дверь, в комнату ворвалась Эммелин — вихрь розового шелка и светлых, модно подстриженных волос. Она светилась юностью и радостью оттого, что принадлежит этому городу и этому времени, а город и время принадлежат ей. Эммелин упала на диван и скрестила длинные ноги. Ханна вдруг почувствовала себя вялой, постаревшей. Как расплывшийся под дождем рисунок акварелью.

— Ф-ф-фу, как же я устала! — выдохнула Эммелин. — А чаю больше нет?

Она подняла глаза и заметила Робби.

— Ты ведь узнаешь мистера Хантера, Эммелин? — спросила Ханна.

Эммелин на секунду нахмурилась. Села, подперла подбородок рукой и заморгала огромными голубыми глазами.

— Друг Дэвида, — напонила Ханна. — Он приезжал к нам в Ривертон.

— Робби Хантер, — расплываясь в счастливой улыбке, сказала Эммелин. Ее рука упала на колени. — Насколько я помню, вы задолжали мне платье. Надеюсь, в этот раз вы совладеете с желанием порвать его прямо на мне.

* * *

По настоянию Эммелин Робби остался обедать. Это просто немисливо — заявила она — чтобы человек ушел, не успев прийти. Поэтому в тот день Робби присоединился к Деборе, Тедди, Эммелин и Ханне в столовой дома номер семнадцать.

Ханна сидела на одном конце стола, Дебора с Эммелин — на другом, Тедди и Робби — друг напротив друга. Они забавно смотрятся, подумала Ханна: Робби — типичный представитель богемы, и Тедди, за четыре года работы с отцом превратившийся в стандартного, даже в чем-то карикатурного бизнесмена. Нет, он все еще был симпатичным, Ханна замечала, что жены клиентов нет-нет, да и поглядывают на Тедди — к его чести, без толку — но лицо стало шире, а волосы блее. Щеки зарумянились от безбедной жизни и обильной еды. Он вольготно развалился на стуле.

— И чем же вы зарабатываете на кусок хлеба, мистер Хантер? Жена говорит, вы не имеете отношения к бизнесу. — Тедди не мог представить себе, чем еще можно заниматься в жизни.

— Я писатель, — ответил Робби.

— Писатель? Для «Таймс» пишете?

— Когда-то писал, — признался Робби. — А теперь только для себя. Себе почему-то легче угодить, — с улыбкой пояснил он.

— Как прекрасно иметь время только для себя! — воскликнула Дебора. — А я целыми днями мотаюсь туда-сюда! — И, хищно улыбаясь Робби, она разразилась монологом о своем участии в недавнем показе мод.

Да она же флиртует, вдруг сообразила Ханна. И поглядела на Робби. Да, он красив — неброской, мрачноватой красотой, на которую Дебора обычно не клевала.

— Книги пишете? — допытывался Тедди.

— Стихи.

— «...Чего ж нам медлить, так можно заржаветь, застынуть в ножнах», [22] — напыщенно произнес Тедди.

Ханна только заморгала, услышав, как он переврал Теннисона.

Робби перехватил ее взгляд и ухмыльнулся.

— «Как будто жизнь — дыханье, а не подвиг», — закончил он.

— Всегда любил Шекспира, — сообщил Тедди. — Вы тоже пишете что-то в этом роде?

— Нет, с Шекспиром меня, конечно, не сравнить, — засмеялся Робби. — Но я стараюсь. Я должен забыться в работе, иначе я увяну от тоски.

— Хорошо сказано, — похвалил Тедди.

И тут Ханну осенило. Она поняла, кто такой Робби. Даже задохнулась от восторга.

— Вы — Роберт С. Хантер!

— Кто? — переспросил Тедди, переводя взгляд с жены на гостя. В поисках поддержки он поглядел на Дебору — та только пожала плечами.

— Роберт С. Хантер, — повторила Ханна, во все глаза глядя на Робби. И засмеялась, не в силах сдержаться. — У меня есть ваш сборник.

— Первый или второй? — полюбопытствовал Робби.

— «Прогресс и разруха», — ответила Ханна. Она и не знала, что у Хантера две книги.

— А-а-а! — вспомнила и Дебора. — Да-да, я читала статью в газете. Вам ведь присудили премию?

— «Прогресс» — это как раз вторая, — сказал Робби, глядя на Ханну.

— Тогда мне хочется прочитать первую. Вы не скажете мне название, чтобы я смогла ее купить?

— Я подарю вам свою, — пообещал Робби. — Я ее уже прочел. Между нами говоря, на редкость скучная вещь!

Дебора жадно улыбнулась, в глазах сверкнул привычный огонек. Она мгновенно оценила Робби и уже мысленно составляла список людей, перед которыми можно похвастаться модным поэтом на одном из своих приемов. Судя по тому, как хищно она сложила красные, блестящие губы, цена Робби была очень высока. Ханна почувствовала мгновенный всплеск ревности.

— «Прогресс и разруха»? — моргнул Тедди. — А вы случайно не социалист, мистер Хантер?

— Нет, сэр, — улыбнулся Робби. — У меня нет ни собственности, чтобы ее перераспределить, ни желания ею обзаводиться.

Тедди захохотал.

— Ну бросьте, мистер Хантер, — засмеялась и Дебора. — По-моему, вы над нами просто подшучиваете.

— Я и впрямь подшучиваю. Но не над вами.

На губах Деборы заиграла улыбка, которую она сама считала манящей.

— Одна маленькая птичка напела мне, что вы не так уж просты, как пытаетесь казаться.

Ханна с улыбкой поглядела на Эммелин. Ей не составило труда догадаться, что за маленькая птичка прилетала к Деборе.

— О чем ты, Деб? — осведомился Тедди. — Ну-ка объясни.

— Наш гость почему-то скромничает, — с торжеством в голосе объявила Дебора. — А ведь на самом деле он не просто мистер Хантер, он — лорд Хантер.

— Как же это? — удивился Тедди.

Робби взял свой бокал за ножку и задумчиво покрутил его в пальцах.

— Мой отец действительно был лордом. Но я не люблю свой титул и стараюсь о нем не упоминать.

Тедди вытаращил глаза над тарелкой с бифштексом. Как можно иметь титул и молчать о нем? Нет, это было выше его понимания. Они с отцом даже участвовали в кампании за пожалование Ллойд Джорджу дворянства.

— Вы твердо уверены, что вы не социалист? — осведомился он.

— Ну хватит о политике, — закатив глаза, взмолилась Эммелин. — Никакой он не социалист. Робби — один из нас, и мы пригласили его вовсе не за тем, чтобы уморить тоскливыми разговорами. — Эммелин подперла подбородок ладонью. — Расскажите нам, где вы побывали, Робби.

— Например, в Испании, — ответил он.

В Испании, повторила про себя Ханна. Как интересно.

— Скучно, — засмеялась Дебора. — Да что там делать?

— Я выполнил обещание, данное много лет назад.

— В Мадрид ездили? — спросил Тедди.

— Заезжал. По дороге в Сеговию.

— А что там делать — в Сеговии? — удивился Тедди.

— Я ездил в Алькасар.

У Ханны по спине побежали мурашки.

— Это та старая мрачная крепость? — широко улыбнулась Дебора. — В жизни не видела ничего тоскливее.

— Да что вы, — возразил Робби. — Она замечательная. Волшебная. Попадаешь в какой-то другой мир.

— В какой?

Робби помолчал, пытаясь подобрать слова.

— Время от времени мне казалось, что я вот-вот окажусь в прошлом. Вечерами, когда я оставался один, мне слышался шепот давно умерших людей. Рядом кружили древние тайны.

— Кошмар какой, — передернулась Дебора.

— Почему же вы оттуда уехали? — спросила Ханна.

— Да, мистер Хантер, — подхватил Тедди — что привело вас обратно в Лондон?

Робби посмотрел на Ханну. Улыбнулся ей и ответил Тедди:

— Думаю, судьба.

— Вы все время путешествуете, — кокетливо заметила Дебора. — В вас, наверное, есть цыганская кровь.

Робби улыбнулся и не ответил.

— Или беспокойная совесть? — игриво допытывалась Дебора. — А, мистер Хантер? Признайтесь, от кого вы бежите?

— Разве что от себя, мисс Лакстон.

— Рано или поздно вы все равно осядете, — сказал Тедди. — Как только повзрослеете. Я тоже любил постранствовать, когда был помоложе. Хотелось посмотреть мир — новые впечатления, то да се. — Он поставил ладони по обе стороны от тарелки, и Ханна поняла, что муж собирается прочесть гостю лекцию. — Любой человек с возрастом становится более ответственным. Устойчивым. Разнообразие, которое раньше развлекало, начинает раздражать. Возьмите, к примеру Париж. Я обожаю Париж, но что там творится сейчас, уму непостижимо. Никакого уважения к традициям. А женщины? Одеваются просто безобразно!

— Тиддлз, дурачок! — хохотнула Дебора. — Это же мода такая!

— Я знаю, что ты без ума от французов и их нарядов, — не обиделся Тедди, — и тебе, незамужней девушке, они, может быть, и подходят. Но моя, к примеру, жена ни за что на свете не станет шататься по городу в таком виде!

Ханна опустила глаза, чтобы не глядеть на Робби. Покопалась в тарелке, отложила вилку.

— Во время путешествий знакомишься с людьми самых разных культур, — сообщил Робби. — Я знаю одно племя на востоке — так там мужья вырезают на лицах жен красивые узоры.

— Ножом?! — ахнула Эммелин.

Тедди от изумления проглотил кусок мяса.

— И для чего это?

— Жена для них — просто красивая вещь, — объяснил Робби. — Муж считает себя в полном праве украшать ее, как его душе заблагорассудится.

— Варвары, — покачивая головой, сказал Тедди и сделал Бойли знак долить вина в его бокал. — И еще недовольны, что мы несем им цивилизацию.

* * *

После первого визита Робби пропал на несколько недель. Ханна думала, что он забыл о своем предложении подарить ей сборник стихов. Очень в его стиле — думала она — появиться, всех очаровать, надавать пустых обещаний и испариться, даже не собираясь их исполнять. Она даже

не обиделась, просто посмеялась над собственной доверчивостью и обо всем забыла.

И все-таки через пару недель, когда Ханна зашла в книжный магазин на Друри-лейн и обнаружила там первую книгу Роберта Хантера, она ее купила. В конце концов, поэзия Робби понравилась Ханне задолго до того, как она поняла, что он — ее не самый любезный знакомый.

Потом пришла весть о смерти отца, и Ханне стало не до Робби и его забытых обещаний. Внезапно она почувствовала себя лодкой, сорванной с якоря и брошенной на милость волн в незнакомых и бурных водах, без руля и ветрил. Глупо, конечно. Она так давно не виделась с Па, ведь он отказался встречаться с ней с тех пор, как она вышла замуж, и Ханна так и не нашла слов, чтобы смягчить его душу. И все-таки, пока Па был жив, она чувствовала, что привязана к чему-то крепкому и надежному. Теперь это чувство исчезло. Ханне казалось, что отец бросил ее: да, они часто ругались — уж такие у них были отношения, но она всегда знала, что Па любит ее больше всех. А теперь он взял и ушел, не сказав ни слова. Ей стали сниться кошмары — черные волны, затонувшие корабли, безбрежные воды океана. А днем вспоминалось предсказание гадалки — о тьме и смерти.

Ей станет легче, когда Эммелин переедет к ней насовсем, уговаривала себя Ханна, Потому что было решено, что после смерти отца Ханна становится для сестры кем-то вроде опекуна. И Тедди сказал: пусть лучше будет на глазах, особенно после той истории с режиссером. Чем больше Ханна думала о приезде Эммелин, тем больше оживлялась. Наконец-то у нее появится союзник в этом доме. Хоть кто-то, кто ее понимает. Вечерами они будут сидеть вместе, болтать и смеяться, делиться секретами — как в детстве.

Вышло, однако, что у Эммелин были другие планы. Они с Лондоном всегда были на «ты», и сразу по приезде она кинулась в самую гущу светской жизни, которую всегда обожала. Каждую ночь новый костюмированный бал — «Белоснежный», «Цирковой», «Подводный» — Ханна сбилась со счета. Днем другое развлечение: охотиться на улицах то за шляпой нищего, то за полицейской каской. Эммелин чересчур много пила и чересчур много курила и считала ночь пропавшей, если на следующий день не находила своего имени в колонке светских сплетен.

Однажды утром Ханна обнаружила Эммелин в гостиной, в компании друзей. Они сдвинули мебель по углам, скатали к камину дорогуций модный ковер. На ковре сидела незнакомая девушка в лимонно-желтом платье из прозрачного шифона и курила, стряхивая пепел прямо перед

собой. Эммелин учила неуклюжего молодого человека с кукольным личиком танцевать фокстрот.

— Нет же, нет! — хохотала она. — На счет четыре, Гарри, золотко! Не на три. Дай руку, я покажу — Она снова завела граммофон. — Готов?

Ханна осторожно по стенке обошла гостиную. Ее так потрясла раскованность, с которой Эммелин и ее друзья распорядились комнатой (ее, если уж на то пошло, комнатой!), что она даже забыла, зачем пришла. Притворилась, будто роется в ящиках стола, а Гарри тем временем рухнул на диван с криком:

— Хватит! Ты меня совсем утомила, Эмми!

Эммелин упала рядом и обняла его за плечи.

— Как хочешь, солнышко, но знай: я не стану танцевать с тобой на вечеринке у Клариссы, если ты не выучишь хотя бы основные шаги. Фокстрот — это самый писк, и я собираюсь танцевать его всю ночь.

Всю ночь — это точно, подумала про себя Ханна. Ночи Эммелин все чаще кончались под утро. Не насытившись танцами в «Клариджез»,^[23] поглощением бренди и коктейля с куантро, буйные компании продолжали веселиться у кого-нибудь дома. Причем все чаще это оказывались дома незнакомцев. Называлось это «вечеринка со взломом» — молодежь шаталась по Мейфэр в вечерних костюмах, пока не находила дом, где веселились гости, и не присоединялась к ним.

Слуги стали судачить. Однажды утром Эммелин ввалилась домой в половине шестого, когда новая горничная уже начала убираться в вестибюле. Хорошо хоть, Тедди не узнал. Ханне пришлось здорово для этого постараться.

— Джейн говорит, что Кларисса не шутит, — сказала лимонно-шифоновая девушка.

— Думаешь, и вправду решится? — не поверил Гарри.

— Вот и увидим, — захохотала Эммелин. — Она обещает постричься уже несколько месяцев. И будет дурой, если решится — с ее-то физиономией! Да она станет похожа на немецкого сержанта!

— Ты что берешь? Джин? — спросил Гарри.

— Или джин, или вино, — пожалала плечами Эммелин. — Кларисса все равно грозит смешать все вместе, чтобы каждый зачерпывал своим стаканом.

Вечеринка «со своей бутылкой», поняла Ханна. Она уже слышала о таких. Тедди любил зачитывать ей отрывки из газет за завтраком. Опускал газету, недовольно тряс головой и ворчал:

— Только послушай! Опять эти вечеринки в Мэйфэр!

И читал вслух, смакуя, как казалось Ханне, каждое слово — о неприглашенных гостях, о вульгарных украшениях, о полицейских облавах.

— И почему молодежь не может развлекаться прилично, как мы в свое время? Устраивать нормальные балы — с ужином, прислугой, танцами и картами?

Ханну потрясли слова Тедди о том, что она, оказывается, уже не молода. И хоть сама она тоже считала, что сестра ходит по лезвию ножа, Ханна ни разу не сказала ей ни слова.

И по-прежнему прилагала все усилия, чтобы Тедди не узнал, что Эммелин бегаёт на скандальные вечеринки. И уж тем более — устраивает их сама. Научилась придумывать ночным отлучкам сестры блестящие оправдания.

Однако в ту ночь, когда Ханна поднялась по лестнице, чтобы скормить мужу очередную полуправду о визите Эммелин к подруге — леди Клариссе, она услышала в его кабинете голоса. Тедди был не один. С Саймионом.

Ханна повернулась было, чтобы уйти и вернуться еще раз, попозже, как вдруг услышала имя отца. Затаила дыхание и подкралась к двери.

— Жаль его, что ни говори, — говорил Тедди. — Глупо погибнуть вот так, на охоте, от случайного выстрела, тем более, вырос он в сельской местности.

Саймион откашлялся.

— Знаешь, Тедди, только между нами. Говорят, выстрел-то был не случайный.

Многозначительная пауза.

Шепот, который Ханна не смогла разобрать.

— Самоубийство? — ахнул Тедди.

«Вранье! — часто дыша, думала Ханна. — Наглое вранье!»

— Похоже, не случайный, — повторил Саймион. — Лорд Гиффорд рассказал мне, что старый дворецкий, Гамильтон, нашел хозяина в лесу. Прислуга, разумеется, пыталась все скрыть — я всегда говорил: нет слуги верней, чем английский слуга, — но лорд Гиффорд напомнил им, что беречь репутацию семейства, его прямая обязанность, поэтому он должен знать правду.

Ханна услышала, как стекло звякнуло о стекло, забулькал херес.

— И что говорит Гиффорд? — спросил Тедди. — Почему он решил, что выстрел не был случайным?

Саймион философски вздохнул.

— Бедняга уже давно был не в себе. Не все выживают в жестоком

мире большого бизнеса. Стал нелюдимым, все время возился с оружием. Слуги даже стали тайком следить за ним, когда он выходил из дома — на всякий случай. — Чиркнула спичка, до Ханны донесся слабый запах дыма. — В общем, все давно ожидали чего-то подобного.

Наступила тишина. Ханна насторожилась, прислушиваясь, не раздадутся ли шаги.

Однако, выдержав приличествующую случаю паузу, Саймион заговорил с новыми силами:

— Лорд Гиффорд, однако, сделал невозможное — никто ничего не узнал и не узнает, поэтому нам сейчас самое время схватить удачу за хвост. — Скрипнуло кресло, Саймион уселся поудобнее. — Думаю, тебе стоит снова попробовать себя в политике. Бизнес у нас налажен, ты чист со всех сторон, и репутацию у консерваторов заработал — лучше некуда. Почему бы тебе не выдвинуться кандидатом от Саффона?

— Думаешь, стоит переехать в Ривертон? — с надеждой встрепенулся Тедди.

— Теперь он твой, а сельские жители всегда любили своих господ.

— Отец, — сдавленным голосом проговорил Тедди. — Да ты гений! Я немедленно звоню лорду Гиффорду. Он наверняка знает, с кем об этом лучше переговорить. — Щелкнул рычаг телефона. — Сейчас не слишком поздно?

— Для бизнеса и политики, — ответил Саймион, — никогда не поздно. Ханна тихонько отошла от двери. Она уже все услышала.

В тот вечер она так и не поговорила с Тедди. В любом случае, Эммелин явилась домой относительно рано — в два. Ханна не спала, пока в вестибюле не застучали каблучки сестры. Тогда она повернулась набок, зажмурила глаза и попыталась не думать о словах Саймиона, о Па, о его смерти. О том, как он был одинок. Как несчастен. Как жил — словно в непроглядном мраке. И о тех письмах со словами раскаяния, которые она так и не смогла дописать.

И в одиночестве своей спальни, слушая доносящийся через стенку мирный храп Тедди и шум ночного Лондона за окном, она погрузилась в странные сны о черной воде, затонувших кораблях и сирене на маяке, тоскливо воющей в тумане.

II

И все-таки Робби пришел. Он даже не стал ничего объяснять — просто сел в кресло Тедди, будто встал из него только вчера, и протянул Ханне сборник своих стихов. Только она хотела сказать ему, что уже приобрела точно такой же, как он достал из кармана еще одну книгу. Маленькую, в зеленой обложке.

— Это вам.

У Ханны екнуло сердце. «Улисс» Джеймса Джойса. Запрещенный везде, где только можно.

— Как вам удалось?

— Друг в Париже.

Ханна обвела пальцем буквы: У л и с с. Она читала — верней, Тедди читал ей вслух — отрывки из газетных статей. Он называл книгу грязной, она согласно кивала. На самом деле в глубине души Ханна находила ее странно притягательной. Но прекрасно понимала, что скажет на это Тедди. Решит, что она больна и пошлет к доктору. И может быть, будет прав.

Вот и сейчас, обрадовавшись возможности прочесть роман, она не знала, как отнестись к такому подарку. Думает ли Робби, что она из тех женщин, для которых такого рода чтение обычная вещь? Или просто решил над ней подшутить? Считает ее ханжой? Она уже готова была спросить, как вдруг он произнес просто и мягко:

— Мне жаль вашего отца.

И тут Ханна расплакалась.

* * *

Никто не видел в визитах Робби ничего особенного. Сначала. Никому и в голову не приходило, что между ним и Ханной может что-то случиться. Ханна первая отвергла бы подобные мысли. Все знали, что Робби — друг ее покойного брата и был с ним до самого конца. Даже то, что он казался немного необычным, как сформулировал Бойли — непочтенным, тоже легко объяснялось войной.

Робби являлся, когда хотел, и никогда не сообщал о своих приходах заранее, но Ханна незаметно привыкла к ним и стала ждать его с нетерпением. Иногда они сидели вдвоем, иногда в комнате оказывались Эммелин или Дебора — ей было все равно. Робби стал для Ханны окном в другую жизнь: они говорили о книгах и путешествиях. Дальних странах и старинных легендах. Он, казалось, знал про нее все. Почти как Дэвид.

Ханна начала скучать без него. Когда Робби долго не появлялся, она маялась ожиданием, все валилось у нее из рук.

Если бы Ханна вынырнула на миг из собственных мыслей, она бы заметила, что визиты Робби интересны не только ей. Что Дебора стала чаще бывать дома. Но Ханна не обращала внимания на такие пустяки.

Поэтому, когда однажды утром Дебора отложила кроссворд и пропела: «На следующей неделе, мистер Хантер, я устраиваю небольшое суаре в честь выпуска нового аромата от «Шанель». И знаете что? Я так заработалась, что у меня совсем не осталось времени подыскать себе партнера», — ее слова явились для Ханны полной неожиданностью.

— Это будет нетрудно, — отозвался Робби. — Стаи молодых людей будут счастливы броситься вместе с вами в пену высшего общества.

— Ну разумеется, — согласилась Дебора, не уловив в его словах иронии. — И все-таки я спохватилась поздно.

— Лорд Вудалл наверняка сможет, — подсказала Ханна.

— Лорд Вудалл за границей, — быстро ответила Дебора и улыбнулась Робби. — Ведь не могу же я пойти одна!

— Эммелин говорит: ходить в одиночку — самое то, — вспомнила Ханна.

Дебора притворилась, что не слышит. Кокетливо захлопала ресницами.

— Если только... Нет, — она с фальшивым смущением замотала головой. — Конечно же нет.

Робби молчал. Пришлось Деборе договаривать самой.

— Если только вы не составите мне компанию, мистер Хантер...

Ханна затаила дыхание.

— Я? — засмеялся Робби. — Да нет, не думаю.

— Почему же? Мы бы отлично провели время.

— Я не умею вести себя в обществе. Задыхаюсь, как рыба без воды.

— Зато я прекрасно плаваю, — настаивала Дебора. — Я вас поддержу.

— И все-таки нет, — твердо отказался Робби. Ханна быстро перевела дух. Иногда ей казалось, что Робби не имеет понятия о приличиях. При этом в нем не было нарочитой вульгарности друзей Эммелин. Просто он не боялся быть слишком искренним, почти бестактным.

— Подумайте хорошенько, — не унималась Дебора, уже с раздражением в голосе. — Там будут самые известные люди.

— Я не люблю высшее общество, — прямо сказал Робби. Ему уже надоел этот разговор. — Чересчур много людей тратит чересчур много денег, чтобы впечатлить тех, кому на это наплевать.

Дебора открыла рот и... закрыла его снова. Ханна едва сдержала смех.

— Ну, если вы твердо решили... — пробормотала Дебора.

— Твердо, — беспечно подтвердил Робби. — В любом случае — спасибо за приглашение.

Дебора зашуршала газетой и притворилась, что занята кроссвордом. Робби вытаращил глаза, втянул щеки и стал похож на рыбу. Ханна не выдержала и рассмеялась.

Дебора со злостью глянула на них. Ханна узнала этот взгляд: Дебора унаследовала его от отца вместе с жаждой власти. Горечь проигрыша заставила ее сжать губы в узкую полоску.

— Вы у нас писатель, мистер Хантер, — холодно сказала она. — Что за слово из шести букв, начинается на «о» и означает неправильность в суждении?

Дебора все-таки отомстила Робби через несколько дней.

— Я вижу, мистер Хантер снова к нам заходил, — сказала она за обедом, выбирая на блюде булочку.

— Да, он принес мне книгу. Ему кажется, она придется мне по душе, — ответила Ханна.

Дебора поглядела на Тедди, который сидел во главе стола, поглощая рыбу.

— Я просто опасаясь, что слуги начнут болтать. Он слишком часто у нас бывает.

Ханна отложила вилку.

— Не понимаю, почему визиты мистера Хантера должны привлечь внимание слуг?

— Вот именно! — чеканя каждое слово заговорила Дебора. — Я и гляжу, что совсем не понимаешь. А ведь ты ведешь себя безответственно. Слуги — те же самые дети. Им нужна твердая рука, иначе они вообще разболтаются. И роль этой руки должны играть мы, их господа. А у нас что? Мистер Хантер является без приглашения. Он понятия не имеет, как вести себя в обществе. Даже по телефону не позвонит, прежде чем заглянуть. Миссис Тиббит сбивается с ног — готовит чай для тебя одной, а приходится подавать на двоих. Это просто непорядочно по отношению к ней. Как ты считаешь, Тедди?

— Что? — Тедди поднял голову от тарелки с рыбой.

— Я говорю, — повторила Дебора, — нехорошо раздражать прислугу.

— Раздражать прислугу? — испугался Тедди. Как и отец, он все время боялся бунта.

— Я поговорю с мистером Хантером, — торопливо пообещала Ханна. — И попрошу его звонить перед приходом.

Дебора сделала вид, что задумалась.

— Нет, — сказала она наконец, покачивая головой. — Боюсь, уже слишком поздно, этого мало. Думаю, мистеру Хантеру вообще пора забыть дорогу к нашему дому.

— Ну это уж чересчур, Деб, — удивился Тедди, и Ханна почувствовала всплеск благодарности к мужу. — Мистер Хантер вполне безобиден. Поэт, конечно, богема, но не более. Если он действительно будет звонить, я думаю, слуги...

— Тут еще в чем дело, Тедди, — перебила брата Дебора. — Мы же не хотим, чтобы пошли всякие ненужные слухи?

— Ненужные слухи? — не понял Тедди и вдруг рассмеялся. — Да ты что, Деб, ты боишься, что кто-нибудь решит, что Ханна и мистер Хантер?.. Что моя жена и подобный тип?..

Ханна прикрыла глаза.

— Я ничего не боюсь, — злобно ответила Дебора. — Но люди любят трепать языками, а сплетни не лучшие помощники бизнесу. И политике.

— Политике? — задумался Тедди.

— Мама сказала, что ты решил предпринять еще одну попытку. Так как же избиратели поверят, что ты сможешь управлять народом, если они заподозрят, что ты не можешь управлять собственной женой? — Дебора с торжеством отправила в рот полную вилку, стараясь не задеть ярко накрашенные губы.

— Я об этом не думал, — озадаченно признался Тедди.

— И не думай, — тихо посоветовала Ханна. — Мистер Хантер — друг моего погибшего брата. Он приходит поговорить о Дэвиде.

— Да я знаю, старушка, — с виноватой улыбкой ответил Тедди и беспомощно пожал плечами. — И все-таки Деб права. Понимаешь? Мы не можем давать повода для сплетен.

После этого разговора Дебора ходила за Ханной, как привязанная. Глубоко оскорбленная отказом Робби, она жаждала своими глазами увидеть его изгнание, более того — хотела, чтобы он понял, по чьей милости ему отказали от дома. И когда Робби наконец появился в доме номер семнадцать, Дебора уже сидела на диване рядом с Ханной.

— Доброе утро, мистер Хантер, — радостно улыбаясь, поздоровалась Дебора. Ее пальцы нетерпеливо пощипывали мех лежащего у нее на коленях Банти. — Как приятно снова вас увидеть. У вас все в порядке?

Робби кивнул.

— А у вас?

— Лучше некуда, — уверила Дебора.

— Ну как? — улыбнулся Робби, глядя на Ханну. Сжав губы, та протянула ему «Бесплодную землю» Элиота.

— Мне очень понравилось, мистер Хантер. Запало в душу.

Ханна неуверенно взглянула на Дебору, та смотрела на нее в ожидании.

— Мистер Хантер, — собравшись с духом, начала Ханна. — Я вынуждена кое-что с вами обсудить. — Она указала ему на кресло Тедди.

Робби поглядел на нее внимательными темными глазами и послушно сел.

— Мой супруг... — сказала Ханна и замолчала, не зная, как продолжить. — Мой супруг...

Она обернулась к Деборе, но та притворилась, что целиком занята расчесыванием пушистого Банти. Ханна молча смотрела на ее длинные, тонкие пальцы, острые ногти...

Робби посмотрел туда же.

— Ваш супруг, миссис Лакстон... — подсказал он.

— Мой супруг, — тихо договорила Ханна, — предпочел бы, чтобы вы больше не появлялись в нашем доме без особой надобности.

Дебора спихнула Банти с колен и одернула платье.

— Вы все поняли, не так ли, мистер Хантер?

Вошел Бойли с подносом. Поставил его на столик, кивнул Деборе и вышел.

— Вы ведь останетесь на чай, — сладким голосом, от которого у Ханны по спине пошли мурашки, предложила Дебора. — В последний раз?

Под руководством сияющей Деборы они завели неловкий разговор о крушении коалиционного правительства и убийстве Майкла Коллинза.^[24] Ханна едва ли слушала. Ей хотелось остаться с Робби наедине — всего на несколько минут, чтобы все ему объяснить. Нет, Дебора ни за что не позволит.

Ханна уже решила, что, наверное, уже никогда не сможет извиниться перед Робби, и ощутила вдруг, как, оказывается, привыкла к его обществу, и тут в дверях возникла Эммелин, обедавшая где-то с друзьями.

В тот день она была на диво хороша — уложила волосы светлыми волнами и накинула новый оранжевый шарф, под которым ее кожа словно светилась. По привычке Эммелин не вошла, а влетела в комнату — Банти шарахнулся под кресло — и, упав на кушетку, сложила руки на груди.

— Ф-ф-у! — выдохнула она, словно не замечая царившего в гостиной напряжения. — Я набита, как рождественский гусь. Никогда больше не буду есть! — Эммелин приподняла голову. — Как делишки, Робби? — Не

дожидаясь ответа, она вытаращила глаза и села. — О! Вы никогда не догадаетесь, кого я встретила на приеме у леди Сибил Колефакс! Я сидела там, болтала с душкой лордом Бернерсом — представляете, он установил у себя в роллс-ройсе маленькое пианино! — как вдруг появились никто иное как Ситуэллы!^[25] Все трое! Живьем они гораздо интереснее. Милый Сэчевэрел, с его остроумными шутками, Осберт, с его маленькими стишками, как их, когда кончается смешно...

— Эпиграммы, — пробормотал Робби.

— Он почти такой же остроумный, как Оскар Уайльд, — тараторила Эммелин. — А лучше всех была Эдит. Она прочла одно из своих стихотворений, и мы не смогли сдержать слез. Вы знаете леди Колефакс — она с ума сходит по всяким знаменитостям — ну, я и не удержалась, похвасталась, что знакома с Робби. Она чуть не умерла. Мне вообще сначала никто не поверил: все считают меня ужасной выдумщицей — понятия не имею, почему—и теперь, Робби, вы просто обязаны пойти со мной вечером — доказать, что я не вру.

Она передохнула и одним неуловимым движением выхватила из сумки сигарету, сунула в рот и зажгла. Выпустила облачко дыма.

— Скажите, что ходите со мной, Робби! Одно дело, когда не верят твоим выдумкам, и совсем другое — когда не слушают правды.

Робби помолчал, подумал.

— Во сколько мне за вами зайти? — спросил он наконец. Ханна удивленно моргнула. Она-то ждала, что он откажется, как бывало всегда, когда Эммелин тащила его на свои вечеринки. Что он относится к друзьям Эммелин так же, как сама Ханна. Может быть, его неприязнь не распространяется на лорда Бернерса и леди Сибил? Или слава Ситуэллов покоя не дает?

— В шесть! — засияла Эммелин. — Как здорово! Робби прибыл в половине шестого. Забавно, думала Ханна, что человек, прославившийся своей непунктуальностью, является вовремя, чтобы составить компанию еще более безответственной особе.

Пока Эммелин одевалась, Робби подождал ее в гостиной в компании Ханны, и она наконец-то получила возможность рассказать ему про происки Деборы. Робби только отмахнулся и заверил, что он и так обо всем догадался. Потом они заговорили о другом, и время, наверное, полетело очень быстро, потому что в комнату очень скоро впрорхнула Эммелин — одетая и готовая идти. Робби попрощался, и они с Эммелин растворились в ночи.

* * *

Так и повелось. Ханна виделась с Робби, когда тот заходил за Эммелин, и Дебора ничего не могла с этим поделать. Однажды она все-таки попыталась выставить его, но Тедди пожал плечами и сказал — когда хозяйка развлекает беседой гостя, пришедшего к ее младшей сестре, это элементарная вежливость. Не сидеть же ему, в самом деле, одному?

Ханна старалась довольствоваться этими краткими моментами, но ловила себя на том, что думает о Робби постоянно. Он никогда не рассказывал о том, что делает, когда не сидит у них. Ханна даже не знала, где он живет. И она начала придумывать себе его жизнь: с ее воображением это было несложно.

Она легко обходила тот факт, что Робби проводит много времени с Эммелин. Это ведь ничего не значит. У Эммелин полным-полно друзей, Робби просто один из них, вот и все.

Однажды утром за завтраком Тедди похлопал ладонью по раскрытой газете и спросил:

— И как тебе твоя сестрица?

Ханна занервничала, гадая, что выкинула Эммелин на этот раз. Взяла протянутую газету.

Всего лишь небольшой снимок. Робби и Эммелин выходят из ночного клуба, судя по всему, вчера вечером. Эммелин получилась превосходно, заметила Ханна, — хохочет, вскинув подбородок, и тянет Робби за руку. Он, в свою очередь, прячется в тень и смотрит в сторону.

Тедди забрал газету и громко прочитал подпись под фотографией:

— «Достопочтенная мисс Э. Хартфорд, одна из звезд лондонского высшего общества, покидает ночной клуб вместе с загадочным незнакомцем. Ходят слухи, что ее таинственный спутник — не кто иной, как поэт Р. С. Хантер, и, как сообщает наш источник, их помолвка не за горами».

Тедди отложил газету и вернулся к тарелке с яичницей.

— Та еще штучка, наша Эммелин, да? Ничего себе секреты. Ладно, я боялся, будет хуже. Думал, она положила глаз на этого Гарри Бентли. — Он стряхнул с усов яичные крошки. — Поговори-ка с мистером Хантером, ладно? Убедись, что все в порядке. Мне сейчас скандалы не нужны.

* * *

Вечером, когда Робби зашел за Эммелин, Ханна встретила его, как обычно. Немного побеседовали. Наконец, Ханна собралась с духом.

— Мистер Хантер, — сказала она, подходя к камину. — Я должна задать вам один вопрос. Вы ни о чем не хотите со мной поговорить?

Он откинулся на спинку стула, улыбнулся.

— Хочу. И говорю.

— Нет, мистер Хантер. О чем-то еще?

Робби посерьезнел.

— Боюсь, я не очень понимаю.

— Спросить о чем-нибудь?

— Могу и спросить, если вы намекнете мне, о чем именно, — ответил Робби.

Ханна вздохнула. Взяла со стола газету, протянула ему. Робби просмотрел ее и вернул обратно. — Ну и?..

— Мистер Хантер, — сказала Ханна. Ей совсем не хотелось, чтобы их услышал кто-то из слуг. — Я прихожусь сестре опекуном. Если вы хотите сделать ей предложение, было бы неплохо предупредить об этом меня.

Робби усмехнулся, но, видя встревоженное лицо Ханны, снова стал серьезным.

— Буду иметь в виду, миссис Лакстон.

— Так что же, мистер Хантер?

— Что, миссис Лакстон?

— Вам есть, что мне сказать?

— Нет, — рассмеялся Робби. — Я вовсе не собираюсь жениться на Эммелин. Ни сейчас. Ни потом. Не переживайте.

— А Эммелин? — просто спросила Ханна. — Знает об этом?

— Я не давал ей повода думать иначе, — пожал плечами Робби.

— Моя сестра — очень романтическая девушка. Она легко придумывает привязанности, которых нет на самом деле.

— Тогда ей следует предупреждать людей о своих выдумках.

Ханна ощутила всплеск жалости к Эммелин. И, к своему стыду, огромное облегчение.

— Что с вами? — спросил Робби. Он стоял очень близко. Ханна и не заметила, когда он подошел так близко.

— Я волнуюсь за Эммелин, — призналась Ханна, отступила на шаг и уперлась в диван. — Она уверена, что вы питаете к ней глубокие чувства.

— А я что могу поделать? Я уже говорил ей, что между нами нет ничего серьезного.

— Тогда перестаньте с ней встречаться, — тихо сказала Ханна. —

Скажите, что вам скучно на вечеринках. Вам же нетрудно. Вы раз за разом повторяете, что с ее друзьями не о чем говорить.

— Так и есть.

— Раз вы ничего не чувствуете к Эмми, будьте с ней откровенны, мистер Хантер. Порвите с ней. Иначе ей будет очень больно. Я просто не могу этого допустить.

Робби молча смотрел на Ханну. Протянул руку и тихонько поправил выбившийся из прически локон. Она мгновенно забыла обо всем, кроме него. Темные глаза, тепло его тела, губы так близко...

— Я бы порвал, — шепнул Робби. — Сию минуту. Только... — Его дыхание щекотало ей шею — он стоял совсем рядом. — Как же тогда я увижу вас?

* * *

С тех пор все переменилось. Не могло не перемениться. Тайное стало явным. Темнота, окружавшая Ханну, начала редеть. Она полюбила Робби, просто не сразу догадалась об этом. Ведь Ханна еще ни разу никого не любила, ей просто не с чем было сравнивать. Иногда ей кто-то нравился, как понравился в свое время Тедди. Но между симпатией и настоящей любовью огромная разница.

Им больше не хватало тех кратких встреч в гостиной, пока Робби ждал Эммелин. Ханне не терпелось увидеться с ним наедине, поговорить свободно, без чужих глаз и ушей.

В один из вечеров тысяча девятьсот двадцать третьего года им подвернулась такая возможность. Тедди был в Америке по делам, Дебора — у кого-то из друзей в загородном доме, а Эммелин с друзьями — на поэтических чтениях Робби. Ханна решила.

Она поела в одиночестве, попила кофе и вернулась к себе в спальню. Когда я пришла переодеть ее ко сну, она сидела на краешке изящной ванны, одетая в тончайшую атласную комбинацию, которую Тедди привез ей с континента. И держала в руках что-то черное.

— Хотите принять ванну, мэм? — спросила я. Редко, но бывало, что Ханна лежала в ванне после ужина.

— Нет.

— Принести вам ночную сорочку?

— Нет, — снова отказалась она. — Я не собираюсь спать, Грейс. Я

собираюсь уйти.

Я ничего не поняла.

— Да, уйти. И мне нужна твоя помощь.

Нельзя, чтобы узнали другие слуги. Они же шпионят — как о чем-то само собой разумеющемся сказала Ханна — а она не хочет, чтобы Тедди, Дебора или даже Эммелин догадались, что сегодня вечером ее не было дома.

Я встревожилась — ночью, одна, да еще тайком от Тедди! И куда это она собралась, почему не говорит мне? И все-таки я ей помогла. Да и как я могла отказаться? Ведь меня просила Ханна.

В полном молчании я помогла ей переодеться. Платье было выбрано заранее — светло-голубое, шелковое, с бахромой, которая щекотала открытые колени. Потом Ханна уселась перед зеркалом и подождала, пока я заколю ей волосы вокруг головы. Пощипывала бахрому платья, крутила в пальцах медальон, кусала губы. Когда я закончила, подала мне парик: темный, гладкий, короткий — одно из приобретений Эммелин для костюмированных балов. Я поразились — Ханна никогда раньше не носила париков — однако послушно натянула его ей на голову и отступила, чтобы посмотреть, что вышло. Просто другой человек. Похожа на актрису Луизу Брукс.

Ханна покрутила в руках флакончик духов «Шанель номер пять», еще один подарок Тедди, и поставила на место. Оглядела себя в зеркало. Тогда-то я и заметила на бюро клочок бумаги: «Чтения Робби: «Бродячий кот», Сохо, суббота, десять вечера». Ханна взяла записку, спрятала в сумочку и громко ее защелкнула. Мы встретились глазами в зеркале. Ханна ничего не сказала, да и не требовалось. Я сама не понимала, как не сообразила сразу. Кто еще мог заставить Ханну так нервничать? Волноваться. Трепетать от ожидания.

Я вышла первой, чтобы посмотреть, не крутится ли поблизости кто-нибудь из слуг. Сказала мистеру Бойли, что я заметила пятно на стекле в вестибюле. Никакого пятна, разумеется, не было, просто надо было как-то объяснить, почему хлопнула парадная дверь.

Снова поднялась наверх, махнула с лестничной площадки, показывая, что путь свободен. Открыла парадную дверь, и Ханна проскочила наружу. Остановилась на крыльце, с улыбкой повернулась ко мне.

— Будьте осторожней, мэм, — попросила я, стараясь заглушить в себе плохие предчувствия.

Ханна кивнула.

— Спасибо тебе, Грейс. За все.

И исчезла в ночи — бесшумно, держа туфли в руках, чтобы не стучать каблуками.

* * *

Ханна поймала такси и дала водителю адрес клуба, где должен был выступать Робби. От волнения она едва могла дышать. Приходилось постукивать каблуками по полу машины, чтобы убедить себя, что это не сон.

Добыть адрес оказалось нетрудно. Эммелин вела альбом, куда клеивала приглашения и рекламки, и Ханна легко обнаружила там все, что нужно. Оказалось, можно было и не искать. Только лишь она назвала таксисту клуб, он сразу понял, куда ехать. «Бродячий кот» был одним из самых модных клубов Сохо, место встречи художников, торговцев наркотиками, финансовых воротил и ленивых, утомленных жизнью аристократов, пытавшихся сбросить оковы высокого происхождения.

Водитель остановился, посоветовал Ханне быть поосторожней и покачал головой, когда она с ним расплатилась. Она поблагодарила его и посмотрела, как отражение сияющей вывески клуба съезжает с капота черной блестящей машины и она исчезает в ночи.

Ханна никогда раньше не бывала в таких местах. Она постояла, рассматривая простую кирпичную стену, сияющую вывеску и толпы хохочущих людей на тротуаре перед клубом. Значит, вот где Эммелин проводит ночи. Ханна замоталась в шаль, опустила голову и вошла, отказавшись отдать швейцару верхнюю одежду.

Зал оказался маленьким, чуть больше обычной комнаты, очень жарким и душным от множества скопившихся там людей. В прокуренном воздухе пахло джином. Ханна остановилась почти у входа, прислонившись к колонне, и оглядела клуб в поисках Робби.

Он был уже на сцене, если это можно было назвать сценой. Маленький клочок пустого места между баром и огромным роялем. Сидел на табуретке и лениво курил, сигарета свисала изо рта. Пиджак висел на спинке соседнего стула, на Робби остались черные брюки и белая рубашка. Воротник расстегнут, волосы растрепаны. Он листал небольшой блокнот. Перед ним за небольшими круглыми столами сидели зрители. Некоторые устроились на табуретках около барной стойки или стояли у стен.

Ханна заметила за одним из столиков сидевшую в компании друзей

Эммелин. С ними была Фэнни — считалось, что она приглядывает за молодежью. Семейная жизнь обернулась для Фэнни разочарованием. Дети проводили все время с пожилой нянькой, муж находил у себя одну болезнь за другой, и ей ничего не оставалось, как примкнуть к компании более юных приятелей. Они терпели Фэнни, объясняла Ханне Эммелин, потому что, с одной стороны, она веселилась наравне с остальными, а с другой, была старше и опытней и с легкостью вытаскивала их из всевозможных неприятностей. К примеру, прекрасно заговаривала зубы полицейским.

Вся компания попивала коктейли из бокалов для мартини, один из юнцов насыпал на стол полоску белого порошка. В другое время Ханна испугалась бы за Эммелин, но сегодня она любила весь мир.

Ханна поглубже зашла за колонну, однако беспокоилась она зря. Молодые люди были так заняты друг другом, что почти не глядели по сторонам. Тип с порошком шептал что-то Эммелин, она громко хохотала, закидывая голову.

У Робби дрожали руки — Ханна заметила, как трясется блокнот. Он пристроил сигарету на пепельницу и без всякого предупреждения начал читать. Стихотворение об истории, тайне и памяти: «Когда рассеется туман». Одно из самых ее любимых.

Ханна глядела на Робби. Чуть ли не в первый раз она смогла рассмотреть его, пока он об этом не догадывался. И слушала. Стихи пронзили ее сердце, еще когда она читала книгу, но слышать их от самого поэта было гораздо трогательней — будто проникаешь в его душу.

Робби дочитал, публика захлопала, кто-то что-то выкрикнул, зрители засмеялись. Робби поднял голову и посмотрел. На Ханну. Лицо его осталось бесстрастным, но Ханна поняла, что он увидел ее и узнал, несмотря на маскировку.

Все исчезли, они остались вдвоем.

Робби опустил глаза, перелистнул несколько страниц, что-то пробормотал и наконец выбрал следующие стихи.

И заговорил с Ханной. Стихотворение за стихотворением. Об известном и неизвестном, истине и тоске, любви и желании. Она закрыла глаза и чувствовала, как с каждым словом исчезает окружающая ее тьма.

Робби смолк, зрители захлопали. Бармен задвигался за стойкой, смешивая и разливая коктейли, музыканты заняли свои места, загремел джаз. Между столиками заплясали хмельные хохочущие люди. Ханна увидела, как Эммелин машет Робби, приглашая его присоединиться. Робби помахал в ответ и показал на свои часы. Эммелин обиженно выпятила губу, но тут ее подхватил один из юнцов, она издала радостный вопль и

бросилась в гущу танца.

Робби закурил очередную сигарету, накинул пиджак и сунул блокнот во внутренний карман. Сказал что-то бармену и пошел через зал. К Ханне.

Время остановилось. Ханна следила, как он идет, подходит все ближе, ближе. У нее закружилась голова. Как будто она стоит на вершине высоченной скалы, и яростный ветер, с которым бесполезно бороться, сдувает ее в пропасть.

Робби молча взял ее за руку и повел к двери.

* * *

В три часа ночи Ханна проникла в дом номер семнадцать с черного хода. Я ждала ее, как обещала, внутри у

меня все сжималось от беспокойства. Ханна пришла позже, чем собиралась, и я уже успела нарисовать себе немало страшных картин.

— Слава богу! — шепнула Ханна, проскальзывая в приоткрытую мною дверь. — Я боялась, вдруг ты забудешь.

— Как можно, мэм! — оскорбилась я.

С туфлями в руках Ханна на цыпочках прошла в главную часть дома. Начала подниматься по лестнице и тут заметила, что я все еще иду за ней.

— Не стоит провожать меня в спальню, Грейс. Уже очень поздно. Кроме того, я хочу побыть одна.

Я кивнула и осталась стоять на ступеньке в белой ночной рубашке, как потерявшийся ребенок.

— Мэм! — тихонько окликнула я Ханну.

— Да? — повернулась она.

— Вы хорошо провели время, мэм?

— Ах, Грейс! — улыбнулась Ханна. — Сегодня началась моя жизнь.

III

Они всегда встречались у Робби. Ханна часто гадала, где он живет, но даже близко не подошла к разгадке. У Робби был маленький баркас под названием «Милая Дуль-си», он ставил его на якорь у берега Темзы, обычно где-то у Челсийского моста. Он купил его у старого друга, сказал Робби, во Франции после войны и отбуксировал в Лондон. Несмотря на

облезлый вид, это была прочная посуда, пригодная, по словам Робби, к плаванию в открытом море.

Внутри баркас был оборудован на удивление уютно: обшит деревом, в маленьком кухонном отсеке — медные кастрюли, а в каюте под рядом зашторенных окон — откидная койка. Были даже душ и туалет. То, что Робби жил в таком удивительном доме, совсем не похожем на жилища других людей, только добавляло приключению остроты. Есть какая-то изюминка в том, что они скрываются от всех в таком необычном месте.

Договаривались они очень просто. Робби заходил за Эммелин и незаметно подсовывал Ханне записку с датой, временем и местом, около которого он встанет на якорь. Ханна читала записку, кивала в знак согласия, и вскоре они встречались. Иногда ничего не выходило — Тедди требовал присутствия жены на какой-нибудь встрече или Эстелла нагружала делами комитета. И у Ханны не было никакой возможности предупредить Робби. У нее сердце разрывалось, когда она представляла, как он тщетно ждет ее весь день.

И все-таки, в большинстве случаев у них все получалось. Дома Ханна сообщала, что идет обедать с подружкой или по магазинам. Она никогда не уходила надолго. Осторожничала. Отлучалась только утром или днем, вечер мог возбудить подозрения. Запретная любовь быстро делает людей изворотливыми, и Ханна не стала исключением: научилась мгновенно изобретать оправдания, если встречала кого-нибудь в подозрительном месте. Однажды на Оксфорд-стрит она налетела на леди Клементину. А где же шофер, поинтересовалась леди Клементина. Она пришла пешком, ответила Ханна. Такая прекрасная погода, вот и захотелось прогуляться. Однако леди Клементина не вчера родилась. Она прищурилась, кивнула и посоветовала Ханне быть аккуратнее. У города есть глаза и уши.

У города — возможно, но не у реки. Во всяком случае, тех глаз и ушей, которых следует бояться. Темза тогда была совсем другой. Река-грузовица, переполненная судами, торопящимися по разным делам: грузовыми — с углем, идущими на фабрики и заводы, или с товарами, рыбацкими лодками, везущими улов на рынки. А по берегу шли лошади-тяжеловозы клейдесдальской породы^[26] и тянули разноцветные баржи, стараясь не обращать внимания на нахальные крики чаек.

Ханне нравилось на реке. Она не могла поверить, что столько лет жила в Лондоне и до сих пор не бывала в самом его сердце. Разумеется, она ездила через мосты, во всяком случае, через некоторые из них; шофер возил ее туда-сюда в автомобиле. Но она почти не обращала внимания, что творилось внизу. Если бы ее спросили про Темзу, она бы ответила, что это

такая река, которую надо пересечь по дороге в оперу, музей или картинную галерею.

И вот, наконец, они встретились. Ханна покидала дом номер семнадцать и бежала к мосту, указанному в записке Робби. Иногда она попадала в знакомый район, иногда—в совсем чужую часть Лондона. Находила мост, спускалась на берег и искала глазами его голубое суденышко.

И всегда находила. Когда Ханна подбегала поближе, Робби выходил навстречу, брал ее за руку и помогал перепрыгнуть на борт. Они спускались в каюту — прочь от шумного, суматошного мира, в свой собственный.

Иногда, впрочем, они сначала оставались на палубе. Робби крепко обнимал Ханну и целовал ее, не давая говорить.

— Я еле дождался, — говорил он, прижимаясь лбом к ее лбу. — Думал уже, ты никогда не придешь.

И они спускались вниз.

* * *

После они лежали рядом, их баюкало мерное покачивание судна. Каждый рассказывал другому про свою жизнь. Говорили, как все влюбленные, о поэзии и музыке, о местах, где побывал Робби и куда мечтала попасть Ханна.

Однажды хмурым ветреным днем, когда солнце низко висело в небе, они поднялись на верхнюю палубу и забрались в рубку. Вокруг висел туман, было таинственно и уютно. Вдалеке, у противоположного берега, что-то горело. Ханна и Робби сидели рядом, вдыхая запах дыма и наблюдая, как пламя становится все выше и ярче.

— Наверное, баржа, — предположил Робби. Что-то взорвалось, он вздрогнул. В воздух полетели яркие искры.

Ханна глядела, как сноп золотистых точек разгоняет туман.

— Как ужасно, — поежилась она. — И как красиво. Как на картинах Тернера, подумала она.

Робби словно прочел ее мысли.

— Уистлер любил жить на Темзе, — сказал он. — Ему нравилось рисовать туман, игру света. И Моне тоже.

— Хорошая у тебя компания, — улыбнулась Ханна.

— Кстати, «Дульси» раньше тоже принадлежала художнику, — сказал

Робби.

— Правда? А как его зовут? Я видела его картины?

— Ее. Ее зовут Мари Сера.

Ханна почувствовала зависть к незнакомой девушке, которая жила на собственной лодке, писала картины и знала Робби, когда она, Ханна, еще понятия о нем не имела.

— Ты любил ее? — спросила она, готовясь услышать любой ответ.

— Мари? Она мне нравилась, — признался Робби. — Но увы, она была слишком привязана к своей любовнице — Жоржетте. — Он засмеялся, увидев как вытянулось лицо Ханны. — Париж — особый мир.

— Я бы хотела снова там побывать, — сказала Ханна.

— Мы побываем, — пообещал Робби, беря ее за руку. — Однажды мы обязательно туда попадем.

* * *

Зима сменилась весной, и Ханна с Робби стали играть, будто живут вместе, в собственном домике. Однажды Ханна взялась приготовить чай, и Робби с изумлением наблюдал, как она трогает пальцем сухую заварку и гадает вслух, получится ли чай из таких пересохших, хрустящих листиков.

— Если бы мы жили вместе, — сказала Ханна, — я бы научилась готовить. Пекла бы что-нибудь...

Робби только поднял брови: совсем недавно он наблюдал, что она умудрилась сотворить с обычным тостом.

— А ты бы писал чудесные стихи — целый день, — продолжала Ханна. — Сидел бы вот тут, под окном, а потом читал бы их мне. Мы бы ели устриц и яблоки, пили вино...

— И поплыли бы в Испанию, чтобы сбежать от зимы, — подхватил Робби.

— Я бы стала там тореадором. В маске. Самым великим тореадором за всю историю страны. — Ханна поставила чашку с жидким чаем, в котором плавали листики заварки, на маленькую полку и села рядом с Робби. — И все испанцы гадали бы, кто я такая.

— А мы бы им не сказали.

— Да, это был бы наш секрет.

* * *

Как-то, сырым апрельским днем они лежали, тесно прижавшись друг к другу, и слушали, как в обшивку мягко бьется вода. Ханна глядела на настенные часы, прикидывая, когда ей уходить. Когда безжалостная минутная стрелка достигла назначенного часа, она села. Нашарила в ногах койки чулки и начала надевать левый. Пальцы Робби пробежались по ее спине.

— Не уходи.

Ханна собрала в ладонь правый чулок и натянула его на ногу.

— Останься.

Она уже встала. Накинула через голову комбинацию, одернула ее на бедрах.

— Ты же знаешь, если бы я могла, я осталась бы насовсем.

— В нашем с тобой мире.

— Да, — улыбнулась Ханна, встала коленями на край кровати и погладила Робби по лицу. — Мне нравится наш собственный мир. Тайный мир. Я вообще люблю секреты. — Она набрала воздуха, словно собираясь нырнуть — так давно ей хотелось с ним поделиться. — Знаешь, когда мы были детьми, мы придумали одну интересную игру.

— Знаю, — ответил Робби. — Дэвид мне говорил.

— Дэвид?! Робби кивнул.

— Но ведь Игра — это секрет! — невольно вырвалось у Ханны. — Зачем он выдал его тебе?

— Ты ведь сама только что хотела мне рассказать.

— Нет, это другое. Мы с тобой... у нас все по-другому.

— Тогда расскажи мне про Игру, — сказал он. — Просто забудь, что я уже про нее знаю.

Ханна посмотрела на часы.

— Мне и впрямь пора бежать.

— А ты вкратце.

— Ладно.

И она рассказала. Про Нефертити и Чарльза Дарвина, про королеву Викторию — Эммелин, и про приключения — одно другого занимательней.

— Тебе надо было стать писателем, — сказал Робби, поглаживая Ханну по руке.

— Да, — серьезно согласилась она. — Я бы переживала приключения и подвиги с пером в руке.

— Еще не поздно. Попробуй, напиши что-нибудь.
— Теперь мне это не нужно, — улыбнулась Ханна. — У меня есть ты.
Ты — мое приключение.

* * *

Иногда Робби покупал вино, и они пили его из старых стеклянных стаканов. Ели сыр с хлебом, слушали на старом граммофоне романтические пластинки, которые Робби привез из Парижа. Иногда задерживали занавески и танцевали, насколько позволяли крошечные размеры каюты.

В один из таких дней Робби заснул. Ханна допила вино и полежала с ним, пытаясь дышать в том же ритме. Наконец ей это удалось, но заснуть она не смогла — слишком ново и волнующе было лежать вот так, рядом. Ханна сползла на пол, села на колени и стала рассматривать его лицо. Никогда раньше она не видела Робби спящим.

Он видел сон. Мускулы вокруг закрытых век сильно напряглись и начали подрагивать под взглядом Ханны. Она заколебалась, не стоит ли его разбудить. Слишком тяжело было смотреть, как исказились любимые черты.

И тут Робби закричал. Ханна испугалась, что кто-нибудь на берегу может услышать. Прибежать на помощь. Или, не дай бог, вызвать полицию.

Она положила ладонь на лоб Робби, провела пальцами по знакомому шраму. Он не проснулся и кричал все так же. Ханна легонько потрясла его.

— Робби, проснись.

Он распахнул глаза — огромные, черные, и не успела Ханна сообразить, что происходит, как оказалась на полу, Робби упал на нее, сжал руками шею. Сдавил так, что она едва дышала. Ханна пыталась позвать его по имени, образумить — и не могла. Робби душил ее несколько секунд, а потом в нем как будто что-то щелкнуло, он узнал Ханну и отпустил ее. Отшатнулся.

Ханна медленно села, откинулась назад, прислонилась к стене. Непонимающими глазами посмотрела на Робби, гадая, что же на него нашло. С кем он ее перепутал.

Он уже стоял у противоположной стены, закрыв глаза ладонями и вжав голову в плечи.

— Как ты? Ничего? — спросил он, не отнимая рук от лица.

Ханна кивнула, сама пока не зная — как.

— Ничего, — выдохнула она наконец.

Только тогда Робби подошел и опустился перед ней на колени. Наверное, она вздрогнула, потому что он отдернул руки и попросил:

— Не бойся.

Взял ее за подбородок и осмотрел шею.

— О господи.

— Ничего страшного, — уже спокойней произнесла Ханна. — А ты...

Робби прижал палец к ее губам и почувствовал, как часто она дышит. Он покачал головой, и Ханна поняла, что он и рад бы объяснить, да не может.

Робби погладил ее по щеке, и она прижалась к его ладони, поглядела в глаза. Такие темные глаза, полные тайн, которые Ханна никогда не узнает. А ей так хотелось знать о нем все, заслужить его доверие. Робби поцеловал ее в шею — так легко, так нежно! — и у нее, как всегда, закружилась голова.

* * *

Целую неделю Ханне пришлось носить шарф. Как ни странно, ей даже нравились эти отметины — как память о Робби. Только еще трудней стало ждать новой встречи, синяки словно подтверждали, что на свете действительно есть Робби, есть они, вдвоем. В особенном, тайном мире. Иногда Ханна поглядывала на шею в зеркало, как новобрачная на новенькое обручальное кольцо. Знак. Напоминание. Робби ужаснулся бы, если б узнал.

* * *

Первое время все любовники думают только о настоящем. Но всегда наступает момент — событие, сцена, иной спусковой крючок — когда прошлое и будущее вдруг снова заявляют о себе. Для Ханны таким событием стала ночная выходка Робби. Она внезапно поняла, что ничего о нем не знает. Что последнее время за своим счастьем ни о чем другом не думала. И чем больше Ханна размышляла о тайниках его души, тем меньше они ей нравились. Ей хотелось знать все.

Однажды прохладным сентябрьским днем они сидели рядышком на койке и смотрели на набережную. Там сновало множество людей, и Ханна с Робби развлекались, придумывая им имена и судьбы. Потом молчали и просто глядели в окно, из которого видели все и всех, а их — никто, и вдруг Робби резко вскочил.

Ханна осталась в койке, даже прилегла на бок, глядя, как он уселся на стул, подогнув под себя ногу, и уткнулся в блокнот. Робби пытался сочинить новые стихи. Весь день пытался. Ходил рассеянный, даже в прохожих играл безо всякого энтузиазма. Ханна не обижалась. Рассеянность делала его даже более привлекательным.

Она лежала в койке и следила, как карандаш в его пальцах выводит на бумаге бесконечные петли и восьмерки, только для того, чтобы остановиться, постоять и двинуться обратно по тем же линиям. Наконец Робби швырнул блокнот и карандаш на стол и потер пальцами усталые глаза.

Ханна не окликнула его. Она знала, что делать этого не стоит. Уже не в первый раз она наблюдала, как Робби пишет стихи. Он злился на себя за то, что не может найти верные слова. Больше того — он боялся. Нет, он не рассказывал об этом Ханне, она догадалась сама. Наблюдала за ним, и читала — в библиотеке, в газетах и журналах. Результат того, что врачи называют военным неврозом. Ухудшение памяти вследствие тяжелых переживаний.

Ей хотелось поддержать его, помочь расслабиться. Прогнать навязчивый страх, что он теряет память, движется к безумию. Робби отнял руки от лица и снова взялся за карандаш. Начал быстро писать, остановился, все перечеркнул.

Ханна перекадилась на живот и стала глядеть на людей за окном.

* * *

И снова пришла зима. Робби поставил у стены крохотную печку. Они уселись на пол и глядели на танцующие за решеткой языки огня. И наслаждались теплом: от печки, от красного вина, друг от друга.

— Почему ты никогда не говоришь о войне? — сделал глоток, спросила Ханна.

Робби молча раскурил сигарету.

Ханна начиталась Фрейда и решила, что если ей удастся каким-то

образом разговорить Робби, ему, возможно, станет легче. Она набрала воздуха и решительно выговорила:

— Потому что тебе пришлось убивать?

Робби поглядел на ее профиль, глубоко затаился, закашлялся, затряс головой. Потом тихо, безрадостно рассмеялся. Ласково погладил ее по голове.

— Поэтому? — не глядя на него, настойчиво переспросила Ханна.

Он снова не ответил, но Ханна не успокоилась.

— Кто тебе тогда приснился?

Робби убрал руку.

— Ты же знаешь. Мне снишься только ты.

— Нет уж, — отказалась Ханна. — Тот сон был плохой.

Он снова затаился, выпустил облачко дыма, попросил:

— Не спрашивай ты меня.

— Это ведь военный невроз? — повернулась к нему Ханна. — Я о нем читала.

— Военный невроз... — повторил он. — Я всегда удивлялся, кто его выдумал. Наверное просто понадобились какие-то умные слова, чтобы говорить их всяким дамочкам, тут, в тылу.

— Всяким дамочкам вроде меня, ты хочешь сказать, — сказала Ханна. У нее не было настроения выслушивать его отговорки, хотелось наконец-то получить честный ответ. Раздосадованная, она надела через голову нижнюю юбку. Начала натягивать чулки.

Робби вздохнул. Ему не хотелось, чтобы Ханна уходила, да еще вот так, обидевшись.

— Ты читала Дарвина? — спросил он.

— Чарльза Дарвина? — тут же повернулась к нему Ханна. — Разумеется.

— Действительно, чего я спрашиваю? — пробормотал Робби. — Такая умная девочка...

— При чем тут Чарльз Дарвин?

— Адаптация. Выживание — вопрос успешной адаптации. Одни особи оказываются удачливей, чем другие.

— Адаптация к чему?

— К войне. К игре по ее правилам.

Ханна задумалась над его словами. Мимо проплыла большая лодка, баркас закачался.

— Я жив, — просто сказал Робби, — только потому, что мертв какой-то неудачник. Много неудачников.

Ханна поняла.

Как же он живет после этого?

— А я рада, что ты жив, — ответила она, чувствуя однако странный холодок где-то глубоко внутри. А когда пальцы Робби коснулись ее запястья, невольно отдернула руку.

— Вот потому-то никто об этом и не говорит, — кивнул Робби. — Все знают, что если раскрыть душу, люди увидят тебя таким, как ты есть. Атак — сторонники Дьявола ходят среди них и прикидываются, что такие же, как все. А вовсе не вернувшиеся из ада чудовища.

— Перестань, — сказала Ханна. — Ты не чудовище.

— Я убийца.

— И не убийца. Тогда была война. Ты защищал себя. И других.

— Все равно: пуля в голове остается пулей в голове.

— Хватит, — уже шепотом попросила Ханна. — Я не могу, когда ты так говоришь.

— Вот и не спрашивай.

* * *

Плохо. Очень плохо думать о нем вот так, и все-таки Ханна не могла остановиться. Человек, которого она знала, и знала очень близко, которому доверяла бесконечно, чьи руки так нежно, так легко скользили по ее телу, умел убивать... Все сразу изменилось. Робби изменился. Не в худшую сторону, нет. Она не стала любить его меньше. Просто глядела на него другими глазами. Он убил человека. Людей. Несчетных, безымянных людей.

Однажды днем Ханна снова погрузилась в невеселые мысли, глядя, как Робби в одних брюках слоняется по баркасу. Рубашка висела на спинке стула. Ханна разглядывала его обнаженные плечи, худые мускулистые руки, красивые сильные пальцы. И тут...

Чьи-то шаги на верхней палубе.

Ханна и Робби застыли, глядя друг на друга. Робби недоуменно поднял плечи.

Стук. Голос.

— Робби, ты где? Открой! Это я! Эммелин.

Ханна соскользнула с койки и торопливо собрала свою одежду.

Робби прижал палец к губам и на цыпочках подкрался к двери.

— Я знаю, что ты здесь, — не унималась Эммелин. — Один симпатичный старичок, там, на берегу, сказал, что ты как вошел, так больше и не выходил. Пусти меня, здесь жутко холодно.

Робби махнул рукой в сторону душа.

Ханна кивнула, бесшумно прошла по каюте и быстро прикрыла за собой дверь. Сердце колотилось как бешеное. Ханна кое-как натянула платье и скорчилась перед замочной скважиной.

Робби открыл дверь.

— Как ты меня нашла?

— Просто чудом, — ответила Эммелин. Она пригнула голову и нырнула в каюту. Ханна заметила, что на сестре новое желтое платье. — Десмонд сказал Фредди, Фредди сказал Джейн, в общем, сам знаешь, как оно бывает. — Она замолчала и огляделась. — Да у тебя здесь просто красота, Робби, дорогой! На редкость миленькая норка. Тебе надо созвать друзей... устроить такую небольшую, уютную вечеринку. — Эммелин увидела кучу смятых простыней на койке, заметила, наконец, что Робби полуодет и усмехнулась. — Надеюсь, я тебе не помешала?

Ханна затаила дыхание.

— Я спал, — ответил Робби.

— В четверть пятого?

Он пожал плечами, снял со стула рубашку, надел.

— Мне всегда было интересно, чем ты занимаешься целый день? Я думала, стихи пишешь.

— Я и писал. То есть пишу. — Робби потер шею, раздраженно вздохнул. — Ты зачем пришла?

Ханна даже моргнула — такая злость прозвучала в его голосе. Зря Эммелин заговорила о стихах, Робби не мог ничего написать уже несколько недель. Сама Эммелин ничего не заметила.

— Просто хотела узнать: ты придешь сегодня к Десмонду?

— Говорил ведь уже, что нет.

— Я помню, просто решила переспросить: вдруг ты передумал?

— Нет, не передумал.

Наступила тишина, Робби выразительно глядел на дверь, а Эммелин обшаривала глазами каюту.

— Может, я...

— Может, ты уйдешь? — быстро перебил ее Робби. — Я работаю.

— А я тебе помогу! — краем сумочки она поддела грязную тарелку. — Уберусь или...

— Я же сказал — нет. — Робби открыл дверь. Ханна видела, с каким

трудом Эммелин заставляет себя беспечно улыбаться.

— Да я пошутила, милый. Неужели ты поверил, что в такой чудесный день мне нечем заняться, кроме уборки?

Робби молчал.

Эммелин шагнула к двери. Поправила воротничок.

— Надеюсь, хоть к Фредди-то завтра мы пойдем? Он кивнул.

— Заскочишь за мной в шесть?

— Да, — сказал Робби и захлопнул за ней дверь. Ханна выскользнула из ванной. Она чувствовала себя грязной. Как крыса, вылезшая из норы.

— Может быть, нам не встретаться какое-то время? — грустно предложила она. — Скажем, неделю.

— Нет, — не согласился Робби. — Я уже объяснил Эммелин, что нечего сюда заходить. И еще объясню, если понадобится. Пока не поймет.

Ханна кивнула, ощущая странную вину. Как обычно, напонила себе, что все в порядке. Сестра не обиделась. Робби давно объяснил Эммелин, что не испытывает к ней никаких чувств, кроме дружеских. По его словам, Эммелин расхохоталась и спросила, с чего это он взял, будто она думает по-другому. И все же... Какая-то нотка в обыкновенно беспечном голосе. И желтое платье. Ее любимое...

Ханна поглядела на часы. У нее оставалось еще как минимум минут сорок.

— Мне надо идти, — сказала она.

— Подожди, — отозвался Робби.

— Мне правда...

— Хотя бы несколько минут. Дай Эммелин отойти подальше.

Ханна кивнула, Робби подошел к ней. Обхватил руками ее лицо — пальцы сомкнулись на шее — и прижался губами к губам.

Неожиданный, и оттого пронзительный и острый поцелуй тут же выбил Ханну из колеи и заставил на время забыть все тревоги.

* * *

Сырым декабрьским днем они сидели в рубке. Баркас был пришвартован у моста в Баттерси, там, где над Темзой нависли ивы.

Ханна тихо вздохнула. Она долго тянула время, не решаясь начать болезненный разговор.

— Я не смогу приходить. Две недели. Это все Тедди — к нему

приезжают какие-то важные американские гости, и мне придется изображать примерную жену. Показывать им Лондон, развлекать.

— Слышать не могу, как ты вокруг него вьешься.

— Я в жизни не вилась вокруг Тедди! Он бы глазам своим не поверил, если бы я начала!

— Ты понимаешь, о чем я, — буркнул Робби.

Ханна кивнула. Конечно, она понимала.

— Я тоже все это ненавижу. И сделала бы все, что угодно, лишь бы жить с тобой.

— Все?

— Или почти все. — Она поежилась — в рубку порывом ветра занесло холодные капли дождя. — Попробуй договориться с Эммелин на следующую неделю. И сразу дашь мне знать, где и когда увидимся после Нового года.

Робби потянулся, чтобы захлопнуть окно.

— Я хочу расстаться с Эммелин.

— Нет, — сказала Ханна. — Еще не время. Как же мы будем видеться? Как я узнаю, где тебя найти?

— Тебе не придется меня искать, если мы будем жить вместе. Мы никогда не потеряемся.

— Я знаю, знаю, — она взяла его за руку. — Но пока... Как ты можешь даже думать о том, чтобы не приходить больше?

Робби перегнулся через нее — окно застряло и не закрывалось.

— Боюсь, ты была права, — сказал он. — Эммелин ко мне привязалась.

— Оставь его, ты весь вымокнешь.

Наконец, окно подалось и захлопнулось. Робби сел на место, стряхивая капли с волос.

— Слишком привязалась.

— Эммелин всю жизнь такая, — сказала Ханна, взяла из шкафа полотенце и вытерла его мокрое лицо. — Эмоциональная. Почему ты вдруг забеспокоился?

Робби только отмахнулся.

— Почему? — настаивала Ханна.

— Да не о чем говорить. Ты права, все в порядке.

— Я так и думала, — твердо сказала Ханна, сама поверив в свои слова. А не верила бы — сказала бы то же самое. Любовь умеет убеждать, уламывать, настаивать на своем. И с легкостью глушит все тревожные мысли.

Дождь забарабанил по крыше.

— Ты замерз, — забеспокоилась Ханна, накидывая полотенце на плечи Робби. Она встала на колени и вытерла ему мокрые руки. — Смотри, не простудись. — И тут же, не глядя ему в глаза, добавила: — Тедди хочет, чтобы мы переехали в Ривертон.

— Когда?

— В марте. Он хочет все отремонтировать, построить новый летний домик, — бесцветным голосом рассказывала Ханна. — Вжиться в роль деревенского сквайра.

— Почему ты раньше не сказала?

— Не хотелось, — призналась она. — Надеялась, что Тедди передумает. — Ханна порывисто обняла Робби. — Обещай, что продолжишь встречаться с Эммелин. Я ведь не смогу тебя приглашать, а она запросто. Она будет часто приезжать. Привозить друзей на выходные.

Он кивнул, не поднимая глаз.

— Пожалуйста, — просила Ханна. — Ради меня. Мне надо точно знать, что ты приедешь.

— И мы станем прятаться, как классические любовники в загородных домах?

— Да.

— Будем играть в эту пошлую игру? Встречаться по ночам, а днем для всех делать вид, что не знаем друг друга?

— Да, — тихо подтвердила Ханна.

— Это не по-нашему.

— Я знаю.

— Мне этого мало.

— Знаю.

— Ладно, — согласился Робби. — Только ради тебя.

Как-то раз, в начале двадцать четвертого, когда Тедди как обычно уехал по делам, а Дебора гостила у друзей, Ханна и Робби договорились о встрече. Ханна никогда не бывала в той части города, где на этот раз пришвартовался баркас. Пока такси кружило по улочкам восточного Лондона, она с интересом глядела в окно. Смеркалось, видно было мало: серые дома, запряженные лошадьми экипажи с тусклыми фонарями, изредка — краснощекие дети в теплых свитерах, которые играли в шарики и показывали пальцами вслед проезжавшему такси. И вдруг на одной из улиц — брызги разноцветных огней, толпы людей, музыка.

Ханна наклонилась к водителю:

— Что здесь творится?

— Новый год справляют, — с выговором истинного кокни ответил тот. — Надо ж, сколько дураков кругом! Нет бы по домам сидеть — зима на дворе.

Ханна зачарованно разглядывала гуляющих. Над улицей зигзагом, от дома к дому, были натянуты лампочки. Группа музыкантов со скрипками и фисгармонией собрала целую толпу, люди хлопали и смеялись. Среди взрослых шныряли дети, махали флажками, дудели, свистели; мужчины и женщины сгрудились вокруг больших металлических барабанов, жарили каштаны, пили из кружек эль. Таксисту приходилось жать на сигнал и покрикивать на гуляющих.

— Совсем спятили, — проворчал он, повернув, наконец, в тихий темный переулок. — Делать людям нечего.

Ханне показалось, что они уехали из сказки. Когда шофер высадил ее у пристани, она со всех ног бросилась к Робби.

Сперва он наотрез отказался вернуться с ней на праздник, но Ханна так молила, что Робби наконец согласился. Они погуляют совсем немного, объясняла она, ну когда им еще удастся вместе развлечься? Тем более, это совершенно, совершенно безопасно — их тут никто не знает.

Ханна старалась по памяти отыскать дорогу назад, почти уверенная, что потеряла нужную улицу, что праздник исчез, развеялся, как хоровод эльфов из детских сказок. И вдруг впереди пронзительное пение скрипок, свист детей, радостные крики. Нашла!

И через секунду они свернули в сказку, быстро зашагали вдоль по волшебной улице. Холодный ветер доносил запах жареных орехов, пота и буйного веселья. Люди висели из окон, окликали тех, кто внизу, пели, пили за встречу Нового года и проводы старого. Ханна, крепко вцепившись в Робби, вертела головой, хохотала, показывала на пары, которые пустились в пляс на самодельной сцене.

Они смешались с толпой, нашли места и сели на импровизированную лавку — доску на двух ящиках. Толстая женщина сидела на табуретке около музыкантов, подпевая и прихлопывая бубном по массивному бедру. Крики зрителей, возгласы одобрения, пронсящие мимо пестрые юбки.

Ханна глазела кругом, как зачарованная. Она никогда не видела такого буйного веселья. Нет, она, конечно, бывала на праздниках, но по сравнению с этим они казались слишком тихими. Слишком правильными. Она хлопала, смеялась, порывисто сжимала руку Робби.

— Как же здорово! — воскликнула Ханна, не в силах оторвать взгляда от пляшущих пар. Мужчины и женщины разного возраста и комплекции обнялись и кружились, притоптывали, прихлопывали. — Правда, здорово?

Музыка играла все заразительней. Громкая, яростная, она горячила кровь, вливалась в душу, заставляла Ханну трепетать каждой клеточкой.

Голос Робби у ее уха:

— Я хочу пить. Пойдем, поищем чего-нибудь.

Почти не слушая, Ханна помотала головой. И тут только поняла, что давно уже сидит, затаив дыхание.

— Сходи один. Я еще посмотрю.

— Мне не хочется тебя оставлять.

— Не бойся, я тебя дождусь.

Ханна едва заметила, как он на миг сжал ее пальцы и исчез. Некогда следить за Робби, слишком многое надо разглядеть. Расслышать. Распробовать.

Позже она корила себя, что вовремя не вслушалась в его голос. Не сообразила, что толпа, шум, суматоха так давят на него, что он еле дышит. Что поделать — ее заворожил праздник.

Место Робби тут же кто-то занял. Ханна почувствовала рядом тепло чужого тела и обернулась. Невысокий, плотный мужчина с рыжими бакенбардами и в коричневой шляпе.

Он перехватил ее взгляд, наклонился и указал большим пальцем на танцплощадку.

— Кружочек, а?

От него пахло табаком. Бледно-голубые глаза пристально уставились на Ханну.

— Нет-нет... — робко улыбнулась она. — Спасибо. У меня уже есть... кавалер. — Ханна обернулась в поисках Робби. Ей показалось, что она видит его на другой стороне улицы. У табачного киоска. — Он сейчас вернется.

Незнакомец не сдавался:

— Да ладно, всего один кружок! Чтобы согреться?

Ханна снова огляделась. Робби не было. А он сказал ей, куда идет? И когда вернется?

— Ну?

Надо же, как привязался! Ханна снова повернулась к соседу. Музыка гремела со всех сторон. Ей вспомнилась другая улица, в Париже, много лет назад. В медовый месяц. Ханна прикусила губу. В конце концов, и правда: кому навредит один маленький танец? Стоит ли упускать такую возможность?

— Хорошо, — сказала она и взяла соседа за руку. Скванно улыбнулась. — Только я, наверное, не очень умею.

Тип в шляпе ухмыльнулся. Подхватил Ханну и поставил прямо в центр круга.

И она заплясала. Крепко вцепившись в незнакомца, она без труда повторяла движения других пар. Люди кружились и подпрыгивали в едином ритме. Скрипки пели, башмаки стучали, ладони отбивали такт. Партнер держал Ханну под руку, и — локоть к локтю — они неслись в бешеном танце. Ханна хохотала, не в силах остановиться. Никогда в жизни она не чувствовала себя такой свободной. Запрокинув голову к ночному небу, она закрыла глаза и почувствовала на веках холодный ветер. Потом открыла и завертела головой, выискивая Робби. Ей очень хотелось потанцевать с ним, почувствовать себя в его руках. Она попыталась взглянуть в лицо окружающих. Целое море лиц. Вроде бы раньше их не было так много? И кружились они не так быстро... Вихрь ртов, глаз, крика.

— Мне... — Ханна задохнулась от быстрого танца, схватилась рукой за открытую шею. — Мне пора, спасибо. Сейчас придет мой друг.

Она похлопала партнера по плечу, а тот все держал, все кружил ее в танце. Ханна крикнула ему на ухо:

— Хватит! Спасибо!

На секунду ей показалось, что он никогда не остановится, не отпустит ее, так и будут они кружиться, как заведенные. И тут пляска замедлилась, у Ханны закружилась голова, и вот она уже снова стоит около скамейки.

Там по-прежнему сидели зрители. Робби не было.

— Ну и где твой дружок? — спросил мужчина. Во время танца он потерял шляпу и теперь ерошил пальцами рыжие лохмы.

— Скоро придет, — заверила Ханна, обшаривая взглядом чужие лица. Часто заморгала, чтобы они неплыли перед глазами.

— И чего ж ты сидеть будешь? Простудишься!

— Нет, я все-таки подожду, спасибо.

Рыжий схватил ее за руку.

— Да ладно! Составь человеку компанию!

— Нет, — твердо отказалась Ханна. — Мне уже хватит.

Мужчина ослабил хватку. Пожал плечами, взъерошил бакенбарды, потер шею. Повернулся уходить.

И тут кто-то метнулся к ним из темноты.

Робби.

Его локоть ударил Ханну в плечо, она отлетела в сторону.

Крик. Робби? Рыжего? Ее собственный?

Ханна рухнула прямо в толпу зевак.

Музыканты старались изо всех сил. Люди скакали и хлопали.

Лежа на спине, Ханна с ужасом смотрела вверх. Робби навалился на мужчину и неистово молотил его кулаками. Еще, еще.

Паника. Ужас. Жар.

— Робби! — закричала она. — Робби, хватит!

Она рванулась вверх, хватаясь за кого придется.

Музыка смолкла, люди стянулись к месту драки. Ханна протолкнулась между ними. Схватила Робби за рубашку.

— Робби!!!

Он стряхнул руку Ханны. Повернулся, глянул пустыми глазами. Не видя ее. Не замечая.

Соперник тут же заехал кулаком Робби в лицо. Прыгнул на него сверху.

Кровь.

— Нет! Пустите его, пустите! — завизжала Ханна. И зарыдала в голос. — Ну помогите же кто-нибудь!

Позже она не могла вспомнить, как же кончилась драка. Не знала имени человека, который пришел ей на помощь, на помощь Робби. Оторвал от него рыжего, швырнул Робби к стене. Принес стакан воды, потом виски. Велел ей забирать своего приятеля домой и уложить в постель.

Кем бы ни был их спаситель, он ничему не удивлялся. Смеялся и говорил, что суббота — не суббота без хорошей драки. И пятница. И четверг. Потом объяснил, что Рыжий Уитклиф — неплохой парень, просто после войны он сам не свой. И отправил их домой — Ханну и повисшего на ее плече Робби.

Никто не обращал на них никакого внимания, когда они медленно шли по улице, оставляя за спиной танцы и музыку.

Дома, на баркасе, Ханна умыла Робби. Он сидел на низкой табуретке, а она стояла перед ним на коленях. Он молчал с тех пор, как они покинули праздничную улицу, а она ни о чем не спрашивала. Что на него нашло, почему он так взбесился, где был... Ханне казалось, Робби спрашивает себя о том же. И она была права.

— Что со мной? — выдохнул он наконец. — Что это было?

— Ш-ш-ш, — прошептала она, прижимая к его скуле мокрую салфетку. — Все хорошо.

Робби потряс головой. Закрыв глаза. Под тонкими веками как будто метались все его мысли. Ханна едва расслышала его, когда он еле слышно произнес:

— Я чуть его не убил. Бог мой, я ведь чуть его не убил.

Больше они никуда не выходили. После того случая Ханна винила и

ругала себя, что не слушала протестов Робби, что вытащила его на улицу. Огни, толпа, шум. Она ведь читала о военном неврозе, должна, обязана была вспомнить. На будущее она решила быть с Робби как можно бережней. Постоянно помнить, через что он прошел... И никогда не упоминать о драке. Она в прошлом. И больше не повторится. Уж об этом Ханна позаботится.

Примерно через неделю они, как обычно, лежали рядом и играли, что живут в небольшом домике на самой вершине Гималаев. Вдруг Робби резко сел.

— Я устал от этой игры.

Ханна тоже приподнялась.

— А что ты предлагаешь?

— Воплотить ее в жизнь.

— Это было бы чудесно. Представь только...

— Я не хочу представлять. Я хочу жить — вместе с тобой.

— Милый, — ласково сказала Ханна и провела пальцем по правой щеке Робби, по свежему шраму. — Может быть, ты не заметил, но я уже замужем. — Ей хотелось, чтобы слова звучали беззаботно, чтобы он улыбнулся. Не вышло.

— Ну и что? Люди, бывает, разводятся.

Ханна попыталась представить себе этих людей.

— Да, но...

— Мы могли бы уплыть далеко-далеко, как можно дальше отсюда, туда, где нас никто не знает. Хочешь?

— Ты же знаешь, что хочу.

— Сейчас новые законы. Стоит только доказать, что Тедди тебе изменял.

Ханна кивнула.

— Но Тедди никогда мне не изменял.

— Быть не может, — упорствовал Робби. — За все это время, что мы...

— Это не в его стиле, — объяснила Ханна. — Ему просто не нужно. —

Она обрисовала пальцем губы Робби. — Даже когда мы только что поженились... Пока я не встретила тебя, я и не знала... — Она замолчала, наклонилась и поцеловала его. — А теперь знаю.

— Ну и дурак, — заключил Робби. Пристально глядя на Ханну, он погладил ее по руке — от плеча к ладони. — Брось его.

— Что?!

— Не надо ехать в Ривертон. — Теперь он сидел перед ней, держа ее за запястья. Такой красивый... — Давай убежим.

— Ты шутишь, — не поверила Ханна. — Дразнишься.

— В жизни не был так серьезен.

— Прямо так возьмем и исчезнем?

— Именно. Возьмем и исчезнем

Ханна замолчала, обдумывая его слова.

— Я не могу, — сказала она наконец. — Ты же знаешь.

— Почему? — Он резко бросил ее руки, встал, нашел сигарету.

— Да мало ли почему... К примеру, Эммелин...

— К черту Эммелин.

— Но я нужна ей!

— Ты нужна мне.

Ханна знала, что это правда. Робби не мог без нее. Это и пьянило и пугало.

— С Эммелин все будет в порядке. Она крепче, чем ты думаешь.

Он сидел за столом, курил. Ей показалось, что он похудел за последнее время. Ну да, точно, похудел. Странно, что она не замечала этого раньше.

— Тедди меня отыщет, — сказала Ханна. — Не он, так его семья.

— Я им не позволю.

— Ты их не знаешь. Они не допустят скандала.

— Мы уедем туда, где им и в голову не придет искать. В мире много места.

Он вдруг показался Ханне таким хрупким. Одиноким. У него ведь и впрямь никого нет, кроме нее. Она встала, подошла к столу, обняла Робби, прижав его голову к своему животу.

— Я жить не могу без тебя, — шепнул Робби. — Я лучше умру. — Он сказал это так просто, что Ханна вздрогнула. И тут же отругала себя за то, что в глубине души обрадовалась.

— Не говори так.

— Мы должны быть вместе, вот и все.

— Дай мне подумать, — попросила Ханна. Она уже давно поняла, что когда Робби вот так упрется, с ним лучше не спорить.

* * *

И Робби начал планировать грандиозный побег. Бросил сочинять стихи и вытаскивал блокнот только для того, чтобы записать очередную идею. Иногда Ханна ему помогала. Это игра — твердила она себе — всего лишь

игра, одна из многих. Ничего страшного — главное, Робби рад, да и ей самой нравится фантазировать. Как они будут жить в далекой стране, какие чудеса увидят, в какие приключения попадут. Игра. Их собственная игра, в их собственном тайном мире.

Ханна и знать не знала, куда заведут ее эти игры.

А если бы знала, говорила она мне потом, она бы поцеловала Робби один-единственный, последний, раз, развернулась бы и убежала куда глаза глядят.

НАЧАЛО КОНЦА

Нет смысла повторять, что рано или поздно все тайное становится явным. Ханна и Робби и так продержались довольно долго: весь двадцать третий и начало двадцать четвертого года. Но, как любой роман, их история неминуемо шла к концу.

Под лестницей зашушукались слуги. Тон задала Кэролайн, новая камеристка Деборы. Маленькая, пронырливая, она перешла к нам из дома скандально известной леди Пентроп (поговаривали, что игривая леди крутила с доброй половиной лондонских лордов). Кэролайн спровадили к нам с блестящими рекомендациями и кругленькой суммой в кармане после того, как она застала хозяйку в спальне в самом что ни на есть непотребном виде. Самое смешное, что рекомендации ей не понадобились. Слава Кэролайн неслась впереди нее, и Дебора взяла ее не столько мыть и убирать, сколько вынюхивать.

Когда знаешь, где искать, найти совсем не трудно, а Кэролайн — та знала. Ключки бумаги со странными адресами, выуженные из камина прежде, чем они успели сгореть, продавленные ручкой следы записок под вырванной страницей блокнота, корешки билетов в пустых пакетах. Немудрено, что под лестницей поползли слухи. Как только Кэролайн намекнула на возможность развода, все сразу же сообразили, что рискуют остаться без работы, и тут уж пошло-поехало.

У нее хватило ума не расспрашивать меня, да и необходимости особой не было: Кэролайн без труда раскрыла тайну Ханны. Тут была и моя вина: я потеряла бдительность. Слишком занята была другими мыслями, а то бы живо застучала нахалку и предупредила бы Ханну. Однако в тот момент я оказалась плохой служанкой и проглядела опасность. Погрузилась в свои собственные мрачные мысли: из Ривертоната пришли вести об Альфреде.

Поэтому первый тревожный звонок прозвучал для нас в тот вечер, когда Ханна собиралась в оперу. Дебора пришла к ней в спальню. Я уже надела на Ханну шелковую комбинацию бледно-розового цвета и как раз укладывала ей локоны, когда в дверь постучали.

— Я почти готова, Тедди! — крикнула Ханна и, глядя на меня в зеркало, выпучила глаза. Тедди был невероятно пунктуален. Я прихватила шпилькой непослушный завиток.

Дверь отворилась, в комнату вплыла Дебора, невероятно эффектная в красном платье с широкими, как крылья бабочки, рукавами. Облаком

красного шелка она уселась на кровать Ханны и закинула ногу на ногу.

Мы с Ханной переглянулись. Обычно Дебора в спальню не заходила.

— Не терпится увидеть «Тоску»? — спросила Ханна.

— Дождаться не могу, — подтвердила Дебора. — Обожаю Пуччини. — Она выудила из сумочки пудреницу, открыла ее, сложила губы восьмеркой и стерла лишнюю помаду в углах рта. — Так грустно, когда влюбленных разлучает судьба.

— В опере мало веселых сюжетов, — согласилась Ханна.

— Да, — кивнула Дебора. — И в жизни тоже. Ханна ждала, сжав губы.

— Ты ведь понимаешь, — разглаживая брови перед миниатюрным зеркалом, продолжала Дебора, — что мне плевать, с кем ты спишь за спиной у моего лопухого братца. Мы с Ханной снова переглянулись. Я с перепугу уронила на пол шпильку.

— Я беспокоюсь только за отцовский бизнес.

— Не понимаю, при чем тут бизнес, — сказала Ханна. Голос ее звучал спокойно, но я чувствовала как часто и неровно она дышит.

— Не прикидывайся дурочкой, — посоветовала Дебора и защелкнула пудреницу. — Ты прекрасно знаешь, как много от тебя зависит. Люди доверяют нам, потому что мы слияние двух миров: современного мира, мира бизнеса, и устойчивого, надежного мира твоей семьи. Прогресс и традиция, рука об руку.

— Прогрессивная традиция? Я всегда подозревала, что мы с Тедди — настоящий оксюморон.^[27]

— Не стоит играть словами. В конце концов, ты получаешь от этого брака не меньше, чем мы. После того, что твой отец сотворил с вашим наследством...

— Мой отец делал все, что мог. — У Ханны загорелись щеки.

— Это теперь так называется? — вскинула брови Дебора. — Пустить на ветер все свое состояние?

— Па потерял бизнес из-за войны. Ему просто не повезло.

— Ну разумеется, — протянула Дебора. — Война — страшная штука. Так много невезучих людей! Особенно твой отец — уж так ему хотелось изменить все к лучшему! Он был мечтателем. А ты реалистка.

Она хохотнула, встала, подошла к нам и отпихнула меня от кресла. Оперлась руками на плечи Ханны и, глядя на нее в зеркало, продолжила:

— Ни для кого не секрет, что он не хотел отдавать тебя за Тедди. Ты знаешь, что однажды ночью он пришел к моему отцу? Да-да! Сказал, что прекрасно понимает, чего тот добивается, и что ты никогда не согласишься.

Дебора выпрямилась и улыбнулась со сдержанным торжеством. Ханна

глядела в сторону.

— Но ты не послушалась. Умная девочка. Разбила сердце старого отца, но сделала единственно верный выбор. И правильно. Где бы ты была сейчас, если бы не вышла за моего брата? — Дебора испытующе подняла чересчур сильно выщипанную бровь. — С этим твоим? Поэтом?

Стоя у гардероба и не зная, как мне добраться до двери, я желала очутиться где угодно, лишь бы подальше отсюда. Ханна побледнела и напряглась, как человек, готовый принять неожиданный удар.

— А твоя сестричка? — не унималась Дебора. — Малютка Эммелин?

— Эммелин тут вообще ни при чем, — дрожащим голосом ответила Ханна.

— Я тебя умоляю! — воскликнула Дебора. — Что было бы с ней без моей семьи? Бедная сиротка, папочка которой промотал семейное состояние, да и пустил пулю в голову. А старшая сестрица завела интрижку с одним из девочкиных поклонников. А что будет, если всплывут те веселые фильмы — и подумать страшно!

У Ханны затвердела спина.

— Да-да, я и об этом знаю. Ты же не думаешь, что у братца есть от меня секреты? — Ноздри Деборы затрепетали. — Да никогда в жизни. Мы же семья.

— Чего ты хочешь?

На губах Деборы заиграла тонкая улыбка.

— Хочу, чтобы ты поняла, как много мы все потеряем даже при малейшем намеке на скандал. Почему тебе стоит остановиться.

— А если я не остановлюсь?

Дебора вздохнула, взяла с кровати сумочку Ханны.

— Если не расстанешься с ним добровольно, придется вмешаться мне. — Она звонко защелкнула сумочку и протянула ее Ханне. — Люди вроде Хантера — творческие натуры, да еще прибитые войной — исчезают почти каждый день, бедняжки. И никого это особо не интересует. — Дебора поправила платье и пошла к двери. — В общем так: или избавишься от него сама, или это сделаю я.

* * *

После такого разговора «Милая Дульси» перестала быть безопасной. Робби, понятное дело, ничего не знал, пока Ханна не передала ему письмо

с рассказом об ультиматуме Деборы и адресом, где они должны были встретиться еще один, последний, раз.

Робби неприятно удивился, увидев вместо Ханны меня. Он недоверчиво взял конверт и, прежде чем его распечатать, с опаской оглядел набережную. Лохматый, небритый, с ввалившимися щеками, он беззвучно зашевелил губами, повторяя слова Ханны. Пахло от него так, будто он давно не мылся.

Я еще никогда не видела мужчин в таком неприбранном виде и не знала, куда деваться. Молча уставилась на воду за спиной Робби. Он дочитал до конца и поднял на меня глаза — черные, как ночь, и такие же беспросветные. Я заморгала, отвела взгляд и убежала, как только он сказал, что обязательно придет.

Они встретились в последний раз в египетском зале Британского музея, дождливым мартовским утром двадцать четвертого года. Я притворялась, будто читаю статьи о Говарде Картере, пока Ханна и Робби сидели на другом конце скамейки у мумии Тутанхамона и старались сделать вид, что их связывает исключительно интерес к Древнему Египту.

* * *

Через несколько дней Ханна велела мне помочь Эммелин, которая собиралась в гости к Фэнни. За время пребывания в доме номер семнадцать Эммелин заняла тут сразу две комнаты, не было сомнений, что сама она ни за что не упакуется вовремя. Когда Ханна пришла поглядеть, как продвигаются дела, я как раз выгребала зимние вещи с полок, заваленных мягкими игрушками — подарками поклонников.

— Ты тоже должна собираться, Эммелин, — сказала Ханна. — А не сваливать все на Грейс.

С тех пор, как Ханна вернулась из Британского музея, она разговаривала с заметным напряжением. Эммелин ничего не замечала. Она с головой ушла в свой альбом. Сидела весь день на полу, скрестив ноги, и перелистывала страницу за страницей: старые билеты, рекламки, фотографии, каракули друзей.

— Послушай только, — сказала она. — Это от Гарри. «Приходи сегодня к Десмонду, иначе тут будут одни только парни: сам Десси, Кларисса и я». Юморист! Бедная Кларисса, не стоило ей стричься.

Ханна села на кровать Эммелин.

— Я буду скучать по тебе.

— Знаю, — отозвалась Эммелин, разглаживая помятую страницу. — Но ведь ты понимаешь, что я не могу уехать с вами в Ривертон. Я просто умру там со скуки.

— Понимаю.

— Не то чтобы мне было скучно с тобой, Ханна, — быстро поправилась Эммелин, сообразив, что ее слова могли показаться обидными. — Ты знаешь, /я другое имею в виду. А правда, смешно, как все переменялось?

Ханна непонимающе поглядела на сестру.

— В смысле, когда мы были детьми, это ты все время хотела куда-то убежать. Даже собиралась работать в конторе. — Эммелин расхохоталась. — Вот только не помню: решила ты поговорить об этом с Па?

Ханна молча покачала головой.

— Интересно, что бы он сказал? Бедный старый Па. Помню, как жутко я разозлилась, когда ты вышла замуж за Тедди и оставила нас вдвоем. Правда, уже не помню, почему. — Она довольно вздохнула. — Как все повернулось с тех пор, а?

Ханна сжала губы, подбирая нужные слова.

— Тебе нравится жить в Лондоне, правда?

— Спрашиваешь! Просто шик.

— Ну и хорошо. — Ханна поднялась, чтобы уйти, но передумала, снова села на кровать. — И ты знаешь, что если со мной что-нибудь случится...

— Похитят марсиане с Красной планеты?

— Я не шучу, Эмми.

Эммелин завела глаза к потолку.

— Я заметила! Ты всю неделю, как в воду опущенная.

— Леди Клементина и Фэнни всегда о тебе позаботятся. Ты ведь помнишь?

— Да, да, да, — нетерпеливо произнесла Эммелин. — Ты говорила уже тысячу раз!

— Знаю. Просто так трудно оставлять тебя одну, в Лондоне...

— Ты меня не оставляешь, — возразила Эммелин. — Я сама остаюсь. И не одна. Я буду жить с Фэнни. — Она неопределенно помахала в воздухе рукой. — В общем, все будет хорошо.

— Да, — согласилась Ханна. Она встретилась со мной взглядом и тут же отвела глаза. — Все будет хорошо.

Однако не успела она выйти за дверь, как Эммелин сказала:

— Что-то я давно не видела Робби.

Ханна оцепенела, но откликнулась, не повернув головы:

— Действительно. Теперь я тоже припоминаю, что он не заходил уже несколько дней.

— Я его искала, но баркас тоже куда-то исчез. Дебора сказала, Робби уплыл.

— Правда? — тут же оцетинилась Ханна. — А может быть, она еще сказала — куда?

— Она не знает, — хмуро ответила Эммелин. — Говорит, ты можешь знать.

— Откуда? — наконец обернулась к сестре Ханна. Она старательно избегала моего взгляда. — Я бы на твоём месте не волновалась. Наверняка пишет где-нибудь стихи.

— Он бы не уплыл. Он бы мне сказал.

— Необязательно, — пожала плечами Ханна. — Он всегда вел себя именно так, помнишь? Непредсказуемо. Необязательно. Да и вообще — какая нам разница?

— Тебе, может быть, и никакой. А я его люблю.

— Да нет же, Эмми, — мягко сказала Ханна. — Это не любовь.

— Люблю, — упрямо настаивала Эммелин. — Всю жизнь. С тех пор, как он первый раз приехал в Ривертон и перевязал мне руку.

— Тебе было одиннадцать, — напомнила Ханна.

— Разумеется, тогда это было детское увлечение. Но с тех пор я сравнивала каждого мужчину, который попадался мне на пути, с Робби.

— А как же тот режиссер? — жестко осведомилась Ханна. — А Гарри Бентли и полдюжины других ухажеров, с которыми ты встречалась только в этом году? По-моему, с двумя даже обручилась?

— Робби — это другое.

— А он сам? — не глядя на Эммелин, продолжала Ханна. — Разве он давал тебе повод подумать, что испытывает к тебе какие-то чувства?

— В его чувствах я уверена. Он ни разу не упустил возможности сходить со мной в гости. И вовсе не потому, что ему нравятся мои друзья. Напротив, он впрямую заявлял, что они — сборище избалованных слюнтяев. — Она уверенно кивнула. — Нет, он любит меня. А я его.

— Нет, — сказала Ханна с такой твердостью, что Эммелин вздрогнула. — Он не для тебя.

— Почему ты так решила? Ты ведь почти его не знаешь!

— Я знаю этот тип мужчин. Во всем виновата война. Она забирает

совершенно нормальных молодых людей и возвращает их совсем другими. Сломанными.

Я вспомнила Альфреда, ту ночь на лестнице, в Ривертоне, когда ему не давали покоя духи прошлого. И тут же усилием воли выбросила его из головы.

— А мне все равно, — уперлась Эммелин. — Это даже интересно. Я бы заботилась о нем. Выхаживала.

— Такие мужчины просто-напросто опасны! — не выдержала Ханна. — Их не вылечить! Они такие, какие они есть. — Она с трудом перевела дух. — У тебя полным-полно других поклонников. Почему бы не обратить внимание на одного из них?

Эммелин упрямо мотала головой.

— Так будет лучше, поверь. Обещай, что попробуешь.

— Я не хочу.

— Ты должна.

Эммелин смотрела в сторону, и я вдруг заметила в ее взгляде что-то новое: жесткое, взрослое.

— Извини, Ханна, но это не твое дело, — четко выговорила она. — Мне уже двадцать. И я сама решу, как мне жить. В мои годы ты вышла замуж, и, видит бог, не спрашивала ничьего разрешения.

— Это вовсе не то же самое...

— Я больше не нуждаюсь в старшей сестре, которая следит за каждым моим шагом. — Эммелин передохнула и поглядела Ханне в глаза. Голос ее смягчился. — Давай договоримся, что с этой минуты мы станем жить каждая своей жизнью. Что скажешь?

Ханне, по большому счету, сказать было нечего. Она молча кивнула, вышла и плотно притворила за собой дверь.

* * *

Накануне отъезда в Ривертон я упаковывала одежду Ханны. Сама Ханна сидела у окна, глядя на парк в сгущавшихся сумерках. Когда на улицах загорелись фонари, она повернулась ко мне и спросила:

— Ты когда-нибудь любила, Грейс?

Вопрос застал меня врасплох. О да, самое время...

— Не... не могу сказать, мэм.

Я уложила лисью накидку на дно большого чемодана.

— Если бы любила, ты бы знала.

Я старалась не смотреть ей в глаза. Старалась, чтобы голос звучал бесстрастно, в надежде, что это заставит Ханну сменить тему.

— Тогда, наверное, нет, мэм.

— Может быть, тебе и повезло. — Ханна опять отвернулась к окну. — Настоящая любовь — страшная болезнь.

— Болезнь, мэм?

На самом деле, так оно и есть, у меня без конца душа болела.

— Раньше я этого не понимала. Почему об этом пишут в книгах, пьесах. Стихах. Почему нормальные, разумные люди вдруг начинают выкидывать всякие глупости.

— А теперь, мэм?

— А теперь понимаю, — тихо ответила Ханна. — Это просто недуг. Ты подхватываешь его совершенно неожиданно. И лекарства не существует. А в самых тяжелых случаях он смертелен.

Я на секунду закрыла глаза — голова закружилась.

— Не может быть, чтобы смертелен, мэм.

— Наверное, ты права, Грейс. Я преувеличиваю. — Ханна снова повернулась ко мне и улыбнулась. — Вот видишь, я живой пример. Веду себя, как героиня какого-нибудь бульварного романа.

Ханна замолчала. Впрочем, мысли ее, видимо, текли все в том же русле, потому что она вдруг сказала:

— Странно... Знаешь, Грейс, я почему-то всегда думала, что вы с Альфредом...

— Нет-нет, мэм, — быстро перебила ее я. Даже чересчур быстро. — Мы с Альфредом только друзья.

В кожу будто тысячу горячих игл вогнали.

— Правда? — Ханна поразмыслила. — И почему это я решила по-другому...

— Не могу сказать, мэм.

Ханна внимательно смотрела на меня, поигрывая шелковой накидкой. Усмехнулась.

— А ведь я тебя смутила.

— Вовсе нет, мэм. Просто... — Пришлось сказать полуправду. — Я вспомнила о недавнем письме из Ривертон. Удивительное совпадение, что вы именно сейчас упомянули Альфреда.

— Почему?

— Вы помните мисс Старлинг, мэм? — Я уже не могла остановиться. — Ту, что работала у вашего отца?

Ханна нахмурилась, припоминая.

— Худощавую женщину с бесцветными волосами? Ту, что вечно ходила с кожаной сумочкой?

— Да, мэм, ее. — Я будто смотрела на себя со стороны, удивляясь, как это мне удастся так ловко изображать беззаботность. — Они с Альфредом поженились, мэм. Еще и месяца не прошло. Живут в Ипсвиче, у Альфреда свое дело, что-то там с электричеством. — Я закрыла чемодан и кивнула, не поднимая глаз. — А теперь, если вы не против, мэм, я спущусь вниз, у мистера Бойли наверняка есть для меня работа.

* * *

Я закрыла за собой дверь и наконец-то оказалась в одиночестве. Зажала рот руками. Зажмурила глаза. Плечи тряслись, в горле что-то попискивало.

Тело обмякло, я сползла по стене и вжалась в нее, отчаянно желая исчезнуть, слиться с этой стеной, с полом, раствориться в воздухе.

Я сидела, не двигаясь. Смутно знала, что Тедди или Дебора найдут меня, когда придет время расходиться по спальням. Позовут мистера Бойли, чтобы утащил меня куда-нибудь. Ну и пусть. Все равно. Я не испытывала ни стыда. Ни чувства долга. Кому все это нужно? Кому теперь все это нужно?

И тут в кухне что-то зазвенело. Разбилось. У меня перехватило дыхание. Глаза открылись. Реальность нахлынула на меня, переполняя, затапливая.

Как это — кому нужно? Ханне нужно. Сейчас я необходима ей больше, чем когда-либо. В Ривертоне, вдали от Робби.

Я прерывисто вдохнула. Встряхнулась, расправила плечи. Попыталась прийти в себя.

Много ли проку от служанки, которая так жалеет себя, так раскисла от собственных печалей, что чуть не пренебрегла своими обязанностями?

Я отлепилась от стены, оправила юбку, одернула манжеты. Вытерла глаза.

Я — камеристка. Не какая-нибудь там бестолковая горничная. На меня можно положиться. Минуты слабости бывают у всякого, но это только минуты.

Я снова вдохнула. Глубоко. Решительно. Кивнула сама себе и

твердыми шагами пошла по коридору.

И поднимаясь по лестнице в свою спальню, я усилием воли захлопнула в душе заветную дверь, за которой так ненадолго мелькнули дом, муж и нерожденные мною дети.

У СЕБЯ В ГОСТЯХ

Урсула пришла, как обещала. По извилистой дороге мы едем в Саффон-Грин. Скоро повернем — у знака, зазывающего туристов в Ривертон. Я гляжу на Урсулу, она мимоходом улыбается мне и тут же снова переключает внимание на дорогу. Если у нее и были опасения по поводу нашей поездки, то она решительно их отмела. Сильвия тоже была не в восторге, но согласилась ничего не говорить старшей медсестре и в случае чего нейтрализовать Руфь. Наверное, понимает, что мне осталось совсем немного и бояться за мое здоровье по большому счету бессмысленно.

Ворота открыты. Урсула выруливает на подъездную дорожку, и мы движемся к дому. Лиственный тоннель по-прежнему темен и тих, будто к чему-то прислушивается. Преодолеваем последний поворот, и вот мы у цели. Дом вырастает передо мной, как тогда, когда я впервые шла сюда совсем зеленой девчонкой, или когда, погостив у мамы, бежала на концерт, или как в тот вечер, когда Альфред попросил моей руки, или утром тысяча девятьсот двадцать четвертого, в день возвращения из Лондона. В некотором роде, я вернулась домой.

Теперь дорожка приводит на заасфальтированную стоянку, рядом с фонтаном «Амур и Психея». На въезде Урсула опускает окно и перебрасывается с охранником несколькими словами. Тот машет нам, показывая, что можно проезжать. Из уважения к моим преклонным годам ей разрешили сначала высадить меня у дома, а уж потом найти место для парковки. Урсула бесшумно заезжает за угол — нынче вместо гравия под колесами асфальт — и останавливается у самого входа. Там стоит металлическая скамейка, Урсула помогает мне подойти к ней, усаживает и возвращается к машине.

Я сажусь и думаю о мистере Гамильтоне, о том, сколько же раз он открывал парадную дверь Ривертон, прежде чем в тысяча девятьсот тридцать четвертом году его настиг сердечный приступ.

— С возвращением, юная Грейс.

Я щурюсь — то ли воздух дрожит от зноя, то ли глаза у меня слезятся — и вижу его на верхней ступеньке лестницы.

— Мистер Гамильтон! — приветливо отзываюсь я. Конечно, это видение, но согласитесь: невежливо не поздороваться со старым другом, даже если он умер шестьдесят лет назад.

— А мы всё думали, когда же мы снова тебя увидим? Миссис Таунсенд

и я.

— Правда?

Миссис Таунсенд ушла почти сразу вслед за ним — заснула и не проснулась.

— Ну конечно. Мы всегда рады, когда молодежь заглядывает. Нам тут вдвоем скучновато. Служба наша никому не нужна. Кругом только молотки стучат да сапоги топают. — Он неодобрительно качает головой и оглядывается. — Да, обновляют старый дом, обновляют. Ты еще увидишь, что они сделали с моей буфетной. — Он улыбается, глядя на меня поверх длинного носа. — А ты-то как поживаешь, Грейс?

— Я устала, — признаюсь я. — Устала, мистер Гамильтон.

— Вижу, девочка, — кивает он. — Ну ничего, потерпи, уже недолго осталось.

— Что случилось? — Это Урсула. Встревоженно поглядывая на меня, она прячет в кошелек парковочный талон. — Вы устали? Я узнаю, нельзя ли взять напрокат кресло-коляску. Тем более что в доме теперь есть лифты.

Я соглашаюсь, что это будет очень кстати, и оглядываюсь на мистера Гамильтона. Но лестница уже пуста.

* * *

В вестибюле нас встречает бодрая женщина, одетая, как жена деревенского сквайра сороковых годов, и сообщает, что в стоимость входного билета входит экскурсия, которую она сейчас и проведет. Прежде чем мы с Урсулой успеваем возразить, нас присоединяют к группе: парочка туристов из Лондона, школьник, интересующийся историей, и четверо американцев — двое родителей и сын, одетые в одинаковые футболки и кроссовки, и дочь-подросток, длинная, бледная и угрюмая, вся в черном. Экскурсовода зовут Берил, это подтверждает и значок у нее на груди, живет она в Саффрон-Грин, и мы можем задавать ей любые вопросы.

Экскурсия начинается с кухни — сердца английского сельского поместья, привычно подмигивая, объясняет Берил. Мы с Урсулой заходим в лифт, встроенный на место кладовки. Когда мы выходим на нижнем этаже, вся группа уже сгрудилась вокруг стола миссис Таунсенд и хохочет над традиционным английским меню девятнадцатого века, которое Берил зачитывает вслух.

На первый взгляд кухня почти не изменилась, и все же в ней много

нового. Во-первых, электричество. Оно безжалостно высветило углы, что были когда-то сумрачными и таинственными. Мы долго жили без электрического освещения, и даже когда Тедди в конце двадцатых провел наконец свет, он был не таким ярким. Я скучаю по нашему полумраку, хотя вряд ли можно было сохранить его, даже в исторических целях. На этот счет теперь свои законы. Здоровье и безопасность. Публичная ответственность. Никто не хочет отвечать за близорукого туриста, который оступится на полутемной лестнице.

— Следуйте за мной, — радостно чирикает Верил. — Мы выйдем на заднюю террасу через дверь для слуг. Не бойтесь, я не заставлю вас натягивать форму.

* * *

Мы стоим на газоне неподалеку от розовой аллеи леди Эшбери. Она выглядит до удивления знакомой, только к лестницам добавились пандусы. Теперь, по словам Верил, здесь работает целая команда садовников, главная задача которых — поддерживать окрестности в неизменном виде. У них полно дела: собственно сад, лужайки, фонтаны, ограды. Летний домик.

Летний домик оборудовали по приказу Тедди — он приезжал сюда в двадцать третьем. Просто преступление, заявил Тедди, так запустить озеро — жемчужину имения. Он уже предвкушал, как гости будут кататься на лодках, а поздно вечером глядеть на звезды. Сказано — сделано, и к апрелю двадцать четвертого, когда мы все переехали в Ривертон, домик был почти готов, ждали только известняк из Италии, да мешали весенние дожди.

В день нашего приезда тоже было мокро. Нескончаемый проливной дождь начался, как только мы въехали в Эссекс, и не прекращался до самого Ривертон. Болота переполнились, леса отсырели, и когда автомобили свернули на подъездную дорожку, мы не увидели дома. Во всяком случае, с первого взгляда. Он был настолько скрыт густым туманом, что проявлялся медленно, как на фотобумаге. Когда мы подъехали поближе, я протерла рукой запотевшее стекло и всмотрелась в окно детской. Меня охватило странное чувство, будто где-то там, внутри, хлопчет Грейс пятилетней давности: накрывает на стол, одевает Ханну и Эммелин, выслушивает советы Нэнси. Там — и тут, тогда — и сейчас, в водовороте времени.

Первый автомобиль остановился, и из тумана выплыл мистер Гамильтон с черным зонтом в руке, чтобы помочь Ханне и Тедди выйти из машины. Вторая машина поехала к задней двери. Затормозила. Я накинула капюшон, кивнула водителю и бегом поспешила к дому.

Может быть, всему виною дождь. Может быть, если бы небо сияло голубизной и в окна светило бы яркое солнце, дом не показался бы нам таким заброшенным. И хотя прислуга под руководством мистера Гамильтона сделала все, что могла — даже за часами помыли, похвасталась Нэнси, Ривертон стоял в запустении. Невозможно было за пару месяцев исправить то, что разрушалось годами с молчаливого согласия мистера Фредерика.

Больше всего расстроилась Ханна. И немудрено. Увидев, что случилось с домом, она снова ощутила, как одинок был Па в последние годы. Снова обвинила себя в том, что вовремя с ним не помирилась.

— Только подумай, как он жил, — сокрушалась она, пока я готовила ее ко сну. — А я сидела в Лондоне и ничего не знала. Эммелин частенько подшучивала над ним, но мне и в голову не приходило... Только представь, Грейс! Только вообрази, как он был несчастен. — Она помолчала и добавила: — Вот что выходит, если человек живет не своей жизнью.

— Да, мэм, — согласилась я, даже не подозревая, что Ханна имеет в виду вовсе не Па.

* * *

Тедди масштабы разрухи поразили, но не напугали. В любом случае, он собирался полностью перестроить Ривертон.

— Превратим старую развалину в большой современный дом, а? — снисходительно улыбаясь, спросил он у Ханны.

К тому времени они прожили в Ривертоне уже неделю. Дождь закончился, и Тедди стоял в залитой солнцем спальне Ханны. Мы с ней сидели на кушетке, разбирая одежду.

— Как хочешь, — последовал равнодушный ответ.

Тедди взглянул на жену с растерянным недоумением: разве не приятно привести в порядок родное гнездо? Разве не все дамы обожают хлопотать, перестраивая жилище по своему вкусу?

— Расходы любые, ограничивать себя не будем, — на всякий случай предупредил он.

Ханна улыбнулась — терпеливо, как слишком надоедливому продавцу.
— Как скажешь, дорогой.

Тедди бы, разумеется, предпочел, чтобы Ханна поделила его энтузиазм: встречалась бы вместе с ним с дизайнерами, сравнивала и выбирала материалы, радовалась приобретению точно такой же этажерки, что стоит в королевском дворце. Однако спорить не стал. К тому времени он уже смирился с тем, что никогда не поймет жену. Просто покачал головой, погладил Ханну по плечу и больше об этом не заговаривал.

* * *

А Ханна, даром что не проявляла ни малейшего интереса к реконструкции, почему-то хранила прекрасное расположение духа. Я-то готовилась к худшему, ожидала, что покинув Лондон — покинув Робби — она совсем затоскует. И ошиблась. Отчего-то ее настроение было лучше, чем всегда. В доме начался ремонт, и она все больше времени проводила снаружи. Бродила по всему имению, стараясь забрести подальше, и возвращалась к обеду с румяными щеками и прилипшими к платью травинками.

Она решила покончить с Робби, думала я. Какой бы сильной ни была любовь, пришла пора расстаться. Ты сочтешь меня наивной — такой я и была. Полагалась только на собственный опыт. Я же порвала с Альфредом, вернулась в Ривертон и попыталась привыкнуть к его отсутствию, вот и считала, что Ханна сделала то же самое. Предпочла любви долг.

Однажды я пошла искать хозяйку — Тедди выиграл право баллотироваться от Саффона и в честь такого события пригласил к обеду лорда Гиффорда. До прихода гостя оставалось полчаса, а Ханна все еще не вернулась с прогулки. В конце концов я обнаружила ее в розовой аллее. Она сидела на каменной лестнице — той самой, на которой когда-то ночью плакал Альфред.

— Слава богу, я нашла вас, мэм! — отдуваясь, воскликнула я. — Лорд Гиффорд может явиться в любую минуту, а вы еще не одеты.

Ханна улыбнулась мне через плечо.

— Готова спорить, что одета. В зеленое платье.

— Вы прекрасно знаете, о чем я, мэм. Вам пора переодеться к обеду.

— Знаю, конечно. — Она потянулась, быстро поворачивала кистями рук. — Просто сегодня такой чудесный день. Сидеть в доме настоящее

преступление. Как ты думаешь, мы не сможем уговорить Тедди пообедать на террасе?

— Не знаю, мэм, — сказала я. — Боюсь, мистер Лак-стон откажется. Сами знаете, как он не любит комаров.

— Ты права, — рассмеялась Ханна. — А жаль, было бы неплохо.

Она встала, собрала свой блокнот, ручку, конверт без марки.

— Может быть, я отнесу письмо мистеру Гамильтону, мэм? Он его отошлет.

— Нет, спасибо, Грейс, — все так же улыбаясь, отказалась Ханна. — Я сегодня схожу на почту и отправлю его сама.

Понимаешь теперь, почему я обрадовалась за Ханну? Она показалась мне счастливой. Такой она и была. Такой и была. Но не потому, что излечилась от любви к Робби. Тут я ошиблась. И уж, конечно, не потому, что снова прониклась чувствами к Тедди. И даже не потому, что вернулась в родной дом. Нет. Она была счастлива, потому что у нее появился секрет.

* * *

Берил ведет нас Долгой аллеей. Для кресла-коляски тут многовато кочек, но Урсула старается везти меня осторожно. Когда мы подходим ко второй калитке, нас встречает объявление. Берил объясняет, что дальняя часть южного сада закрыта на реконструкцию. Там ремонтируют летний домик, так что сегодня мы, к сожалению, дальше не пройдем и сможем посмотреть вблизи только фонтан «Падение Икара». Берил открывает калитку и мы проходим.

* * *

Устроить праздник предложила Дебора. Просто чтобы напомнить знакомым, что, уезжая из Лондона, Тедди и Ханна вовсе не оставили свет. Тедди с восторгом поддержал идею. Ремонт подходил к концу, и ему не терпелось похвастаться обновленным зданием. Даже Ханна заинтересовалась. Небывалое дело — она начала помогать Деборе в подготовке вечера. Тедди удивился, обрадовался и на всякий случай не задавал никаких вопросов. Дебора, привыкшая править всем в одиночку, радовалась куда меньше.

— Тебе ведь незачем вникать в мелочи, правда? — сказала она однажды утром, сидя за чаем.

— Напротив, — улыбнулась Ханна. — У меня очень много предложений. Как насчет китайских фонариков?

Именно по настоянию Ханны прием превратился из небольшого сборища «только для своих» в грандиозную вечеринку. Она самолично составила список гостей и настояла на сооружении танцплощадки. В Ривертоне каждый год проходил летний праздник, рассказала она Тедди, почему бы его не воскресить?

Тедди сиял. Он всегда мечтал, чтобы жена и сестра наконец-то начали что-нибудь делать вместе. Он дал Ханне полную свободу действий, и она от души ею воспользовалась. В собственных, как выяснилось, целях. В шумной толпе затеряться гораздо легче, чем в небольшой группке гостей.

Урсула медленно обводит меня вокруг фонтана. Его почистили. Голубые плитки блестят, а мрамор сверкает ярче, чем новый, но Икар и три русалки все так же застыли посреди водной глади. Я мигаю, и две полупрозрачные фигурки в легких рубашках, сидящие на бортике, исчезают.

— Я — царь горы! — Юный американец успел вскарабкаться на голову русалки с арфой и стоит, раскинув руки в стороны.

Скрывая раздражение, Берил улыбается профессиональной улыбкой.

— Спускайся оттуда, малыш. Фонтан построили, чтобы любоваться на него, а вовсе не лазить. — Она указывает пальцем на узкую тропку, бегущую к озеру. — Прогуляемся вон туда. За ограду мы, увы, не пройдем, но сможем хотя бы издали взглянуть на знаменитое озеро.

Паренек спрыгивает с бортика и с грохотом приземляется у моих ног. Окидывает меня пренебрежительным взглядом и бежит вперед. Родители и сестра идут следом.

Для кресла тропинка слишком узкая, а мне просто необходимо увидеть озеро. Именно по этой тропинке я бежала той ночью... Делать нечего, и я прошу Урсулу помочь. Она с сомнением смотрит на меня:

— А стоит ли?

Я только киваю.

Урсула довозит меня до самых зарослей, я наваливаюсь на нее, и она поднимает меня на ноги. Несколько секунд стоим на месте, Урсула пытается поймать равновесие. Медленно ступаем на тропинку Камешки под ногами, высокая трава задевает подол юбки, в густом воздухе жужжат и ныряют стрекозы.

Приходится посторониться — семейство американцев уже шагает

обратно, во весь голос ругая реконструкцию.

— Такое впечатление, что в Европе все на ремонте! — восклицает женщина.

— Они обязаны вернуть нам деньги, — вторит ей муж.

— Я вообще поехала только для того, чтобы посмотреть, где он застрелился, — бурчит девочка в тяжелых черных ботинках.

Урсула насмешливо улыбается, и мы идем дальше. Стук молотков становится все громче. В конце концов, отдыхая на каждом шагу, мы добираемся до перегородившего тропу забора. В том же месте, где стоял другой забор, много лет назад.

Я хватаюсь за край ограды и гляжу на озеро. Вон оно в отдалении, слегка рябит от ветра. Летний домик не виден, но строительство гремит вовсю. Как в двадцать четвертом, когда рабочие спешили закончить его к празднику. Спешили, как оказалось, зря. Итальянский камень застрял в Кале и, к огорчению Тедди, не прибыл вовремя. А он так хотел установить у домика свой новый телескоп, чтобы гости могли любоваться на звезды! Ханна изо всех сил переубеждала мужа.

— Не спеши, — повторяла она. — Лучше сначала доделать дом до конца. Тогда устроишь еще один праздник. Специально по случаю установки телескопа.

Ты заметил — она сказала «устроишь», а не «устроим»? Уже тогда знала, что у них с Тедди разное будущее.

— Да уж, придется. — Тедди дулся неизвестно на кого, как обидчивый мальчишка.

— Это даже к лучшему, — уговаривала его Ханна, склонив голову к плечу. — А еще неплохо было бы поставить вокруг озера ограду. Иначе гости могут подойти слишком близко, а это опасно.

— Опасно? — не понял Тедди.

— Ты же знаешь этих строителей, — пояснила Ханна. — У них по площадке что только не раскидано. Лучше перестраховаться, а позже привести берег вокруг домика в приличное состояние.

Да, любовь наделяет свою жертву невероятным красноречием. Ханна без труда убедила Тедди. Стоило слегка припугнуть его судебными исками и ненужной шумихой, как он тут же дал распоряжение мистеру Бойли поставить вокруг озера забор. А в августе он устроит еще один прием — на свой день рождения. В летнем домике, с катанием на лодках, играми и угощением на берегу, под полосатыми тентами. Как на картине того французского типа, как его там по имени?

Конечно, никакого приема не было. В августе двадцать четвертого

всем было не до праздников, за исключением разве что Эммелин. Да и та кинулась в омут развлечений не столько для собственного удовольствия, сколько для того, чтобы забыться. Выкинуть из головы кровавый кошмар.

Кровь. Слишком много крови. Откуда столько? Я и сейчас вижу брызги на берегу озера. Там, где они стояли. Где он стоял, как раз перед тем, как...

Голова кружится, подгибаются ноги. Рука Урсулы крепко подхватывает меня, удерживая от падения.

— Что с вами? — темные глаза смотрят на меня с тревогой. — Вы так побледнели.

Вокруг все вертится. Мне жарко. Дурно.

— Может быть, вернуться и посидеть в доме?

Киваю.

Урсула ведет меня обратно по тропинке, усаживает в кресло, объясняет Берил, что меня надо отвезти в дом.

Это все жара, со знанием дела говорит Верил, с ее мамой творится то же самое. Немыслимая жара. Она наклоняется ко мне и улыбается так, что глаза превращаются в узкие щелочки.

— Точно-точно, милая. Это все погода.

Я лишь киваю. Что толку спорить? Как объяснить, что на меня давит не жара, а груз давней-предавней вины?

* * *

Урсула завозит меня в гостиную. Мы не проходим внутрь — просто не можем. На расстоянии четырех шагов от двери протянута красная ленточка. Наверное, хранители музея не хотят, чтобы экскурсанты бродили по комнатам, трогали грязными пальцами старинную мебель. Урсула ставит кресло у стены и садится рядом на специальную скамеечку для посетителей.

За нашими спинами толпятся другие туристы, показывают друг другу на роскошно накрытый стол, ахают и охают, заметив тигриную шкуру на спинке одного из кресел. Ни один из них не видит, что в комнате полным-полно привидений.

* * *

Полиция допрашивала нас именно здесь, в гостиной. Бедный Тедди. Он не знал, как себя вести.

— Он был поэтом, понимаете? — объяснял он полицейским, кутаясь в плед, накинутый поверх праздничного костюма. — Познакомился с моей женой, когда она была еще ребенком. Приятный человек, безалаберный, конечно, но неопасный. Дружил с моей свояченицей и ее друзьями.

В ту ночь допросили всех. Кроме Ханны и Эммелин. Тедди добился того, чтобы их не трогали. Сестры и так в шоке после увиденного, сказал он, нельзя заставлять их переживать все вновь. И так велико было влияние семьи Лакстонов, что полиция пошла ему навстречу.

Тем более что подробности никого особо не интересовали. Наступила поздняя ночь, полицейские спешили домой, к женам и теплым постелям. Им было вполне достаточно того, что они уже услышали. Сказать по правде, история самая обычная. Дебора не зря говорила, что в Лондоне, да и во всем мире, множество молодых людей не смогли вернуться к нормальной жизни после того, что увидели и испытали на войне. То, что Робби был поэтом, только добавляло ему непредсказуемости. Творческие люди склонны к неожиданным, отчаянным поступкам.

* * *

Появляется наша группа. Берил подхватывает меня и Урсалу и ведет всех в библиотеку.

— Одна из немногих комнат, которую пощадил пожар тысяча девятьсот тридцать восьмого года, — говорит она, деловито постукивая каблуками вдоль по коридору. — По счастливой случайности, уверяю вас. Семья Хартфорд владела великолепной коллекцией старинных книг. Около девяти тысяч томов.

Да уж, не меньше, могу поручиться.

Наша пестрая группа заходит следом за Берил в библиотеку. Все разбегаются по комнате, вытягивают шеи, обзревая высоченный стеклянный купол и доходящие до потолка книжные полки. Любимый Пикассо Робби исчез. Наверное, хранится теперь в какой-нибудь галерее. Сейчас не те дни, чтобы картины великих мастеров висели на стенах простых английских домов, пусть даже и старинных.

После смерти Робби Ханна много времени проводила тут, свернувшись калачиком в старом кресле. Она не читала, просто сидела.

Мысленно переживала недавнее прошлое. Одно время она вообще отказывалась видеть кого-либо, кроме меня. Рассказывала мне о Робби, о своих встречах с ним — лихорадочно, одержимо. Эпизод за эпизодом, во всех подробностях. И каждый рассказ заканчивался одной и той же жалобой.

— Я любила его, Грейс, — говорила Ханна так тихо, что я едва слышала.

— Знаю, мэм.

— Я просто не могла... — Она поднимала на меня лихорадочно блестящие глаза. — Не могла позволить...

Сперва Тедди спокойно отнесся к тому, что жена замкнулась в себе. Немудрено — после того, что она видела. Но по мере того, как шла неделя за неделей, ее нежелание взять себя в руки — а где же знаменитая британская сдержанность? — начало его волновать.

Каждый по-своему представлял, как должна вести себя Ханна, как вернуть ей нормальное настроение. Однажды вечером, после ужина, за столом собрался настоящий семейный совет.

— Ханне нужно новое хобби, — заявила, закуривая, Дебора. — Увидеть, как человек застрелился на твоих глазах — это, несомненно, шок, но ведь жизнь продолжается.

— А что за хобби? — спросил Тедди.

— Например, бридж, — предложила Дебора, стряхивая пепел. — Хорошая игра взбодрит кого угодно.

Эстелла, которая приехала в Ривертон «оказать посильную поддержку», согласилась, что Ханну надо отвлечь, но предлагала другое средство: ребенок. Что еще женщине нужно? Тедди пора как следует постараться.

Тедди не спорил. И приняв безучастность Ханны за согласие, сделал все от него зависящее.

К радости Эстеллы, через три месяца доктор объявил Ханну беременной. Вопреки ожиданиям, она не отвлеклась, а еще больше погрузилась в себя. Даже меня звала все реже и реже, рассказывала все меньше и меньше. Я расстроилась: мне казалось, наши разговоры по душам помогут Ханне рано или поздно вернуться к людям, покинуть свою добровольную ссылку. Но мечтам не суждено было сбыться.

Даже наоборот. Ханна отдалилась от меня еще больше: одевалась сама, а если я предлагала помощь, поглядывала странно, с необъяснимой злостью. Я пыталась разговорить ее, твердила, что она ни в чем не виновата, что никто не сумел бы спасти Робби, но Ханна лишь молча

мерила меня непонятным взглядом. Будто не понимала, о чем это я, или — еще хуже — считала, что я не вправе разговаривать на эту тему.

Последние месяцы она бродила по дому, как привидение. Одно слово — мистер Фредерик вернулся, ворчала Нэнси. Тедди забеспокоился еще больше. В конце концов, речь теперь шла не только о Ханне. Его дитя, его сын, продолжатель рода Лакстонов, был достоин большего. В дом приглашали одного врача за другим, и все они, еще не забывшие недавней войны, повторяли одно и то же: состояние Ханны вполне естественно для человека, испытавшего шок.

Один из докторов после консультации отвел Тедди в сторону и сказал:
— Самый настоящий шок. Интересный случай: ваша жена полностью отстранилась от всего окружающего.

— И как ее вылечить?

Доктор сочувственно покачал головой.

— Я бы и сам заплатил, чтобы узнать.

— Деньги — не проблема, — кратко информировал Тедди.

— Там ведь была еще одна свидетельница, — уточнил врач.

— Да, сестра моей жены.

— Сестра, — что-то записывая, повторил врач. — Прекрасно. Они близки?

— Очень.

Доктор поднял палец.

— Привезите ее сюда. Разговор: вот лекарство от такого рода состояния. Вашей жене необходимо говорить с человеком, испытавшим то же самое.

Тедди последовал совету и несколько раз подряд пригласил Эммелин в Ривертон, но она не приехала. Не смогла. Была чересчур занята.

— Не понимаю, как можно так относиться к родной сестре? — спросил Тедди у Деборы однажды вечером. — И это после всего, что Ханна для нее сделала!

— Я бы не волновалась, — ответила Дебора. — Судя по доходящим до меня слухам, даже хорошо, что Эммелин от нас далеко. Поговаривают, она стала на редкость вульгарной. Уходит последней с любой вечеринки. Шляется ни пойми с кем.

Дебора не лгала: Эммелин снова погрузилась в ночную жизнь Лондона, на этот раз с головой. Она стала душой всевозможных вечеринок, снималась в кино: фильмы ужасов, мелодрамы — в основном, в роли обманутой кем-то роковой женщины.

Странно, шептали злые языки, что Ханна так убивается по Робби.

Непонятно, почему это она переживает его смерть гораздо тяжелее, чем сестра. Вроде бы поклонника-то потеряла именно Эммелин.

* * *

На самом деле Эммелин было не легче. Просто она страдала, как умела. Хохотала без удержу и пила без меры. Говорят, в день ее гибели на Брейнтри-роуд полиция нашла в машине початую бутылку бренди. Лакстоны замяли дело. Если что и можно было купить в то время за деньги, так это закон. Может, и сейчас так. Не знаю.

Ханне сказали не сразу. Эстелла боялась, что это слишком опасно, и Тедди согласился, потому что роды были уже близко. Официальное заявление от имени Ханны и Тедди сделал лорд Гиффорд.

Через день после автокатастрофы Тедди спустился под лестницу. В нашей мрачной кухне он выглядел на редкость неуместно, будто актер, забредший не в свой павильон. Ему пришлось наклонить голову, чтобы не стукнуться о низкий потолок над последней ступенькой.

— Мистер Лакстон, — поразился мистер Гамильтон. — Мы не ждали... — Его голос сорвался, он повернулся к нам. Бесшумно похлопал, поднял руки и замахал ими, как дирижер, подгоняющий музыкантов во время особенно быстрого отрывка. Мы встали и выстроились в неровную линию, заложив руки за спину и ожидая, что скажет Тедди.

А сказал он очень простую вещь. Эммелин попала в автомобильную аварию и разбилась насмерть. Нэнси стиснула за спиной мою руку.

Миссис Таунсенд вскрикнула и, схватившись за сердце, повалилась на стул.

— Бедняжка моя! Да что же это творится!

— Мы все потрясены, миссис Таунсенд, — кивнул Тедди, обводя нас взглядом. — И все-таки я спустился, чтобы кое о чем вас попросить.

— Не сомневаюсь, что я выражу общее мнение, — с посеревшим лицом сказал мистер Гамильтон, — если скажу, что мы готовы услужить чем угодно, особенно в это трудное время.

— Спасибо, мистер Гамильтон. Как вам всем известно, миссис Лакстон глубоко переживает другое несчастье, случившееся недавно на берегу озера. Я думаю, будет только милосердно, если мы на время скроем от нее новую трагедию. Не стоит расстраивать ее еще больше. Не сейчас, пока она носит ребенка. Уверен, вы все меня поддержите.

Прислуга молчала, а Тедди продолжал:

— Убедительно прошу вас не упоминать при миссис Лакстон ни мисс Эммелин, ни аварию. И обратить особое внимание на то, чтобы газеты с описанием катастрофы не лежали там, где она на них может наткнуться.

Он помолчал, снова обвел нас взглядом.

— Все понятно?

Мистер Гамильтон заморгал, словно приходя в себя.

— Да. Да, сэр.

— Вот и хорошо.

Тедди торопливо покивал, говорить больше было нечего. С угрюмой улыбкой он вышел из кухни.

Миссис Таунсенд оглядела всех круглыми глазами.

— Он что... вообще не скажет мисс Ханне?

— Похоже на то, миссис Таунсенд, — подтвердил мистер Гамильтон. — Во всяком случае, пока.

— Так ведь не кто-нибудь — сестра...

— Таков приказ, миссис Таунсенд. — Мистер Гамильтон вздохнул и потер кончик носа. — Мистер Лакстон для нас такой же хозяин, каким был покойный мистер Фредерик.

Миссис Таунсенд открыла было рот, чтобы возразить, но мистер Гамильтон оборвал ее:

— Вы не хуже меня знаете, что распоряжения хозяина не обсуждаются. — Он снял очки и начал яростно их протирать. — Независимо от того, что мы думаем о них. Или о нем.

Позже, когда мистер Гамильтон поднялся наверх сервировать ужин, миссис Таунсенд и Нэнси поймали меня в столовой для слуг. Я как раз чинила серебристое платье Ханны. Миссис Таунсенд села справа, Нэнси — слева, как два стражника, готовых отволочь меня на виселицу. Кинув опасливый взгляд на лестницу, Нэнси сказала:

— Тебе надо все ей рассказать.

Миссис Таунсенд согласно кивала.

— Не по-людски это. Родная сестра. Мисс Ханна должна знать.

Я вколола иглу в катушку серебристых ниток и отложила платье.

— Ты же ее горничная, — шептала Нэнси. — Она к тебе всегда хорошо относилась. Кому как не тебе...

— Скажу, — тихо пообещала я.

На следующее утро я, как обычно, нашла Ханну в библиотеке. Сидя в кресле у дальней стены, она глядела сквозь стеклянные двери на старое кладбище. Так засмотрелась, что даже не слышала, как я вошла. Я подошла

поближе и остановилась у второго кресла. Лучи восходящего солнца уже проникли в библиотеку и золотили лицо Ханны, придавая ему почти неземной вид.

— Мэм, — тихонько позвала я.

— Ты пришла рассказать мне про Эммелин, — не повернув головы, откликнулась Ханна.

Я ответила не сразу, пораженная.

— Да, мэм. Откуда она знает?

— Я так и думала, что ты придешь. Хотя он и велел тебе молчать. Я хорошо знаю тебя, Грейс, — непонятым тоном продолжала Ханна.

— Я сожалею, мэм. Насчет мисс Эммелин.

Ханна слегка кивнула, не сводя глаз с дальнего конца кладбища. Я подождала немного, и когда стало ясно, что она не нуждается в обществе, спросила, не нужно ли чего-нибудь принести. Может, чаю? Или книгу?

Сперва она не ответила, будто не слышала. А потом, словно издали, проговорила:

— Ты не знаешь стенографии.

Это был не вопрос, а утверждение, и я промолчала.

Позже я поняла, что она имела в виду и при чем тут стенография. Через много-много лет. Но в то утро я и понятия не имела, к чему привела моя невинная ложь.

Ханна слегка вздрогнула, подтянула повыше длинные ноги. По-прежнему не глядя на меня, сказала:

— Ты можешь идти, Грейс.

В ее голосе звучала непривычная холодность. У меня закололо в глазах.

Говорить больше было не о чем. Я кивнула и вышла, даже не представляя в тот момент, что это — наш последний разговор.

* * *

Берил ведет нас в комнату, которая когда-то принадлежала Ханне. А вдруг я не заставлю себя войти? Нет, ничего — комната теперь совсем другая. Ее перекрасили, поставили новую мебель. В стиле викторианской эпохи, такой никогда не было в Ривертоне. Ребенок Ханны родился вовсе не на этой кровати.

Считалось, что Ханну убили роды. Как появление Эммелин убило

когда-то их мать. Как неожиданно, говорили все, покачивая головами. Как трагично. Но я-то знала. Объяснение, конечно, удобное. И даже правдивое — роды оказались нелегкими — только на самом деле у Ханны просто не осталось воли к жизни. Трагедия на озере, смерть Робби, а за ним и Эммелин, убили ее задолго до того, как ребенок застрял в родовых путях.

Сперва я сидела с ней, но по мере того, как схватки становились все сильнее и чаще и ребенок двигался к выходу, Ханна начала бредить. Глядела на меня со страхом и злостью, кричала, чтобы я ушла, что все из-за меня. Врач объяснил, что такое часто бывает с роженицами, и попросил меня подчиниться, чтобы еще больше не нервировать хозяйку.

Только не могла я бросить Ханну, тем более в такой момент. Я ушла от ее кровати, но не из комнаты. Когда доктор начал операцию, я стояла у двери и видела ее лицо. Как она запрокинула голову и вздохнула в последний раз. С облегчением. Освобождением. Ханна знала — для того, чтобы уйти, достаточно просто не бороться за жизнь. И все будет кончено.

Нет, это не была внезапная смерть. Она умирала долго. Не один месяц.

* * *

А я сломалась. Рассыпалась. И никак не могла собрать себя обратно. Так бывает, когда полностью посвящаешь себя другому. Страдаешься с ним. Без Ханны жизнь потеряла смысл.

Я ничего не чувствовала. Только опустошение — будто кто-то разрезал мне брюхо, как пойманной рыбе, и вытряс наружу все, что помещалось там раньше. Нет, я по-прежнему выполняла свои обязанности, хотя со смертью Ханны их стало гораздо, гораздо меньше. Так я просуществовала около месяца, а потом объявила Тедди, что ухожу.

Он просил меня остаться, я отказалась; он умолял передумать, не ради него — ради Ханны, в память о ней. Она же так меня любила, он-то знает. И просит меня стать частью жизни ее дочери Флоренс.

Но я не могла. У меня просто не осталось сил. Ни на что не осталось сил. Я не слышала ворчания мистера Гамильтона, не видела слез миссис Таунсенд. Не думала о собственной судьбе, твердо зная только одно — судьба эта больше не будет связана с Ривертоном.

Как страшно было бы мне оставлять дом на холме и привычную работу, если бы я могла чувствовать хоть что-то! И хорошо, что не чувствовала: иначе страх мог бы возобладать над горем и привязать меня к

Ривертону навсегда. Потому что о жизни за его пределами я не знала ничего. Впадала в панику при слове «самостоятельность». Понятия не имела, куда ехать, где работать, как что-то решать.

И все-таки я сумела найти небольшую квартирку у Марбл-арч и начала самостоятельную жизнь. Работала, как умела — официанткой, швеей, уборщицей — ни с кем не сходилась близко, на вопросы не отвечала, увольнялась, как только люди начинали интересоваться мной слишком настойчиво. Так я провела десять лет. В ожидании — сама того не зная — новой войны. И рождения Марка, сотворившего то, чего не случилось с рождением моей собственной дочери.

В то время я почти не вспоминала о Ривертоне. Обо всем, что я потеряла.

Нет, не так: я запретила себе вспоминать о Ривертоне. Если в краткие минуты отдыха я ловила себя на том, что думаю о детской, о каменной лестнице в розовой аллее леди Эшбери, о бортике фонтана с Икаром, я тут же находила себе занятие.

Я позволяла себе вспоминать только малышку Флоренс. Мою племянницу. Девочка родилась красавицей. Светлые волосы — как у Ханны, а глаза совсем другие. Огромные, темно-карие. Возможно, потом они изменились. У детей такое бывает. Но мне кажется, они остались карими. Как у отца. У Робби...

Я часто размышляла об этом. Разумеется, это возможно, что Ханна после многочисленных и бесплодных попыток все-таки забеременела от Тедди и именно в двадцать четвертом. Чудеса случаются. Но не слишком ли все натянуто? В последние годы брака Ханна и Тедди редко делили супружескую постель, однако сразу после свадьбы Тедди был очень озабочен появлением наследника. Если ничего так и не вышло, значит, у кого-то из них были проблемы со здоровьем? А поскольку Ханна все-таки родила, значит — не у нее?

Не проще ли предположить, что отцом Флоренс был вовсе не Тедди? Что ребенок был зачат на озере? Что после долгой разлуки Ханна и Робби просто не удержались, встретившись наконец в недостроенном летнем домике? Время, во всяком случае, подходит. Дебора явно заподозрила то же самое. Поджала губы при одном взгляде на большие темные глаза новорожденной. Догадалась.

Она ли просветила Тедди — не знаю. Возможно, он додумался сам. Как бы там ни было, Флоренс недолго пробыла в Ривертоне. Тедди, ясное дело, не хотел терпеть рядом с собой живое свидетельство неверности Ханны. Лакстоны дружно договорились забыть о страшном происшествии.

Осесть в Ривертоне, вплотную заняться политикой.

Я слышала, они отослали Флоренс в Америку. Джемайма согласилась воспитывать ее вместе с Гитой. Она всегда хотела много детей. Ханна, думаю, была бы рада: ей было бы приятно, что дочь растет среди Хартфордов, а не среди Лакстонов.

* * *

Экскурсия заканчивается, нас приводят в вестибюль. Мы с Урсулой пропускаем мимо ушей бодрые призывы Берил и не заходим в сувенирный магазин.

Я снова жду на железной скамейке, пока Урсула подгонит машину.

— Я скоро, — обещает она. Я прошу ее не волноваться — я не одна, со мной мои воспоминания.

— Заглянешь еще? — спрашивает, выглянув из-за двери, мистер Гамильтон.

— Нет, мистер Гамильтон, — отвечаю я. — Вряд ли.

Он не обижается, говорит с улыбкой:

— Я передам миссис Таунсенд твой привет.

Я согласно киваю, и он исчезает, расплывается, как рисунок акварелью в потоке яркого света.

* * *

Урсула помогает мне залезть в машину. В автомате у билетной кассы она купила бутылку воды и открывает ее для меня, пока я ерзаю, устраиваясь на сиденье.

— Пейте, — говорит она, втыкая в горлышко соломинку и вкладывая мне в ладонь холодную бутылку.

Урсула заводит двигатель, и автомобиль медленно выползает со стоянки. Когда мы снова въезжаем в зеленый тоннель, я знаю, что путешествую последний раз в жизни. И не оборачиваюсь.

Сначала мы едем молча, потом Урсула говорит:

— Знаете, я все никак не могу понять...

— М-м-м?

— Ведь когда Хантер застрелился, сестры Хартфорд были рядом с

ним? — Краем глаза она внимательно поглядывает на меня. — А для чего они отправились ночью к озеру, когда все остальные развлекались на полную катушку?

Я не отвечаю, и Урсула снова поглядывает на меня — может, не слышала?

— И что же вы решили? — спрашиваю я. — Как сняли?

— Они увидели, что Робби уходит, проследили за ним до озера и попытались помешать, — пожимает плечами Урсула. — Я обыскала все, что можно, но так и не нашла протокола допроса Ханны или Эммелин, пришлось придумывать самой. Это самая правдоподобная версия.

Киваю.

— Продюсер тоже согласился, что героини вряд ли могли наткнуться на Робби случайно.

Снова киваю.

— Да вы сами увидите, — говорит Урсула. — Когда фильм выйдет.

Когда-то я действительно надеялась побывать на премьере, но теперь понимаю, что это выше моих сил. Урсула тоже это знает.

— Я принесу вам видеокассету, — обещает она.

— Замечательно.

Машина подъезжает к воротам «Вереска».

— Оп-па, — вытаращив глаза, вдруг произносит Урсула. Накрывает мою руку своей. — Готовы к концерту?

У ворот стоит Руфь. Ждет. Наверное, уже поджала губы в знак неодобрения... Но нет — она улыбается! Куда-то исчезают пятьдесят лет, и я вижу свою дочь девчонкой. Такой, какой она была, пока жизнь не изменила ее к худшему. Руфь что-то держит в руке. Машет. Это же письмо! И я даже знаю, от кого...

БЕЗВРЕМЁНЬЕ

Он тут. Марк вернулся домой. Вот уже неделю он каждый день приходит ко мне. Иногда один, иногда с Руфью. Мы мало говорим. Чаще всего он просто сидит рядом и держит меня за руку, пока я сплю. Мне нравится, когда он держит меня за руку. Это самый дружеский жест: с младенчества до старости.

Я умираю. Никто мне, конечно, не говорит, но я все прекрасно вижу. По склоненным ко мне сочувственным лицам, по грустным улыбкам, тихому шепоту и взглядам, которыми мои близкие обмениваются между собой. Да я и сама чувствую, как он меня уносит.

Поток.

Я уплываю по реке времени. Понятия, которыми я мерила жизнь — все эти минуты, секунды, часы, дни — не имеют больше ни малейшего смысла. Просто слова. Остались только мгновения.

Марк приносит мне фотографию. Я узнаю снимок прежде, чем успеваю его рассмотреть. Он мне нравился, да и сейчас нравится — археологические раскопки, много лет назад.

— Где ты ее взял?

— Она была у меня, — робко отвечает он, ероша рукой длинные, выгоревшие от солнца волосы. — Все время, пока я путешествовал. Надеюсь, ты не сердишься?

— Наоборот, рада.

— Мне хотелось иметь твою фотографию. А эту я любил с детства. Ты на ней такая счастливая.

— А я и была счастливой. — Еще раз смотрю на фото и ставлю его на тумбочку у кровати, чтобы было на глазах.

* * *

Просыпаюсь. Марк стоит у окна и смотрит вдаль, на пустошь. Сперва мне кажется — Руфь тоже где-то здесь, но нет, ошибаюсь. Это кто-то еще. Она появилась совсем недавно. И с тех пор не уходит. Никто не видит ее. Она ждет меня, я знаю, и я почти готова. Сегодня рано утром я записала для Марка последнюю кассету. Теперь все сказано и все сделано. Я нарушила клятву, и очень скоро внук узнает мой секрет.

Марк чувствует, что я проснулась. Поворачивается. Улыбается. Такой знакомой, широкой, сияющей улыбкой.

— Грейс.

Он отходит от окна и останавливается рядом со мной.

— Хочешь чего-нибудь? Пить?

— Да, — говорю я.

Я разглядываю его: худощавая фигура в очень свободной одежде. Джинсы и футболка — униформа молодых в наши дни. Глядя на своего внука, я вижу мальчишку, который ходил за мной из комнаты в комнату и требовал рассказать о местах, где я побывала, о древностях, которые нашла, о большом доме на холме, о детях и об их Игре. Вижу юношу, который обрадовал меня, сказав, что хочет сделаться писателем. Просил читать его книги, ценил мое мнение. И мужчину, замкнувшегося в своем горе, безутешного. И отвергающего утешение.

Я слегка приподнимаюсь, откашливаюсь. Мне надо с ним поговорить.

— Марк.

Он глядит на меня из-под русой челки.

— Что, Грейс?

Я внимательно всматриваюсь в его глаза. Что ищу? Наверное, правду.

— Как ты?

К его чести он не делает вид, будто не понял. Садится рядом, поправляет мне подушки, приглаживает волосы, подает стакан воды.

— Думаю, уже лучше.

Так много надо ему сказать! А сил совсем не осталось. Я только киваю.

Приходит Урсула. Чмокает меня в щеку. Я хочу открыть глаза, сказать ей спасибо за то, что помнит Хартфордов, не дает им затеряться в прошлом — и не могу. Гостью развлекает Марк. Я слышу, как он благодарит ее за видеокассету, уверяет, что я буду страшно рада, что всегда с любовью говорю об Урсуле. Интересуется, как прошла премьера.

— Сногсшибательно! — рапортует она. — Я, конечно, психовала, как и положено, но все прошло без сучка без задоринки. Даже есть уже пара отзывов.

— Я видел, — отзывается Марк. — Очень неплохая статья в

«Гардиан». Назвали фильм «запоминающимся», «неуловимо прекрасным». Мои самые искренние поздравления.

— Спасибо, — говорит Урсула, и я мысленно вижу, как она улыбается: смущенно и гордо.

— Грейс жалела, что не смогла пойти.

— Я тоже. Было бы здорово, если бы она пришла. Зато приехала моя собственная бабушка, — оживает Урсула. — Из Америки.

— Ух ты! — удивляется Марк. — Какая преданная бабушка.

— Скорее, романтическая. Это ведь она когда-то рассказала мне историю Хартфордов. Она им дальняя родня. Троюродная сестра, если не ошибаюсь. Родилась в Англии, а потом их семья переехала в Америку, когда отец погиб во время первой мировой.

— Тем более прекрасно, что она смогла приехать и посмотреть, на что она вас вдохновила.

— Я не смогла бы остановить ее, даже если бы и пыталась, — хохочет Урсула. — Бабушка Флоренс не знает, что такое «нет».

Урсула подходит ко мне. Я чувствую. Берет с тумбочки фотографию.

— Я такую раньше не видела. Правда, Грейс тут очень симпатичная? А кто это рядом с ней?

Марк улыбается — я слышу по голосу.

— Это Альфред.

Пауза.

— Моя бабушка тоже не промах, — с любовью в голосе объясняет Марк. — В шестьдесят пять, к ужасу мамы, нашла себе мужчину. Верней, это он ее нашел. Они были знакомы много лет назад.

— Как романтично, — вздыхает Урсула.

— Да, — соглашается Марк. — Альфред мне нравился. Они не расписывались, но прожили вместе почти двадцать лет. Грейс часто повторяла, что когда-то упустила его и не собирается повторять одну ошибку дважды.

— Звучит вполне в ее стиле.

— Альфред любил поддразнивать ее: хорошо, говорил, когда жена — археолог. Чем старше он становится, тем он ей интересней.

Урсула хохочет.

— А что с ним теперь?

— Уснул и не проснулся, — отвечает Марк. — Девять лет назад. Тогда Грейс и переехала сюда.

* * *

Из открытого окна веет теплый ветерок, обдувает лицо. Наверное, полдень.

Марк здесь. Уже некоторое время. Я слышу, как рядом со мной поскрипывает по бумаге ручка. Иногда он вздыхает. Слишком часто. Встает, подходит к окну, выходит в коридор, в туалет.

Потом приходит Руфь. Садится на край кровати, гладит меня по щеке, целует в лоб. Я чувствую аромат пудры «Коти».

— Ты что-то пишешь? — осторожно спрашивает она у Марка. Даже голос дрожит.

Будь снисходителен, Марк. Она ведь старается...

— Пока сам не знаю. — Марк некоторое время молчит. — Так, задумки.

Я слышу их дыхание. Ну, скажите же что-нибудь.

— Про инспектора Адамса?

— Нет, — быстро отвечает Марк. — Совсем новая тема.

— Какая же?

— Грейс прислала мне несколько кассет.

— Кассет?

— Что-то вроде звуковых писем.

— Она мне не рассказывала, — тихо говорит Руфь. — И о чем же они?

— О разном.

— И... обо мне тоже?

— Иногда. Бабушка рассказывает и о прошлом, и о настоящем. Она прожила удивительную жизнь, не правда ли?

— Правда, — соглашается Руфь.

— Целое столетие. От простой служанки до доктора наук. Мне хочется написать о ней, — признается Марк после паузы. — Ты не против?

— Нет, конечно. Почему я должна быть против?

— Не знаю... — Кажется, Марк пожимает плечами. — Просто показалось...

— Ошибаешься, — твердо говорит Руфь. — Пиши. Я с удовольствием читаю.

— Мне самому будет интересно. Совсем новый жанр.

— Не детектив. Марк смеется.

— Да уж. Не детектив. История — неизменная и достоверная.

Ах ты мой мальчик! Нет такой истории. Нет и быть не может.

* * *

Я просыпаюсь. Марк рядом со мной на стуле, царапает что-то в блокноте. Поднимает глаза.

— Привет, Грейс. — Он улыбается и откладывает блокнот. — Наконец-то ты проснулась. Я хотел сказать тебе спасибо.

— Спасибо? За что?

— За кассеты. — Марк берет меня за руку. — За твои рассказы. Я и забыл, как я люблю занимательные истории. Читать их и слушать, и сочинять... С тех пор, как Ребекка... Я совсем... Просто не мог... — Он делает глубокий вдох и пытается улыбнуться и договорить:

— Я забыл, как это интересно

Счастье — или надежда? — с мягким жужжанием поднимается откуда-то из-под ребер. Мне хочется подбодрить Марка. Объяснить ему, что время — и впрямь лучший лекарь. Умелый и опытный. Я пытаюсь заговорить, но Марк ласково приказывает:

— Молчи.

Он ласково гладит меня по лбу.

— Тебе надо отдыхать, Грейс.

Я закрываю глаза и лежу. Долго? Не знаю. Сплю? Не уверена.

Потом снова поднимаю веки и говорю:

— У меня еще одна.

Голос хриплый от того, что я почти все время молчу.

— Еще одна кассета.

Я указываю на комод, и Марк открывает ящик. Находит под пачкой фотографий кассету.

— Эта?

Я киваю.

— А где магнитофон?

— Нет, — торопливо говорю я. — Не сейчас. Позже. Он не понимает.

— Оставь на потом, — объясняю я.

Марк не переспрашивает. Сообразил. Прячет кассету в нагрудный карман. Улыбается, подходит, гладит меня по щеке.

— Спасибо, Грейс. Как же я без тебя?

— Хорошо, — шепчу я.

— Обещаешь?

Я уже давно ничего не обещаю. Просто собираю все силы и пожимаю ему руку

* * *

В окне красноватые отблески — закат. В дверях появляется Руфь, под мышкой — сумка, в глазах — озабоченность.

— Я не опоздала?

Марк встает, берет у нее сумку, обнимает.

— Нет, нет, не опоздала.

Мы будем смотреть кино, фильм Урсулы — все вместе. Семейный просмотр. Это Руфь с Марком придумали. Я с удовольствием гляжу, как они договариваются, строят какие-то планы, и не вмешиваюсь.

Руфь подходит поцеловать меня, берет стул, устраивается у моей кровати.

И снова стук в дверь. Урсула.

И еще один поцелуй.

— Как хорошо, что вы пришли! Это Марк, он и вправду обрадован.

— Как я могла пропустить такое событие? — отвечает Урсула. — Спасибо, что пригласили.

Она садится с другой стороны от меня.

— Сейчас, только шторы задерну, — говорит Марк. — Готовы?

В комнате темнеет. Марк берет еще один стул и садится возле Урсулы. Шепчет что-то, она смеется. Мне тепло рядом с ними.

Играет музыка — начало фильма. Руфь придвигается ближе, берет меня за руку. На экране автомобиль, мы издали наблюдаем, как он едет по проселочной дороге. На передних сиденьях мужчина и женщина, курят. На ней платье с блестками и боа из перьев. Машина въезжает в ворота и по извилистой дорожке поднимается все выше и выше. И вот он. Дом. Огромный, холодный. Урсула метко схватила и его заброшенность, и остатки былого величия. К автомобилю выбегает лакей. И вот мы уже на кухне. Я узнала пол. Кругом шум. Лопаются пузырьки шампанского. Все волнуются. Вверх по лестнице. Дверь открывается. Через вестибюль, на террасу. Жутковато смотреть на украшенный Ханной сад. Мерцают в темноте китайские фонарики. Гремит джаз-банд, повизгивает кларнет. Гости веселятся, отплясывая чарльстон...

* * *

И тут что-то бахает так, что я просыпаюсь. Это в фильме. Выстрел. Я задремала и проспала финал. Ничего страшного. Я знаю, как кончается это кино: на озере, в имении Ривертон, в присутствии двух очаровательных хозяек Робби Хантер, поэт и герой войны, покончил с собой.

А еще я знаю, что случилось на самом деле...

КОНЕЦ

Наконец-то. В девяносто девять лет моя смерть наконец-то пришла за мной. Перетерлась последняя ниточка, связывающая меня с этим миром, и северный ветер сдувает меня отсюда. Я блекну, растворяюсь.

И пока еще слышу их. Смутно понимаю, что они рядом. Руфь держит меня за руку. Марк лежит поперек кровати. Ногам тепло.

А в окне — кто-то еще. Наконец-то она делает шаг, выступает из тени на свет, и я гляжу на самое прекрасное лицо на свете. Мама? Ханна? И да, и нет...

Она улыбается. Протягивает мне руку. Вся — мир, прощение, милосердие.

Я беру ее за руку.

И вот я у окна. Гляжу на себя, лежащую на кровати: такую древнюю, седую, хрупкую. Пальцы беспокойно двигаются, губы шевелятся, но не могут произнести ни слова.

Грудная клетка поднимается и опадает.

Хрип.

Освобождение.

Руфь ахает.

Марк поднимает глаза.

А я уже далеко.

Ухожу и не оборачиваюсь.

За мной наконец-то пришла смерть. Как хорошо!

ПОСЛЕДНЯЯ ЗАПИСЬ

Проверка. Раз. Два. Три. Кассета для Марка. Четвертая. И последняя. У меня больше нет сил, да и рассказ почти подошел к концу.

Двадцать второе июня тысяча девятьсот двадцать четвертого. День летнего солнцестояния и летнего праздника в Ривертоне.

Под лестницей, в кухне царил настоящий кавардак. В плите гудело неистовое пламя, миссис Таунсенд рывкала на трех деревенских женщин, нанятых ей в помощь. Разглаживая фартук на мощной груди, она сурово надзирала за тем, как ее подданные смазывают маслом сотни крохотных пирожков.

— Праздник! — сказала она, поймав меня, когда я пробежала мимо. — Самое время. — Прядь волос, выбившаяся из пучка, была немедленно отправлена на место. — Лорд Фредерик — упокой, господи, его душу — терпеть не мог приемов, и ясно, почему. Но спросите меня, и я скажу: любому дому время от времени не помешает хорошая вечеринка, а то люди забудут, где он стоит.

— Верно, верно, — закивала самая тощая из деревенских. — Говорят, принц Эдуард приезжает?

— Да кто только не приезжает, — отозвалась миссис Таунсенд, снимая с пирожного волосок. — Наши хозяева — они в самых верхах крутятся.

К десяти Дадли подстриг газоны и передал их в ведение бригады декораторов. Мистер Гамильтон занял пост на террасе, руки его летали, как у дирижера.

— Нет-нет, мистер Браун, — говорил он, взмахивая левой. — Танцплощадку нужно ставить с западной стороны. По вечерам с озера наползает холодный туман, и как раз с востока. — Мистер Гамильтон отступал на шаг, оглядывал сад и недовольно фыркал. — Нет, нет и нет. Там будут ледяные скульптуры. Я же все объяснял вон тому вашему рабочему!

«Тот рабочий» торчал на стремянке, развешивая китайские фонарики от дома до беседки, и при всем желании не имел никакой возможности оправдаться.

Я все утро размещала тех гостей, которые приехали надолго. Из Америки прибыла Джемейма с новым мужем и маленькой Гитой. Жизнь в Штатах явно пошла ей на пользу: она загорела и поправилась еще больше. Из Лондона явились Фэнни и леди Клементина, последняя мрачно

сообщала всем и каждому, что веселиться на открытом воздухе в июне — наживать себе радикулит.

После обеда приехала Эммелин с кучей друзей и произвела настоящий фурор. Все были на машинах и начали сигналить хором еще от самых ворот, а потом принялись наматывать круги вокруг «Амура и Психеи». На одном из автомобилей, прямо на капоте, восседала девушка в ярко-розовом шифоновом платье. Желтый шарф развевался по ветру. Нэнси, спешившая в кухню, чуть все подносы не опрокинула, когда узнала в ней Эммелин.

Но поахать о нравах нынешней молодежи было некогда. Из Ипсвича прибыли ледяные скульптуры, из Саффрона — флорист, а леди Клементина затребовала чай в гостиную — как в старые добрые времена.

Потом приехали музыканты, и Нэнси провела их через кухню на террасу.

— Негры! — охнула миссис Таунсенд, с ужасом вытаращив глаза. — В Ривертоне! Нет, леди Эшбери точно бы в гробу перевернулась!

— Которая леди Эшбери? — уточнил мистер Гамильтон, с подозрением разглядывая нанятых на вечер официантов.

— Да все подряд! — уверенно заявила миссис Таунсенд.

Наконец день перевалил за середину и начал клониться к вечеру. Похолодало, в сумерках замерцали фонарики — зеленые, красные, желтые.

Я нашла Ханну в бургундской комнате, у окна. Она стояла коленями на кушетке, вглядываясь в южную лужайку. Наблюдала за приготовлениями к празднику, решила я.

— Пора одеваться, мэм.

Она вздрогнула. Облегченно выдохнула. И вот так целый день: подскакивала, как заяц. Хваталась то за одно, то за другое — и ничего не доводила до конца.

— Обожди минутку, Грейс.

Свет заходящего солнца упал на лицо Ханны, щеки у нее заалели.

— Я никогда не обращала внимания, какой красивый вид из этого окна. Правда, необыкновенный?

— Правда, мэм.

— И как это я раньше не замечала?

Мы перешли в спальню, и я начала завивать Ханне волосы. Легче сказать, чем сделать: она вертелась, не давала мне туго накрутить бигуди, и я потеряла кучу времени, переделывая локон за локоном.

Когда с прической наконец-то было покончено, я помогла Ханне одеться. Серебристое шелковое платье на тонких бретельках и с V-образным вырезом облегалo фигуру и спускалось чуть ниже колен.

Пока Ханна одергивала платье, добиваясь, чтобы оно сидело безукоризненно, я подала ей туфли. Самые новые, французские — подарок Тедди. Тоже серебристые, атласные, с ремешками-ленточками.

— Нет, — вдруг сказала Ханна. — Не эти. Я надена черные.

— Но мэм, эти же ваши любимые!

— А черные удобней! — возразила Ханна, натягивая чулки.

— Черные совершенно не подходят к платью!

— Ради всего святого, Грейс! Я сказала черные — значит, черные, не заставляй меня повторять десять раз!

Я вздохнула. Поставила на место серебристые, нашла черные.

— Ну, прости, — тут же извинилась Ханна. — Это я не на тебя. Просто я страшно нервничаю.

— Все в порядке, мэм. Вполне естественно, что вы волнуетесь.

Я сняла бигуди, и волосы светлыми волнами упали на плечи Ханны. Я расчесала их на косой пробор и прихватила у лба бриллиантовой заколкой.

Ханна наклонилась к зеркалу, чтобы надеть жемчужные сережки, и чертыхнулась, уколовшись о застежку.

— А вы не спешите, мэм, — посоветовала я. — Поаккуратней.

Ханна протянула сережки мне.

— У меня сегодня обе руки левые.

Я как раз набрасывала ей на шею длинные нити жемчуга, когда прибыли первые из приглашенных — под окном заворчал автомобиль. Я поправила ожерелье так, чтобы оно спускалось между лопаток к пояснице.

— Ну вот, вы и готовы.

— Надеюсь. — Ханна придирчиво осмотрела себя в зеркало. — Только бы я ничего не забыла.

— Это вряд ли, мэм.

Кончиками пальцев Ханна разгладила брови, стараясь, чтобы они лежали ровной линией. Приподняла одну из жемчужных нитей, снова опустила на место. Шумно вздохнула.

За окном взвизгнул кларнет.

— О боже! — схватившись за сердце, вскрикнула Ханна.

— Наверное, это очень волнующе, мэм, — осторожно предположила я. — Видеть, как все ваши фантазии сбываются.

Ханна резко повернулась ко мне — будто хотела что-то сказать. Сдержалась. Сжала подкрашенные губы.

— Грейс, я хочу кое-что тебе подарить.

— Но мой день рождения еще не скоро, мэм, — растерялась я.

Ханна улыбнулась, выдвинула ящик стола. Повернулась ко мне, держа

подарок в руке. Покачала его на цепочке над моей раскрытой ладонью, отпустила.

— Да что вы, мэм! Это же ваш медальон!

— Был мой. А теперь твой.

Я даже не сообразила сразу же вернуть его обратно. Настолько все было неожиданно.

— О нет, нет, мэм. Нет, благодарю вас. Ханна твердо отвела мою протянутую руку.

— Возьми. За все, что ты для меня сделала. Поняла ли я уже тогда, что слышу слова прощания?

— Это ведь моя работа, мэм, — сбивчиво бормотала я.

— Возьми медальон, Грейс, — настаивала Ханна. — Пожалуйста.

Прежде чем я придумала, что возразить, в дверях вырос Тедди. Высокий и гладкий в своем черном костюме; на напыженных волосах — следы от расчески, брови сведены от напряжения.

Я зажала медальон в кулаке.

— Готова? — подрагивая кончиками усов, спросил он у Ханны. — Друг Деборы уже приехал — Сэсил... как его там... фотограф. Хочет, пока есть время, поснимать семью отдельно, без гостей. — Тедди похлопал ладонью по дверному косяку и двинулся дальше по коридору, восклицая:

— Да куда же, черт возьми, запропастилась Эммелин? Дрожащими руками Ханна поправила платье на талии. Натянуто улыбнулась:

— Пожелай мне удачи.

— Удачи, мэм.

К моему изумлению, она шагнула ко мне и поцеловала в щеку.

— И тебе удачи, Грейс.

На мгновение сжала мои руки и поспешила вслед за Тедди, оставив меня одну, с медальоном в кулаке.

* * *

Стоя на лестничной площадке, я наблюдала из окна, как джентльмены и леди — в зеленом, розовом, желтом, синем — собираются на террасе и по каменным ступеням спускаются на лужайку. Гремит джаз; раскачиваются китайские фонарики; официанты мистера Гамильтона, пробираясь сквозь плотную толпу, балансируют на вытянутых руках тяжелыми серебряными подносами с шампанским; Эммелин в леденцово-розовом тацит какого-то

юнца к танцплощадке — отплясывать шимми.

Я все вертела в руках медальон, все разглядывала. Услыхала я тогда, что внутри что-то постукивает, или меня отвлекли мысли о том, почему так нервничает Ханна? Я давно уже не видела ее такой возбужденной, наверное, со времен визита к гадалке.

— Вот ты где! — подле меня выросла Нэнси — запыхавшаяся, с красными щеками. — Одна из помощниц миссис Таунсенд уже валится с ног, некому струдели пудрой посыпать.

* * *

До спальни я добралась только к полуночи. Праздник был в самом разгаре, но миссис Таунсенд отпустила меня при первой же возможности: похоже, мне передалась нервозность Ханны, а такие помощники в переполненной кухне никому не нужны.

По лестнице я еле ползла. Тело гудело — за несколько лет работы камеристкой я здорово разленилась. Натерла мозоли всего за один вечер работы на кухне. Миссис Таунсенд отсыпала мне соды в бумажку — попарить ноги.

В ту ночь от музыки некуда было деваться. Она пронизывала воздух, сотрясала каменные стены. Играла все быстрее и пронзительней по мере того, как разгуливались гости. Даже здесь, на чердаке, я всем телом ощущала тяжелый стук барабанов. С тех пор и по сей день джаз наводит на меня ужас.

Добравшись до последнего этажа, я решила сперва заскочить в спальню — взять рубашку и полотенце — а потом уже пойти в ванную.

Вошла в комнату и словно нырнула в озеро теплого, нагретого за день воздуха. Потянула за выключатель, прохромала к окну и подняла раму.

Несколько минут я просто стояла, вдыхая прохладный воздух с привкусом сигаретного дыма и дамских духов. Медленно выдохнула. Ну все, сейчас приятная, теплая ванна, а потом — спать. Я взяла с туалетного столика мыло и подошла к кровати, где лежала ночная рубашка.

На подушке лежали письма. Два письма.

Одно — мне, другое — Эммелин. На конвертах знакомый почерк.

В тот же миг я ясно поняла, о чем эти письма.

В них — разгадка сегодняшних странностей Ханны.

Я кинула рубашку и схватила конверт с надписью «Грейс». Разорвала

его дрожащими пальцами. Вытащила письмо и почувствовала, как у меня упало сердце.

Скоропись.

Я опустилась на кровать, глядя на листок бумаги, как будто усилием воли пыталась заставить непонятные крючки заговорить. Вся эта секретность еще больше убедила меня в том, что письмо очень важное.

Я схватила второй конверт. Для Эммелин.

Ощупала его.

Колебалась я не больше секунды. Что еще мне оставалось делать?

Господи, прости! Я его распечатала.

* * *

Забыв про натертые ноги, я бегом скатилась по лестнице: сердце бухало, в голове шумело, я не дышала, а всхлипывала в такт музыке — вниз по ступеням, через весь дом, на террасу.

Тут я притормозила, тяжело дыша и высматривая Тедди. Но он затерялся где-то среди пляшущих теней и неясных фигур.

Времени нет. Надо бежать одной.

Я ввинтилась в толпу одинаковых лиц — алые губы, накрашенные глаза, широко разинутые смеющиеся рты. Сигареты, шампанское, цветные фонарики, подтекающие ледяные скульптуры. Танцплощадка. Локти, колени, туфли, машущие руки. Краски. Движение. Кровь стучит в голове. Воздух застревает в горле.

Эммелин! На верхней ступеньке лестницы. Хохочет, закинув голову, в руке — коктейль, жемчужные бусы накинута на шею кавалера, как лассо. У нее на плечах — его пиджак.

Вдвоем лучше, чем одной.

Я остановилась, хватая воздух ртом.

Эммелин выпрямилась, рассмотрела меня сквозь тяжелые веки.

— Грейс, дорогая, — чересчур старательно выговорила она. — А где же твое вечернее п-платье? — Вместо «п» вышло какое-то фырканье, и на Эммелин снова напал приступ смеха.

— Мне надо поговорить с вами, мисс...

Молодой человек что-то прошептал, Эммелин шутливо хлопнула его по носу.

— Очень срочно... — еле выдохнула я.

— Эт-то интересно...

— Наедине... пожалуйста...

Эммелин преувеличено тяжело вздохнула, сняла с кавалера бусы и потрепала его по щеке.

— Стой здесь, Гарри, и ник-куда не уходи! Спотыкаясь на каблуках и повизгивая от смеха, она спустилась к подножию лестницы и заплетающимся языком потребовала:

— Ну, рассказывай, Грейси!

— Дело в том, что Ханна, мисс... она задумала кое-что... кое-что ужасное... там, на озере...

— Нет! — воскликнула Эммелин и наклонилась, дыша на меня джином. — Только не говори мне, что она решила искупаться! То-то здесь крику п-поднимется!

— Нет, мисс она решила утопиться! Я точно знаю!

Улыбка сползла с лица Эммелин, она вытаращила глаза.

— А?!

— Я нашла записку, мисс. Я сунула листок ей в руку.

Эммелин пошатнулась и хрипло спросила:

— А... ты... Тедди?..

— Времени нет, мисс.

Я схватила ее за руку и потащила за собой.

* * *

Кусты в запущенном саду выросли уже выше головы, и в аллее царила кромешная тьма.

Возле сада Эгесков у Эммелин сломался каблук, она пошатнулась и упала.

Я споткнулась об нее и чуть не рухнула сверху, но удержалась и хотела помочь ей подняться.

Эммелин оттолкнула мою протянутую руку, вскочила и побежала дальше.

В саду что-то захрустело — мне показалось — зашевелилась одна из скульптур. Скульптура вскрикнула, потом захихикала и оказалась влюбленной парочкой, сбжавшей подальше от толпы. Они сделали вид, что не заметили нас, мы — их.

Дальняя калитка оказалась открытой, мы выскочили на лужайку — к

фонтану. В небе сияла полная луна,

Икар и его русалки таинственно мерцали в белесом свете. Звуки музыки и крики гостей как будто приблизились.

За фонтаном живая изгородь не росла, стало светлей, и мы побежали быстрее. Вот, наконец, ограждение, знак «Проход воспрещен», озеро.

Мы замерли, тяжело дыша и осматриваясь. Озеро мирно блестело под луной. Летний домик и каменистый берег купались в лучах жемчужного света.

Эммелин коротко вздохнула — будто всхлипнула.

Я проследила за ее взглядом.

На прибрежной гальке стояли черные туфли Ханны. Те самые.

Эммелин вскрикнула и кинулась к ним. Лунный свет оттенял ее бледность, мужской пиджак казался огромным на хрупкой фигурке.

Из летнего домика послышался шорох. Дверь отворилась.

Мы с Эммелин разом оглянулись.

Женщина. Ханна. Живая.

— Ханна! — задохнулась Эммелин. Искаженный алкоголем и паникой голос эхом отразился от озера.

Ханна, не шевелясь, застыла на пороге. Оглянулась на домик, снова на Эммелин.

— Что вы здесь делаете? — напряженно осведомилась она.

— Тебя спасаем... — ответила Эммелин и истерически расхохоталась. От облегчения.

— Уходите, — торопливо попросила Ханна. — Возвращайтесь обратно.

— Чтобы ты тут утопилась?

— Я вовсе не собиралась топиться, — сказала Ханна и снова оглянулась назад.

— Что ты здесь делаешь? Проветриваешь обувь? — Эммелин помахала туфлями Ханны. — Я прочла твое письмо.

— Письмо? Это... шутка. — Ханна нервно сглотнула. — Игра.

— Игра?!

— Ты должна была найти его позже. — Ее голос окреп, зазвучал уверенней. — Понимаешь, я задумала игру, на завтра.

— Вроде поисков клада?

— Вроде того.

Я чуть не упала. Так письмо было ненастоящее! Просто часть игры! А то, что для меня? Может быть, Ханна просила меня помочь? Потому и нервничала — не из-за праздника, а из-за игры?

— А сейчас я прячу подсказки, — продолжала Ханна. Эммелин растерянно моргала. Потом вздрогнула всем телом и громко икнула.

— Игра, — медленно повторила она еще раз. — Да.

Эммелин бросила туфли на землю и расхохоталась.

— А почему ты мне ничего не сказала? Я обожаю такие игры! Как здорово ты придумала!

— Возвращайся к гостям, — предложила Ханна. — И никому ни о чем не рассказывай.

Эммелин повернула на губах воображаемый замочек. Крутнулась на каблуках и побрела по камням обратно к тропинке. Подойдя ко мне, она недовольно скривилась.

— Простите, мисс, — прошептала я. — Я думала, оно настоящее.

— Тебе просто повезло, что ты окончательно все не испортила. — Эммелин неуклюже опустилась на большой камень, закуталась в пиджак. — А так я всего лишь растянула лодыжку и пропустила половину праздника. Хорошо бы хоть фейерверк посмотреть.

— Я помогу вам дойти обратно.

— Да уж пожалуйста, — отозвалась Эммелин.

Мы посидели минутку, в отдалении все так же гремела музыка, смешиваясь с радостными криками гостей. Эммелин растирала лодыжку и время от времени топала по земле, примериваясь, чтобы встать.

Над болотами уже поднимался утренний туман, медленно плыл к озеру. Впереди очередной жаркий день, хотя ночь была прохладной. Вот и туман тому доказательство.

Эммелин передернулась, откинула полу пиджака, порылась во внутреннем кармане. К подкладке что-то крепилось — черное, блестящее. Блеснуло в лунном свете. Я так и ахнула — пистолет!

Моя реакция и озадачила и рассмешила Эммелин.

— Ты что, пистолета никогда не видела? Ты в каком мире живешь, Грейс?

Она достала оружие из пиджака, покрутила в руках, протянула мне.

— На, поддержи!

Я покачала головой, Эммелин засмеялась. Лучше б я никогда не находила этих писем! Лучше бы Ханна никогда их не писала!

— Может, ты и права, — икая, согласилась Эммелин. — Пистолеты, вечеринки. Не самый лучший коктейль.

Она сунула пистолет обратно в карман, пошарила в других и нашла, наконец, что искала. Серебристую фляжку. Открутила крышку и, запрокинув голову, долго пила.

— Милашка Гарри, — сказала она, утирая губы. — Готов к любым неожиданностям. — Эммелин сделала еще один хороший глоток и спрятала фляжку на место. — Ну ладно, пойдем. Вроде, уже полегче.

Я помогла ей подняться и невольно согнулась, когда Эммелин навалилась на мое плечо.

— Вот так, хорошо, — пробормотала она. — Если ты еще...

Я подождала.

— Мэм?..

Эммелин вскрикнула, и я подняла голову. Она смотрела назад, на озеро. У летнего домика появилась Ханна, да не одна. Рядом с ней стоял мужчина с сигаретой в зубах. Он держал небольшой чемодан.

Эммелин узнала его раньше, чем я.

— Робби, — сказала она, забыв о своей лодыжке. — Господи, боже ты мой — это же Робби!

* * *

Эммелин неловко поковыляла обратно на берег. Я осталась на месте.

— Робби, — крикнула она и замахала рукой. — Робби, иди сюда!

Ханна и Робби застыли на месте. Посмотрели друг на друга.

— Откуда ты взялся? — возбужденно расспрашивала Эммелин. — И почему, скажи на милость, подъехал не к дому, а сюда, к озеру?

Робби глубоко затянулся, нервно смял сигарету, выдохнул.

— Пойдем скорее на праздник! Выпьем чего-нибудь! Робби все косился на противоположный берег. Я проследила за его взглядом — на той стороне озера поблескивало что-то металлическое. Мотоцикл, догадалась я.

— А-а-а! Я поняла! — обрадовалась Эммелин. — Ты помогаешь Ханне прятать подсказки!

Ханна шагнула из тени на свет.

— Эмми...

— Пойдемте в дом! — возбужденно тараторила та. — Найдем Робби комнату, пусть поставит вещи.

— Робби никуда не пойдет, — отрезала Ханна.

— Почему это? Конечно, пойдет. Он же не будет торчать здесь до утра. — Эммелин закатилась серебристым смехом. — В июне ночи еще совсем холодные.

Ханна и Робби обменялись выразительными взглядами.

Эммелин начала что-то соображать. На освещенном луной лице отразилось сначала смущение, потом внезапная догадка. Лондон, ранние приходы Робби... Да ведь ее просто использовали!

— Это никакая не игра, так? — тихо спросила она.

— Так.

— А письмо?

— Ошибка, — ответила Ханна.

— Зачем ты его написала?

— Чтобы ты не гадала, куда я делась. — Ханна посмотрела на Робби. — Куда мы делись.

Эммелин замолчала.

— Нам пора, — сказал Робби, поднял чемодан и пошел к озеру. — Уже совсем поздно.

— Пожалуйста, Эмми, пойми, — попросила Ханна. — Помнишь, ты сама говорила, что мы должны жить каждая своей жизнью? — Она заторопилась — Робби махал ей, подзывая к себе. Ханна спиной вперед начала отступать к озеру. — Я не могу сейчас объяснять — времени нет. Но я обязательно напишу тебе, и ты приедешь к нам в гости.

Она наконец повернулась и, бросив на сестру еще один, последний, взгляд, побежала вдоль по берегу вслед за Робби.

Эммелин стояла неподвижно, засунув руки в карманы пиджака. Потом покачнулась, ее забила крупная дрожь.

И тут...

— Нет, — голос Эммелин прозвучал так тихо, что я едва ее услышала. — Нет. Стойте! — вдруг крикнула она.

Ханна повернулась. Робби взял ее за руку, пытаясь утащить за собой. Она шепнула ему что-то, шагнула назад.

— Я вас не пущу, — предупредила Эммелин.

Ханна снова подошла к сестре.

— Пустишь, — твердо ответила она.

Рука Эммелин скользнула во внутренний карман.

— Нет.

И выдернула руку. Что-то блеснуло. Пистолет.

Ханна вскрикнула.

Робби рванулся к ней.

У меня отчаянно заколотилось сердце.

— Я тебе Робби не отдам. — Эммелин дрожащей рукой подняла пистолет.

Ханна часто задыхалась — мертвенно-бледная в лунном свете.

— Не будь дурочкой, Эмми.

— Я не дурочка.

— Тогда опусти пистолет.

— Нет.

— Ты же все равно не выстрелишь.

— Выстрелю.

— И в кого же из нас? — спросила Ханна.

Робби уже стоял рядом с ней, и Эммелин с дрожащими губами переводила взгляд с одного на другого.

— Ни в кого, — продолжала Ханна. — Ведь правда?

Лицо Эммелин искривилось, и она всхлипнула:

— Правда.

— Вот и убери пистолет.

— Нет!

Я не смогла сдержать стоны — трясущимися пальцами Эммелин поднесла оружие к виску.

— Эммелин! — воскликнула Ханна.

Эммелин уже рыдала, сотрясаясь всем телом.

— Отдай мне пистолет, — просила Ханна. — Давай поговорим. Все уладим.

— Как? — хриплым от слез голосом крикнула Эммелин. — Ты вернешь мне Робби? Или заберешь его себе — как забрала их всех? Па, Дэвида, Тедди?

— Ты ошибаешься, — пыталась возразить Ханна, но Эммелин ничего не слышала:

— Хватит! Теперь моя очередь!

И тут что-то грохнуло. Фейерверк. Все подпрыгнули. Лица заалели, сотни красных огоньков отразились в озере.

Робби закрыл глаза руками.

Ханна метнулась вперед, выхватила пистолет из ослабших пальцев Эммелин. Отскочила.

Эммелин бросилась к ней, лицо — маска из помады и слез.

— Отдай! Отдай, а то закричу! Если вы уйдете, я всем все расскажу! Расскажу, что вы сбежали, и Тедди тебя найдет, и...

Бах! На этот раз зеленый.

— ...никуда не пустит. Он запрет тебя дома, и ты никогда больше не увидишь Робби, и...

Бах! Серебряный.

Ханна запрыгнула на какую-то кочку. Эммелин, рыдая, бежала к ней.

Гремел салют.

Звуки музыки неслись над деревьями, над озером, над недостроенным летним домиком.

Робби втянул голову в плечи, зажал ладонями уши и стоял — бледный, с расширенными глазами.

Он зашевелил губами — слов не было слышно — и показал Ханне на Эммелин.

Бах! Красный.

Робби дрожал, кричал что-то. Лицо исказила паника.

Ханна испуганно обернулась к нему. Она-то все слышала. Уверенность ее куда-то исчезла.

Фейерверк кончился, с неба падали последние звездочки.

Тут и я услышала, что кричит Робби.

— Стреляй же! Стреляй! — надрывался он.

Кровь заледенела у меня в жилах.

Эммелин остановилась, как вкопанная.

— Ханна? — словно маленькая девочка, всхлипнула она. — Ханна!

— Стреляй в нее! — кричал Робби. — Она все испортит!

Он побежал к Ханне.

Та, не веря своим глазам, уставилась на него.

— Стреляй!

Робби будто с ума сошел.

— Я не могу, — ответила наконец Ханна. У нее затряслись руки.

— Тогда отдай мне пистолет. — Он подбежал уже совсем близко. — Я смогу.

Даже я поняла — и впрямь сможет. Отчаяние и решимость были написаны у него на лице.

Эммелин будто очнулась. Снова рванулась к сестре.

— Я не могу, — повторила Ханна.

Робби попытался выхватить у нее пистолет; Ханна отдернула руку, откинулась назад и вскарабкалась еще выше.

— Стреляй! — требовал Робби. — Или давай мне!

Ханна стояла на самой вершине кочки. Эммелин и Робби перед ней. Она переводила взгляд с одного на другого. Бежать было некуда.

Две вершины треугольника, не связанные третьей, расходились все дальше и дальше. Упругая нить достигла своего предела.

Она не порвалась.

Она стянулась обратно.

Вершины стремительно рванулись навстречу друг другу — верность,

преданность, родная кровь. Столкновение. Катастрофа.

Ханна выбрала цель и спустила курок.

Кровь. Как много крови. На платьях, на лицах, в волосах.

Пистолет упал. Стукнулся о камни.

Ханна стояла рядом, пошатываясь.

Робби лежал на берегу. Вместо головы — каша из крови, костей, мозга.

Я стояла, оцепенев, в ушах грохотал пульс, меня бросало то в жар, то в холод. Потом затошнило.

Эммелин зажмурилась. Она не плакала, нет, уже нет. Вместо этого она издавала страшный звук, которого я никогда не забуду. Жуткое, сдавленное сипение. Воздух не проходил в стиснутое горло.

Не знаю, сколько прошло времени, как вдруг позади меня послышались голоса. Смех.

— Почти пришли, — донеслось до нас. — Сейчас сами увидите, лорд Гиффорд. Лестница еще не доделана — чертовы французы с их проволочками, но все остальное на высшем уровне.

Я вытерла рот и выскочила на берег из своего укрытия.

— Тедди идет, — сказала я, ни к кому не обращаясь. Разумеется, я была в шоке. Мы все были в шоке. — Тедди идет.

— Поздно, — сказала Ханна, яростно отряхивая волосы, обтирая лицо, шею. — Слишком поздно.

— Тедди идет, мэм.

Меня трясло.

Эммелин открыла глаза. Серебристо-голубая вспышка в темноте. Она встряхнулась, выпрямилась, нашла взглядом чемодан Ханны.

— Отнеси домой, — хрипло приказала она. — В обход.

Я заколебалась.

— Бегом.

Я кивнула, схватила чемодан и побежала в гущу деревьев. Голова отказывалась соображать. Я снова забежала в тень, остановилась, обернулась. Зубы стучали.

Тедди и лорд Гиффорд по тропинке вышли на берег.

— О господи! — Тедди резко остановился. — Что здесь...

— Тедди, милый, слава богу! — Порывисто обернулась к нему Эммелин и неожиданно ровным голосом объяснила:

— Мистер Хантер застрелился.

Письмо

Сегодня я умру и наконец-то заживу по-настоящему.

Я расскажу все тебе и только тебе. Ты была со мной все эти годы и имеешь право знать, что, когда озеро обыщут в поисках тела, никто ничего не найдет. Я жива и здорова.

Мы начнем с Франции, а потом — куда глаза глядят! Неужели я, наконец, увижу маску Нефертити?

Оставляю тебе второе письмо, для Эммелин. Это предсмертная записка, хотя я вовсе не собираюсь умирать. Она должна обнаружить его завтра. Не раньше. Присмотри за ней, Грейс, ладно? Она быстро утешится. У нее так много друзей!

Окажи мне еще одну услугу. Это очень важно. Что бы ни случилось, держи сегодня Эммелин подальше от озера. Мы с Робби стартуем именно оттуда. И я боюсь, что она на нас наткнется. Она не поймет. Пока не поймет.

Я обязательно напишу ей. Как только все уляжется.

И последнее. Может быть, ты уже заметила, что медальон, который я тебе подарила — не пустой? Внутри ключ, секретный ключ к сейфу в банке Драммонда на Чаринг-кросс. Сейф на твое имя, Грейс, и все, что в нем лежит — твое. Я знаю, как ты относишься к подаркам, и все-таки прошу тебя — прими его и не оборачивайся назад. Не слишком нахально с моей стороны сказать, что это — твой билет в новую жизнь? Прощай, Грейс. Желаю тебе долгой жизни, полной приключений и любви. Пожелай мне того же самого...

Я знаю: ты умеешь хранить секреты.

БЛАГОДАРНОСТИ

Я выражаю свою признательность: В первую очередь *Ким Уилкинс*, моей лучшей подруге, без чьей поддержки я никогда бы не начала и, уж тем более, не закончила бы эту книгу.

Дэвину — за сочувствие, терпение и веру.

Оливеру — за то, что вывел меня из творческого тупика.

Моей семье: *Уоррену*, *Дженни*, *Джулии* и в особенности нашей маме — *Диане*, чья красота и бесстрашие вдохновляли меня во время работы.

Герберту и *Рите Дэйвис*, дорогим друзьям, за интересные истории. Вы замечательные!

Моему непревзойденному литературному агенту, *Селве Энтони*, чью помощь, заботу и профессионализм трудно переоценить.

Селене Ханет-Хатчинс за неоценимую помощь.

Всем-всем-всем в издательстве «Аллен и Ануин», особенно *Аннет Барлоу*, *Кэтрин Милн*, *Кристе Маннс*, *Кристен Корнелл*, *Джулии Ли* и *Анжеле Намои*.

Джулии Стайлс за самую лучшую редактуру в мире.

Дэлери и *Лэйни* за помощь с *Оливером* (не верю, что кто-то любит детей еще сильнее!), спасибо, что подарили мне время для работы.

Хорошим людям у *Мэри Райан* — за то, что любят книги и варят прекрасный кофе.

Спасибо *Мирко Раделсу*, который отвечал на мои вопросы о музыке и опере, *Дрю Уайтхед* — за рассказ о *Мариам* и *Аароне*, *Элейн Рутерфорд* — за медицинскую информацию, а *Диане Мортон* — за многочисленные разъяснения по истории и традициям.

И напоследок я не могу не упомянуть *Берил Попп* и *Дульси Коннели*, двух бабушек, любимых и незабвенных. Думаю, что *Грейс* унаследовала по чуть-чуть от каждой из вас.

КЕЙТ МОРТОН родилась и выросла в горах юго-западного Квинсленда. Изучала театральное искусство и английскую литературу, сейчас обучается в докторантуре университета Квинсленда. Проживает в Брисбэйне, замужем, имеет сына.

Подробнее о Кейт Мортон и ее книгах вы можете узнать на сайте www.katemorton.com

notes

Примечания

1

Веджвуд — тип фарфора и фаянса компании «Веджвуд», основанной в 1759 г. Дж. Веджвудом. — Здесь и далее прим. переводчика.

2

Асквит, Герберт Генри (1852–1928), английский государственный деятель, один из лидеров либеральной партии, с 1908 по 1916 г. — премьер-министр Великобритании.

3

Поэма Альфреда Теннисона (1809–1892), повествующая о прекрасной даме, умирающей от неразделенной любви.

4

Августовский день отдыха — последний понедельник августа; официальный выходной день; с 1981 г. называется летним днем отдыха.

5

...мастер Дэвид тогда учился ездить верхом. — Слово мастер (можно перевести как господин) ставится перед именем или перед фамилией старшего сына, например: Master David.

6

Суп «под черепаху» — суп из телячьей головы, напоминающий по вкусу черепаховый.

«Сладкое мясо» — блюдо из зубной и поджелудочной желез.

7

Миссис Симпсон — Уоллис Уорфилд Симпсон, затем Уорфилд-Спенсер (1896–1986) — дважды разведенная американка, ради которой король Эдуард VIII оставил британский престол.

8

Белое перо — символ трусости. — В военное время, в частности в первую мировую войну, молодым мужчинам, избегавшим военной службы, иногда давали или посылали белые перья. Выражение пришло из петушиных боев. Было замечено, что петухи с красной и черной окраской вырывают перья из хвостов более трусливых белых петухов.

9

Пасхендале (Пашендаль) — место сражения 30 октября 1917 г. в ходе третьей Ипрской операции, самой тяжелой для англичан за всю войну — их потери составили двести сорок тысяч убитыми и ранеными.

10

У. Блейк, «Бракосочетание ада и рая»: «Мильтон... был прирожденным Поэтом и, сам не зная того, сторонником Дьявола», (пер. А. Сергеева).

11

«Была б ты единственной девушкой в мире...» — популярнейшая песня, впервые исполненная в 1916 г. Джорджем Роби и Вайолет Лорейн в одном из лондонских мюзиклов.

12

Савил-роу — улица в Лондоне, где расположены ателье дорогих мужских портных.

13

Баттерскотч — сладкий соус из сливочного масла и жженого сахара.

«Умеренные» — принятое в прессе и политической литературе название правых лейбористов.

«Дебретт» — ежегодный справочник дворянства. Издается с 1802 г., назван по фамилии первого издателя Дж. Дебретта.

Гросвенор-сквер — большая площадь в центральной части Лондона; на ней находится здание американского посольства и дипломатические представительства некоторых стран (известна также как «Маленькая Америка»).

Хайт-Эшбери — район в центральной части Сан-Франциско, ставший известным в 60-е гг. как место сборищ хиппи и центр нарркокультуры, что отразилось в одном из его прозвищ — «Гашишбери». Место проведения «Лета любви» (1967) и других эпатажных акций тех лет.

Карнаби-стрит — улица в Лондоне; известна магазинами модной одежды, преимущественно для молодежи.

Чайный магазин Гантера был единственным местом в Лондоне, где леди могла посидеть в компании друзей, в том числе противоположного пола, не рискуя себя скомпрометировать.

«Театр Ее Величества» — здание на улице Хеймаркет в стиле барокко с медным куполом. Театр открылся в 1897 г. при королеве Виктории.

«В полях Фландрии» — стихотворение майора Джона Маккри, посвященное памяти солдат, погибших в первую мировую войну, и широко известное во всем англоязычном мире.

Литтон Стрейчи (1880–1932) — английский историк, биограф, литературный критик. Книги: «Выдающиеся викторианцы», «Королева Виктория» и др.

«...К чему же медлить,
Ржаветь и стынуть в ножнах боязливых,
Как будто жизнь — дыханье, а не подвиг»

А. Теннисон, «Улисс», пер. Г. Кружкова. Известное высказывание А. Теннисона.

«Клариджес» — одна из самых известных лондонских гостиниц высшего класса в районе Мейфэр.

Коллинз, Майкл (1890–1922) — ирландский политический и государственный деятель, участник Ирландского восстания, в 1922 г. — премьер-министр Ирландии. Был убит своими бывшими соратниками из ИРА, недовольными его компромиссами с британским правительством.

Ситуэллы: Эдит, Осберт и Сэчевэрел — три английских поэта одного направления. Из них наибольшей известностью пользовалась Эдит. Известность этой поэтической семьи началась в годы войны, когда Эдит и Осберт С. начали издавать ежегодную антологию современной поэзии «Wheels» («Колеса»). Все трое являются представителями модернизма в английской поэзии.

Клейдесдальская порода лошадей — порода крупных тяжеловозов преимущественно гнедой масти. Выведена в долине Клайд, графство Ланаркшир, Шотландия.

Оксюморон — сочетание противоположных по значению слов.

Table of Contents

[Кейт Мортон Когда рассеется туман](#)

[ЧАСТЬ 1](#)

[Сценарий фильма](#)

[Письмо](#)

[ДУХИ ПРОШЛОГО](#)

[ГОСТИНАЯ](#)

[ДЕТСКАЯ](#)

[В ОЖИДАНИИ КОНЦЕРТА](#)

[СПЛОШНЫЕ УСПЕХИ](#)

[НА ГЛАВНОЙ УЛИЦЕ](#)

[НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ](#)

[ДО ВСТРЕЧИ!](#)

[ЧАСТЬ 2](#)

[ДВЕНАДЦАТОЕ ИЮЛЯ](#)

[«ПАДЕНИЕ ИКАРА»](#)

[Сценарий фильма](#)

[ФОТОГРАФИЯ](#)

[БАНКИРЫ](#)

[ОБЕД](#)

[УДАЧНЫЙ БРАК](#)

[ПОСЛЕ БАЛА](#)

[ЧАСТЬ 3](#)

[ЛОВЛЯ БАБОЧЕК](#)

[ВНИЗ ПО КРОЛИЧЬЕЙ НОРЕ](#)

[В БЕЗДНЕ](#)

[ВОСКРЕШЕНИЕ](#)

[ВЫБОР](#)

[ЧАСТЬ 4](#)

[ИСТОРИЯ ХАННЫ](#)

[НАЧАЛО КОНЦА](#)

[У СЕБЯ В ГОСТЯХ](#)

[БЕЗВРЕМЕНЬЕ](#)

[КОНЕЦ](#)

[ПОСЛЕДНЯЯ ЗАПИСЬ](#)

[БЛАГОДАРНОСТИ](#)

Примечания

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

17

18

19

20

21

22

23

24

25

26

27